

**Следственный комитет Российской Федерации
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации
Союз ветеранов следствия**

**Следственный комитет Российской Федерации
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации
Союз ветеранов следствия**

СЛЕДСТВИЕ СКВОЗЬ ГОДЫ...

(воспоминания ветеранов следствия)

Выпуск 3

Москва 2023

УДК 82-94
ББК 84-44я43

С 47 **Следствие сквозь годы...** (Воспоминания ветеранов следствия).
Выпуск 3 / Авт-сост. В.А. Рева и др., под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.,
Издательский Дом «Славянка», 2023. – 368 с.

ISBN 978-5-6041553-2-5

Под общей редакцией А.И. Бастрыкина, Председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерала юстиции Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации.

Составители:

В.А. Рева, ветеран следствия, старший советник юстиции;

А.А. Бессонов, и.о. ректора Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции, к.ю.н., доцент;

А.В. Хмелёва, и.о. руководителя управления научно-исследовательской деятельности (НИИ криминалистики) Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации.

Третий выпуск серии книг «Следствие сквозь годы...» – это новый сборник рассказов-воспоминаний ветеранов следствия, состоящих в Национальной Ассоциации организаций ветеранов следственных органов «Союз ветеранов следствия» при Следственном комитете Российской Федерации, и действующих сотрудников Следственного комитета, которые на примере конкретных, расследованных ими уголовных дел, поведают о непростой, ответственной и вместе с тем интересной и в чем-то романтической профессии следователя.

Книга адресована всем, кто хочет посвятить или уже посвятил себя профессии следователя, студентам и преподавателям юридических вузов, практикующим специалистам и широкому кругу читателей.

Воспроизведение всей книги или какой-либо ее части любыми средствами, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения авторов.

© А.И. Бастрыкин, В.А. Рева, А.И. Кондратов, А.В. Дробинин, В.И. Калиниченко, А.В. Хмелёва, А.Н. Никонов, М.В. Лебедев, В.М. Самороковский, текст, 2023

Уважаемые читатели! Дорогие друзья!

Представляю вам третий выпуск серии книг «Следствие сквозь годы...». Авторы этого сборника – ветераны следствия, состоящие в общественной организации «Союз ветеранов следствия» при Следственном комитете Российской Федерации, и действующие сотрудники нашего ведомства, за плечами которых десятки лет следственной работы, сотни сложных расследованных уголовных дел о тяжких и иных преступлениях.

Эти рассказы-воспоминания основаны на реальных событиях, а не созданы сценаристами детективных сериалов и телевизионных шоу. Это актуальный диалог с широкой аудиторией. Авторы поведают о своем накопленном за десятилетия служения Отечеству опыте расследования преступлений различных типов, стремясь поделиться этим опытом с идущим ему навстречу молодым поколением. Говоря образно, это всегда встреча в пути и своеобразная «проверка на дорогах».

Наполняя свой текст наряду с фактами реальной действительности элементами художественного письма: размышлениями, сомнениями и самокритикой, оценками, порой и резкими, своих героев и их поступков, авторы сборника не позволяют себе выходить за границы своей судьбы. Логика построения сюжета рассказа-воспоминания ограничена пределами тех событий, которые являются частью биографии автора. Он либо принимал в них непосредственное участие, либо лично наблюдал. Автобиографичность такой прозы, ее документальность, помимо несомненных художественных достоинств, создает историческую ценность книг серии «Следствие сквозь годы...», делая их документами эпохи.

И еще эта книга – о нелегкой и порой опасной, но такой нужной людям и благородной профессии следователя, об ответственности за порученное дело перед обществом и государством и чувстве долга, о стремлении восстановить справедливость и о трудностях, которые приходится преодолевать, чтобы установить истину и изобличить виновных. Рассказы ветеранов следствия, передавая аромат эпохи, дают представление о том, как в прошлом веке, не имея современных экспертных и технических возможностей для доказывания, они успешно расследовали и раскрывали сложнейшие преступления. Эта книга о судьбах следователей, вовлеченных в водоворот событий, о ситуациях, требующих подчас судьбоносного выбора, о мыслях и поступках авторов и их коллег, посвятивших лучшие годы своей жизни следственной работе.

*А.И. Бастрыкин,
Председатель Следственного комитета
Российской Федерации,
генерал юстиции Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

А.И. Кондратов

Жемчужина у моря

Документальная повесть

*40-летию образования следственной части
Прокуратуры Союза ССР посвящается*

Предисловие

Не буду оригинален, начиная этот рассказ, если отмечу, что в следствие должны приходить люди с осознанным выбором этой профессии, и если сначала – не по любви, то уж – никак не по расчету.

К большому сожалению, вымышленный имидж следователя сегодня активно формирует телевидение в многочисленных телесериалах, где искажено буквально всё: и образ следователя, и содержание следственной работы, которые зачастую подменяются образами и действиями сотрудников оперативных служб. В этих же фильмах откровенная демонстрация грубейших нарушений законности при производстве следствия подается как обычное дело, исполняемое всеми участниками процесса (по сценарию и для развития сюжета) во имя достижения ими цели, направленной на установление и задержание преступника. Во имя этой цели способы достижения становятся ее заложниками.

Нынешнее поколение молодых людей благодаря этим фильмам, погружаясь в эти фильмы, воспринимает образ следователя не как интеллектуального и высокообразованного криминалиста, а как расхлябанного, невежественного неудачника или некоего мачо, зачастую пускающего в ход кулаки из-за отсутствия аргументов к убеждению. Для художественного за-

мысла режиссера картины и кассового сбора это, может, и привлекательно, но в жизни работа следователя основана только на соблюдении законности и восстановлении справедливости.

А ведь ранее, в 70-е и 80-е годы прошлого века, выходили совершенно другие фильмы, где наряду с отвагой и самоотверженностью работников милиции и прокуратуры на первое место всегда выдвигались служение закону, поиск правды и торжество справедливости. Вспомните, сколько замечательных фильмов о работе следователей и сотрудников милиции вышло тогда на наши экраны. Это и «Рожденная революцией», и «Трактир на Пятницкой», и «Профессия – следователь», и «Петровка, 38», и «Огарева, 6», и, наконец, сериал «Следствие ведут знатоки» и много других. Всех здесь не перечислить. Да, у всех этих фильмов были консультанты из числа сотрудников милиции и прокуратуры, и правдивость этих фильмов давала объективное представление о людях этой профессии.

Художественная пропаганда имеет очень сильное воздействие на молодую, еще не окрепшую психику молодежи, а образы нынешних киногероев формируют устойчивое ложное представление о профессии следователя. Когда же в юридическом институте пришедшие туда студенты столкнутся с понятиями норм уголовно-процессуального права и законности при проведении следствия, то многим из них сложно будет изменить эти представления. Но если их не изменить на этом этапе, то потом они принесут и себе, и другим людям горе и слезы.

Об этом и пойдет наш рассказ, сюжет которого является яркой иллюстрацией степени ответственности человека, принявшего на себя право решать судьбы других людей.

Как правило, уровень профессионального мастерства и авторитет следователя формируются за счет заверенных расследований преступлений с составлением обвинительного заключения и направлением уголовного дела в суд.

А уже решение суда по материалам уголовного дела является итогом его трудоемкой деятельности. Но только после оглашения результата обвинительного приговора судом, следователь может и должен ощущать чувство профессионального удовлетворения, если приговор в отношении подсудимого был законным и справедливым, или неудовлетворения, если он хотя и был формально законным, но не совсем справедливым, а то и вовсе несправедливым. В советское время таких приговоров было немного, но они всё же были. Но, кроме обвинительного приговора, суд еще мог вынести и определение с направлением дела на дополнительное расследование (сейчас это называется в законодательстве для пересоставления обвинительного заключения). А в этом случае к чувству неудовлетворения примешиваются еще и чувства горечи и досады.

Отчетность работы следователя также оценивалась от количества окончанных им производством и направленных в суд дел. В то же время на прекращенные уголовные дела начальство смотрело как-то косо, с напряжением и настороженностью, хотя они также отражались в отчетных показателях как окончанные.

Но с опытом работы приходит понимание того, что за каждым делом, если преступление было раскрыто, стояла большая кропотливая работа по сбору доказательств причастности или не причастности обвиняемого к совершению преступления. Если преступление раскрыто не было, то предстояла еще более кропотливая работа, связанная с установлением лица или лиц, его совершивших. И в первом, и во втором случае в этой работе мелочей не бывает, самым главным ее итогом является установление истины, а уже вытекающие из этого процессуальные действия оформляются постановлениями либо о предъявлении обвинения, либо о прекращении производства по делу. В то же время в процессе этой сложной и напряженной работы сбор доказательств как виновности, так

и невиновности лица, уже привлеченного к уголовной ответственности, должен осуществляться только на принципах строжайшего соблюдения законности. Отступление от этих принципов во имя каких бы то ни было благородных целей зачастую, если не всегда, приводит к следственным и судебным ошибкам, а за каждой такой ошибкой стоит сломанная судьба человека.

В этой связи я хочу предложить читателям историю о нашумевшем в прессе в конце 80-х годов прошлого века расследовании по так называемому «Одесскому делу». С тех пор минуло более 35 лет, и многих из участников тех событий уже нет в живых. Это обстоятельство, а также необходимость подготовки очерков для нового сборника «Следствие сквозь годы...», в работе над которым участвуют многие члены нашей организации «Союз ветеранов следствия», подвигли меня наконец-то взяться за перо, а точнее за клавиатуру своего компьютера. В этой своей работе я использовал хранившиеся дома многочисленные архивные материалы. Поэтому все фамилии участников тех событий и хронология их развития приведены в повести строго в соответствии с информацией, содержащейся в документах следствия и суда.

Условия для занятия этой творческой работой были созданы объявленным в Москве режимом самоизоляции, в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Ежедневная творческая работа по несколько часов за компьютером быстро коротала дни и позволяла мне, достаточно энергичному еще человеку, не так тягостно переносить вынужденное домашнее заточение. Сразу хочу отметить, что ничего более творческого, чем обвинительные заключения, мне еще не приходилось писать, и настоящая повесть является моим пробным литературным опытом. Поэтому заранее прошу прощения у читателей, если этот очерк покажется несколько скучным, полемическим и детализированным.

Часть I

Следственная часть

Шел ноябрь 1986 года. К тому времени, в свои 37 лет, я уже два с половиной года трудился в должности старшего следователя следственной части Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР. По меркам работавших здесь корифеев-долгожителей, то есть старших следователей по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, срок этот был еще совсем мал. В то же время и молодым следователем следственной части я себя уже не считал, так как успел самостоятельно окончить расследование по двум уголовным делам с направлением их в суд, а в самом начале своей трудовой деятельности в этом качестве участвовал в расследовании еще по двум уголовным делам в составе групп следователей Прокуратуры СССР. Ими руководил Георгий Николаевич Быстров, один из самых опытных и авторитетных работников Прокуратуры Союза ССР. Он пришел в центральный аппарат еще в далеком 1953 году и прошел путь от следователя по важнейшим делам до заместителя начальника следственной части.

Георгий Николаевич Быстров обладал кристальной честностью, высочайшей квалификацией, объективностью и принципиальностью при принятии решений и огромным практическим опытом работы. Его комментарии, советы и рекомендации, связанные с методикой и тактикой расследования, его щепетильность и тщательность в работе по выявлению следствием фактов и обстоятельств, взвешенность и точность формулировок составляемых им документов явились бесценной основой дальнейшего моего становления в избранной профессии.

Сразу хочу отметить, что мне, следователю, перешедшему на работу в Прокуратуру Союза ССР из периферийного органа – прокуратуры Луганской области на Украине, такой

переход был очень большим достижением в карьерной лестнице и крутым изменением в судьбе моей семьи. С гордостью и придыханием я смотрел на своих начальников и сослуживцев, многие из которых носили на мундирах генеральские петлицы, и, со своим чином младшего советника юстиции, поначалу терялся среди работавших здесь старших советников и государственных советников юстиции.

Вскоре пришло и осознание того, как мне повезло в жизни, что довелось встретить тогда этих выдающихся следователей, работать вместе и общаться с ними. Пусть мне простят читатели, но я не могу не назвать их поименно. Это Сергей Михайлович Громов, Юлий Дмитриевич Любимов, Георгий Александрович Эфенбах и, конечно, упомянутый мной ранее Георгий Николаевич Быстров. Да, это был золотой фонд тех «важняков», которые сражались на фронтах Великой Отечественной войны, а затем пришли на работу в органы прокуратуры в конце 40-х – начале 50-х годов XX века, по окончании послевоенных юридических институтов, а С.М. Громов начал работать народным следователем районной прокуратуры еще в 1940 году.

Кроме них, здесь тогда работали и другие не менее выдающиеся и заслуженные специалисты следствия. Среди них – Герман Петрович Каракозов, начальник следственной части, его заместитель Алексей Васильевич Чижук, старшие следователи по особо важным делам Юрий Александрович Зверев и Виктор Анисимович Париц. Трудились здесь в должности старших «важняков» и следователи, пришедшие в Следственную часть только в начале 80-х и не входившие еще в круг ее ветеранов. Это, конечно, Владимир Иванович Калининченко и Константин Карлович Майданюк. Они были лишь на пару лет старше меня по возрасту, но уже прошли горнила «рыбного» и «краснодарского» дел и уже носили в петлицах генеральские звезды. И так, что ни фамилия, то легенда следствия.

Все они до фанатизма, беззаветно любили свою профессию, были преданы ей безмерно, всецело отдавали себя слу-

жению закону и восстановлению справедливости, защите от посягательств прав и интересов граждан. Это было их кредо – установление истины путем объективного, всестороннего и максимально полного, до мелочей, исследования всех обстоятельств совершенного преступления. Все они были за свой беззаветный труд неоднократно награждены орденами и медалями СССР.

К сожалению, все ветераны следственной части того послевоенного прокурорского призыва уже ушли из жизни. Но я горжусь тем, что уже в наши дни нам удалось провести кропотливую работу по восстановлению их имен в истории следствия нашей страны, а также создать посвященные им экспозиции в Музее Следственного комитета России. Портреты этих выдающихся следователей висят сейчас и в зале коллегий СК РФ. Бесценный опыт их работы, которым они бескорыстно и с удовольствием делились тогда с нами, молодыми следователями, в значительной мере оказал большое влияние и на мой профессиональный рост, что позволило мне в дальнейшем успешно вести расследования сложных, многоэпизодных преступлений, относящихся к категории особой важности или вызвавших большой общественный резонанс (чем, собственно, и занимались все следователи следственной части Прокуратуры Союза ССР). Это и является преемственностью поколений, которая сегодня, к сожалению, проходит испытания изменением жизненных ценностей и нравственных ориентиров.

В середине ноября 1986 года осень готовилась передать свою эстафету зиме. Уже несколько дней было сумрачно, пасмурно, холодно и дождливо. Мелкий дождь чередовался с мелкими снежными зарядами, а отсутствие солнечных дней угнетающе влияло на настроение. Следственная часть тогда уже располагалась в отдельно стоящем от Прокуратуры Союза ССР трехэтажном особняке в Благовещенском переулке. Здание было старое, но после капитального ремонта и внутренней отделки.

За год до этого мы с энтузиазмом в свободное от работы время принимали участие в уборке от строительного мусора, а затем и в общем переезде из старого здания на ул. Немировича-Данченко, ныне Глинищевский переулок. Здесь мы расположились с комфортом. У каждого из нас был теперь отдельный служебный кабинет, о чем раньше только приходилось мечтать и, конечно, персональный телефон, подключенный к сети МГТС. Мой кабинет, согласно распределению, находился на третьем этаже по соседству с такими знаменитыми «важняками» (то есть следователями по особо важным делам) как С.М. Громов и Ю.Д. Любимов. Здесь же располагался и большой светлый кабинет начальника следственной части Г.П. Каракозова, где проходили все служебные совещания и разборы полетов.

В тот день, 12 ноября, в моем распорядке дня ничто не предвещало наступления важных событий. Как обычно, утром я пришел в свой служебный кабинет и занялся подшивкой документов надзорного производства по ранее оконченному расследованием делу. В то же время я интуитивно понимал, что долго без дел мне сидеть не придется, и это состояние ожидания несколько не улучшало настроение. Хотелось быстрее получить в производство новое дело и окунуться с головой в живую следственную работу. Я чувствовал, что это вот-вот должно случиться и интуиция меня не подвела. Время не подошло и к полудню, как раздался звонок по телефону от секретаря. Людмила Ивановна любезно пригласила меня спуститься в приемную начальника следственной части. Когда я получил разрешение войти в кабинет начальника, то увидел там, помимо Г.П. Каракозова, его заместителей А.В. Чижук и Г.Н. Быстрова. Последний в первый год моей работы, как я уже отмечал, был моим куратором и наставником. По внешнему виду руководителей следственной части было ясно, что они длительное время что-то горячо обсуждали. Как оказалось, обсуждали они кандидатуру следователя, которому можно было бы поручить расследование только что поступившего дела.

Новое дело

Это было уголовное дело по обвинению бывшего начальника ОБХСС (отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности, ныне это отделы и управления экономической безопасности) УВД г. Одессы А.В. Малышева в получении взятки, хищениях денежных средств и злоупотреблениях служебным положением. Дело это поступило в Прокуратуру Союза ССР 10 ноября 1986 г. из прокуратуры Одесской области, после возвращения его на дополнительное расследование Верховным судом Молдавской ССР. Заместителем генерального прокурора СССР было принято решение о направлении дела в следственную часть для организации дальнейшего расследования. Георгий Николаевич Быстров выдвинул мою кандидатуру как следователя, способного провести это дальнейшее расследование, и его аргументы в мою пользу оказались решающими. Тем не менее, он был особенно напряжен и сосредоточен. Как никто другой, он понимал степень и своей личной и моей ответственности за итоги будущего расследования, если вдруг меня постигнет неудача. В итоге мне было тогда озвучено решение – принять это дело к своему производству и организовать расследование, Алексею Васильевичу Чижук – обеспечить надлежащую организацию контроля за ходом расследования, а прокурору следственной части Руслану Марковичу Бицаеву – обеспечить прокурорский надзор за ходом расследования.

А волноваться Быстрову было за что. Напряженность ситуации заключалась в следующем.

Во-первых, А.В. Малышев ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании виновным себя не признавал и заявлял о том, что лица, давшие показания о совершенных им преступлениях, оговорили его под воздействием работников КГБ и прокуратуры области с целью искусственного создания доказательств его вины.

Во-вторых, Малышев уже год и три месяца содержался под стражей и продление этого срока нужно было обосновывать особыми обстоятельствами.

В-третьих, возвращая дело на дополнительное расследование, суд в своем определении отметил неполноту, необъективность и предвзятость ранее проведенного расследования. В результате, собранных по делу доказательств было недостаточно для выводов о виновности Малышева в получении взяток и в совершении хищения денежных средств. В связи с этим судебной коллегией Верховного суда Молдавии было сформулировано 48 указаний о проведении дополнительных проверок по предъявленным в обвинении эпизодам преступлений, которых, в свою очередь, как я установил позже, насчитывалось 151. Ни до этого, ни после в процессе дальнейшей работы в следствии мне не приходилось встречать уголовных дел, в которых суды при обращении их к доследованию давали такое количество указаний, обязательных к исполнению. Не помнили таких дел и мои старшие коллеги по следственной части.

И наконец, «вишенка на торте» – данное дело находилось на контроле Генерального прокурора СССР и ЦК КПСС, в связи с многочисленными обращениями и жалобами А.В. Малышева.

Каракозов, с присущей ему импульсивностью, эмоциональностью и харизмой, подводя итог состоявшемуся обсуждению, отметил, что сложившуюся по делу ситуацию не следует драматизировать, так как в материалах дела имеются многочисленные явки с повинной, а лица, их написавшие, от своих показаний не отказались ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании. Поэтому нужно будет только подчистить эпизоды, согласно указаниям суда, и предъявить Малышеву новое обвинение, с учетом этой «зачистки», возможно, в меньшем объеме обвинения. Но вот только 48 указаний суда?!

Я же испытывал в этот момент противоречивые чувства: то ли радость из-за оказанного мне доверия, то ли смятение

из-за предстоящей работы по недоброкачественному делу, то ли тревогу за будущий результат этой работы. Как-то сразу я тогда почувствовал, что это было не обычное уголовное дело о взяточничестве обычного должностного лица органов милиции, что за этим делом скрыты невидимые рычаги различных влияний, групповых интересов и интриг. В дальнейшем, как показало развитие событий, мои предположения нашли свое подтверждение. Однако напутствие Каракозова немного успокаивало и как-то доминировало над этими чувствами, что в целом придавало уверенности и оптимизма.

Я получил в канцелярии тринадцать томов материалов дела, а судебные документы Верховного суда Молдавской ССР в трех томах (протокол судебного заседания и определение суда) мне вручил А.В. Чижук сразу после окончания совещания. Затем я направился в свой кабинет и, переведя дух, вынес постановление о принятии материалов дела к своему производству. Изучив и просчитав процессуальные сроки следствия и содержания обвиняемого под стражей, сразу же вынес и постановление об их продлении перед заместителем Генерального прокурора СССР на один месяц. Это требование было установлено УПК РФ в случаях поступления дела на дополнительное расследование. Одновременно с этим пришлось готовить и ходатайство от имени Генерального прокурора СССР в Президиум Верховного Совета СССР о продлении этих сроков еще на девять месяцев, то есть до 10 сентября 1987 года, ввиду особой сложности предстоящего расследования. Всё это пришлось сделать в первоочередном порядке. Эта работа заняла у меня весь следующий день, так как такое ходатайство я составлял впервые и Алексей Васильевич Чижук, а перед ним еще и Георгий Николаевич Быстров, его неоднократно правили. Это было, конечно, не рядовое постановление или ходатайство. Я впервые в жизни составлял документ, который должен был подписать сам Генеральный прокурор СССР, а им был в то время Александр Михайлович Рекунков.

Лишь после этого пришло время для более тщательного изучения материалов дела. В ходе этой работы выяснилось следующее. Александр Викторович Малышев начал службу в органах внутренних дел в 1975 г. по путевке Приморского райкома КПСС г. Одессы, в должности инспектора ОБХСС УВД города. В 1982 г., через семь лет службы, в возрасте 28 лет он был назначен на должность начальника ОБХСС УВД г. Одессы. Конечно, и тогда, и сейчас такой быстрый рост в служебной карьере не мог состояться, если кандидат не был протеже влиятельных должностных лиц. Это было просто невозможно также без покровительства и поддержки ответственных работников ЦК Компартии Украины и бюро Одесского обкома партии.

В то же время 19 октября 1984 г. решением коллегии УВД Одесской области Малышев А.В., а также целый ряд других сотрудников подразделений ОБХСС районов и города Одессы, за выявленные нарушения по службе были освобождены от занимаемых должностей и уволены из органов внутренних дел. Малышев, посчитав это решение незаконным, начал борьбу за свое восстановление на службе в органах внутренних дел, обращаясь с многочисленными жалобами в МВД Украины и ЦК Компартии этой республики. В Одессу зачастили многочисленные комиссии с проверками по этим жалобам и обращениям Малышева, которые в итоге пришли к выводу о незаконности его увольнения и необходимости восстановления его в равноценной должности в органах внутренних дел.

В марте 1985 г. по указанию МВД Украины решением коллегии УВД Одесской области А.В. Малышев был всё же восстановлен в органах внутренних дел, но начальник УВД генерал-майор милиции Е.Е. Старовецкий назначил его на должность участкового инспектора. Малышев отказался принять эту должность, на что собственно и рассчитывал Старовецкий, и в апреле 1985 г. Малышев был вторично уволен из органов внутренних дел, после чего стал продолжать обжаловать это решение уже в союзные органы МВД, Прокуратуры и ЦК КПСС. Од-

новременно с этим органы МВД, КГБ и прокуратуры Одесской области по договоренности между их руководителями начали активный сбор компромата на Малышева в целях воспрепятствования его дальнейшему восстановлению на службе.

Вместе с тем, в это время по всей стране под руководством бывшего тогда министра внутренних дел СССР В.В. Федорчука, перешедшего на эту должность с поста Председателя КГБ СССР, проходила кампания «очищения» кадров МВД от «прогнивших элементов», сопровождавшаяся массовым увольнением сотрудников милиции по отрицательным мотивам, а во многих случаях и с привлечением их к уголовной ответственности.

За три года работы Федорчука в этой должности (с декабря 1982 г. по январь 1986 г.) в стране по этим основаниям, по разным оценкам, было уволено свыше 100 тыс. сотрудников милиции. Сейчас уже сложно сказать, сколько из них было привлечено к уголовной ответственности, такой статистики я не нашел. По-видимому, она носила закрытый характер или не велась вовсе, а все осужденные сотрудники милиции попадали в общие статистические данные.

В этой работе особенно отличились сотрудники подразделений управления «В» в составе Третьего главного управления КГБ СССР, которые обеспечивали контрразведывательную защиту органов МВД и «чистоту» милицейских кадров за счет поиска информации об их нечистоплотности и противоправной деятельности с теми или иными последствиями. Аналогичная оперативная работа, осуществляемая в отношении Малышева, явилась лишь одной из составных частей и продолжением проводимой руководством МВД и КГБ СССР кадровой политики. В рамках этой кампании шансов на успех у Малышева практически не было. А вот методы сбора информации о его противоправной деятельности были уже давно отработаны и априори обречены на успех. В этой работе руководители УВД, КГБ и прокуратуры области и подчиненные им сотрудники лишь состязались в лидерстве, чтобы заработать себе автори-

тет, разделить успех и получить поощрение от вышестоящих республиканских и союзных руководителей, в том числе и с перспективами повышения по служебной лестнице. Эта «охота на ведьм» сломала тысячи и тысячи человеческих судеб. Нужно, правда, отметить, что с приходом нового министра внутренних дел СССР А.В. Власова, многие из ранее уволенных сотрудников милиции были возвращены на службу и восстановлены в органах внутренних дел.

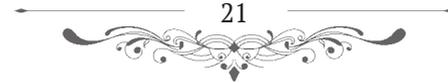
Однако оставим обобщающие отступления от нашего сюжета и перейдем к материалам дела. 5 августа 1985 г. А.В. Малышев находился на личном приеме у министра внутренних дел УССР И.Д. Гладуша, а через несколько дней приехал в Москву на прием к начальнику 4-го отдела ГУБХСС МВД СССР А.А. Аслаханову для согласования вопроса о своем восстановлении на службе, в том числе в других регионах республики и Союза ССР. Это оказалось ловушкой. Он еще не знал тогда, что в отношении него уже 8 августа прокуратурой города Одессы было возбуждено уголовное дело, а уже 16 августа в Москве, при выходе из здания МВД СССР по ул. Огарева, д. 6 (ныне Газетный переулок), Малышев был задержан работниками уголовного розыска и госбезопасности г. Одессы, у которых имелись санкции на его задержание и арест. В тот же день самолетом он был доставлен в Одессу и помещен в следственный изолятор УКГБ по Одесской области.

Ранее прокурор Одесской области В.И. Зимарин возбуждение этого уголовного дела и осуществление расследования поручил старшему помощнику прокурора г. Одессы А.М. Бельскому. Сразу хочу отметить, что еще на этом этапе при наличии значительного следственного аппарата как в прокуратуре области, так и в прокуратуре города, следствие было поручено помощнику прокурора города, хотя и имевшему в прошлом большой стаж следственной работы. И только в состав следственной группы были включены несколько следователей районных прокуратур города. Оперативное сопро-

вождение расследования в отношении сотрудника милиции, конечно же, обеспечивали сотрудники 3 отдела УКГБ Одесской области под руководством его начальника А.Г. Довженко, который работу в отношении Малышева поручил старшему оперуполномоченному 3-го отдела Ю.А. Бобовскому, курировавшему в своей работе УВД города Одессы. Довженко, конечно, руководил всеми последующими действиями Бобовского, который отчитывался перед ним о результатах своей оперативной деятельности.

В дальнейшем, для придания объективности расследованию, начальник Управления по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР Г.М. Негода и его заместитель Ю.М. Баулин, на которых был возложен контроль за ходом расследования, подобрали другого руководителя следственной группы из другой союзной республики, а именно заместителя начальника следственного управления Прокуратуры Грузинской ССР Н.В. Шашкина. Последний уже 12 декабря 1985 г. принял это дело к своему производству и возглавил следственную группу от имени Прокуратуры Союза ССР, на основании вынесенного Ю.М. Баулиным постановления. А.М. Бельский также остался в составе обновленной следственной группы. И второй руководитель этой группы оказался не штатным следователем, которым он практически никогда и не работал, а занимал до этого должность прокурора и заместителя начальника отдела общего надзора Прокуратуры Грузии, хотя расследование, как было очевидно на том этапе, представляло собой особую важность и особую сложность.

В дальнейшем по инициативе тех же должностных лиц Прокуратуры Союза ССР уголовное дело вместе с обвинительным заключением в целях объективности его судебного рассмотрения было направлено в Верховный Суд СССР для определения его дальнейшей подсудности, которая и была определена в лице Верховного суда Молдавии.

Тогда же, на стадии предварительного расследования, практически полный контроль и надзор за ходом расследования осуществлял прокурор области В.И. Зимарин, а выявлением всё новых и новых эпизодов преступной деятельности Малышева занимался Ю.А. Бобовский. Методы же выявления этих эпизодов были на удивление просты и наивны. Не нужно было даже использовать для этого достаточно обширный арсенал приемов и методов оперативно-разыскной деятельности. После неоднократных вызовов свидетелей в помещение УКГБ, а также бесед с лицами, содержащимися в следизоляторе УКГБ по другим уголовным делам, Бобовский получал от них «явки с повинной» и передавал их Зимарину. Последний поручал руководителю следственной группы приобщать их к материалам дела и проводить по этим эпизодам предварительное расследование. Вам это ничего не напоминает из истории прошлого нашей страны?

В результате такой совместной деятельности А.В. Малышеву в апреле 1986 г. было предъявлено окончательное обвинение, которое охватывало 151 эпизод преступной деятельности. В частности, в получении взяток от бывших сотрудников ОБХСС Скорищенко и Горецкого, арестованных по другим уголовным делам и находившихся в следизоляторе УКГБ – 18 эпизодов, от работника рынка «Черемушки» Зигельмана – 36 эпизодов, от работников винных магазинов Лейдермана, Гринберга и Виденко – 40 эпизодов, а всего 94 эпизода получения взяток на общую сумму 70 828 руб. В 3 эпизодах служебного подлога и 17 эпизодах злоупотребления властью и служебным положением, связанных с использованием в своих личных и служебных целях автомашины «Волга», принадлежавшей производственному объединению «Точмаш» и выплатой заработной платы водителям этой автомашины на сумму 8245 руб. И наконец, в 37 эпизодах хищений денежных средств со статьи «Особые расходы» приказа МВД СССР, регламентирующего оперативно-разыскную деятельность, на сумму 1300 руб., куда были

собраны многочисленные эпизоды хищений на сумму от 25 до 40 руб.

Получилась «картина маслом» (фразеологизм, который употребляется в художественной киноленте «Ликвидация» как раз об Одессе). Да, такая схема преступной деятельности и конструкция составов преступлений могла прийти в голову режиссерам только с нездоровым воображением.

Тем не менее, обвинительное заключение с такой конструкцией обвинения подписал руководитель следственной группы Н.В. Шашкин и утвердил затем прокурор области В.И. Зимарин.

Но делать нечего, раз поручено новое расследование, то его надо было, выполняя указания суда, провести фактически заново по всем эпизодам преступлений при тщательном соблюдении полноты, всесторонности и объективности их проверки. Как говорится, «с карандашом в руках» в процессе изучения дела я начал набрасывать вопросы для дополнительного изучения и проверки, а также стал чертить графические схемы эпизодов совершенных Малышевым преступлений, которые так любил и пропагандировал Г.П. Каракозов. И чем больше изучались материалы дела, тем больше возникало вопросов, которые необходимо было проверить. По ходу всех этих записей верстался и план дополнительного расследования, в который постоянно вносились изменения и дополнения. В результате он получился объемным – на 35 машинописных листах, и, безусловно, не был исчерпывающим, так как в последующем, при его выполнении, появлялась новая и новая информация, проверка которой влекла дополнительные следственные мероприятия. Естественно, что план расследования содержал весь комплекс указаний Верховного суда Молдавии по этому делу, выполнение которых являлось для органов следствия обязательным.

После принятия дела к своему производству мной сразу же был поставлен вопрос о проведении расследования группой следователей, так как и объем самих следственных действий, и их диапазон были обширными. В связи с этим 14 ноября

А.В. Чижук вынес по этому поводу постановление об организации следственной группы. Согласно этому постановлению, помимо меня в нее были включены Олег Васильевич Дмитриев – следователь по особо важным делам при прокуратуре Литовской ССР и Иван Ефимович Индин – следователь по особо важным делам прокуратуры Челябинской области. Это была вторая по счету следственная группа, которой мне приходилось руководить за время моей следственной работы на тот период времени. Иван Индин приехал самым первым, во второй половине ноября, и также углубился в изучение материалов дела. Теперь у меня появился собеседник, с которым можно было обмениваться своими впечатлениями, профессиональными суждениями и оценками от прочитанного. Иван был уже достаточно опытным работником. Стаж следственной работы его составлял около 10 лет и, будучи «важняком», он достаточно хорошо разбирался в тактике и методике расследования сложных уголовных дел. Чуть позже к нам присоединился и Олег Дмитриев. Он, «важняк» при прокуратуре республики, несмотря на небольшой стаж следственной работы, обладал хорошими аналитическими способностями и удивительно цепкой памятью, позволявшей ему запоминать многие мелочи в показаниях свидетелей. Несмотря на сделанные записи в ходе изучения дела, мы потом неоднократно обращались к его памяти за подсказками в показаниях свидетелей о многих незначительных, на первый взгляд, обстоятельствах. Все вместе мы с карандашами в руках занимались той творческой, но необходимой работой, связанной с анализом имевшихся доказательств и планированием будущих следственных действий.

Первые знакомства

Параллельно с анализом и планированием, еще до утверждения плана расследования мы приступили и выполнению от-

дельных следственных действий, производство которых было возможно в Москве. Для начала, выполняя указания суда о необходимости допроса свидетелей, которые были уже осуждены по другим уголовным делам, мы направили требование в Одесский областной суд о направлении в следственную часть Прокуратуры СССР копий приговоров в отношении целого ряда бывших руководителей рынка «Черемушки» г. Одессы и Одесского областного управления рынками (что относилось к эпизодам дачи взяток Малышеву Зигельманом), а также в отношении бывших сотрудников подразделений ОБХСС г. Одессы Конюкова и Короткова (по имевшимся в суде сведениям о составлении ими «явок с повинной» о даче взяток Малышеву). Ну и конечно, пришлось запросить на них сведения и из ГИЦ МВД СССР о местах отбытия ими наказания по приговорам судов.

Затем я встретился с сотрудниками ГУБХСС МВД СССР для выяснения обстоятельств посещения Малышевым здания МВД в августе 1985 г. по вопросу о восстановлении на службе в органах внутренних дел, а также обстоятельств задержания Малышева у здания министерства. При этом было установлено, что некоторые из них весной и летом прошлого года находились в длительной командировке в Одессе в составе оперативной группы МВД СССР, возглавляемой старшим инспектором Организационно-инспекторского управления А.А. Аслахановым. Эта группа была направлена туда для проведения служебного расследования фактов необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел и прекращении уголовных дел по линии БХСС УВД Одесской области. А также для реализации оперативных материалов о сращивании с преступными элементами отдельных руководителей и сотрудников органов внутренних дел и очищения рядов советской милиции от нечистоплотных и скомпрометированных сотрудников. Среди них были установлены сотрудники 4-го отдела А.А. Родин, А.М. Карпеев и В.Б. Смирнов, которых, в итоге, пришлось допросить в качестве свидетелей, так как их показания имели непосредственное от-

ношение к обстоятельствам получения явок с повинной о даче взятки Малышеву, на чем я подробно остановлюсь позже.

С вызовом в Москву был допрошен в качестве свидетеля и бывший руководитель следственной группы Н.В. Шашкин. Это было наше первое знакомство с участником и руководителем предыдущего расследования. Он, в частности, на вопрос о причинах некачественного расследования показал, что основной причиной этого была его недостаточная компетентность и квалификация в качестве руководителя следственной группы. Далее Шашкин сообщил, что в период своей работы в Одессе, с декабря 1985 г. по май 1986 г., он всецело доверял Бельскому, который имел большой опыт следственной работы и который фактически расследовал конкретные эпизоды взятничества, совершенные Малышевым, а также Зимарину, который непосредственно и фактически осуществлял контроль и надзор за расследованием. Ему же было поручено устанавливать связи Малышева и его высокопоставленных покровителей, а так как, по его мнению, «в Одессе взятки давали и брали все», то в виновности Малышева он не сомневался.

Впоследствии эту фразу об Одессе мне приходилось слышать неоднократно, и автор ее был мной вскоре установлен. Были также осуществлены встречи и с руководящими сотрудниками Главного управления кадров МВД СССР, в процессе которых выяснялись и устанавливались результаты проверок по многочисленным жалобам и обращениям Малышева на якобы незаконное его увольнение и о восстановлении на службе в органах внутренних дел. Заключение по таким проверкам были также истребованы для приобщения к материалам дела.

Кроме того, еще в ноябре мной были вынесены постановления об этапировании из Одессы в следственные изоляторы Москвы бывших работников ОБХСС Скорищенко и Горецкого, а также временном их содержании там на срок до шести месяцев, санкционированном заместителем Генерального прокурора СССР. Оба они уже были приговорены по разным

уголовным делам Одесским областным судом за получение взятки к различным срокам лишения свободы. Однако после осуждения временно были оставлены в следственном изоляторе УКГБ, являясь свидетелями по делу Малышева как взяткодателя, с освобождением их от уголовной ответственности по этим эпизодам в связи с составленными ими явками с повинной.

В свою очередь, Верховный суд Молдавии, возвращая дело на дополнительное расследование, указал, что эпизоды получения взятки Малышевым от Горецкого и Скорищенко исследованы крайне поверхностно, в частности, не исследованы обстоятельства времени составления ими явок с повинной, а освобождение Скорищенко от уголовной ответственности по этим эпизодам допущено с нарушением законодательства. Помимо того, следствием не проверялся источник поступления крупной денежной суммы к Скорищенко, которая явилась предметом взятки, поверхностно исследован вопрос о времени ее передачи, источники приобретения взятки в виде сувениров, импортных сигарет и импортных алкогольных напитков не устанавливались.

Показания же Горецкого и Скорищенко как на предварительном следствии, так и в суде по этим вопросам носили крайне противоречивый характер и неоднократно подвергались изменениям. В этой связи нами и была поставлена задача этапировать их из Одессы в Москву, чтобы вывести их из-под контроля УКГБ области и, разместив порознь в разных следственных изоляторах, тщательно их передопросить по всем возникшим в процессе изучения дела вопросам и отмеченных противоречиях в показаниях, в том числе поставленных судом. В начале января 1987 г. их, наконец, этапировали в Москву, и мы вместе с Иваном Индиным несколько дней посвятили допросам. Это было наше первое знакомство с участниками данного уголовно-судебного процесса, давшими свидетельские показания на следствии и в суде, обличающие Малышева в получении им

взяток. Оба они на допросах держались достаточно уверенно, понимали, что им предстоит отбывать длительный срок лишения свободы за совершенные ими преступления в получении взяток. В то же время от своих показаний в части дачи взяток Малышеву они не отказались, лишь в очередной раз изменили некоторые детали обстоятельств совершения этих преступлений. Однако нам всё же удалось максимально детализировать эти обстоятельства по датам, времени, возможным свидетелям, а также по происхождению денежных средств и предметам взяток. Полученные показания для их перепроверки были тут же включены в план дополнительного расследования.

Я хорошо понимал, что предстоит выполнить очень большой объем следственных действий, а срок на их выполнения Генеральный прокурор ССР и его заместитель нам установят минимальный. Понимал, что это неминуемо потребует увеличения состава нашей группы, в том числе уже на начальном этапе нового расследования. Первоначальный план предусматривал завершение необходимых следственных действий для принятия окончательного решения по объему и квалификации обвинения Малышева в конце июля, и с этим заместитель начальника следственной части Алексей Васильевич Чижук никак не мог согласиться. Он неоднократно возвращал нам план без его утверждения для сокращения запланированных сроков. Мы же их неоднократно отстаивали на оперативных совещаниях. Достаточно сказать, что планом были предусмотрены командировки для проведения следственных действий, помимо Одессы, в города: Ленинград, Таллин, Баку, Свердловск, Киев, Харьков, Львов, Херсон, Ровно. Планировалось также истребовать и изучить материалы еще 14 уголовных дел (объем которых мы пока не знали), так как осужденные по ним лица либо дали показания в качестве свидетелей по делу Малышева, либо могли дать показания об источниках денежных средств взятодателей, что поручалось проверить определением суда при проведении дополнительного следствия.

Всё-таки сроки проведения следственных действий, заложенные в план расследования, были сокращены на целых два месяца, то есть до начала июня, но при условии увеличения количества следователей в составе нашей следственной группы. В результате, в середине января план дополнительного расследования был наконец-то согласован А.В. Чижуком, а затем утвержден и заместителем Генерального прокурора СССР О.В. Сорокой, а мы в январе же получили пополнение в лице еще двух прокурорских работников. Так, в состав следственной группы был включен Василий Тарасович Шевчуков – заместитель прокурора г. Турсунзаде Таджикской ССР. Опытный прокурор нам в группе был тоже нужен, тем более он имел в прошлом стаж следственной работы. Также был включен в группу и Борис Аркадьевич Иванов – следователь по особо важным делам прокуратуры г. Выборга Ленинградской области. Им пришлось знакомиться с материалами дела в ускоренном порядке, как говорится, на ходу, так как времени у нас оставалось всё меньше и меньше. Предварительно я закрепил за прикомандированными ко мне в группу следователями и направления расследования, на которых они должны были сосредоточиться в своей работе. Так, И.Е. Индину поручались эпизоды получения взяток от Горецкого и Скорищенко, О.В. Дмитриеву – эпизоды получения взяток от Зигельмана, В.Т. Шевчукову – эпизоды хищения денежных средств. Себе я оставил на первом этапе эпизоды получения взяток от Лейдермана, Гринберга и Виденко, к этой же работе был привлечен и Б.А. Иванов.

Наконец, мы оформили командировочные удостоверения, приобрели железнодорожные билеты и утром в первых числах февраля сели в вагон скорого поезда № 35 Москва-Одесса. Перед этим я заблаговременно отправил в Одессу фельдсвязью уголовное дело с материалами предварительного следствия, и лишь несколько томов с протоколами судебных заседаний и определением суда я взял с собой. Ехали мы в Одессу с хорошим настроением и оптимизмом относительно перспектив

нашей будущей работы, так как допросы Горецкого и Скориченко давали основания для этого и каких-либо серьезных сомнений в виновности Малышева в получении взяток не возникало.

Когда через сутки около полудня наш поезд въезжал в пригороды Одессы, мы увидели море. Оно показалось мне тогда из окна вагона неприветливым, так как имело какую-то серо-черную окраску, а грязные бело-серого цвета льдины покрывали небольшую узкую полосу побережья. Еще через несколько минут пути поезд был уже на пассажирской платформе железнодорожного вокзала Одессы. Погода в те февральские дни 1987 г. в Одессе почти не отличалась от московской. Было умеренно морозно и пасмурно. С моря дул холодный сырой ветер, что придавало дополнительный дискомфорт. Этот ветер сдул с перрона и всех лотошников – завсегдаев перронной торговли.

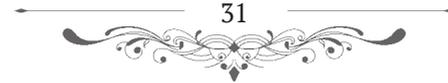
Встречать нас пришел только один человек – прокурор области государственный советник юстиции 3-го класса Виталий Иванович Зимарин. Я знал его раньше по совместной работе в прокуратуре Ворошиловградской области (ныне Луганской), хотя с ним лично никогда не общался, так как продолжительное время в тот период работал следователем в прокуратуре одного из крупных городов областного подчинения и все процессуальные вопросы по находящимся в производстве уголовным делам решал с его заместителем по следствию – начальником следственного управления В.Е. Соколиковым. Затем Зимарина еще в 1983 г. перевели на работу в Одессу, где он уже со следующего года, как оказалось, развернул «непримиримую борьбу с коррупцией в системе правоохранительных органов области».

Заметив на перроне Зимарина, я был очень удивлен такой встрече и даже озадачен. Он имел сложный характер властного, самолюбивого человека, обладал патологическими амбициями, превосходно плел интриги и находил выход из кон-

фликтов, которые зачастую сам и создавал. Я сразу узнал его, у него был скучающий, равнодушный вид, он лишь бегло искал глазами встречаемых им людей. «Возможно, он ждет кого-то другого», – подумал я. Нас он в лицо не знал и вряд ли вспомнил бы и меня.

Когда мы подошли к нему и я представился, то оказалось, что встречал он именно нас. Лицо его мгновенно засияло радостью и приветливостью. Он засыпал нас приветствиями, спрашивал о нашем самочувствии после путешествия в поезде. Мои спутники приняли это за искренность и простоту в общении человека, обличенного большими властными полномочиями. Демонстрируя далее свое ко мне расположение, он выхватил у меня из руки большую спортивную сумку, имевшую приличный вес, так как там находились, помимо вещей, несколько томов уголовного дела, и с радостью понес ее к вокзалу (наш вагон находился почти в хвосте поезда, в дальнем конце перрона). Представляю себе, сколько актерского таланта имелось у этого человека, если он с ходу попытался завоевать наше доверие даже путем физического напряжения через униженное самолюбие. Наконец, мы вышли на привокзальную площадь и подошли к двум автомашинам «Волга», принадлежавшим прокуратуре области. Водитель одной из них, закрепленной за прокурором области, тут же выскочил, выхватил из рук своего патрона мою сумку и спрятал ее в багажник. После чего мы сели вдвоем на заднее сидение этого автомобиля. Все остальные члены нашей группы сели во вторую машину. Мы поехали в гостиницу, в которой были забронированы для нас номера.

Ехать пришлось совсем недалеко. Гостиница находилась в уютном уголке старой Одессы на улице Канатной. Здание являло собой памятник архитектуры в стиле модерн. Это была гостиница «Октябрьская». Сеть гостиниц под таким названием была в каждом областном и республиканском центре СССР, как знают многие мои коллеги, которые работали со мной в

советское время, и принадлежали они Управлению делами ЦК КПСС. Славились они тогда своей закрытостью, комфортом и безупречным обслуживанием. Останавливались в таких гостиницах только высокопоставленные партийные и советские работники. Нас, видимо, причислили к этой категории чиновников. Это был еще один шаг, направленный на установление нашего доверия к руководству прокуратуры области. Заселившись в номер, я оставил коллег немного отдохнуть и перекусить, а сам, вдвоем с Зимариным, сразу поехал к нему на службу, что он не преминул отметить как вежливый и тактичный поступок с моей стороны.

Прокуратура Одесской области располагалась тогда в старинном, но достаточно симпатичном большом двухэтажном здании на одной из центральных улиц города – Пушкинской. Мы поднялись на второй этаж в служебный кабинет прокурора области, где и состоялась наша первая ознакомительная беседа тет-а-тет, которая продлилась около часа.

Виталий Иванович сразу выразил мне свое удовлетворение тем, что Прокуратура Союза ССР прислала в Одессу именно меня, его бывшего сослуживца, подчиненного ему в прошлом. Он полагал, что у нас, непременно должны сложиться доверительные служебные отношения. По поводу уголовного дела он сообщил мне, что бывший руководитель следственной группы Н.В. Шашкин не справился со своей работой, так как оказался недостаточно квалифицированным в следствии специалистом и почти провалил это дело. Зимарин полагал, что теперь, с таким специалистом, как я, совместными усилиями и при его поддержке, мы это дело подчистим и снова направим в суд. По его словам, в Одессе как исторически торговом и портовом городе «всегда все давали и брали взятки». Это явление получило широкое распространение и в системе правоохранительных органов. Он привел мне примеры, что за время его работы к уголовной ответственности были привлечены и осуждены более 10 сотрудников ОБХСС и следователей органов внутренних дел.

В этой работе он нашел поддержку и понимание у начальника УВД области Е.Е. Старовецкого, назначенного на эту должность в том же году, что и Зимарин, а также в лице начальника УКГБ области А.Г. Крикунова. Последний и инициировал эту работу, поручив организацию ее проведения сотрудникам недавно созданного третьего отдела. Поэтому в том, что Малышев неоднократно получал взятки, у него не было сомнений. Главное, что, по его мнению, нам нужно сделать – это выявить и закрепить надлежащим образом связи Малышева с его высокопоставленными покровителями в Киеве и Москве, которым он, в свою очередь, за покровительство не мог не давать взятки в различных формах. Вот кто был автором выражения, которое я уже услышал ранее от Шашкина во время его допроса в Москве!

Зимарин при этом еще раз подчеркнул, что именно с этой задачей, поставленной им и ответственными работниками Прокуратуры Союза ССР, бывший руководитель следственной группы Н.В. Шашкин не справился. Затем Зимарин пригласил в кабинет своего заместителя по следствию – начальника следственного управления Андрея Алексеевича Леонова и представил нас друг другу. Как мы узнали позже, он работал в этой должности чуть больше года и не имел отношения к организации расследования уголовного дела в отношении Малышева. Поэтому Зимарин поручил ему оказывать нам всестороннюю помощь в организации нашей работы в Одессе. В дальнейшем у нас сложились с Леоновым нормальные служебные отношения, и он, действительно, во многом оказывал нам всемерную помощь в служебных и бытовых вопросах.

В ходе дальнейшей беседы мы подошли и к вопросу о размещении нас в служебных кабинетах. С «большим уважением» ко мне Зимарин предложил нам занять два служебных кабинета здесь же – на втором этаже этого здания, недалеко от кабинета прокурора области, которые якобы уже были подготовлены для нас. Это предложение меня несколько озадачило, так как я предположил, что кабинеты эти, скорее всего, были уже обо-

рудованы техническими средствами для обеспечения контроля за нашей работой, а расположение рядом служебного кабинета прокурора области, даже исходя из правил этикета, принуждало бы меня регулярно заходить к нему и общаться с ним, в том числе и прежде всего по вопросам, возникающим в ходе расследования. Всё было заранее продумано. Мне пришлось вежливо отказаться от этого предложения, мотивируя это тем, что нам предстоит вызывать огромное число свидетелей, и нахождение рядом с кабинетом прокурора области большого числа граждан, в том числе не всегда лояльных к закону, может создать риски для условий его безопасной деятельности, да и просто будет создавать дискомфорт в его ответственной руководящей работе.

Возможно, Зимарин и оценил мой отказ как достойное и предусмотрительное решение зрелого и опытного работника прокуратуры. Однако его пафосное и радостное настроение сразу резко изменилось. Он принял свой обычный облик жесткого и властолюбивого руководителя и перешел на формальное общение. Несмотря на это, я предложил ему рассмотреть вариант предоставления нам двух кабинетов либо в прокуратуре города, либо в одной из городских районных прокуратур. Наконец, после нескольких телефонных переговоров, проведенных А.А. Леоновым, нам предложили разместиться в прокуратуре Приморского района. Тут же мы согласовали вопросы выделения нам служебного автотранспорта. Кроме того, я предложил Зимарину или Леонову представить меня в ближайшее время руководителям УВД и КГБ области для осуществления дальнейшего взаимодействия в работе. Получив на это согласие, я поблагодарил Зимарина за беседу и теплый прием и простился с ним.

Вместе с Леоновым мы поехали в прокуратуру Приморского района смотреть предлагаемые нам помещения. Прокуратура эта, как оказалось, находилась на первом этаже жилого многоэтажного здания старой постройки по ул. Черняховского. Конечно, меня это обстоятельство сразу несколько смутило, и я

даже пожалел о том, что отказался от предложения разместить нас в прокуратуре области. Но было уже поздно. Решение было принято и, как оказалось позже, оно было правильным.

Здесь, в прокуратуре Приморского района, Леонов сразу познакомил меня с молодым еще по возрасту прокурором района Юрием Анатольевичем Кармазиным, с которым мне предстояло работать и общаться долгие месяцы. Сам приезд в прокуратуру района заместителя прокурора области был для прокурора района большим неожиданным праздником, а посещение его живым настоящим работником центрального аппарата Прокуратуры СССР, которых он ранее никогда не встречал, стало для него просто шоком. Он смотрел на меня как на какого-то небожителя. Когда же он узнал, что я собираюсь здесь продолжительное время работать вместе со своими коллегами, это явилось для него еще большим эмоциональным потрясением. Он просто вошел в ступор и какое-то время вообще не отвечал на наши вопросы. Когда он пришел в себя, мы осмотрели кабинеты, в которых можно было расположиться членам группы, дали указание об их небольшой уборке и перестановке мебели, после чего в целом я признал вопрос с рабочими местами решенным. Конечно, здесь не было того комфорта, который нам изначально хотели предоставить. В то же время, достаточно значительным плюсом в организации нашей дальнейшей работы было то, что и наша гостиница, и прокуратуры области и города Одессы, а также УВД города и области находились на территории Приморского района в удобной транспортной доступности. Впереди нас ожидала долгая кропотливая, нервная и напряженная работа.

«Ах, Одесса, жемчужина у моря»

Мне неоднократно приходилось бывать в Одессе с частными поездками, и я всегда поражался необыкновенной красоте

этого города. Одесса, действительно, была настоящей жемчужиной на морском побережье Черного моря с многовековой историей со времен древнегреческих поселений в районе морской бухты. Сейчас же это был крупнейший на черноморском побережье торговый международный морской порт страны, построенный еще в период правления императрицы Екатерины II. Попастъ на работу в этот порт было огромным счастьем и залогом благополучия многих одесских семей. Однако, помимо порта, прекрасен был и сам город. Архитектура зданий, построенных тогда же, когда и порт, всегда поражала и поражает своей изысканностью и красотой, ничуть не уступающей памятникам архитектуры в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург).

Но всё же там, в Ленинграде, не было той общности людей, которые зовутся одесситами. И это, пожалуй, одно из главных отличий этих городов, если не принимать во внимание курортный черноморский фактор.

В популярной песне композитора Модеста Табачникова «Ах, Одесса, жемчужина у моря» есть такие слова:

На свете есть такой народ, он весело живет.
Одесский дружный наш народ, он песенки поет.
Кого вы ни спросите, ответят одесситы:
«Таковыми уж нас мама родила!»

И это действительно так. Слово «одессит» значит намного больше, чем житель этого города, оно предполагает принадлежность к особому сообществу людей – удивительно колоритному, со своим особым укладом жизни, специфическими языковыми оборотами речи и специфической интонацией, а главное, очень сильным, я бы сказал патологическим, чувством юмора. Меня, бывавшего в Одессе ранее, это обстоятельство только забавляло, и я вполне понимал смысл речи моих собеседников, а вот члены моей команды были здесь впервые, и понимание одесского диалекта поначалу вызывало у них труд-

ности. И вроде бы они разговаривали на одном языке с приглашаемыми ими свидетелями, но порой мои коллеги приходили в смятение, не понимая того, что же допрашиваемые имели в виду: то ли они отрицали, то ли подтверждали интересующие нас обстоятельства дела. Например, на поставленный вопрос: «Знаете ли вы продавца такого-то магазина?», получали ответ: «Я себя знаю, а вы себе думайте как хотите», что, в итоге, могло означать, либо я его не знаю, либо уже не помню. Часто можно было услышать и такие ответы: «Вы меня спрашиваете или я вам отвечаю?» Одесситы на вопросы зачастую отвечали вопросами. Это вызывало определенные затруднения с записью таких показаний в протоколы допросов, хоть вызывай для этого переводчика, и в этом нам зачастую помогали работники местной районной прокуратуры, где мы работали. Василия Шевчукова выручало в таких ситуациях присущее ему чувство юмора. У Дмитриева и Индина с юмором было напряженно и поначалу их это просто шокировало, но постепенно и они привыкли к специфическим одесским говору и шуткам, и в дальнейшем затруднений в работе не возникало.

Да, в Одессе сложился особый уклад жизни населения, основанный, как правило, на товарно-денежных отношениях. В Одессе можно было купить буквально всё: как разрешенные к обороту товары, так и контрабанду, даже оружие. Здесь же промышляли и фарцовщики валютой. Рынки Одессы – это был клондайк, живущий по своим законам и понятиям, и никто не в состоянии был их разрушить. Сюда же следует отнести многочисленные объекты торговли и бытового обслуживания населения. Среди них винные магазины, где осуществлялась торговля вином в розлив, пивные киоски и пивные бочки, где разливали пиво, закусочные, кафе и рестораны, мастерские по ремонту всего, что подлежало этому ремонту, химчистки, швейные и сапожные мастерские, ломбарды, комиссионки и т. д., которые были очень доходными местами, где происходило быстрое обогащение за счет продажи контрабанды, оказания

некачественных, либо не совсем законных услуг, обмана покупателей за счет обвеса и обмера, недолива и обсчета, завышения цен, искажения бухгалтерского учета и других нарушений. Деньги – товар – услуги – деньги. Всё было подчинено обращению капитала. Во имя этого люди жили, шутили и обсуждали всех, кто жил лучше или хуже их. В этом заключался смысл жизни десятков и сотен тысяч людей в миллионном городе. Получать неофициальный доход было не только выгодно, но и престижно и высоко ценилось в одесском обществе. Вы думаете, откуда пошла крылатая фраза: «Чтоб ты жил на одну зарплату!» Да-да, оттуда.

Сопровождался весь этот уклад жизни многочисленными сплетнями, анекдотами, слухами и различными придуманными историями в целях повышения своего статуса, если уж не материального, то хотя бы в людской молве. Содержание этих слухов зачастую попадало в сводки получаемой правоохранительными органами оперативной информации. Как вы понимаете, перепроверять такую информацию было бесполезно.

Компаньоны

Согласно плану расследования, мы начали нашу работу в Одессе с проверки эпизодов дачи взяток Малышеву как раз работниками винных магазинов Лейдерманом, Гринбергом и Виденко, явки с повинной которых явились основанием к возбуждению уголовного дела и аресту Малышева. Как я уже ранее отмечал, в обвинении Малышеву были предъявлены 40 эпизодов получения взяток от этих лиц (из 94 эпизодов взяточничества в общей сложности).

Возвращая дело на дополнительное расследование, суд в своем определении по этим эпизодам указал: «В нарушение ст. 94, 113 УПК УССР следственные действия по делу проводились до возбуждения уголовного дела, не установлены факти-

ческие обстоятельства написания явок с повинной свидетелей Лейдермана, Гринберга и Виденко. Не установлена причина и цель повреждения отдельных процессуальных документов по делу в процессе расследования». Отмечая обстоятельства дачи взяток Малышеву, изложенные этими свидетелями, сначала в письменных явках с повинной, в которых они утверждали, что давали взятки через Лейдермана, а затем при последующих допросах по непонятным мотивам изменив свои показания, они стали утверждать, что все втроем ездили на передачу денег Малышеву. Суд усомнился в объективности и непредвзятости предварительного следствия.

И далее: «...такие действия работников следствия дают основания полагать, что допрос свидетелей Лейдермана и Гринберга производился до поступления от них явок с повинной, и такие обстоятельства требуют дополнительной тщательной проверки. Если же Лейдерман и Гринберг были допрошены по делу и, сообщив органам следствия о передаче Малышеву взятки, сознавали, что о такой передаче денег известно следственным органам, а затем написали явки с повинной, то вопрос освобождения их от уголовной ответственности на основании ч. 3 ст. 170 УК УССР разрешен необоснованно. Восполнить указанные обстоятельства в судебном заседании невозможно, а при подтверждении их, отдельное рассмотрение уголовных дел исключается».

Кроме того, возвращая дело к доследованию, суд в своем определении по этим эпизодам указал, что заявления Лейдермана, Гринберга и Виденко в части источника поступления к ним денег требовали дополнительной проверки. В то же время материалы, свидетельствующие об их злоупотреблениях, без надлежащего расследования выделены в отдельное производство. Не проверено, поступала ли в указанные магазины «левая» продукция и откуда. Для проверки указанных обстоятельств требовалось проведение документальной бухгалтерской ревизии – и в магазинах, и у поставщиков вина. Не про-

верены состояние и учет продукции при ее оприходовании в магазинах, а также не проверен существующий порядок транспортировки винной продукции и обмена тарой.

Из обвинительного заключения следовало, что Малышев, работая начальником отделения ОБХСС Малиновского РОВД, в августе, в октябре и ноябре 1979 г. трижды получил взятки деньгами от старших продавцов винных магазинов Лейдермана и Гринберга за непринятие мер по обману ими покупателей на общую сумму 900 руб. В дальнейшем, работая в ОБХСС УВД г. Одессы с февраля 1981 г. по ноябрь 1983 г., он ежемесячно получал от Лейдермана и Гринберга взятки по 500 руб. в месяц, а с декабря 1981 г. по декабрь 1983 г. также от зятя Лейдермана – продавца другого винного магазина Виденко в той же сумме.

Общую сумму взятки в размере 1500 руб. Лейдерман вручал Малышеву поздно вечером, в 23:00, у магазина «Универсам», расположенного в доме № 67 по улице Перекопской дивизии в г. Одессе. Всего Малышевым было получено от указанных лиц взяток на сумму 53 100 руб. Деньги на взятки они брали за счет сдачи в пункты приема стеклотары порожних бутылок от выпитого вина, которое посетители приносили с собой и выпивали вместе с вином, покупаемым на розлив. Порожние же бутылки они оставляли там же, в магазине. Если тогда пустая пол-литровая бутылка в приемном пункте стеклотары стоила 12 копеек, то сколько же нужно было сдать таких бутылок на сумму 500 рублей? По нехитрым подсчетам, это 4166 штук, или 208 ящиков с бутылками, которые должен был собрать и сдать каждый из них, чтобы затем эти деньги вручить Малышеву в качестве взятки. И так на протяжении нескольких лет. Вот это «картина маслом»!

Чтобы придать коллективный характер вручению взяток и исключить квалификацию в посредничестве, в показаниях взяткодателей уже позже появилось утверждение, что в момент вручения денег Лейдерманом Малышеву присутствовали и Гринберг, и Виденко, но они стояли за углом «Универсама» и

«наблюдали процесс передачи денег». И так ежемесячно в течение почти трех лет?

Надо отметить, что это была основная и самая крупная сумма взяток в ранее предъявленном Малышеву обвинении, и отработка этих эпизодов в процессе дополнительного расследования была запланирована в первоочередном порядке. Этим направлением в нашей работе мы и занялись вместе с Б.А. Ивановым.

За первый месяц нашей совместной работы удалось установить следующее.

Допрошенные в связи с настоящим делом Лейдерман, Гринберг и Виденко продолжали настаивать на показаниях, данных ими ранее на предварительном следствии. В частности, каждый из них пояснил, что поводом для их обращения в следственные органы послужила статья «Падение», опубликованная в местной газете «Знамя коммунизма», в которой сообщалось об увольнении Малышева из органов внутренних дел, а также о привлечении ряда работников ОБХСС к уголовной ответственности за получение взяток.

Ознакомившись с этой статьей, они 7 августа 1985 г. пришли (так и хочется от себя добавить «дружно взявшись за руки») в УКГБ по Одесской области, где написали явки с повинной о даче Малышеву взяток. Как пояснил Виденко на предварительном следствии и в суде, «при встречах с Лейдерманом и Гринбергом, каждый из нас говорил, что надоело нести этот грех перед народом, перед совестью, мы пришли к выводу, что настал момент, когда надо сделать честный шаг».

На следующий день, 8 августа, они уже без Виденко вновь пришли в УКГБ, где были допрошены следователем с 14 до 19 часов, по содержанию написанных ими ранее явок с повинной. Встречу с сотрудником УКГБ Бобовским и проводимые им с ними предварительные беседы они категорически отрицали. Однако собранные по делу доказательства в их совокупности свидетельствовали о том, что заявления Лейдермана, Грин-

берга и Виденко, касавшиеся преступной деятельности Малышева, были получены от них не в порядке их добровольной явки с повинной, а в результате оперативной работы по выявлению их собственной противоправной деятельности. Так, свидетель Зера Брилянд показала, что в один из дней августа 1985 г. сразу после открытия винного магазина в два часа дня в него вошли два человека и пригласили Гринберга с собой. Он очень испугался и сказал ей, что едет в УКГБ, отдал распоряжения по магазину и ушел с этими гражданами.

Однако 7 августа 1985 г. в журнале регистрации разовых пропусков на проход в здание УКГБ записей об оформлении этих пропусков на имя Лейдермана, Гриберга и Виденко, как и самих корешков пропусков на их фамилии нами обнаружено не было. Кроме того, свидетели Кононенко К.П. и Лозовик С.Г., дежурившие по Управлению КГБ 7 августа, показали, что с заявлениями о взяточничестве Малышева к ним в этот день никто не обращался.

Сотрудники ГУБХСС МВД СССР Родин и Карпеев, работавшие в Одессе в составе оперативной группы МВД СССР, будучи допрошенными в качестве свидетелей, показали, что 8 августа 1985 г. они по указанию руководителя группы А.А. Аслаханова были направлены в УКГБ Одесской области для оказания помощи в работе сотруднику УКГБ Бобовскому. После проведенного с ними инструктажа Бобовский дал им указание доставить в УКГБ заведующего винным магазином Гринберга, что ими и было исполнено. Когда они доставили Гринберга в УКГБ, то в коридоре у кабинета Бобовского увидели еще одного гражданина, как потом выяснилось, также продавца винного магазина Лейдермана. Вечером того же дня в УКГБ приехал следователь УВД области Подчаха, который стал допрашивать этих граждан.

Осмотром журнала регистрации пропусков на проход в здание УКГБ по Одесской области, а также корешков разовых пропусков установлено, что Лейдерман и Гринберг посещали

УКГБ только один раз 8 августа 1985 г. в 14 час. Их проход был оформлен к сотруднику УКГБ Бобовскому, который в обычном порядке приемом граждан не занимался. Так как документы у Лейдермана и Гринберга при себе отсутствовали (что непременно должно было быть в случае добровольного ими прихода с заявлениями о явке с повинной), то в выписанных им пропусках на проход в здание в графе «наименование документа» был отражен номер служебного удостоверения Бобовского. Отметки о нахождении в здании УКГБ в пропусках также были исполнены собственноручно Бобовским, который сделал записи о том, что Гринберг находился в здании до 23 час. 00 мин., а Лейдерман до 23 час. 30 мин. Кроме того, в этот же день, 8 августа, пропуска на проход в УКГБ к сотруднику Бобовскому также были оформлены и на сотрудников МВД СССР Родина и Карпеева.

В процессе допроса сотрудник УКГБ Бобовский уклонился от дачи конкретных развернутых показаний об обстоятельствах получения им заявлений о явках с повинной от Лейдермана, Гринберга и Виденко, сославшись при этом на большой объем работы с разными лицами, проходившими у него по материалам проверок, а также на плохую память. Однако он помнил, что указанные лица обращались в УКГБ с заявлениями о даче взяток Малышеву, что подтверждалось изъятыми корешками разовых пропусков на проход в здание и выполненными им в них отметками.

В то же время, содержащиеся в материалах дела заявления о явках с повинной Лейдермана и Гринберга были датированы 7 августа 1985 года, а на заявлении о явке с повинной Виденко имелись следы исправления даты с 8-го на 7 августа. Кроме того, на протоколе допроса Лейдермана, составленном следователем Подчахой, дата его проведения была удалена механическим путем. Время его допроса указано с 19 час. 50 мин. до 21 час. 05 мин. Протокол допроса Гринберга датирован 7 августа. Время проведения допроса указано с 21 час. 15 мин. до

23 час. Эти объективные данные соответствовали сведениям, содержащимся в корешках разовых пропусков на вход в здание УКГБ.

Проведенной уже значительно позже криминалистической экспертизой научно-исследовательской лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз Министерства юстиции СССР установлено, что в записи даты на втором листе заявления Виденко о явке с повинной первоначально была выполнена цифра 8, исправленная затем на цифру 7.

Свидетель Г.Х. Подчаха, работавший тогда следователем по особо важным делам следственного управления областного УВД, на допросе показал, что 8 августа около 18 час. 00 мин. он совместно с начальником ОБХСС УВД области С.А. Головкиным прибыл в УКГБ, где они выслушали сначала устные заявления Лейдермана и Гринберга, а затем предложили им составить заявления о явках с повинной. После этого он допросил обоих в качестве свидетелей. Допрос производился на первом этаже в комнате приема граждан, без возбуждения по этим фактам уголовного дела. В соответствии с указанием Головкина допрос производился и с применением видеозаписи, хотя в протоколах допросов записей об уведомлении допрашиваемых лиц о применении видеозаписи он не сделал и не отразил сведений о применяемой им при этом аппаратуре. При выполнении этих следственных действий Виденко он не допрашивал. Все полученные в результате следственных действий протоколы, а также явки с повинной он передал присутствовавшему здесь же Головкину. На вопрос, почему он передал протоколы следственных действий и заявления о явках с повинной именно Головкину, которому не подчинялся и который не имел отношения к следствию, Подчаха пояснил, что действовал так по указанию прокурора области Зимарина, которое со слов озвучил ему Головкин.

В то же время допрошенный по этим обстоятельствам Головкин дал показания, которые соответствовали, однако, первоначальной версии. Он пояснил, что 7 августа ему позвонил прокурор области Зимарин и поручил разобраться с заявлениями продавцов винных магазинов в отношении Малышева, которые находились в этот момент в УКГБ. Прибыв туда, он встретил находившихся там следователя УВД Подчаху и продавцов винных магазинов Лейдермана, Гринберга и Виденко. После того как они все вместе выслушали их заявления, Подчаха по его просьбе предложил им составить письменные заявления о явках с повинной и принял их. Когда же он доложил Зимарину содержание этих заявлений, то последний предложил их оформить в процессуальном порядке. Выполняя это указание, на следующий день, 8 августа, он поручил следователю Подчахе допросить их, что и было исполнено. В его присутствии Подчаха допросил Лейдермана, на допросе Гринберга он уже не присутствовал. После этого все заявления о явках с повинной и протоколы допросов были переданы им в прокуратуру области, где в дальнейшем в отношении Малышева было возбуждено уголовное дело.

В то же время Подчаха, уточняя дату своего посещения УКГБ именно 8 августа, показал, что 7 августа он не мог находиться в УКГБ, так как в этот день до позднего вечера работал в следственном изоляторе УВД области и выполнял следственные действия по уголовному делу по обвинению Меркалишвили.

Это заявление было нами проверено путем установления данного уголовного дела и его осмотра, которым было подтверждено, что Подчаха действительно в этот день находился в следственной изоляторе и выполнял там следственные действия с перерывами в период с 11 час. до 15 час. и с 17 час. до 20 час. 30 мин. Свои действия, связанные с допросом указанных лиц до момента возбуждения уголовного дела, Подчаха объяснил своей халатностью, а несоответствие даты на протоколе допроса Гринберга фактической дате его допроса своей

оплошностью, так как во время допроса он всё время сравнивал показания допрашиваемых лиц с изложенными уже ими ранее письменными показаниями в заявлениях о явках с повинной, датированных 7 августа. Поэтому дату на протоколе допроса Гринберга 7 августа он проставил ошибочно, полагая, что эти заявления ими были написаны в тот же день. Почему дата на протоколе допроса Лейдермана была вообще удалена механически, он объяснить не смог.

Следует дополнить эту информацию и тем, что видеозапись допросов указанных выше лиц, объективно устанавливающая дату и время их проведения, к материалам дела приобщена не была и в дальнейшем ее установить так и не представилось возможным. Противоречия в показаниях не были устранены и при проведении очных ставок между Подчахой и Бельским, Подчахой и Головкиным, Подчахой и Лейдерманом и Гринбергом.

Таким образом, показания не заинтересованных в результатах настоящего дела свидетелей Подчахи, а также Родина и Карпеева в совокупности с информацией, содержащейся в изъятых корешках пропусков в здание УКГБ по Одесской области, позволили нам сделать следующий вывод. Лейдерман и Гринберг были доставлены в УКГБ Одесской области сотрудниками МВД СССР к старшему оперуполномоченному УКГБ Бобовскому в его служебный кабинет 8 августа. Там же после длительной беседы и уже в присутствии следователя УВД Подчахи они составили «добровольные» письменные заявления о даче взяток Малышеву. В этот же день, то есть 8 августа, еще до возбуждения уголовного дела, они в нарушение требований процессуального законодательства были допрошены следователем УВД Подчахой, не располагавшим достоверными данными о возбуждении в отношении Малышева уголовного дела. Тогда же Подчаха по инерции поставил дату допроса, соответствовавшую дате заявлений о явке с повинной. Обстоятельства получения Бобовским заявления о явке с повинной от Виден-

ко, дата на которой была затем исправлена с 8 августа на 7 августа, чтобы придать видимость одновременного обращения его с этим заявлением вместе с Лейдерманом и Гринбергом, объективно так и не были установлены. Полученные доказательства свидетельствовали пока лишь о том, что в действиях Лейдермана, Гринберга и Виденко отсутствовали признаки их добровольного обращения в правоохранительные органы с заявлениями о совершенном преступлении, а именно о даче ими взяток Малышеву.

Конечно, работая в УКГБ по установлению и выемке корешков разовых пропусков, я не мог не посетить и обвиняемого Малышева, содержавшегося в следственном изоляторе этого ведомства. Заявленного Малышевым ранее адвоката в Одессе не было, так как он проживал в Баку. В связи с этим без адвоката официально допрашивать его было нельзя. В то же время закон не запрещал знакомить обвиняемого без адвоката с постановлениями о принятии уголовного дела к моему производству и с постановлением об организации расследования группой следователей, чем я и не преминул воспользоваться. Так состоялась первая наша с ним встреча. Нужно сказать, что держался он уверенно и спокойно переносил все тяготы тюремного заключения. Узнав о том, что дальнейшее расследование будет проводить следователь следственной части Прокуратуры Союза ССР, он очень обрадовался и настроение его значительно улучшилось. С одобрением он отнесся и к информации о составе следственной группы по его делу, где не было ни одного следователя из Одессы, которым он никому не доверял. Малышев оказался очень разговорчивым человеком, и наша беседа с ним без протокола затянулась. Я думаю, что ее контролировали и наши коллеги из УФСБ. Тем не менее Малышев сообщил мне, что он не признает себя виновным ни по одному эпизоду предъявленного ему обвинения и считает его сфабрикованным усилиями Бобовского, Бельского и Зимарина, которым он выразил свое полное недоверие.

Мина под приговор

Однако это было еще далеко не всё. В судебном процессе на стадии завершения судебного следствия по делу Малышева, 1 октября 1986 г., в судебное заседание прибыл помощник прокурора г. Одессы Бельский А.М., который был допрошен судом, как было указано в протоколе, по вопросам, касающимся оперативной работы органов предварительного следствия.

В процессе дачи показаний Бельский, на вопрос председателя судебного заседания сделал следующее сенсационное заявление: «Да, правоохранительным органам было известно о даче взятки Малышеву Лейдерманом, Гринбергом и Виденко до того, как они написали явки с повинной. Об этом было известно из явок с повинной Гербера, Насса и Полищука». Далее он пояснил суду, что о существовании этих заявлений он узнал только в конце следствия по делу Малышева от сотрудника УКГБ Бобовского, который и принес их ему и руководителю следственной группы Шашкину только в марте 1986 г. Когда он посмотрел на даты в этих заявлениях, то обратил внимание, что заявление Насса о том, что ему известно о фактах дачи взятки Зигельманом Малышеву, было датировано еще апрелем 1985 г. Заявления Гербера и Полищука о том, что на протяжении нескольких лет Лейдерман, Гринберг и Виденко дают взятки Малышеву, были датированы 6 и 7 августа 1985 г.

Когда же они вместе с Шашкиным доложили содержание этих заявлений прокурору области Зимарину, то последний дал указание вернуть их назад Бобовскому, так как если их приобщить к делу, то тогда нужно будет привлекать к уголовной ответственности Лейдермана, Гринберга и Виденко за дачу ими взятки. В этом случае последние откажутся от своих показаний. Далее Бельский сообщил о том, что данные заявления он Бобовскому не вернул, продолжал хранить у себя и готов их представить суду для обозрения и приобщения к материалам

дела. Это было действительно сенсационное заявление следователя, возбудившего данное уголовное дело, руководившего следствием на первом его этапе и активно участвовавшего в дальнейшем расследовании. Он прекрасно понимал, что закладывает мину под весь судебный процесс, и суд далее будет обязан возвратить это дело на дополнительное расследование, поскольку в этом случае освобождение от уголовной ответственности Лейдермана, Гринберга и Виденко было незаконно, а раздельное рассмотрение уголовных дел в таких случаях судом исключается. Через день после объявленного судом перерыва Бельский вновь прибыл в суд и предъявил заявления о явках с повинной Гербера, Насса и Полищука, которые суд после их осмотра приобщил к материалам уголовного дела. Осмотром этих заявлений было установлено следующее. На заявлении Насса Э.И. от 28 марта 1985 г. имеется запись, исполненная Бельским: «Получил от т. Бобовского 21.03.86 г.» и подпись. На обороте листа дописано: «Доложено т. Зимарину. Дано указание возвратить эту «явку» т. Бобовскому Ю.А.». На заявлении Гербера А.М. от 6 августа 1985 г. имеется аналогичная запись, исполненная Бельским: «Получено от т. Бобовского 21.03.86 г.» и подпись. Ниже дописано: «Доложено т. Зимарину В.И. Дано указание возвратить «явку» т. Бобовскому». На заявлении Полищука А.С. от 7 августа 1985 г. имеется такая же надпись: «Получено от Бобовского 21.03.86 г.» и подпись. На обратной стороне листа дописано: «Доложено т. Зимарину. Приказано «явку» возвратить т. Бобовскому».

Да, действительно, это была сенсация. Никто из практических работников суда, прокуратуры и милиции не мог припомнить подобного случая, когда бы следователь, активно участвовавший в расследовании и руководивший им, заявлял в суде о допущенных следствием грубых нарушениях законности при формировании доказательств, положенных в основу обвинения подсудимого. Для этого нужны были какие-то очень веские причины и мотивы.

При таких вновь открывшихся обстоятельствах адвокатом Малышева Гольдманом А.М. сразу же было заявлено ходатайство о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование. Для осмысления случившегося председатель суда объявил перерыв в судебном заседании.

После объявленного перерыва 22 октября 1986 г. слово для дачи заключения по заявленному адвокатом ходатайству было предоставлено государственному обвинителю Шуляченко Г.П., работавшего в тот период времени в должности начальника отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах прокуратуры Одесской области.

Прокурор Шуляченко поддержал заявленное ходатайство адвоката и в своем заключении указал: «Органы предварительного следствия не выполнили требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела, без достаточной проверки и преждевременно были решены вопросы об освобождении от уголовной ответственности свидетелей Гринберга, Лейдермана и Виденко, неполно исследованы источники денежных средств для дачи ими взяток». На следующий день суд вынес определение о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование.

Нами, конечно же, еще на первом этапе работы в Одессе были допрошены свидетели Насс, Гербер и Полищук. Давая показания об обстоятельствах написания «явки с повинной», свидетель Насс показал, что написал ее в следственном изоляторе УВД без принуждения с чьей-либо стороны. В этом заявлении он сообщал, что, со слов бывшего грузчика рынка «Черемушки» Пилипенко, который уже умер, ему было известно о получении Малышевым взяток деньгами и другими предметами от работника этого же рынка Зигельмана.

Из показаний свидетеля Гербера усматривалось, что 31 июля 1985 г. он был задержан и помещен сотрудниками ОБХСС в изолятор временного содержания УВД, а затем арестован за совершенные им нарушения правил торговли и об-

ман покупателей в магазине, где он работал. Там его посетил сотрудник КГБ Бобовский, который интересовался сведениями о его отношениях с Малышевым и о преступной деятельности последнего. После этого разговора Гербер через несколько дней был переведен в следственный изолятор УКГБ. Полагая возможным, что такие сведения облегчат ему участь, он рассказал о своей осведомленности со слов Гринберга, что тот вместе с Лейдерманом и Виденко платят Малышеву деньги в качестве взяток. Всё это он 6 августа изложил письменно в своем заявлении, которое передал Бобовскому. Далее он пояснил, что на следующий день Бобовский в своем служебном кабинете свел его с Полищуком, отрицавшим свою осведомленность о деятельности Малышева. Воспользовавшись тем, что Бобовский оставил их на некоторое время одних, он уговорил Полищука подтвердить его показания в их общих интересах, что тот, в итоге, и сделал, написав такое же заявление.

Свидетель Полищук на допросе в качестве свидетеля, в том числе и на очной ставке с Гербером, показал, что свое заявление в отношении Малышева он, действительно, написал по просьбе Гербера, с которым встретился 7 августа в одном из кабинетов УКГБ. Эта встреча была организована сотрудником УКГБ Бобовским. В своем заявлении он изложил лишь данные, сообщенные ему Гербером при встрече с ним. В действительности ему ничего о правонарушениях со стороны Малышева известно не было.

Показания Гербера и Полищука подтверждались объективно и изъятыми нами документами: вызывным требованием Гербера из СИЗО к Бобовскому от 6 августа 1985 г., согласно отметкам в котором он находился у него с 15 час. 20 мин. до 18 час. 15 мин., вызывным требованием Гербера из СИЗО к Бобовскому от 7 августа, согласно которому он находился у Бобовского с 12 час. 20 мин. до 18 час. 15 мин., корешком пропуска Полищука на проход в здание УКГБ от 7 августа 1985 г. к сотруднику Бобовскому, где он, согласно сделанным Бобов-

ским отметкам, находился с 16 час. 15 мин. до 17 час. 40 мин., то есть тогда, когда там находился и Гербер.

Как видно из документально установленных следствием обстоятельств, 7 августа 1985 г. Бобовский осуществлял оперативную работу с Гербером и Полищуком с 12 час. 20 мин. до 18 час. 15 мин. и не мог, в связи с этим, одновременно осуществлять работу еще и с Лейдерманом, Гринбергом и Виденко, так как к ней был и теоретически и физически еще не готов из-за отсутствия необходимой для этого информации и необходимого служебного времени.

В то же время, утверждения Лейдермана, Гринберга и Виденко в части обращения их 7 августа в УКГБ Одесской области с явками с повинной были с самого начала ложными, а содержащаяся в них информация была уже заранее известна Бобовскому и им же спланирована.

Так, еще на этапе возбуждения уголовного дела были грубо нарушены требования процессуального закона в части сбора и фиксации доказательств, что свидетельствовало об их недопустимости в дальнейшем для использования в качестве обвинения. Тем не менее, полученные таким образом заявления о явках с повинной и содержащиеся в них сведения от Лейдермана, Гринберга и Виденко были положены в основу возбуждения уголовного дела в отношении Малышева и послужили одним из оснований для избрания в отношении него меры пресечения – содержания под стражей. Кроме того, подтвердился и предположительный вывод суда о необоснованности освобождения от уголовной ответственности Лейдермана, Гринберга и Виденко за дачу ими взяток в связи с добровольностью сделанных ими заявлений об этом, так как теперь уже следствием был установлен факт обращения с заявлениями, сделанными ранее по этому поводу Гербером и Полищуком. Именно по этой причине эти заявления были скрыты Бельским и Зимариным и не приобщены к материалам дела в установленном порядке.

Но это пока только процессуальные нарушения, а что же в плане права материального, то есть какими собранными в материалах дела доказательствами устанавливалась объективная и субъективная сторона состава этих преступлений?

Прежде всего, необходимо было установить достоверные источники поступления денег к взяточодателям для последующей дачи этих самых взяток денежными суммами.

Из материалов уголовного дела, находившегося в производстве у следователя Бельского, были выделены в отдельное производство материалы по факту обнаружения работниками ОБХСС еще 21 августа 1981 г. при внезапной инвентаризации магазина № 36, где работал Гринберг, спрятанных и не оприходованных в кассу денег в размере 6718 руб. и недостачи двух металлических бочек. В постановлении утверждалось в качестве предположения, что не оприходованные в кассу деньги могли образоваться за счет поступления в магазин неучтенного вина, что требовало дополнительной проверки. По результатам этой проверки ОБХСС УВД г. Одессы было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако нам не удалось проверить достоверность этих сведений, как и обоснованность принятого по ним решения, так как этот материал на момент нашего запроса был уже уничтожен за истечением сроков давности хранения.

Кроме того, в отдельное производство из данного дела еще 11 апреля 1986 г. были выделены материалы по фактам обмана покупателей в процессе реализации вина в магазине № 4 Приморского продторга, где работал Виденко, и магазинах № 36 и № 39 Малиновского продторга, где работали Гринберг и Лейдерман в качестве старших продавцов на правах заведующих этими магазинами.

Эти материалы длительное время находились без движения. Однако, затем в процессе их дальнейшей проверки прокуратурой Жовтневого района г. Одессы каких-либо нарушений правил торговли и других корыстных злоупотреблений

со стороны работников этих магазинов установлено не было. В результате чего 17 февраля 1987 г. было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления. Принятыми нами мерами этот пробел в следствии восполнить не удалось, товарные отчеты и акты инвентаризаций за период 1979-1982 гг., а частично и 1983 г. были уже уничтожены за истечением сроков давности их хранения.

Всё же по нашему постановлению ревизорами Одесского областного управления торговли уже в апреле 1987 г. была проведена документальная ревизия указанных выше магазинов. По результатам ревизии фактов нарушений правил оприходования и списания товарно-материальных ценностей со стороны Лейдермана, Гринберга и Виденко установлено не было. Ревизией не было установлено и фактов получения и реализации указанными магазинами не оприходованного и завезенного со стороны вина. Трудно было сказать в тот момент, хорошие это были для нас выводы или плохие. Оставляю эти оценки на усмотрение читателей. Нам же тогда очень важно было получить объективные данные, на которые можно было безбоязненно опираться при принятии процессуальных решений.

И наконец, последнее. Наши взятодатели в один голос утверждали, что давали взятки Малышеву за то, чтобы он не мешал им организацией проверок спокойно работать в магазинах. Эти мотивы их действий составляли субъективную сторону состава преступления, именуемого дачей взятки. Следствием было опровергнуто и это их утверждение. Нами было установлено, что в магазинах № 39, № 36 и № 4, которыми руководили Лейдерман, Гринберг и Виденко, работники ОБХСС в 1983-1984 гг. восемь раз проверяли и устанавливали факты обсчета покупателей и недолива продавцами магазинов вина. В этот же период многочисленные случаи нарушений правил торговли в этих магазинах были установлены работниками госинспекции по качеству товаров и торговле, а также город-

ского комитета народного контроля. По всем случаям выявленных нарушений виновные лица были привлечены к административной ответственности.

Совершение же каких-либо конкретных действий или бездействия Малышева в интересах Лейдермана, Гринберга и Виденко, которые могли бы быть обусловлены взятками и что являлось бы побудительным мотивом для совершения этих преступлений, дополнительным расследованием установлено не было.

Допрошенный по этим обстоятельствам Бельский дал сбивчивые непоследовательные и нелогичные показания. Целиком и полностью подтверждая показания, данные им в суде по поводу явок с повинной Насса, Гербера и Полищука, он далее пояснил, что сам он эти заявления не проверял, исполняя указание Зимарина, так как с учетом времени их получения необходимо было бы привлекать к уголовной ответственности Зигельмана, Лейдермана, Гринберга и Виденко за дачу ими взяток Малышеву, а это могло повредить ходу следствия. По этим же причинам Бельский не докладывал о них работникам Прокуратуры Союза ССР Негоде Г.М. и Баулину Ю.М. как при посещении последним Одессы, так и при представлении этого дела непосредственно в Прокуратуру Союза ССР перед направлением его в суд. В то же время заявления этих лиц он выдал суду, так как считал, что они имеют существенное значение для установления истины по делу. При решении вопроса об объявлении Малышева в розыск и избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу он полагал, что Лейдерман, Гринберг и Виденко дают правдивые показания и они по указанию Зимарина им не перепроверялись, также, как и не устанавливалось место нахождения самого Малышева перед объявлением его в розыск. Что касается упущений в дальнейшем в части проверки этих показаний, то он полагал, что устранить эти упущения должен был Шашкин. По поводу необеспечения общего качества следствия, что

повлекло возвращение уголовного дела на новое расследование, Бельский мотивировал это своим преклонным возрастом (68 лет) и усталостью.

Но что же заставило помощника прокурора города Бельского, участника войны, имевшего большой стаж следственной работы в прошлом, до назначения его на должность помощника прокурора города, сделать в суде то сенсационное заявление и подкрепить его предъявлением суду письменных заявлений о так называемых явках с повинной? Ведь как никто другой Бельский прекрасно понимал, что своим заявлением он подорвал фундамент итогов расследования по делу, которому посвятил девять месяцев работы под руководством прокурора области Зимарина, и, конечно же, дал серьезный повод суду вернуть это дело для дополнительного расследования?

На этот вопрос я дам ответ, но значительно позже, в завершающей стадии моего повествования. В результате этой большой работы мы пришли к выводу, что по эпизодам дачи взятки Малышеву Лейдерманом, Гринбергом и Виденко данные ими показания являются неискренними и полученными в результате сговора с оперативными сотрудниками УКГБ. Объективных доказательств, подтверждающих показания этих свидетелей, дополнительным расследованием получено не было.

Почему же пришлось так подробно остановиться на описании проверки нами именно этих эпизодов преступлений в предъявленном Малышеву обвинении?

Во-первых, потому, что Верховным судом Молдавии по этим эпизодам было сформулировано 16 указаний, подлежащих обязательному выполнению, что составляло третью часть от общего их количества, а описал я здесь только проверку по 4 из них. Во-вторых, именно заявления этих лиц и их показания явились основанием для возбуждения уголовного дела и избрания Малышеву меры пресечения. В-третьих, нами были установлены методы получения и сбора доказательств первоначальным следствием и принципы организации его работы,

которые дальше распространились и на другие выявленные эпизоды преступной деятельности Малышева.

В дальнейшем я буду придерживаться более упрощенного описания нашей работы по этому делу. А пока мы завершили на этом этапе нашу предварительную работу в Одессе и в первых числах марта возвратились в Москву.

Нужно отметить, что возвратились мы из Одессы уже не в таком оптимистичном настроении, которое мы ощущали по пути в этот город. Мы понимали, что своими детальными проверками заявлений и показаний Лейдермана, Гринберга и Виденко и обстоятельств, предшествовавших их возникновению, мы вторгались в закрытую зону деятельности Управления Комитета государственной безопасности Одесской области и эта работа поддерживалась новым руководством УВД и прокуратуры Одесской области.

Для нас было ясно, каким путем формировались доказательства вины Малышева. Стало понятно, что фактически, несмотря на образованную следственную группу Прокуратуры Союза ССР, расследованием руководил прокурор области Зимарин, и он проявлял повышенную заинтересованность в результатах этого расследования для создания громкого уголовного дела в масштабах всей страны. Вместе с тем, вопросы обеспечения прокурорского надзора за следствием в части соблюдения законности проведения следственных действий и формирования доказательств им принижались, как он полагал, в интересах следствия. Мы также понимали и то, что после изъятия в УКГБ корешков разовых пропусков, требований на вызов следственно-арестованных, мы попали под пристальное внимание этого ведомства, что не исключало в дальнейшем возможных провокаций в отношении нас.

Обо всем этом я в подробностях доложил своему руководителю А.В. Чижуку, а затем и начальнику следственной части Г.П. Каракозову. Герман Петрович положительно оценил нашу работу и, успокаивая меня, сказал, чтобы я не отчаивался, так

как органы безопасности работали так всегда. Нужно было только процессуально грамотно оформлять полученную от них информацию и в дальнейшем ее перепроверять, чего в Одессе предыдущие коллеги сделать не смогли или не захотели. Но так как мы проверили еще только третью часть всех эпизодов преступлений, в которых обвинялся Малышев, то надежда на сохранение этого обвинения, хоть в частичном его виде, остается. Оставалось надеяться на это, надежда всегда умирает последней.

Часть II

Новые впечатления

По плану расследования у нас предполагались многочисленные командировки в девять городов страны для выполнения данных судом указаний. Мне предстояло выехать в г. Киев и установить факт пребывания там Малышева в апреле 1981 г. и в апреле-мае 1982 г. в гостинице «Лыбидь», то есть в периоды инкриминируемых ему эпизодов получения взяток в Одессе. Для чего необходимо было проверить в указанных им гостиницах документы, подтверждающие факты его там проживания и изъять их. В МВД Украины истребовать заключение о восстановлении Малышева на службе в органах внутренних дел. Встретиться с рядом руководящих сотрудников МВД, КГБ и Прокуратуры Украинской ССР по вопросам организации проверок жалоб и обращений Малышева и при этом попытаться установить возможных его покровителей, помогавших ему в продвижении по службе.

Членам нашей следственной группы также предстояло проверить объективность показаний взятодателей о времени вручения ими взяток Малышеву и заодно проверить утверждения последнего, что во время ряда вменяемых ему эпизодов получения взяток он в Одессе не находился.

Б.А. Иванов должен был выехать в Ленинград и Таллин, и аналогичным образом проверить показания Малышева о пребывании там в июне и августе 1983 г. и таким же путем отработать гостиницы, в которых он якобы проживал в этот период. Кроме этого, выездом в Харьков ему же надлежало установить учебное заведение, в котором Виденко находился на курсах повышения квалификации в январе 1982 г. и изъять документы, подтверждающие эту информацию.

В.Т. Шевчукову надлежало выехать в г. Баку, проверить показания Малышева о пребывании там в сентябре-октябре 1979 г. и допросить множество свидетелей, так как у одного из них, по показаниям Малышева, он был в это время на свадьбе. Кроме того, допросить целый ряд лиц, с которыми общался Малышев, когда был в Баку в мае 1981 г. Следует отметить, что ни одно из ходатайств Малышева о проверке этих сведений не было ранее удовлетворено следствием и проверка этих сведений не проводилась. Тем не менее эпизоды о получении им взяток в указанный период времени ему были предъявлены в обвинении. Помимо всего этого, Шевчукову также нужно было выехать в Херсон, где установить место отбытия наказания по приговору суда бывшего заместителя начальника ОБХСС Приморского РОВД г. Одессы Нехлюдова и допросить его о взаимоотношениях с Малышевым, о времени и обстоятельствах совместной поездки с ним в Москву и проживании в гостинице «Белград» в ноябре 1981 г. и другим вопросам.

О.В. Дмитриев еще в ходе нашей первой командировки в Одессу занялся проверкой эпизодов получения взяток Малышевым от работника рынка «Черемушки» Зигельмана. Ему было поручено посетить города Донецк, Ровно и Львов, где отбывали наказание в местах лишения свободы осужденные за получение взяток бывшие: директор рынка «Черемушки» Рекочинская, начальник Одесского областного управления рынками Иванько, его заместитель Зидрашко и начальник орготдела этого же управления Соболев. Там же допросить их

по вопросам взаимоотношений с Малышевым, с Зигельманом и его женой Щербаковой, также работавшей на рынке «Черемушки» и находившейся в это время в розыске, об источнике сбора денег Зигельманом и Щербаковой для дачи им взяток.

Ну и наконец, И.Е. Индин продолжал работу по эпизодам дачи взяток Малышеву его бывшими подчиненными Горечким и Скорищенко. В этой связи ему поручалось съездить в г. Нижний Тагил Свердловской области, где в исправительной колонии отбывали наказание по приговору суда бывшие сотрудники ОБХСС райотделов милиции г. Одессы Коротков и Нехлюдов. Необходимо было допросить их о взаимоотношениях с Малышевым и обстоятельствах составления ими заявлений о даче ему взяток.

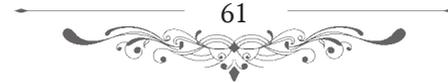
Как видно из перечисленных мероприятий, объем работы следовало выполнить немалый, но требуемая для проверки информация была необходима для объективной оценки показаний свидетелей и в целом для установления объективной истины.

Что касается моей лично командировки в г. Киев, то она не была плодотворной, хотя и была насыщена различными встречами. Я специально остановился в гостинице «Лыбидь», где, как утверждал Малышев, он останавливался в 1981 и 1982 гг. Однако трехлетний срок хранения документов, подтверждающих регистрацию и оплату проживания в гостинице, истек, и чуда не случилось. Документы эти были сначала направлены в архив Госкомитета Украины по иностранному туризму, где затем были уничтожены, согласно акту об их уничтожении, еще в 1985 г. Пришлось довольствоваться копией акта об уничтожении и допросами лиц, его подписавшими и подтвердившими реальный факт уничтожения этих документов. В результате встречи с заместителем министра внутренних дел Украины В.В. Дурдинцом, которую мне обеспечил заместитель прокурора республики М.А. Потребенько, удалось установить и заключение министерства от 21 февраля 1985 г. о восстановлении

Малышева на службе в органах внутренних дел на равнозначную должность с выплатой заработной платы за вынужденный прогул. Были также истребованы и другие заключения после повторного увольнения Малышева. В то же время на основании выводов повторных комиссий по их заключениям, его последующее увольнение было признано обоснованным. Однако поскольку они не служили доказательствами по предъявленному Малышеву обвинению и относились лишь к сведениям, характеризующим его личность, то я удовлетворился лишь снятием копий указанных документов и полученной устной информацией.

Достаточно продолжительная встреча состоялась у меня с заместителем прокурора УССР – начальником следственного управления прокуратуры республики Михаилом Алексеви-чем Потребенько. В беседе со мной он рассказал, что еще в ноябре 1985 г., находясь в командировке в Одессе, он изучал уголовное дело по обвинению Малышева. По результатам этого изучения 29 ноября 1985 г. он дал по этому делу развернутые письменные указания прокурору Одесской области В.И. Зимарину, в частности, о всесторонней и объективной проверке показаний Лейдермана, Гринберга и Виденко о даче ими взяток Малышеву, которые прокурор области обязан был выполнить. Однако Зимарин их проигнорировал и после этого переориентировался на Прокуратуру Союза ССР. По его инициативе сразу после этого была образована следственная группа Прокуратуры СССР, которая подчинялась непосредственно Москве, и указания прокуратуры республики для него уже были якобы недействительны, так как надзор за следствием по этому делу Прокуратурой Союза ССР был поручен ему лично. Я же поделился с Михаилом Алексеви-чем некоторыми выводами о проверке уже нами этих показаний, и мы с удовлетворением отметили, что наши оценки и выводы в этой части совпали. В разговоре с М.А. Потребенько я пытался получить у него информацию о связях Малышева в Киеве и Москве и о его покровите-

лях. Однако ничего конкретного мне выяснить не удалось. Он лишь сказал мне, что в ЦК Компартии Украины его отдельные высокопоставленные сотрудники, действительно, проявляют к судьбе Малышева повышенный интерес.

Также он предложил мне посетить по этому поводу заведующего Отделом административных органов ЦК КП Украины А.С. Чумака. Думаю сейчас, что он это сделал неспроста, чтобы мои размышления на этот счет имели бы под собой какую-нибудь почву. Немного погодя, хотя в этом уже и не было никакой необходимости, М.А. Потребенко пригласил меня зайти вместе с ним к прокурору республики Петру Григорьевичу Осипенко и решить практически вопрос о моем визите в ЦК Компартии Украины. Уже через несколько минут мы были в кабинете у Петра Григорьевича. Я впервые общался с руководителем такого ранга и, признаться, был несколько смущен. Но мне нужно было привыкать к этому, так как впереди меня ожидали еще более высокие встречи. Нужно сказать, что мы тепло пообщались с Петром Григорьевичем. Он отметил, что в моей работе в Одессе могут возникнуть определенные трудности, так как прокурор области Зимарин имел очень непростой характер, большие амбиции и пользовался поддержкой в лице Генерального прокурора СССР А.М. Рекункова. Затем он согласовал с кем-то по телефону мое посещение на следующий день Отдела административных органов ЦК КП Украины. Мне же П.Г. Осипенко и М.А. Потребенко пожелали успехов в расследовании этого непростого и, как они отметили, очень грязного с точки зрения допущенных нарушений закона дела, имеющего достаточно туманные перспективы в будущем.

На следующий день я был принят заведующим отделом административных органов ЦК Компартии Украины Аркадием Степановичем Чумаком. В то время это был орган партийного руководства органами суда, прокуратуры, юстиции, безопасности и внутренних дел. В ходе беседы Чумак проявил повышенный интерес к результатам нашего расследования. Я, конечно,

не мог с ним делиться нашими предварительными оценками, так как тайна следствия и тогда, и сейчас обеспечивается законом. Однако всё же пришлось сообщить, что уголовное дело, по нашему мнению, было возбуждено поспешно и необоснованно, без надлежащей проверки показаний заявителей. При этом все лица, указанные в обвинении, продолжают давать показания о передаче Малышеву взяток, и мы будем эти показания тщательно проверять. Чумаку мои сообщения явно понравились. Он рассказал мне, что Малышев был у него на личном приеме и в октябре 1984 г. с жалобой на свое необоснованное увольнение из органов внутренних дел, и в начале августа 1985 г., с жалобой на начальника УВД Одесской области, отказавшего ему в восстановлении на службе в равноценной должности и уволившего его повторно, как не приступившего к службе. В связи с этим он давал поручение министру внутренних дел и прокурору республики тщательно разобраться в этом вопросе и принять необходимые меры. Однако спустя несколько дней после этого узнал о том, что Малышев был арестован в Москве правоохранительными органами Одессы. Поэтому он держал на контроле итоги этого расследования. Как бы между прочим он сообщил мне, что это дело находится еще и на контроле в ЦК КПСС. И если вдруг это уголовное дело будет прекращено, то руководители правоохранительных органов Одесской области понесут строгую партийную ответственность – вплоть до исключения из партии. У меня в процессе этой беседы возникло интуитивное ощущение, что именно Чумак, будучи ответственным должностным лицом, оказывал Малышеву поддержку в его продвижении по службе и пытался как-то контролировать процесс расследования по возбужденному в отношении него уголовному делу.

Поскольку же прокурор области Зимарин перевел информационный канал по этому делу из Киева в Москву, то теперь для него моя информация была как свежий глоток воздуха. Стало мне теперь понятно, и почему 5 августа 1985 г. Малышев, уже

не являвшийся сотрудником органов милиции, вдруг был принят на личном приеме министром внутренних дел Украины Гладушем, почему это дело изучалось в последующем в Одессе заместителем прокурора Украины Потребенько и, наконец, почему меня так быстро принял прокурор республики П.Г. Осипенко. Для них обоих мои, пусть и избирательные, сообщения о результатах расследования были тем же глотком свежего воздуха в созданном Зимариным вакууме информации.

Но чем было доказать это предположение? Никаких свидетельских показаний на этот счет у меня не было. Да и какое это имело отношение к предмету нашего расследования? У нас были показания о даче взяток, и мы их должны были подтвердить или опровергнуть. В этом и заключалась наша работа, а всё остальное было уже из области большой политики, интриг, карьерных разборок и подковерной борьбы – всего того, что применяли и использовали в своих интересах отдельные партийные функционеры и нечистоплотные чиновники различных рангов и ведомств в борьбе за власть и расширение сфер своего влияния. В итоге мы доброжелательно простились, и Чумак пожелал мне успехов в моей дальнейшей работе в Одессе.

Моим коллегам повезло в командировках больше, чем мне, так как им удалось установить свидетелей, изъять документы о нахождении Малышева в тех местах, о которых он заявлял, что препятствовало ему получать в этот момент взятки.

Особенно хочу выделить работу Ивана Индина в командировке в Нижний Тагил. Я уже отмечал опыт его работы, серьезность и основательность в подходе к проведению любых следственных действий, что вызывало уважение к этому человеку. Им были допрошены в ИТК-13 в г. Нижний Тагил отбывавшие там наказание по приговору суда бывший заместитель начальника ОБХСС Малиновского РОВД г. Одессы Конюков и бывший инспектор ОБХСС Жовтневого РОВД г. Одессы Коротков. Как нами было установлено при изучении материалов их уголовных дел, оба они, находясь в следственном изоляторе,

написали заявления о явках с повинной, где тоже сообщали о даче ими взяток Малышеву.

В ходе допроса, проведенного Индиным, Конюков показал, что он, будучи арестованным по делу о получении им и Скорищенко взяток, с июня по декабрь 1985 г. содержался в СИЗО УКГБ, где его часто вызывал к себе в кабинет сотрудник УКГБ Бобовский и склонял к даче показаний на Малышева о даче ему взятки. Вместе с ним в камере находился следственно-арестованный Кауфман, который уговаривал его дать показания о даче Малышеву взятки в размере 10 тыс. руб., чтобы облегчить свою участь при вынесении приговора. Понимая, что от него просто так не отстанут, и опасаясь различных провокаций, он решил написать явку с повинной о передаче Малышеву взятки, но не деньгами, а различными предметами, такими, которые не продавались в магазине «Черноморский», как он указал, чтобы в суде доказать ложность и вымышленность этих утверждений. В настоящее время он от этих показаний отказывается как данных им под принуждением. Аналогичные показания дал и Коротков, который на допросе сообщил Индину, что в сентябре 1984 г. он находился в СИЗО УКГБ, будучи арестованным по своему делу за получение взяток и злоупотребление служебным положением. Там его также неоднократно вызывал на беседы сотрудник УКГБ Бобовский и склонял к даче показаний, что он, Коротков, давал взятки Малышеву. В итоге он вынужденно, под давлением Бобовского и под его диктовку, написал заявление о даче им взяток Малышеву различными предметами по надуманным основаниям. Эту явку с повинной он в тот же день передал Бобовскому. В процессе допроса Коротков от ранее данных показаний в отношении Малышева категорически отказался. Эти его показания затем получают дальнейшее развитие и при анализе показаний Горецкого и Скорищенко о даче ими взяток.

Однако учитывая, что Горецкий и Скорищенко содержались теперь в СИЗО в Москве, мы с Индиным, с учетом уже изъя-

тых документов и полученных показаний свидетелей, повторно допросили их. Я понимал, что их показания о даче взяток Малышеву имели наиболее правдоподобный характер, могли иметь реальную почву и эпизоды этих взяток при их подтверждении косвенными доказательствами могли быть вменены в вину Малышеву при предъявлении ему нового обвинения. Поэтому очень подробно мы записали их показания о месте и времени приобретения ими в качестве взяток и блоков жевательных резинок, и блоков импортных сигарет «Мальборо», и авторучек китайского производства, и армянского коньяка, и французского коньяка «Наполеон», и медальной водки «Столичная» и, конечно, об их стоимости. Хочу также отметить, что во время обыска, проведенного в квартире по месту жительства Малышева в Одессе сразу после его ареста, ни одного из перечисленных предметов взяток обнаружено не было. В квартире имелась лишь коллекция алкогольных напитков, представленная единичными бутылками алкоголя различных марок. Также в процессе этих допросов мы тщательно конкретизировали обстоятельства вручения ими обоими 19 сентября 1984 г. взятки Малышеву деньгами в размере 7000 руб. Данный эпизод при подтверждении этих обстоятельств мог иметь вполне реальные перспективы для предъявления ему нового обвинения.

На апрель у нас был запланирован очень большой объем работы. Мы уже подготавливались к отъезду, как в самом конце марта получили информацию о том, что заместитель начальника следственной части А.В. Чижук по семейным обстоятельствам вынужден был написать заявление об освобождении от занимаемой должности и увольнении из органов прокуратуры. Буквально за несколько дней до этого мне удалось уговорить его расширить состав нашей группы за счет освободившегося по другому делу прикомандированного следователя. В конце концов он согласился и вынес соответствующее постановление. Так в нашей группе оказался еще и Сергей

Геннадиевич Сидоров – следователь по особо важным делам прокуратуры г. Прокопьевска Кемеровской области. Увольнение А.В. Чижук было для меня очень неприятным известием. Алексей Васильевич был простым и всегда доступным в общении человеком, а как руководитель следствия – большим профессионалом. К этому моменту он уже хорошо знал материалы нашего дела, хорошо в нем ориентировался и был для нас неизменным помощником, советчиком и руководителем.

Новые обстоятельства

31 марта мы вновь приехали в Одессу. На этот раз в городе ощущалось наступление весны. И хотя она была в том году какой-то затяжной и дневная температура не превышала 10 градусов тепла, в этот раз нас встречало яркое и теплое весеннее солнце. На ветвях деревьев набухали крупные почки, ожидавшие тепла, чтобы мгновенно распуститься ярко-зелеными молодыми побегами листьев. Море в окне вагона поезда отсвечивало на солнце цветами радуги и блистало глубокой синевой с бирюзовым отливом. Промчавшись по побережью Черного моря, поезд, проделав дугу по старой части города, замедляя ход зашел на станцию Одесса-Главная. На вокзале на этот раз нас встречал заместитель прокурора области А.А. Леонов. Мы все были ему рады, так как с ним уже было налажено взаимодействие по различным вопросам организации нашей деятельности еще в феврале. Снова две автомашины довели нас до той же самой гостиницы «Октябрьская», где нас заселили в те же самые номера. Это обстоятельство еще раз меня сильно насторожило и подтверждало мое предположение об организации контроля за нами со стороны специальных служб. Однако еще тогда, в феврале, я строго запретил коллегам обсуждать в номерах гостиницы наши служебные вопросы. Эти обсуждения мы вели только во время пеших прогулок по городу.

На другой день, 1 апреля, меня ожидал очередной сюрприз. Праздник юмора любили все одесситы и отмечали его широко и с размахом, стараясь с серьезным видом разыграть шутку со всеми друзьями и знакомыми. Но как мне было относиться к тому, что для меня приготовили уважаемые одесские коллеги?

В этот день мы приехали с кем-то из ребят в прокуратуру области, чтобы забрать из спецотдела канцелярии сданные туда на хранение тома уголовного дела, содержащие материалы предыдущего расследования и суда. Наши материалы мы всегда возили с собой. Конечно, после этого мне пришлось зайти с визитом вежливости к прокурору области. Зимарин с радостной улыбкой на лице встретил меня и, поинтересовавшись моим здоровьем, с той же улыбкой вручил мне очередную явку с повинной о даче взятки Малышеву. При этом лицо его сияло от благородства и чувства исполненного долга. Он сопроводил свои действия комментарием, что появился, наконец, совершенно новый эпизод взяточничества, не расследованный предыдущим следствием, и у меня есть возможность отличиться и провести по нему надлежащее расследование. Я посмотрел на автора этого заявления и увидел, что этим лицом оказалась Щербакова, бывший продавец бюро торговых услуг, а затем кладовщик рынка «Черемушки». Последняя за дачу взяток руководителям рынка и областного управления рынками должна была быть привлечена к уголовной ответственности, но скрылась от следствия. Всё это мне было известно из приговоров судов, которые мы ранее изучали и именно в связи с уточнением показаний лиц, получивших от Щербаковой взятки. Был командирован в целый ряд городов Украины Олег Дмитриев, для выяснения источника средств для дачи взяток Зигельманом и его женой Щербаковой.

В своем заявлении Щербакова указала, что еще осенью 1982 г. она дала Малышеву взятку в размере 500 руб. за освобождение ее от уголовной ответственности в связи с соучастием

в хищении арбузов в г. Херсоне, которые она реализовала на рынке в Одессе. Взятку дала потому, что, как сказал Малышев, он имел большие связи и мог ей в этом помочь даже на территории другой области.

Это напоминало какую-то юморину, учитывая, что праздник юмора в Одессе отмечался на широкую ногу. Когда же я посмотрел на дату этого заявления, то увидел, что оно было датировано еще 13 февраля 1987 г., то есть моментом, когда я и все члены нашей группы как раз находились в Одессе и активно работали по материалам уголовного дела по обвинению Малышева. Сначала я решил, что меня пытаются разыграть. Когда же я спросил Зимарина, где сейчас содержится Щербакова, то он мне ответил, что она должна быть у себя дома по месту жительства, так как следователь прокуратуры области Бабчук, принявший от нее данное заявление, отменил своим постановлением как ее розыск, так и избранную в отношении нее меру пресечения – содержание под стражей. И эта информация уже на шутку не походила. Конечно же, это заявление, как и все предыдущие так называемые явки с повинной, не было зарегистрировано в прокуратуре области в установленном порядке. Но самое главное, что меня ставили в известность об этом только сейчас, спустя полтора месяца после его составления. Да, это уже была совсем не шутка.

Тут я сорвался. И было из-за чего. За моей спиной развивалась очередная интрига, связанная с появлением нового заявления о даче взятки Малышеву. Я предъявил прокурору области серьезные претензии по этому вопросу и заявил, что не позволю в дальнейшем манипулировать собой. Ведь заявление подобного рода с самого начала должен был принять у этого лица я сам, а затем и подробно допросить ее как по существу изложенной в нем информации, так и по обстоятельствам, способствовавшим его появлению на свет. Отмена же в отношении Щербаковой ареста свидетельствовала об очередном сговоре с целью получения от нее нужных показаний.

Зимарин в ответ на мое обоснованное возмущение сделал очень обиженное лицо, так как не ожидал от меня такой реакции, и объяснил, что он, наоборот, хотел сделать как лучше, чтобы помочь нашему следствию в установлении правды путем поисков совершенно новых эпизодов преступной деятельности Малышева, не обремененных предыдущим расследованием и сомнением суда. А то, что заявление не попало сразу ко мне – это чистая формальность, так как оно было получено следователем Бабчуком в рамках уголовного дела, находящегося у него в производстве по обвинению Щербаковой, хоть и приостановленном на тот момент. Бабчук должен был сначала возобновить расследование и провести необходимые следственные действия. Когда же он их закончил, то выяснилось, что наша группа уже выехала в Москву и в дальнейшем отсутствовала в течение месяца, поэтому мне об этом докладывается сейчас прямо по возвращении в Одессу.

Вот так – ни много ни мало, просто и лукаво, нагло и цинично меня намеревались использовать так же, как и Шашкина в прошлом. Мне нужно было принимать срочно какое-то решение. Для начала я потребовал от Зимарина зарегистрировать это заявление официально в канцелярии прокуратуры и также официально с сопроводительным письмом направить его мне для приобщения к материалам дела и организации проверки в рамках проводимого мною расследования. После чего я простился и покинул здание. Но что же было делать дальше? Неужели меня ожидала участь Бельского и Шашкина, которые, не вдаваясь в подробности, молча принимали к производству подобные заявления о новых эпизодах взяточничества?

После некоторых размышлений я пришел только к одному выводу из складывавшейся ситуации. Лицемерию Зимарина можно было противопоставить только единственное эффективное и надежное средство – нашу объективную и всестороннюю проверку следственным путем получаемой новой информации при неукоснительном соблюдении требований

процессуального закона (как ни странно было это делать в отношении руководителя областного надзорного ведомства). Только это могло несколько остудить его буйную энергию и демонстрируемый им избирательный и конъюнктурный подход в работе по организации борьбы со взяточничеством. Поэтому нужно было в ближайшее время организовать проверку всех обстоятельств, предшествовавших составлению Щербаковой этого нового для нас заявления. К тому же аналогичную проверку требовал провести суд по обстоятельствам составления явки с повинной Зигельманом. Эта работа уже не была предусмотрена официально утвержденным планом расследования по нашему делу и дальнейшие события по этому эпизоду развивались уже за его рамками.

После этого я приехал в прокуратуру области и получил в канцелярии заявление о явке с повинной Щербаковой вместе с сопроводительным к нему письмом на мое имя, подписанным, однако, не Зимариным, а Леоновым. На следующий день мы подготовились и организовали допрос Щербаковой и Зигельмана в качестве свидетелей по нашему уголовному делу.

Ничего нового они нам не сообщили, кроме того, что было уже известно из текста ее заявления. По поводу же обстоятельств его написания Щербакова сообщила, что еще 13 февраля 1987 г. в добровольном порядке по совету своего бывшего мужа Зигельмана прибыла в прокуратуру области к следователю Бабчуку, где сообщила ему о даче ею взятки Малышеву и составила с его помощью письменное заявление об этом. После этого следователь Бабчук отменил в отношении нее арест и взял с нее подписку о невыезде, вследствие чего она теперь находится по месту жительства своего бывшего мужа Зигельмана. Не буду комментировать порядок изменения меры пресечения, ранее избранной прокурором. Мне было понятно, кто мог принять такое решение.

Зигельман, будучи допрошенным следователем нашей следственной группы Дмитриевым по этому эпизоду, пояснил,

что ему ранее не было известно о том, что его жена Щербакова дала взятку Малышеву. Когда же она возвратилась домой после долгого отсутствия, так как он уже был с ней в разводе, и рассказала ему об этом, то он посоветовал ей сходить к следователю и написать заявление о даче взятки Малышеву, что Щербакова и сделала.

Допрошен был Зигельман и по обстоятельствам написания им и своей собственной явки с повинной о даче взятки Малышеву, а также о времени и местах приобретения им вещей и предметов, переданных впоследствии Малышеву в качестве взятки. Он показал, что в 1985 г. несколько месяцев находился на лечении в Ялте и там от кого-то узнал, что Малышев арестован. После этого он сразу приехал в Одессу и пришел в прокуратуру области, где сообщил о даче им взятки Малышеву, в связи с угрозами и вымогательством с его стороны. О том, что в отношении него самого было возбуждено уголовное дело и велось расследование, он не знал. В то же время ему было известно со слов Малышева, что велось расследование в отношении директоров рынка и они были арестованы, и что Щербакову тоже могли привлечь к уголовной ответственности по этому делу, в связи с чем он порекомендовал ей временно выехать из Одессы. Об эпизодах дачи взятки Малышеву Зигельманом я расскажу позже, в следующей главе нашего повествования.

Ничего не дал мне и допрос следователя Бабчука, так как он был на этот счет, по всей видимости, строго проинструктирован. Так, он пояснил, что 13 февраля 1987 г. к нему в прокуратуру области действительно пришла Щербакова и сообщила, что хочет сделать заявление о даче взятки Малышеву. После этого ей была предоставлена возможность составить письменное заявление об этом. Что касается обстоятельств появления явки с повинной Зигельмана, то Бабчук без тени смущения заявил, что они ему были неизвестны. Кроме того, он показал, что изменил Зигельману меру пресечения – содержание под стражей на подписку о невыезде, а в дальнейшем и приоста-

новил следствие по данному делу не в связи с его явкой с повинной, а потому что в отсутствие скрывшейся от следствия Щербаковой получить прямые доказательства вины Зигельмана в даче им взятки не представлялось возможным. Зимарин согласился с этим и дал указание подготовить постановление об отмене Зигельману меры пресечения, которое он и санкционировал. На законный вопрос, почему же при добровольной явке в прокуратуру Щербаковой уголовное дело не получило своего законного развития, Бабчук, потупив взор, пояснил, что решения об изменении Щербаковой меры пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде и о последующем приостановлении расследования по делу было принято Зимариным временно, на период, пока проводится расследование в отношении Малышева. Это были, наверное, единственные правдивые показания.

Я понял, что добиться правдивых показаний от Зигельмана и Щербаковой как по обстоятельствам написания ими явок с повинной, так и по обстоятельствам дачи взятки Малышеву, нам не удастся. Версия, которой они строго придерживались в своих показаниях, бережно охранялась прокуратурой области и имела вполне реальные гарантии обеспечения этих показаний. Дальнейшая работа с ними по эпизодам дачи взятки Малышеву не имела перспектив установления объективной истины. Мне нужно было срочно выработать какое-то противоядие. Нужен был какой-то нестандартный ход. Нужно было ликвидировать этот защитный панцирь, созданный для них прокуратурой области, в какие бы благородные одежды он при этом ни рядился и какими бы пропагандистскими лозунгами ни прикрывался. Достичь этого можно было только в результате реализации как в отношении Щербаковой, так и в отношении Зигельмана основанной на законе правоприменительной функции, связанной с выполнением всех необходимых следственных действий по привлечению их к уголовной ответственности за совершенные ими преступления. Эту функцию

должен был обеспечить, в соответствии с предоставленными ему полномочиями, следователь прокуратуры области Бабчук. Но он этого не сделал. Я не имел права обсуждать его действия, поскольку они были обусловлены позицией прокурора области, но эта позиция не должна была сковывать дальнейшие действия нашего следствия. Остаток дня я провел в глубоких размышлениях, которые не оставили меня затем и в номере гостиницы и почти бессонной ночью. Ведь если пойти тем путем, над которым я размышлял, то это значило отклониться от официального плана расследования и удлинить его сроки. На это навряд ли по телефону даст свое согласие Р.М. Бицаев, да и Г.П. Каракозов тоже. Для этого нужно было взять материалы дела в Москву им на изучение. Вместе с тем, закон не запрещал следователю принимать самостоятельные решения по вновь возникшим обстоятельствам, которые ранее не предусматривались планом расследования.

Утром на другой день я принял решение на первом этапе моего плана ознакомиться с материалами уголовного дела в отношении Зигельмана и Щербаковой, расследование по которому приостановил Бабчук. Составив официальный запрос на имя прокурора области с просьбой передать нам для изучения материалы этого дела, я приехал с ним к Зимарину и попросил его наложить разрешающую резолюцию. Однако прокурор области сказал, что он не имеет права разрешить передачу этого дела нам, так как оно находится в производстве у следователя и по нему выполняются следственные действия. Вот тут сработало процессуальное оружие. Я предъявил ему протокол допроса Бабчука с утверждением, что производство по делу им давно приостановлено. Зимарину ничего не оставалось, как наложить разрешающую резолюцию, с которой я проследовал прямо к Бабчуку, где принял у него материалы дела, расписавшись о получении на составленном им сопроводительном письме. По выражению его лица и интонации, с которой Бабчук передал мне это дело, я понял, что делает он это с большим облегчением.

В результате изучения материалов дела мы выяснили, что Зигельман и Щербакова находились во всесоюзном розыске в связи с совершенными ими преступлениями, в частности неоднократной даче взяток руководителям рынка «Черемушки», где они оба работали, и руководителям областного управления рынками. Значит, исполнение их розыска было возложено на работников уголовного розыска, где должно было вестись розыскное дело. Вот с этим вопросом я и направился тогда к первому заместителю начальника УВД области по оперативной работе Н.И. Адаменко, с которым я уже ранее успел познакомиться. Мне казалось тогда, что Николай Иванович представлял собой тип того честного, порядочного и высокопрофессионального офицера милиции, прошедшего путь от лейтенанта до полковника в системе уголовного розыска и имевшего огромный опыт оперативно-розыскной деятельности. Ранее, еще в первые годы работы в органах прокуратуры, мне довелось специализироваться на раскрытии и расследовании убийств, и на этой теме мы еще при первой нашей с ним встрече как-то быстро нашли общий язык, и при этом у нас возникло, как мне показалось, обоюдное чувство взаимного признания и уважения, которое оправдалось и в дальнейшем: Николай Иванович нам неоднократно помогал. Правда, впоследствии у него осложнились отношения (в том числе и из-за этого дела) с начальником УВД генералом Е.Е. Старовецким.

По моей просьбе Н.И. Адаменко запросил материалы розыскного дела, из которого я и получил информацию, что Щербакова в связи с ее всесоюзным розыском 13 февраля 1987 г. была задержана оперуполномоченным УУР УВД области Горбачевой и доставлена к следователю прокуратуры Бабчуку, объявившего ее в розыск еще в октябре 1984 г. Об этом в материалах дела имелся и официальный рапорт Горбачевой. В то же время розыскное дело, заведенное ранее в отношении Зигельмана, в архиве уголовного розыска найти не удалось. Этот вопрос мы оставили Адаменко для дальнейшего выяснения. Я

хотел тут же вызвать сотрудника розыска Горбачеву на допрос, однако и здесь меня ждала неудача. Как оказалось, она находилась до 13 апреля в очередном отпуске с выездом из Одессы. Я попросил Адаменко снять с ее рапорта копию, после чего мы условились с ним, что как только Горбачева выйдет на службу, он позвонит мне и сразу направит ее к нам на допрос.

14 апреля Горбачева была у нас. На допросе она сообщила, что осуществляла работу по заведенному розыскному делу в отношении объявленной во всесоюзный розыск Щербаковой. Когда 13 февраля 1987 г. она получила информацию о том, что Щербакова появилась в Одессе и остановилась в доме у своей взрослой дочери по адресу Узкий переулок, д. 5, то она сразу выехала по этому адресу и, действительно, обнаружила там Щербакову. Задержав ее, она доставила Щербакову к следователю прокуратуры области Бабчуку, вынесшему ранее постановление об объявлении розыска Щербаковой. В дальнейшем о судьбе Щербаковой ей ничего не было известно, но она полагала, что Щербакова должна была быть арестована и привлечена к уголовной ответственности, так как в отношении нее была избрана мера пресечения – содержание под стражей. О факте задержания Щербаковой она составила официальный рапорт, на основании которого розыскное дело было прекращено. Это были одни из немногих правдивых и достоверных показаний свидетеля, из числа тех лиц, которых нам пришлось допрашивать в Одессе. Мы договорились с Горбачевой, что факт ее допроса у нас останется в тайне для сослуживцев, а саму ее пригласили на следующий день для проведения очной ставки с Щербаковой, как мы ей сказали, для перестраховки. Ранее об этом я договорился и с Адаменко.

Пригласил я на следующий день к нам и следователя Бабчука, как мы ему сказали, в целях прояснения отдельных вопросов, возникших во время изучения полученных у него материалов дела. Как только он пришел, я для соблюдения формальностей задал ему несколько уточняющих вопросов,

возникших в процессе изучения материалов дела, и получил на них ответы. Однако далее я объявил ему о необходимости проведения очной ставки со свидетелем. Он как-то замялся, но вынужден был согласиться, ибо как никто другой понимал бесспорное право следователя на проведение следственных действий по находившемуся в производстве делу. Тут же была проведена и очная ставка между ним и ожидавшей в соседнем кабинете Горбачевой. Бабчук вынужден был подтвердить показания Горбачевой на очной ставке и признать факт задержания и принудительной доставки Щербаковой в прокуратуру области сотрудником уголовного розыска.

Дальше последовал новый допрос свидетеля Бабчука с учетом полученных на очной ставке показаний. Давая уже другие показания, Бабчук пояснил, что о факте задержания Щербаковой и ее принудительной доставке к нему в прокуратуру области он сразу же доложил прокурору области Зимарину. Последний дал указание привести ее к нему в кабинет, где провел с ней беседу, содержание которой ему известно не было, так как она проходила между ними наедине. После этого Зимарин вызвал его снова и сообщил, что Щербакова написала заявление о явке с повинной, сообщив в нем о передаче взятки Малышеву. По указанию прокурора области Бабчук затем вынес постановления об отмене в отношении Щербаковой меры пресечения «содержание под стражей», которую санкционировал Зимарин, и об освобождении ее от уголовной ответственности за дачу взятки Малышеву в связи с добровольным сообщением об этом и составлением заявления о явке с повинной. Последующее постановление о приостановлении производства по данному уголовному делу также было вынесено им по указанию Зимарина.

После этого мы вдвоем с Олегом Дмитриевым еще раз внимательно изучили и проанализировали все материалы, которыми мы располагали к этому моменту в отношении Щербаковой и Зигельмана.

Как было видно из материалов дела, полученного у следователя Бабчука, оно было возбуждено еще 15 октября 1984 г. в отношении Щербаковой по фактам неоднократной дачи ей взяток по ст. 170 ч. 2 УК УССР. В процессе расследования по делу было установлено, что вместе с Щербаковой взятки должностным лицам давал и Зигельман, а именно заведующим рынка «Черемушки» Рекочинской и Пайкину, начальнику Одесского областного управления рынками Иванько, начальнику орготдела этого же управления Соболеву. В нашем распоряжении имелись и копии приговоров Одесского областного суда, согласно которым Рекочинская была осуждена за получение взяток, в том числе и по эпизодам получения их от Щербаковой и Зигельмана. Другим приговором Пайкин был осужден за получение взяток, в том числе по эпизодам получения их от Зигельмана. Следующим приговором Иванько был осужден за получение взяток, в том числе по одному эпизоду от Зигельмана, Соболев был осужден за получение взяток, в том числе по эпизодам получения их от Щербаковой. 15 октября 1984 г. следователем Бабчуком были вынесены постановления о привлечении Зигельмана и Щербаковой в качестве обвиняемых, об избрании в отношении них меры пресечения «содержание под стражей» и их розыске, которые были санкционированы первым заместителем прокурора Одесской области Д.В. Гудзенко. Из текста указанных постановлений было известно, что Зигельман, совместно со своей женой, работая на рынке «Черемушки», в период с 1977 по 1984 гг. организовали систематическую дачу взяток заведующей этим рынком Рекочинской, начальнику областного управления рынками Иванько, его заместителю Зидрашко, главному бухгалтеру Труш и ряду других лиц. Однако при явке Зигельмана и Щербаковой в прокуратуру области обвинение им почему-то предъявлено не было, при этом мера пресечения Зигельману была изменена на подписку о невыезде, а Щербаковой была вовсе отменена по постановлению следователя Бабчука, санкционированному прокурором области Зимариным.

В материалах дела имелось и постановление следователя Бабчука от 20 февраля текущего года о приостановлении расследования, в связи с заболеванием Щербаковой. Имелась в деле и справка поликлиники от 19 февраля 1987 г. с диагнозом заболевания Щербаковой. При наличии состоявшихся и вступивших в законную силу приговоров судов, признавших эпизоды получения и дачи взяток доказанными, что же заставило следственные органы прокуратуры Одесской области таким грубым образом по надуманным основаниям отменить все ранее принятые в отношении Зигельмана и Щербаковой решения и игнорировать при этом предусмотренную законом обязанность осуществления уголовного преследования? Почему при этом были попорчены и принципы уголовного судопроизводства? Я думаю, что вы уже, конечно, догадались. Всё игнорировалось в интересах создания системы доказательств взяточничества, совершенного Малышевым, и ради этого можно было искусственно создать основания, обеспечивающие освобождение в дальнейшем от уголовной ответственности лиц, совершивших даже такое тяжкое преступление, которым является неоднократная дача взяток.

Учитывая все эти обстоятельства, после глубоких размышлений я пришел к окончательному решению выполнить эту часть работы силами нашей следственной группы. Для этого я имел законные основания к принятию уголовного дела, возбужденного прокуратурой области в отношении Щербаковой и Зигельмана, к своему производству.

Это решение было неоднозначно воспринято следователями нашей следственной группы. Особенно против высказался Олег Васильевич Дмитриев, отработывавший как раз это направление в нашем деле. Он мотивировал свою позицию тем, что этим решением мы добавляем к расследованию целую серию новых эпизодов дачи взяток Щербаковой и Зигельманом, не связанных с делом Малышева. Во-первых, это повлечет за собой не предусмотренное планом расследования увеличение

его сроков, в том числе повторные командировки в места лишения свободы, где отбывали наказание взятокополучатели, и их повторный допрос по уточнению каждого эпизода получения ими взяток от Щербаковой и Зигельмана. Во-вторых, это усилит оказание нам противодействия со стороны прокурора области и всего аппарата областной прокуратуры и УКГБ, что было более существенно, а нам предстояло долго работать в Одессе. В то же время Василий Тарасович Шевчуков, работавший по основному месту работы в должности заместителя прокурора города, поддержал меня и сказал, что справедливость и законность должны быть непременно восстановлены в этом деле.

15 апреля я вынес постановление о принятии к своему производству уголовного дела в отношении Щербаковой и Зигельмана, производство по которому было приостановлено прокуратурой области. Мотивировал это постановление тем, что освобождение от уголовной ответственности за дачу взятки Щербаковой было произведено необоснованно, а отдельное рассмотрение дела в суде в отношении взятокодателя и взятокополучателя, при таких обстоятельствах, является невозможным. Точно такой же вопрос был поставлен в определении суда и в отношении Зигельмана, так как суд усомнился в обоснованности освобождения его от уголовной ответственности за дачу взяток Малышеву.

Привожу по этому поводу выдержку из определения суда:

24 октября 1985 г. от Зигельмана П.И. на имя прокурора области поступило заявление о желании добровольно сообщить следственным органам о том, что он, Зигельман, работая разнорабочим рынка «Черемушки», в результате вымогательства и шантажа давал взятки Малышеву. Вместе с тем в судебном заседании было установлено, Зигельман не явился сам в следственные органы, а был задержан в результате объявленного на него розыска на территории Молдавии оперативными работниками УВД Одесской области. Допрошенные в судебном

заседании свидетели Подлинев С.Д. и Бельский А.М. подтвердили, что действительно Зигельман был задержан и доставлен в следственные органы в связи с его розыском. Проверка указанного обстоятельства необходима для правильного решения об ответственности Зигельмана за совершенное преступление – передачи взяток Малышеву, а также для правильной оценки его показаний, данных на предварительном следствии и в судебном заседании по делу Малышева.

Как видно из текста определения, суд обоснованно поставил вопрос о проверке правильности решения об ответственности Зигельмана в части дачи им взяток Малышеву. Но и Щербакова повторила ту же схему своего освобождения от уголовной ответственности. Поэтому установление объективной истины по делу, связанной с эпизодами дачи взяток Щербаковой и Зигельманом и получением этих взяток Малышевым, могло быть обеспечено только в условиях проведения следственных действий в общем уголовном деле, находящемся в одном производстве.

Одновременно с этим я вынес и постановление об избрании в отношении Щербаковой меры пресечения – содержание под стражей за неоднократную дачу взяток должностным лицам рынка и областного управления рынками г. Одессы, а также о проведении обыска по месту ее жительства. В этот же день я направил В.Т. Шевчукова и О.В. Дмитриева в поликлинику, выдавшую справку о тяжелом заболевании Щербаковой. Как я и ожидал, они приехали с письменным сообщением поликлиники, что Щербакова туда в течение трех прошедших лет по поводу какого-либо заболевания не обращалась, а справка о ее заболевании от 19 февраля 1987 г. поликлиникой ей не выдавалась и не регистрировалась.

16 апреля, в первой половине дня, собрав все подготовленные постановления, протоколы допросов и очной ставки, взяв с собой и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Молдавии, я прибыл к прокурору области.

Почти сразу я объявил Зимарину о принятом мной решении принять к своему производству и уголовное дело в отношении Щербаковой и Зигельмана. Сначала он этому удивился, заулыбался и, вероятно, даже не совсем поверил в это. Однако я ознакомил его с подписанным мной постановлением. Тогда он резко заявил, что постановление это незаконное и он будет обжаловать его в Прокуратуру Союза ССР, так как с ним как надзирающим прокурором по делу Щербаковой и Зигельмана это решение не было согласовано, и он своего согласия на это не давал и дать не может. Мне пришлось предъявить ему доказательства задержания Щербаковой сотрудником уголовного розыска, в том числе копию ее рапорта, протоколы допросов и очной ставки, в том числе и показания следователя Бабчука, а также сообщение поликлиники по поводу ранее якобы выданной справки Щербаковой, что повлекло за собой вынесение целой серии незаконных в отношении нее постановлений, в том числе санкционированных самим Зимариным. Одновременно с этим я положил на стол и вынесенные мной постановления об избрании меры пресечения Щербаковой – содержания ее под стражей и о проведении обыска по месту ее жительства, предложив ему санкционировать их.

Сказать, что Зимарин моментально сменил гнев на милость – значит, не сказать ничего. Он был обескуражен и сражен услышанным и некоторое время просто не мог говорить. Конечно, с точки зрения закона, а также позиции суда, мои решения в возникших обстоятельствах и в этой ситуации, которую он же сам и создал, были законны, но не совсем безупречны, так как требовали решения моих руководителей в Москве. С другой стороны, Зимарин понимал, что его уличили в нарушении законности, но при этом он же сам договорился с Щербаковой, дал ей определенные гарантии и сам изменил в отношении нее меру пресечения. Я же ставил его, наверное, впервые за последние годы, в сложную ситуацию, требующую вынужден-

ной, помимо его воли, отмены совсем недавно принятых им же решений. А этого он принять не мог. После долгого молчания Зимарин всё же согласился и с решением о принятии этого дела в мое производство, и с фактом задержания Щербаковой, и необоснованным освобождением ее от ответственности за дачу взятки Малышеву, но санкционировать ее арест он категорически отказался. Мотивировал он это избирательным отношением к законности, а именно тем, что в этом случае Щербакова откажется от своих показаний в отношении Малышева. Тогда я сообщил ему, что буду просить санкционировать мои постановления у прокурора города, а если он запретит ему это сделать, то через несколько дней возвращусь в Москву и получу уже санкцию на арест и обыск у заместителя Генерального прокурора СССР. В.И. Зимарин, наконец, сдался и далее не препятствовал, по крайней мере, на этом этапе, моим дальнейшим действиям.

Перепечатав постановления, в тот же день я приехал к прокурору города Анатолию Борисовичу Гуку, с которым ранее уже успел познакомиться и неоднократно встречался по различным служебным вопросам. Анатолий Борисович прочитал мои постановления и, с удивлением посмотрев на меня, спросил, почему я приехал к нему, а не к прокурору области. Я ему откровенно ответил, что Зимарина связывали с этими людьми определенные обязательства и он не мог через них переступить. В то же время я сообщил ему, что прокурор области не возражает против того, чтобы он рассмотрел мои ходатайства, но только при наличии и на основании имеющихся доказательств. Тогда Анатолий Борисович, внимательно ознакомившись с представленными мной материалами уголовного дела, пришел к объективному выводу, что такие основания в материалах дела действительно имеются. Задал он мне и вполне обоснованные вопросы: почему только Щербакова? А что же Зигельман? Ведь их действия были зеркально идентичны. Я согласился с ним, но ответил, что для зеркальности

в отношении Зигельмана пока отсутствуют доказательства его задержания перед «явкой с повинной», что давало ему право освобождения от ответственности за дачу взятки Малышеву. После этого прокурор города санкционировал арест Щербаковой в качестве подозреваемой без предъявления ей на этом этапе обвинения, и проведение у нее обыска.

Во второй половине дня к месту жительства Щербаковой и Зигельмана на ул. Ленинской Искры вместе со мной выехали следователь Дмитриев, а также двое сотрудников милиции в форменной одежде. Сколько уже прошло времени, но при написании этих строк я заново, как и тогда, тяжело переживаю события, косвенной причиной которых стали наши законные действия. Квартира Зигельмана находилась на четвертом этаже многоквартирного пятиэтажного дома. Оставив одного сотрудника милиции у подъезда на улице, мы втроем поднялись на четвертый этаж и позвонили в дверной звонок. Они находились в это время в квартире и открыли нам дверь. Предъявив постановление о производстве обыска, я направил сотрудника милиции за понятыми, а когда он их пригласил, мы стали проводить обыск в квартире с целью отыскания материальных следов дачи ими взятки, а именно возможных записей в тетрадях, блокнотах, чеков на приобретение предметов, которые были в последующем переданы в качестве взятки Малышеву и другим лицам. Квартира была небольшая, двухкомнатная, и обыск длился недолго. Ожидаемых результатов он нам не дал, так как искомых нами доказательств мы не обнаружили.

После составления протокола и его подписания всеми его участниками, я объявил Щербаковой о ее задержании и даче санкции на арест прокурором города, при этом я внимательно посмотрел на Зигельмана, чтобы оценить его реакцию на это сообщение. Услышав это сообщение, он, резко развернувшись, выскочил через приоткрытую дверь на балкон и выпрыгнул через перила балкона вниз. Щербакова вскрикнула, а у меня душа ушла в пятки. Я выскочил из квартиры, сбежал по лест-

нице на первый этаж и выбежал на улицу. Зигельман лежал на земляном газоне в положении на боку. Рядом с ним стоял сотрудник милиции, оставленный нами у входа в подъезд. Я осмотрел Зигельмана, он был жив, только тяжело дышал и слабо стонал от боли. Было видно, что у него повреждена нога. Мы вызвали машину скорой помощи и отправили Зигельмана в больницу.

По всей видимости, Зигельман решил, и это он подтвердил мне в последующем, что следующую санкцию на арест я предъявлю в тот день и ему. И он был недалек от истины, так как полагал, что его не стали привлекать к ответственности по делам о руководителях рынка только благодаря его явке с повинной, которую он написал в отношении Малышева. Тогда почему же начали со Щербаковой? Она всё сделала так же, как и он сам, только много позже. Этого он понять не мог. Но как же нужно было бояться ареста и тюрьмы, чтобы поставить перед собой выбор – тюрьма или смерть? Таким человеком можно было манипулировать в целях получения каких угодно показаний. Как бы то ни было, но нужно было благодарить провидение, что не случилось худшего и он остался жив – его спасли бельевые веревки, растянутые между выступающими наружу из-за перил нижних балконов деревянными брусками и затормозившие скорость падения. Из справки больницы скорой медицинской помощи г. Одессы, приобщенной к материалам дела, следовало: «Зигельман И.П., 1937 г.р. был госпитализирован в травматологическое отделение больницы 16.04.1987 с диагнозом открытый оскольчатый перелом левой бедренной кости».

Мне пришлось тут же об этом эпизоде доложить прокурору города, давшему мне санкцию на арест и проведение обыска, и попросить его незамедлительно по сообщению станции скорой помощи провести прокурорскую проверку обстоятельств причинения телесных повреждений Зигельману. Такая проверка была проведена и ее заключением были подтверждены наши

корректные и обоснованные действия во время проведения обыска, не состоящие в причинной связи с травмированием Зигельмана, которые в то же время были расценены как покушение на самоубийство. По данному факту одновременно с заключением о проведении служебной проверки было вынесено и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела о доведении до покушения на самоубийство в связи с отсутствием состава преступления в действиях третьих лиц.

Об этом происшествии мне, конечно, пришлось доложить на следующий день в Москву начальнику следственной части Г.П. Каракозову. Естественно, он выразил свое неудовлетворение такими результатами и, прежде всего, моим самостоятельным, без согласования с ним, решением о принятии к производству нового уголовного дела. Высказался он и по поводу того, что нужно было заблаговременно предусматривать все возможные варианты поведения лиц при проведении обысков и задержаний. Но как можно было предусмотреть такое немотивированное поведение пятидесятилетнего здорового мужчины? В конце нашего разговора я получил указание Каракозова возвратиться к концу месяца в Москву с подробным отчетом о проделанной работе и с заключением служебной проверки по эпизоду, связанному с травмированием Зигельмана, которая, как я сказал ему, уже проводится прокуратурой города.

А время неумолимо бежало вперед. Через несколько дней я предъявил в следственном изоляторе обвинение Щербаковой в неоднократной даче ей взяток бывшим заведующим рынка «Черемушки» Рекочинской и Пайкину, бывшим начальнику областного управления рынками Иванько и заведующему орготдела этого же управления Соболеву, то есть в совершении ею преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 170 УК УССР. В предъявленном обвинении Щербакова виновной признала себя частично и подтвердила лишь некоторые эпизоды данных ею взяток.

Этим же протоколом допроса были отражены ее показания и по эпизоду дачи ею взятки Малышеву. Несмотря на изменение ей меры пресечения, она продолжала утверждать, что в 1982 г. в г. Херсоне органами милиции было возбуждено уголовное дело по факту хищения арбузов и ее вызывали к следователю на допросы и дачи показаний о реализации партии этих арбузов на рынке «Черемушки» в Одессе. Об этом каким-то образом стало известно Малышеву, который объяснил, что ей грозит большой срок лишения свободы, но он мог бы ей помочь, так как обладал большими связями в Киеве. В связи с этим она вынуждена была дать ему взятку в размере 500 руб. за оказание помощи в обеспечении условий непривлечения ее к уголовной ответственности по этому факту.

Однако теперь Щербакова приобрела давно избранный ей и не реализованный до сих пор ранее статус обвиняемой, а это по закону предоставляло мне право вынести постановление о соединении двух уголовных дел в одно производство.

По моему мнению, следствие никогда не должно идти на сделку с лицами, обвиняемыми по делу. Только тогда это дает возможность активно работать по сбору доказательств, что, в свою очередь, создает в дальнейшем гарантии от совершения следственной или судебной ошибки в отношении конкретного человека. Это моя личная точка зрения. А ведь сейчас досудебное соглашение о сотрудничестве получило законодательное подтверждение и широкое распространение в следственной практике.

Конечно, выслушал я и упреки со стороны прокурора области Зимарина, который заявил мне, что мои поспешные и далеко не продуманные действия привели к травмированию Зигельмана, а могли повлечь и его смерть. Однако впоследствии, узнав, что Щербакова даже в условиях привлечения ее к уголовной ответственности и содержания в следственном изоляторе продолжает настаивать на своих показаниях о даче Малышеву взятки, он резко изменил свое отношение к моим

действиям и назвал их дальновидными, стратегически обоснованными и законными. Наконец-то, сказал он, и взяточдатель, и взяточполучатель предстанут вместе перед судом в одном уголовном деле. Но чего стоили эти его лестные оценки? Нужно было еще доказать сам факт дачи и получения этой взятки, пока это было только голословное утверждение.

Это повествование рассчитано, в основном, на профессионального читателя и ветеранов следствия. Поэтому каждому из вас предоставляю право самим оценить мои действия в условиях вновь возникших обстоятельств и самостоятельно дать им правовую и профессиональную оценку. Ну а какие бы решения в этой ситуации приняли вы сами? Ответ на этот вопрос может быть дан лишь после окончания истории этого расследования, а она еще будет насыщена очень яркими и даже драматическими событиями.

Подходил к концу апрель. В следственной части Прокуратуры Союза ССР был установлен порядок, согласно которому прикомандированным следователям, работавшим в составах следственных групп, предоставлялось право выезжать к местам постоянного жительства на майские и новогодние праздники. Однако, это было право, а не обязанность, и не все им пользовались. Мне же нужно было в соответствии с указанием приехать на основное место своей работы с подробным отчетом о проделанной работе. Правом выезда на праздники домой не воспользовались Иванов и Сидоров, которые не так давно работали в составе группы. Они остались продолжать работу в Одессе, а мы четвером вместе с Индиным, Дмитриевым и Шевчуковым возвратились в Москву.

Там меня уже ожидали начальник следственной части и надзирающий прокурор. Г.П. Каракозов был очень раздражен, хмур и неприветлив. Я сначала отнес это его состояние на свой счет. Но оказалось, что дело было не во мне. В начале апреля вышел приказ Генерального прокурора «О серьезных недостатках в организации работы следственной части», ко-

торым ему был объявлен выговор, а Г.Н. Быстров был незаконно освобожден от занимаемой должности и в конце апреля вовсе уволен из органов прокуратуры. Такие суровые меры были приняты Генеральным прокурором по факту многочисленных жалоб и обращений в Прокуратуру Союза ССР и ЦК КПСС председателя старательской артели «Печора» В. Туманова и коллективной жалобы старателей о нарушениях законности при проведении расследования следователями прокуратуры. При проверке этих жалоб Быстровым были установлены факты необоснованного проведения обысков следователями следственной группы, возглавляемой следователем по особо важным делам А.Н. Нагорнюком, на базах и участках старателей артели по добыче золота «Печора» в районе пос. Инта на крайнем севере Республики Коми и незаконного задержания при этом в течение восьми часов порядка сорока старателей. Данные обыски были проведены в рамках уголовного дела, возбужденного следователем Нагорнюком по фактам выявленных ревизиями нарушений правил сдачи государству драгоценных металлов в различных старательских артелях, в том числе «Печора» под председательством В. Туманова. Руководство этим расследованием было возложено на Г.Н. Быстрова. Конечно, тем же приказом из органов прокуратуры был уволен и следователь А.Н. Нагорнюк. Однако, увольнение Г.Н. Быстрова явилось большой потерей для следственной части. Справедливости ради надо сказать, что Быстров в декабре 1988 г. был восстановлен в органах прокуратуры и продолжил свою работу в следственной части, но уже в должности следователя по особо важным делам. Вот на фоне этих событий приехал еще и я со своей историей о Зигельмане и Щербаковой.

После длительного доклада промежуточных результатов расследования, а также бесед с каждым из возвратившихся членов нашей следственной группы, Каракозов и Бицаев в целом признали наши действия обоснованными и вынуж-

денными в сложившейся обстановке. От меня Каракозов на всякий случай (если вдруг поступят жалобы), получил письменное объяснение по факту как травмирования Зигельмана, так и по факту принятия к производству дополнительного уголовного дела, которое я осуществил без предварительного с ним согласования. В дальнейшем временный контроль за организацией расследования по делу Малышева Г.П. Каракозов оставил за собой.

После этих разборок меня ожидал еще один неприятный сюрприз. Олег Дмитриев и Иван Индин заявили о своем прекращении работы в составе нашей следственной группы. Мотивировали они это решение семейными обстоятельствами, но истинные причины мне были и так ясны. И первый, и второй не готовы были продолжать работу в условиях наметившегося противостояния нашей группе со стороны как областного управления КГБ, так и со стороны прокуратуры области. О.В. Дмитриев предупреждал меня об этом, еще когда мы обсуждали мое предложение о принятии к производству дела в отношении Щербаковой и Зигельмана. К тому же, на него очень тяжело подействовал эпизод с травмированием Зигельмана, и он считал себя сопричастным к этому. Ну что же, это было их законное право, и препятствовать такому решению я не мог. Хотя потеря их обоих влияла далеко не лучшим образом и на качество, и на сроки расследования по этому делу. Ведь и тот, и другой в полной мере владели материалом и выполнили достаточно большой объем работы. Я подготовил и подписал у руководства письма в территориальные органы прокуратуры, откуда были командированы к нам Дмитриев и Индин, для проведения их замены другими следственными работниками. Вот только кто приедет им на смену? Не всегда такие замены были равноценными.

После возвращения Шевчукова из Таджикистана, куда он ездил на День Победы, мы вдвоем с ним, в этот раз самолетом, прилетели в Одессу.

Зигельман

Времени катастрофически не хватало, а тут еще в Одессе вступила в свои права весна. Май, пожалуй, самая лучшая пора года. Это время, когда многочисленные бульвары и парки Одессы одеваются в белоснежные цветы каштанов и акаций, опьяняет своим разноцветием сирень. Настоянные запахи этого смешанного цветения сводили с ума. Хотелось ходить и ходить по прекрасным одесским бульварам, дышать и дышать свежим морским воздухом, полной грудью вдыхать чарующий и пьянящий аромат. Да, сейчас Одесса была той самой «жемчужиной у моря», и слова из песни так и рвались наружу. Но, как известно, жемчужины образуются, растут и живут в раковинах в большом количестве. Поэтому самой большой жемчужиной в этой черноморской ракушке была общность проживающих здесь людей. Склонность к юмору, анекдотам, выдача желаемого за действительное, а самое главное, особые способности к предпринимательству и наживе любым путем – это состояние души и жизненная философия настоящих одесситов. Такой общности людей я не встречал более нигде за свою жизнь, хотя побывал во многих городах и странах. Но, помимо перечисленных достоинств, они страдали и одним существенным недостатком – они испытывали панический страх перед представителями карательных органов, как они их называли, сотрудниками КГБ, МВД и прокуратуры, заискивали и трепетали перед ними, боялись и одновременно ненавидели их. Такими настоящими одесситами были Лейдерман, Гринберг, примкнувший к ним Виденко и, конечно, Зигельман. Что же свело этого одессита с Малышевым?

Возвратимся к обвинительному заключению, составленному Н.В. Шашкиным и утвержденному В.И. Зимариным. Так, Малышеву было предъявлено обвинение, что, получив назначение на должность заместителя начальника ОБХСС Малинов-

ского РОВД г. Одессы, он стал предпринимать меры к тому, чтобы путем шантажа и угроз заставить отдельных торговых работников и работников службы бюро торговых услуг (БТУ) рынка «Черемушки» давать взятки. Зная о том, что рабочий этого рынка Зигельман женат на продавце рынка Щербаковой и имеет значительные дополнительные заработки за счет колхозников, поставлявших продукты на рынок, Малышев на протяжении 1979-1980 гг. стал запугивать Зигельмана и угрожать, что уберет его с работы, принуждая таким путем к даче ему взяток. Чтобы оградить себя от возможных преследований со стороны Малышева и сохранить за собой выгодное место работы, Зигельман на протяжении указанного времени давал Малышеву взятки наличными деньгами на сумму 4000 руб., различными товарами на сумму 883 руб., спиртными напитками и блоками импортных сигарет на сумму 2930 руб., а всего им было передано взяток на общую сумму 7813 руб. Среди предметов, переданных в качестве взяток, фигурировали керамический столовый сервиз югославского производства на шесть персон, журнальный столик индийского производства, два телефонных аппарата польского производства, чернильный прибор, занавески для окон, кухонный абажур, два флакона туалетной воды, все произведенные в Югославии. Во время обыска в квартире по месту проживания Малышева, проведенного на следующий день после его внезапного задержания, ни одного из перечисленных предметов взяток обнаружено не было. В большинстве случаев, как указано в обвинении, взятки были получены Малышевым в квартире по месту жительства, где он проживал вдвоем со своей матерью.

Для начала мне пришлось восстановить статус-кво и предъявить Зигельману обвинение по ранее установленным следствием и судом эпизодам дачи им взяток руководителям рынка и областного управления рынками Рекочинской, Иванько и Пайкину. Он в это время находился на лечении в больнице по поводу перелома кости, но чувствовал себя вполне удовлетво-

рительно и следственные действия с ним уже можно было проводить. Как ни странно, но по эпизодам дачи взяток, уже установленным судом, он виновным себя не признал и утверждал, что его оговорили в одном случае, а в другом перепутали с другим работником рынка и т. д. Но что касается показаний, которые я снова пытался получить от него в отношении дачи взятки Малышеву, он вновь всё категорически подтверждал, допуская лишь некоторые неточности и противоречия в деталях. Конечно, избирать ему меру пресечения «содержание под стражей» в ситуации, в которой он находился, было бы бесчеловечно, и я избрал ему подписку о невыезде.

Трудно сказать, чего в тот момент больше боялся Зигельман. Своего ли ареста, прокуратуры Одесской области в лице Зимарина и следователей Бабчука, Бельского или Шашкина, а может быть, он действительно переживал теперь и за судьбу своей жены Щербаковой, брак с которой был расторгнут только условно, в связи с возбужденным против них уголовным делом. Тут еще откуда-то появился я, московский следователь Генеральной прокуратуры, нарушивший все ранее достигнутые с должностными лицами соглашения. Сейчас он просто потерялся в многоликом прокурорском нашествии на его судьбу и во всем винил, прежде всего, Малышева. Поэтому и показания он давал путанные, сбивчивые, ссылаясь на забывчивость и плохую память. Но при этом всё же придерживался ранее избранной им или подсказанной ему, что более вероятно, генеральной линии в отношении дачи им взяток Малышеву. Со слов Зигельмана, то, что он дает взятки Малышеву, было хорошо известно сотруднику ОБХСС Горецкому, с которым он поддерживал дружеские отношения на семейном уровне, а также его знакомому Гайману, проживавшему в Москве и помогавшему ему приобретать в магазинах подарки для Малышева, ну и, конечно, матери самого Малышева. В то же время его жена Щербакова ничего не знала про эти взятки, равно как и он сам не знал, что супруга делала то же самое. Мне же

Зигельман оставил возможность либо подтвердить его показания косвенными доказательствами, либо не принять их и доказать их недостоверность и надуманность.

Допрашивать дополнительно Малышева по этим эпизодам не было никакой необходимости, как и в очной ставке, которая проводилась ранее, в том числе на перекрестном допросе в судебном заседании. Малышев категорически всегда отрицал получение каких-либо взяток и подарков от Зигельмана как в виде вещей, предметов, так и в виде денег. Также отрицал Малышев и посещение Зигельманом своей квартиры. Он неоднократно на предварительном следствии и в суде заявлял, что все утверждения Зигельмана о даче ему взяток являются вымыслом и клеветой. Кроме того, он, работая начальником ОБХСС города, неоднократно направлял на рынок «Черемушки» подчиненных ему сотрудников для проведения проверок и при этом постоянно выявлялись факты обсчета покупателей и нарушений правил торговли. После одного из его представлений в 1981 г. в областное управление рынками Щербакова была уволена с должности заведующей БТУ рынка «Черемушки». В 1984 г. он внес предложение в городской комитет партии и Малиновский районный Совет депутатов, на территории которого находился рынок «Черемушки», о запрещении реализации продукции рынка через лоточную сеть на улицах города, что лишило бы руководство рынка значительных дополнительных заработков от неучтенных объемов продаж. Это предложение было поддержано партийными и советскими органами, и лоточная торговля от этого рынка на улицах города была запрещена. Всё это вызвало большое недовольство в отношении него как со стороны руководителей областного и городского управления рынками, так и со стороны руководителей самого рынка «Черемушки». Таким образом, поводов для клеветы в его адрес со стороны этих лиц было более, чем достаточно. Нужно ли говорить, что в процессе предварительного расследования эти вполне обоснованные утверждения обвиняемого не проверялись.

Мы сделали попытку подтвердить информацию Малышева о выявленных нарушениях правил торговли на рынке «Черемушки» и его предложениях о мерах по устранению этих нарушений в партийных и советских органах города. К сожалению, материалы делопроизводства за 1981 г. уже были уничтожены по истечению сроков давности их хранения. А вот представление ОБХСС РОВД о запрещении лоточной торговли продуктами рынка на улицах Одессы за 1984 г. нами было обнаружено и изъято в процессе выемки в исполкоме Малиновского районного Совета депутатов.

Допрошенная в качестве свидетеля мать Малышева показала, что она всё это время проживала вместе с сыном в одной квартире. Зигельмана она никогда в своей квартире не видела и поэтому никаких подарков сыну в квартире он вручать не мог. Кроме того, она никогда не видела в квартире ни импортных штор, ни импортного столового сервиза, ни кухонного абажура, ни журнального столика, ни телефонных аппаратов и чернильного прибора, фигурировавших в качестве взяток. В то же время она показала, что иногда к сыну по служебным вопросам приезжали Горецкий и Скорищенко, с которыми он дружеских отношений не поддерживал.

Ранее допрошенный нами в качестве свидетеля Горецкий в то же время подтвердил показания Зигельмана, показав по этому поводу следующее: «Сам Зигельман несколько раз говорил мне, что давал Малышеву взятки. Он говорил, что дал ему телефон, абажур, шторы, сигареты и что-то еще. Я видел эти шторы в комнате Малышева над балконом, также видел посуду красного цвета керамическую, которую Зигельман также подарил Малышеву. Об этом я знаю только с его слов».

Но вот тут мы снова натолкнулись на след Бобовского. Еще ранее, просматривая журнал регистрации разовых пропусков в здание УКГБ за 1985-1986 гг., мы обнаружили запись о выдаче разового пропуска Зигельману 13 января 1986 г. Корешок разового пропуска нами был изъят и при очередном допро-

се Зигельмана предъявлен ему для объяснений. Он сильно смутился, так как совершенно не ожидал такого поворота в уточняющих о даче им взяток вопросах. Тихим дрожащим голосом он сообщил мне, что в тот день утром к нему на рынке подошел сотрудник КГБ Бобовский и предложил ему к 17 часам приехать в здание УКГБ. Когда он туда прибыл, то получил этот пропуск и зашел к Бобовскому в кабинет. Последний стал интересоваться обстоятельствами дачи им взяток Малышеву, а затем завел в кабинет его знакомого Горецкого, который был уже арестован, и дал им несколько минут поговорить о Малышеве. Для чего всё это устроил Бобовский, он не знал и больше его никогда не встречал.

Тогда я проанализировал показания Зигельмана и Горецкого, данные ими в процессе первоначального расследования, и выявил закономерное совпадение в появлении у них новых показаний. Так, Зигельман допрашивался в качестве свидетеля Бельским более 10 раз, но только после встречи с Горецким в УКГБ, уже на допросе 14 января заявил Бельскому, что о передаче им взяток Малышеву известно еще и его знакомому Горецкому. В свою очередь, Горецкий, также будучи более 10 раз допрошен по делу Малышева в качестве свидетеля, до встречи с Зигельманом не давал показаний на допросах об известных ему фактах дачи взяток Малышеву Зигельманом. И только на последующем допросе уже 9 апреля дал показания и об этом.

Заглядывая вперед, уместно будет сказать, что в Москве нами был установлен, правда, не без труда, знакомый Зигельмана по фамилии Гайман, который, со слов Зигельмана, помогал ему в Москве приобретать подарки для Малышева. Однако Гайман на допросе показал, что он никогда не видел, чтобы Зигельман и его жена покупали бы в Москве набор столовой посуды, журнальный столик, кухонный абажур и чернильный набор под мрамор. Также ни Зигельман, ни его жена Щербакова никогда не говорили ему о том, что они ищут и покупают ценные вещи и предметы для передачи их в качестве взяток

кому-либо. Никогда они не называли ему и фамилию Малышева, для которого нужно было бы купить какие-либо подарки.

Поскольку Зигельман был подробно допрошен по источникам приобретения им вещей для передачи их в качестве взяток и дал показания, что большинство из них он приобрел в Москве в магазинах «Ядран» и «Ганг», в Москве нами были проверены эти магазины на наличие в них в прошлом указанных товаров. В магазине «Ганг» в 1979 г. действительно был в продаже журнальный столик индийского производства по цене 300 руб. А вот в магазине «Ядран» из указанных Зигельманом предметов в 1979 г. реализовывался только светильник югославского производства с регулятором высоты по цене 45 руб., о чем на наши запросы нам были выданы официальные справки.

И наконец, согласно показаниям Зигельмана, он в течение ряда лет приобретал и завозил Малышеву в квартиру в качестве взяток многочисленные ящики с алкоголем, в том числе 10 ящиков водки «Московской», 20 ящиков коньяка «Одесса» и «Украина». Потом он эти показания неоднократно изменял, как в количестве переданных ему ящиков алкоголя, так и в наименованиях марок коньяка. Как я уже отмечал ранее, в квартире Малышева указанных алкогольных напитков и в таком количестве не было обнаружено, за исключением небольшой коллекции алкоголя, представленной в единичных экземплярах различных импортных марок.

В то же время свидетельскими показаниями было установлено, что Малышев не курил и алкоголь не употреблял. Значит, он тогда должен был эти ящики с алкоголем кому-то вручать в качестве презентов, подарков или взяток. Сам он автомобилем не управлял и водительского удостоверения не имел. Тогда этот алкоголь должны были перевозить куда-то водители, обслуживавшие Малышева на закрепленном за ним служебном автомобиле. В течение трех лет Малышева обслуживала автомашина, принадлежавшая производственному объединению

«Точмаш». Мы установили его водителей. Ими были сначала Сивков, а затем Клименко, которые, допрошенные в качестве свидетелей, показали, что никогда по указанию Малышева они не завозили кому-либо ящики или пакеты с алкоголем и никогда алкоголь в бутылках из квартиры, где он проживал, не забирали. Что касается источника поступления денежных средств для дачи взяток, то на этот вопрос Зигельман дал следующее объяснение. Его заработная плата составляла 80 руб. в месяц. В то же время у него на временном хранении находились деньги в сумме 8000 руб., принадлежавшие его бабушке. Из этих денег он регулярно брал определенные суммы и расходовал их на взятки, а затем вынужден был идти ночью на рынок и разгружать там автомашины с товарами сельхозпроизводителей. Так он получал дополнительный побочный заработок в сумме примерно 500 руб. в месяц. Этими заработками он и возмещал израсходованные деньги бабушки. Последней, конечно, уже не было в живых. Мне это напомнило показания Лейдермана и его компаньонов о сдаче ими пустых бутылок, собираемых после посетителей винных магазинов.

В конце мая к нам наконец-то прибыли новые следователи для работы в группе. Владимир Константинович Потопов – следователь по особо важным делам прокуратуры Могилевской области и Стасис Антанович Индрюнас – старший следователь по особо важным делам при прокуроре Литовской ССР (последний приехал на замену Дмитриеву О.В.). Оба они были достаточно опытными следователями с большим стажем работы. Но им нужно было время, чтобы изучить многочисленные тома дела, а мы уже значительно отклонились от сроков утвержденного плана, согласно которому к началу лета наша работа должна была быть завершена.

В Одесском областном суде я запросил большое количество рассмотренных судом уголовных дел со вступившими в силу приговорами в отношении как бывших работников и руководителей рынка «Черемушки», так и областного управления

рынками, а также в отношении бывших сотрудников милиции, которые, будучи допрошены по своим уголовным делам, давали показания и в отношении Малышева, а некоторые из них составляли и «явки с повинной» о даче Малышеву взяток. Таких дел набралось 13 штук и объем их составлял 53 тома. Всё это нужно было внимательно изучить вновь прибывшим следователям, да и нам самим было чем заняться.

Мы работали допоздна ежедневно, в том числе и по субботам, когда остальные сотрудники районной прокуратуры отдыхали (нам передали ключ от входной двери в помещение). Единственное изменение произошло в организации нашего питания. В гостинице работало очень хорошее кафе, где цены были до неприличия низкие. Там мы обычно завтракали и ужинали. А вот обедать приходилось в рядом расположенной столовой, в которой готовили, во-первых, не вкусно, а во-вторых, не приемлемо с точки зрения санитарии. Ребята стали жаловаться. Тогда прокурор нашей районной прокуратуры Ю.А. Кармазин вспомнил, что на территории его обслуживания есть санаторий Лермонтовский. Он поехал туда и договорился с главным врачом об организации нашего питания там за внесенную предоплату за месяц вперед. Так мы и сделали. Обеды наши теперь были разнообразными, диетическими и калорийными. Но самое главное, что после обеда мы могли полчаса прогуляться по тенистым аллеям санатория, засаженным каштанами и черемухой. А примыкавший к санаторному парку городской сквер Паустовского тянулся вдоль морского побережья и по его дорожкам можно было спуститься прямо к морю. Поэтому, совмещая приятное с полезным, мы любовались природой, дышали свежим морским воздухом и обсуждали материалы дела, не опасаясь, что обсуждаемая нами информация станет доступна без меры любопытным коллегам.

Время шло. Как-то в июле по телефону в кабинет, где я работал, позвонил заместитель начальника УВД области Н.И. Адамченко. Он спросил, представляет ли еще для меня интерес ар-

хивное разыскное дело, заведенное в отношении Зигельмана. Какой всё же молодец! Ведь не забыл мою просьбу, а прошло уже много времени с тех пор и я не надеялся достоверно установить факт добровольной явки Зигельмана в прокуратуру области с заявлением о даче взяток Малышеву. Поиски корешков разовых пропусков на проход в здание УКГБ позволили нам установить лишь единичный факт его нахождения там в феврале 1986 г., то есть значительно позже даты составления им явки с повинной, о чем я уже подробно рассказал ранее. У нас по этому эпизоду было только заявление о явке с повинной Насса, которое привез в судебное заседание и предъявил суду помощник прокурора Бельский. Напомню, что показал нам этот свидетель. Он пояснил, что работал на рынке «Черемушки» рубщиком мяса и бригадиром, и был знаком с Зигельманом, который работал грузчиком, но тесных контактов с ним не имел. А вот со слов грузчика Пилипенко ему было известно, что Зигельман давал взятки Малышеву, когда тот работал начальником ОБХСС Малиновского РОВД. Сам Зигельман ему об этом ничего никогда не рассказывал, а грузчик Пилипенко уже умер. Свою явку с повинной он написал в марте 1985 г., когда был арестован и содержался в следственном изоляторе УКГБ, потому что решил сказать всю правду. Этих показаний было, конечно, недостаточно для оценки их правдивости, и они напоминали больше обычные рыночные сплетни. С одной стороны, следствие могло их не учитывать при добровольной явке в прокуратуру самого Зигельмана. С другой стороны, они носили информативный характер о даче Зигельманом взяток Малышеву, и всё же могли являться препятствием для освобождения Зигельмана от ответственности за дачу взяток, несмотря на его явку с повинной. Поэтому это заявление, как и ряд других, было спрятано и не приобщалось к делу до момента сенсационного сообщения об этом в суде самого Бельского. Поэтому, когда позвонил Н.И. Адаменко, я, конечно, напрягся и стал его внимательно слушать. Он мне сразу сообщил, что

разыскного дела так и не удалось найти. Он порекомендовал мне встретиться, а возможно и допросить, заместителя начальника УВД области С.Д. Подлинева, курировавшего ранее работу ОБХСС, так как в разговоре с ним он сообщил о том, что ему известно, кто и где задержал Зигельмана в процессе его розыска. Я горячо поблагодарил Адаменко за помощь и в тот же день встретился с Подлиневым, который, действительно, владел необходимой мне информацией и дал об этом показания в суде по делу Малышева (плохо мы, оказывается, еще изучили протокол судебного заседания!). Он показал, что Зигельмана задержал на территории Молдавии оперуполномоченный ОБХСС Ульянов, который и доставил его в прокуратуру области, а на следующий день доложил ему об этом, добавив, что с его плеч, наконец, свалилась гора.

Я сразу же вызвал на допрос Ульянченко, но тот категорически отрицал свою причастность к задержанию Зигельмана. Прочитав внимательно еще раз протокол судебного заседания, я отметил себе, что то же самое Ульянченко показывал и в суде, отрицая свое отношение к появлению Зигельмана в Одессе. Казалось бы, мы снова остановились перед запертой дверью.

Но тут, как ни странно, помощь пришла оттуда, откуда мы ее не ждали. Нам снова помог Бельский. Он сообщил мне на допросе о том, что Зимарин категорически запрещал ему касаться уголовного дела по обвинению Зигельмана, Щербачевой и других работников рынка «Черемушки». Далее он показал, что Зигельман 24 октября 1985 г. был задержан и доставлен в прокуратуру области работником УВД Ульянченко. В тот же день поздно вечером его пригласил к себе в кабинет прокурор области Зимарин, и у него в кабинете он увидел Ульянченко и Зигельмана. Прокурор области поблагодарил Ульянченко за работу и отпустил его. После этого Зигельман стал рассказывать о дачах им взяток Малышеву, а затем и написал в соседнем кабинете заявление о явке с повинной. И наконец, как ему стало известно впоследствии, Ульянченко

ездил за Зигельманом в Тирасполь на автомашине прокуратуры области и на ней же привез его из Тирасполя в Одессу. Это уже было серьезное показание, требующее объективного подтверждения. Тогда я вынес постановление о выемке путевого листа любой служебной автомашины прокуратуры области с маршрутом Одесса-Тирасполь-Одесса от 24 октября 1985 г. В архиве прокуратуры области мы отыскиали сначала архивные документы административно-хозяйственного отдела, а уже в них и обнаружили этот путевой лист. Это был путевой лист № 30 от 24 октября 1985 г., выписанный на автомобиль ГАЗ-24 «Волга», госномер 07-00 ОДН под управлением водителя Панченко. Маршрут следования автомобиля был указан именно тот, который мы искали: Одесса-Тирасполь-Одесса. На допросе Панченко это обстоятельство подтвердил и показал, что по указанию прокурора области он совместно с работником УВД области Ульяновченко ездил в Тирасполь по известному Ульяновченко адресу, откуда он вышел вдвоем с неизвестным им мужчиной, которого они привезли в Одессу в прокуратуру области. При предъявлении Панченко фототаблицы с изображениями нескольких лиц, он уверенно опознал среди них Зигельмана как человека, которого они привезли в Одессу из Тирасполя. Проведенные очные ставки между Подлиневым и Ульяновченко, Бельским и Ульяновченко, Панченко и Ульяновченко так и не подвигли его дать правдивые показания. Трудно сказать, что заставило Ульяновченко лжесвидетельствовать на следствии и в суде. Видимо, более весомые обязательства удерживали его от этого даже под страхом уголовной ответственности за дачу заведомо ложного показания. К сожалению, таких, как Ульяновченко, тогда (не знаю, как сейчас) в Одессе было очень много среди сотрудников правоохранительных органов. Тем не менее, факт задержания Зигельмана был достоверно установлен и доказан. И теперь на этом вопросе была поставлена жирная точка. Показаниям же Зигельмана верить было нельзя, поскольку они были срежиссированы и получены в результате сговора

с работниками органов прокуратуры и милиции. Да и что могло связывать простого грузчика рынка с начальником отдела УВД города? За что Малышев мог получать взятки не от директора рынка, а от простого грузчика? Мы ответили себе на этот вопрос. Так как объективных доказательств, подтверждавших в этой части показания Зигельмана, в результате дополнительного расследования нами установлено не было, то они свидетельствовали об их постановочном характере.

Сослуживцы

В первых числах июня в Одессу неожиданно приехал на смену Ивану Индину, чего я уже и не ожидал, Владимир Гариевич Майер – старший следователь прокуратуры г. Челябинска. Конечно, ему уже было некогда изучить весь объем материалов дела и поэтому я поручил ему вычитывать только то, что касалось Горецкого и Скорищенко и их отношений с Малышевым. Именно этим направлением работы ранее занимался Индин, черновые записи которого я передал также Майеру. Как следовало из материалов дела, Горецкий был задержан и арестован 25 января 1985 г. за получение взяток и только 27 февраля в следизоляторе УКГБ написал явку с повинной, что в разное время давал Малышеву взятки бутылками водки. Скорищенко был задержан и арестован 9 мая 1985 г. по тем же основаниям и уже 14 мая написал явку с повинной о даче взяток Малышеву теми же напитками.

Конечно, это могли быть более правдоподобные эпизоды дачи взяток Малышеву от подчиненных ему по службе Горецкого и Скорищенко. Я это понимал и надеялся на то, что нам удастся это объективно доказать в процессе дополнительного расследования. Как я уже отметил, Горецкий и Скорищенко были изобличены в неоднократном получении взяток и могли также успешно давать их и Малышеву за его покровитель-

ство им и поддержку по службе. А это самое покровительство нужно было исследовать и доказывать еще на первоначальном этапе следствия, чего сделано не было.

Горецкий до своего увольнения из органов милиции и ареста работал в должности начальника ОБХСС Киевского района г. Одессы, а Скорищенко – начальником ОБХСС Малиновского района г. Одессы, в должности, в которой до своего перевода в отдел БХСС УВД города работал и Малышев. Представления о выдвижении на должность начальника отделения БХСС Малиновского РОВД Скорищенко и начальника отделения БХСС Киевского РОВД Горецкого в феврале 1981 г. и в апреле 1982 г. были подписаны бывшим начальником отдела БХСС УВД города В.С. Зюбиным и утверждены начальником УВД города Н.Н. Крыловым. Малышев в это время работал заместителем начальника отдела БХСС и проводил с ними только собеседования при их выдвижении на вышестоящую должность. Однако окончательные кадровые решения принимались руководителями отдела БХСС и УВД области, согласовывались с партийными органами и оформлялись приказами начальника УВД.

В то же время Скорищенко на допросах неоднократно пояснил, что через полгода после назначения его на должность начальника отделения ОБХСС Малиновского района Малышев стал предъявлять к нему необоснованные претензии по службе, «склонял» его на собраниях и предлагал уволить половину сотрудников его отдела за неспособность работать. В это время действительно усилились требования к органам ОБХСС и работы было очень много. С трудом ему удалось выправить положение дел, поднять работу на новый уровень, что позволило занять место в тройке лидеров среди отделений БХСС УВД города.

Нам пришлось разыскать и пригласить на допрос бывшего начальника УВД города Н.Н. Крылова. На допросе он показал, что с приходом Малышева на работу в УВД города работа подразделения ОБХСС значительно улучшилась и активизирова-

лась. Малышев завел журнал регистрации актов проверок объектов торговли и общественного питания по линии ОБХСС и систематически контролировал их проведение. Далее он неоднократно вносил представления в адрес городского управления рынками, управления общепита и торговли и исполкомов районных Советов об улучшении организации и порядка торговли и общественного питания.

По инициативе Малышева был подготовлен и подписан приказ УВД города об активизации работы и наведении порядка в системе торговли и общественного питания. За время работы Малышева в должности заместителя начальника ОБХСС УВД города он также характеризовался положительно, хотя у него не сложились нормальные служебные отношения с бывшим начальником отдела Зюбиным. Что касается работы Горецкого и Скорищенко, то Малышев никогда не выступал в роли их покровителей, относился к ним так же, как и к другим начальникам районных отделов БХСС. В то же время он отмечал, что в Киевском районе после назначения Горецкого начальником отдела БХСС ухудшилась исполнительская дисциплина и снизилась активность работы отдела в целом.

Аналогичные показания дал и допрошенный в качестве свидетеля по этим вопросам заместитель начальника УВД области С.Д. Подлинев. В частности, он показал, что Малышев всегда был плохого мнения о Горецком. Он говорил ему, что Горецкий неспособный работник, ничего не предпринимает в отношении работы винных магазинов и спекулянтов на рынке.

Допросили мы и других менее высокопоставленных как бывших, так и продолжавших служебную деятельность сотрудников ОБХСС, у которых Малышев не находился в подчинении по службе. В процессе их допросов мы также не получили данных, свидетельствующих о том, что Малышев незаслуженно поощрял и защищал от взысканий Горецкого и Скорищенко.

Подводя итог показаний этих свидетелей, мы пришли к выводу, что достоверных и объективных сведений, подтвержда-

ющих действия Малышева, связанные с покровительством по работе этих сотрудников, нами выявлено не было. Таким образом, мотивы дачи взяток Горецкого и Скорищенко Малышеву не нашли своего подтверждения.

Теперь перейдем к объективной стороне состава преступления. О вручении алкоголя и сигарет в больших количествах уже говорить не будем. С учетом отсутствия даже малейшей информации о дальнейшем движении этих товарных взяток, квартира Малышева должна была превратиться в склад алкогольных и табачных изделий.

А вот на эпизоде вручения Малышеву взятки совместно Горецким и Скорищенко в сумме 7 тыс. руб. нужно остановиться отдельно.

Из обвинительного заключения дословно следует:

18.09.84 г., получив сведения о том, что в УВД Одесской области имеются данные о допущенных Горецким и Скорищенко злоупотреблениях по службе, будучи связанным с ними неоднократным получением взяток, Малышев решил убедить Горецкого и Скорищенко в том, что при помощи своих связей и влияния выручит их от уголовной ответственности и окажет всемерную помощь. В ночь с 18 на 19 сентября 1984 г. Малышев по телефону вызвал к себе домой Горецкого, где сообщил ему о случившемся и предложил на следующее утро встретиться на улице напротив военного универмага, имея при себе крупную сумму денег. 19 сентября 1984 г. к 10 час. на машине «Жигули», принадлежащей Скорищенко, последний и Горецкий на условленном месте ожидали прихода Малышева. При этом Скорищенко забрал из дома имевшиеся у него 7 тыс. руб. К этому времени пришел и сел в машину и Малышев. Напомнив о своих связях и возможностях, Малышев поинтересовался, привезли ли деньги. Скорищенко и Горецкий сообщили, что имеют лишь 7 тыс. руб. Малышев попросил подвезти его домой и в машине получил от Скорищенко 7 тыс. руб. в качестве взятки за оказание помощи Скорищенко и Горецкому при решении вопросов об их ответственности.

В процессе допроса начальник ОБХСС УВД области А.С. Головкин в связи с этим показал, что оперативные данные о неделовых связях Скорищенко и Горецкого с дельцами он получил за два-три дня до 19 сентября 1984 г. Эти данные он доложил только начальнику УВД области генералу Старовецкому. Дальше о развитии событий рассказал заместитель начальника УВД области Подлинев, исполнявший в те дни обязанности начальника УВД:

19 сентября 1984 г. примерно в 10 часов утра мне позвонил прокурор области Зимарин В.И. и поинтересовался, что мы делаем с Горецким и Скорищенко. Я спросил у прокурора, имеются ли у него на них материалы, и он ответил утвердительно. Тогда я сразу вызвал к себе начальника ОБХСС УВД области Головкина и спросил у него о том, какие имеются материалы в отношении Горецкого и Скорищенко. Он дал мне устную информацию об их неделовых связях с дельцами и пообещал доложить об этом письменно рапортом. Тогда я дал указания Головкину вызвать членов коллегии и провести оперативное совещание после работы вечером, чтобы заслушать на нем объяснения Горецкого и Скорищенко.

И еще:

До моего разговора 19 сентября 1984 г. с прокурором области никто мне не докладывал об имеющихся оперативных материалах в отношении Горецкого и Скорищенко. До 10 часов утра 19 сентября никто не мог известить Горецкого и Скорищенко, что у нас имеются эти оперативные материалы. Я поручил оповестить участников совещания Головкину и заместителю начальника УВД по кадрам Щуровскому.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший начальник УВД города В.Н. Крылов по этому поводу показал:

19 сентября 1984 г. где-то с 10 до 11 час. мне позвонил Щуровский М.В. и сообщил, что сегодня состоится внеочередное оперативное совещание и перечислил мне его участников, среди них я, начальник ОБХСС УВД города Малышев и начальники ОБХСС

районов Скорищенко и Горецкий. Я спросил его, чем вызвано это совещание, но он ответил, что ему это также неизвестно и цель его проведения будет объявлена на месте. После этого я сразу же позвонил Малышеву и сказал, чтобы он обеспечил явку в УВД области Скорищенко и Горецкого. Это было в 11 час. утра. Через 30 мин. я опять позвонил Малышеву и поинтересовался, нашел ли он Скорищенко и Горецкого. Малышев ответил, что принял все меры, но пока их не нашел.

Таким образом, свидетель Крылов В.Н. обеспечивал своими показаниями полное алиби Малышеву по времени предъявленного ему обвинения в получении взятки, так как в 11 часов и позже он уже находился на своем рабочем месте. Тогда как Горецкий и Скорищенко утверждали, что после вручения Малышеву взятки, после 10 часов утра, отвезли его домой. Таким образом, Малышев не мог знать ни 18 сентября, ни утром 19 сентября о предстоящем оперативном совещании и его повестке, так как информацией об этом владели только первые руководители УВД области и прокуратуры. Наконец, на этом же оперативном совещании, которое переросло в заседание коллегии УВД области, Горецкий и Скорищенко были освобождены от занимаемых должностей и в последующем уволены из органов внутренних дел. И в этом случае Малышев не имел реальных возможностей повлиять на это решение и на их судьбу, так как они в дальнейшем были арестованы. Тогда где же мотив этой взятки? Мало того, ровно через месяц Малышев и сам был освобожден коллегий УВД области от занимаемой должности и уволен из органов внутренних дел по отрицательным мотивам.

Анализ появления так называемых явок с повинной, написанных Горецким и Скорищенко, привел нас к интересным совпадениям. Так, по заключению МВД Украины, утвержденному приказом министра от 21 февраля 1985 г., увольнение Малышева из органов внутренних дел было признано необоснованным и отменено с восстановлением его на равнознач-

ную должность. Начальник УВД области Е.Е. Старовецкий препятствовал Малышеву в восстановлении его на службе, и уже 27 февраля появляется явка с повинной Горецкого, в которой он сообщил, что в разное время передал Малышеву 10 бутылок водки «Кристалл» и два ящика «Столичной». В итоге только в середине марта Малышева всё же восстановили в должности участкового инспектора Киевского РОВД. После повторного увольнения Малышева 4 апреля 1985 г. и его активных поездок в Киев и в Москву, связанных с восстановлением на службе, 14 мая появляется и явка с повинной Скорищенко о том, что он также вручал Малышеву взятки, а именно приобрел и вручил ему 20 бутылок финского ликера, ящик армянского коньяка и еще 6 бутылок французского коньяка. В то же время эти заявления и показания не явились основаниями к возбуждению уголовного дела.

Далее до сентября 1985 г. Горецкий и Скорищенко, находясь в следственном изоляторе УКГБ, утверждали, что давали взятки Малышеву только алкогольными напитками, импортными сигаретами и жевательными резинками. Однако, только 12 сентября сначала Горецкий, а 13 сентября Скорищенко, находясь в изоляции друг от друга, почти одновременно написали заявления о явке с повинной, где указали эпизод дачи Малышеву взятки в сумме 7 тыс. руб. Эти заявления были сделаны уже после возбуждения уголовного дела в отношении Малышева по заявлению Лейдермана и других. Вместе с тем, нами было установлено, что 12 мая 1985 г. сотрудник УКГБ Бобовский Ю.А. осуществил вызов следственно-арестованного Скорищенко и в одном из кабинетов следственного отдела УКГБ провел с ним длительную беседу, после чего 14 мая Скорищенко написал свое заявление о явке с повинной. Кроме этого, также установлено, что Скорищенко первым заявил Бобовскому Ю.А. о своем желании сделать заявление о даче им взятки Малышеву в размере 7 тыс. руб. Тогда Бобовский 3 сентября организовал его встречу в своем кабинете с Горецким,

на которой Скорищенко склонил Горецкого к написанию ими обоими явки с повинной по этому эпизоду. Были установлены также и другие многочисленные контакты Бобовского как с самими Горецким и Скорищенко в здании следизолятора УКГБ, так и с их женами, а также факты проведения их перекрестных встреч и свиданий. Не буду на этом подробно останавливаться.

Что касается источника дачи взятки в сумме 7 тыс. руб., который также должен был быть проверен и установлен по указанию суда, то из показаний Скорищенко эти деньги находились у него в результате получения взятки на двоих вместе со своим заместителем Конюковым от Филипповской в размере 15 тыс. руб. За этот эпизод, равно как и за другие, оба были осуждены судом. Эти показания также не нашли подтверждения в процессе расследования. Установлено, что деньги эти принадлежали матери Скорищенко. После ареста сына в мае 1985 г. она по просьбе своей невестки, то есть жены Скорищенко, привезла ей 15 тыс. руб. Узнав о том, что эти деньги нужно будет спрятать в квартире сына, а затем они будут изъяты следователем во время обыска, она испугалась и увезла их обратно в один из районов Одесской области, где постоянно проживала. Через некоторое время невестка приехала к ней домой и попросила у нее в этот раз уже 8 тыс. руб., которые она ей и отдала. Затем жена Скорищенко внесла их на расчетный счет прокуратуры области. Оставшиеся 7 тыс. руб., полученные по сценарию следствия от Филипповской, якобы и были переданы Скорищенко в качестве взятки Малышеву еще в сентябре 1984 г. Вот такая была постановка, с которой согласились и Бельский, и Шашкин, и Зимарин. Так на наших глазах рассыпалась самая перспективная версия дачи взятки Малышеву от подчиненных ему по службе начальников районных отделений БХСС Горецкого и Скорищенко.

Подводя итог собранным по делу доказательствам, мы пришли к выводу, что все показания Горецкого и Скорищенко по совокупности их перепроверки в процессе дополнительно-

го расследования носят надуманный и постановочный характер и получены в результате желания любым путем повлиять на смягчение приговора суда за совершенные ими самими преступления.

Из копий приговоров Одесского областного суда было известно, что Скорищенко был осужден за получение взяток к 12 годам лишения свободы, а вот Горецкий за аналогичные преступления по другому уголовному делу тем же судом был осужден лишь к 5 годам лишения свободы, то есть ниже низшего предела санкции ст. 168 ч.2 УК УССР, которой предусматривалось наказание от 8 до 15 лет лишения свободы.

В конце июня я получил заявление Малышева с просьбой предоставить ему свидание с матерью. Я дал такое разрешение, и в тот же день после проведения свидания она приехала ко мне. Коротко рассказав о самочувствии сына, она передала мне записку от него, в которой он просил перевести его в другой следственный изолятор, так как он стал серьезно опасаться за свою жизнь. Естественно, его мать была взволнована этой просьбой и возложила на меня всю ответственность за возможные последствия. Никаких подробностей она мне при этом не сообщила, и сын ей тоже их не сообщил, так как опасался, что его свидание контролируется сотрудниками КГБ. В записке же Малышев указал, что всё время раньше с ним в камере находились разные сокамерники, но в последнее время он находился в камере один. Это не на шутку встревожило и меня, так как я понимал, что если вдруг мы вынуждены будем прекратить это уголовное дело за отсутствием состава преступления в действиях Малышева, то неминуемо станет вопрос об ответственности должностных лиц, допустивших незаконное привлечение его к уголовной ответственности и арест. А если оно будет прекращено в связи с какими-то «непредвиденными обстоятельствами» – об этом не хотелось даже и думать. Я пока не находил выхода, ведь перевод его в следственный изолятор УВД, наверное, не решал этой проблемы на террито-

рии Одессы, а перевод в московский следственный изолятор не санкционировал бы Зимарин. Но, как уже повелось в этом деле, вмешался случай.

Вызов на ковер

В начале июля мне вдруг неожиданно позвонил Зимарин и предложил срочно приехать к нему. По тональности его голоса я понял, что случилось что-то серьезное. Мне вдруг вспомнился разговор с матерью Малышева и содержание его записки, и сразу стало как-то не по себе. Я тут же сел в машину и приехал в прокуратуру области. Войдя без доклада в кабинет к Зимарину, я увидел его встревоженное выражение лица и был готов услышать какое-то тревожное или чрезвычайное сообщение. Зимарин как будто чувствовал мое состояние и тянул время. При этом взгляд его несколько раз останавливался на телефонном аппарате ВЧ (высокочастотной правительственной связи), который, как он мне ранее рассказывал, в знак глубокого уважения ему разрешил поставить Генеральный прокурор СССР А.М. Рекунков. Ни у кого больше из прокуроров областей Украины, по его словам, такого телефонного аппарата не было. После некоторой паузы он наконец-то сообщил мне, что несколько минут назад ему позвонил Рекунков и потребовал направить меня к нему в Москву завтра, то есть 7 июля к 18 часам с докладом о состоянии расследования, а ему, то есть Зимарину, дал указание обеспечить мой отъезд авиационным транспортом. А это было сделать крайне сложно, так как был разгар курортного сезона и билетов на самолет ни в Москву, ни обратно из Москвы в Одессу в предварительной продаже не было. Для меня это действительно был шок.

Зимарин уже позвонил до моего приезда В.А. Лаврову – приморскому транспортному прокурору, но и у него на завтра вся бронь на самолет уже была роздана. Тем не менее Зимарин

сказал мне, что всё равно найдет способ отправить меня в Москву, так как не выполнить указание Генерального прокурора он не мог. На этом я уехал обратно к своему рабочему месту, объявил членам нашей следственной группы о моем срочном вызове в Москву и стал лихорадочно готовить обширную справку о промежуточных итогах нашего расследования.

Утром 7 июля мы приехали с Зимариным в Одесский аэропорт. С кем и как он договаривался о моем отлете в Москву, я так и не узнал. Нас встретил какой-то должностной работник аэропорта, который привел нас в служебное помещение, где находился экипаж самолета, и представил командиру экипажа пассажирского самолета АН-24, одного из самых распространенных в то время и достаточно надежных самолетов. Вот с ним и была достигнута окончательная договоренность о том, что я полечу без билета в багажном отсеке самолета, вместе с багажом. Обращаясь ко мне, командир спросил, согласен ли я с такими условиями полета. У меня не оставалось выбора, и я ответил, что согласен. Еще через несколько минут я уже следовал за командиром и экипажем в самолет. Кто летал этими бортами, знают, что самолеты этого типа были небольшими и предусматривали небольшой экипаж и примерно 50 пассажиров. А вот в задней части фюзеляжа за пассажирским салоном, гардеробом и туалетом размещался багажный отсек. Вот там-то мне и соорудили подобие табурета, на котором я устроился в окружении огромного количества чемоданов и ящиков. Ни о каких ремнях безопасности здесь речь уже не шла и держаться при попадании самолета в воздушные ямы можно было только за те же чемоданы, которые, в свою очередь, норовили завалить тебя с головой. Да и температура здесь была значительно ниже, чем в салоне, а одет я был по сезону с учетом жаркого одесского лета. Стюардесса, сидевшая на своем месте в задней части пассажирского салона, правда, периодически заглядывала ко мне в отсек, справлялась о моем самочувствии и поправляла сползавший на меня багаж. Так прошло два с небольшим

часа и самолет наконец-то приземлился в аэропорту Внуково. Подождав, пока пассажиры покинут салон, я, весь продрогший, с дрожащими от перенапряжения руками, наконец-то вышел из своего укрытия и, поблагодарив экипаж за благополучный, хотя и экстремальный полет, спустился по трапу на столичную землю.

Автобус привез меня от аэропорта к станции метро Юго-Западная, где я жил в Москве. Я на пару часов заскочил домой, чтобы перевести дух и немного отдохнуть от такого перелета. Но уже во второй половине дня я приехал на работу. Здесь, в следственной части, уже царил переполох в связи с моим отсутствием и предстоящим вызовом меня к Генеральному прокурору, и когда я появился, то Г.П. Каракозов немного успокоился. Но волнение его не покидало, и тому были веские причины. Он знал характер Генерального. Встреча с А.М. Рекунковым была запланирована без его участия, один на один со мной. И это тоже усиливало мое нервное напряжение. Я никогда ранее не имел личных встреч с Генеральным прокурором СССР. Только лишь однажды, еще в 1982 г., во время проведения всесоюзной конференции лучших следователей органов прокуратуры я, принимавший в ней участие, смотрел и слушал его выступление на этой конференции, а затем в составе делегации следователей Прокуратуры Украины с его участием был сделан памятный фотоснимок. Фотография эта до сих пор хранится у меня. Но то была только фотография, а сейчас предстояла личная встреча, беседа и доклад о проделанной работе. Помимо этого, за время моего отсутствия произошли еще и кадровые изменения. Заместитель Генерального прокурора СССР – начальник Главного следственного управления О.В. Сорока был переведен на другой участок работы, который ранее, до своего увольнения в марте 1987 г., обеспечивал заместитель Генерального прокурора СССР В.В. Найденев. О.В. Сороку сменил Александр Филиппович Катусев, ранее работавший Главным военным прокурором Прокуратуры Союза ССР. А вакант-

ную должность заместителя начальника следственной части занял Александр Васильевич Фролов, ранее работавший заместителем прокурора-начальником следственного управления прокуратуры Тульской области. Ему же Г.П. Каракозов поручил обеспечение контроля за расследованием уголовного дела в отношении Малышева. Однако все они еще не владели даже минимальной информацией и не изучали материалов этого дела. Что касается Г.П. Каракозова, то он тоже владел только самой общей информацией. Мне предстояло идти на ковер самому, при этом наши старшие «важняки» рассказали, что Рекунков имел крутой характер и был очень жестким руководителем союзного надзорного ведомства.

К шести часам вечера я приехал в административное здание Прокуратуры Союза ССР на ул. Пушкинскую (ныне ул. Большая Дмитровка) и поднялся на пятый этаж в приемную Генерального прокурора. Меня здесь ожидали, так как эта встреча была запланирована заранее, и помощник по особым поручениям доложил Рекункову о моем прибытии. Через несколько минут зазвонил телефон и мне предложили зайти в кабинет. Я открыл массивные дубовые двери и попал сначала в тамбур, затем открыл вторую дверь, после чего оказался в огромном, непривычном для меня кабинете.

В самом конце кабинета за массивным «сталинским» дубовым столом, на котором стояла такая же огромная настольная лампа с таким же большим зеленого цвета плафоном, сидел Александр Михайлович Рекунков – Генеральный прокурор СССР. Он поздоровался со мной, предложил мне подойти к столу и сесть за приставной стол. По широкой ковровой дорожке я прошел через огромный кабинет, подошел к приставному столу и, ощущая огромное душевное волнение, присел на краешек стула. Я, конечно, оробел, сердцебиение мое участилось, провозируя и учащенное дыхание. Как оказалось, у Рекункова находилась в руках очередная жалоба Бельского, который к тому времени уже был уволен Зимариным из органов прокуратуры.

В жалобе он сообщал о многочисленных фактах нарушения законности при проведении первоначального расследования в отношении Малышева.

Так как Александру Михайловичу никто обстоятельно не мог дать объяснения по этим фактам, а Зимарин был тем лицом, действия которого Бельский обжаловал, поэтому у него и возникло это неординарное решение о получении объективной информации, как говорится, из первых уст, то есть от лица, проводящего дополнительное расследование по этому уголовному делу.

В жесткой форме мне было задано много вопросов, на которые я, немного овладев собой, стал отвечать, хотя порой и сбивчиво. Александр Михайлович сразу указал мне на затяжной характер расследования. Когда же я показал ему утвержденный О.В. Сорокой план расследования, он разгневался еще больше, так как сроки расследования, согласно плану, истекли еще в мае. Оправдываться заменой следователей или расширением сферы расследования за счет соединения нового уголовного дела было бессмысленно и несерьезно. Я лишь мотивировал тем, что каждые запланированные следственные действия порождали дополнительные проверочные мероприятия, не отраженные в плане. Также пришлось доложить об объеме проделанной нами работы и том, что расследование эпизодов получения Малышевым взяток подходило к концу, и нам не удалось подтвердить их объективными и достоверными доказательствами. Здесь же мне пришлось сообщить, что отдельные доводы Бельского о допущенных нарушениях законности при получении показаний о даче Малышеву взяток подтверждаются материалами дополнительного расследования. Только мне было непонятно, почему Бельский впервые заявил об этом еще в суде и продолжил так активно об этом заявлять сейчас. Александр Михайлович протянул мне лист бумаги и спросил, знаком ли я с изложенной на нем информацией. Это была докладная записка прокурора Одесской области Зимарина, со-

ставленная на имя Генерального прокурора СССР, датированная еще 11 марта 1987 г. В ней Зимарин сообщал о том, что, как им было установлено, еще в марте 1943 г. Бельский, будучи командиром разведывательной роты, 266-й стрелковой дивизии, за допущенные злоупотребления по службе был осужден приговором военного трибунала к семи годам лишения свободы с отсрочкой до окончания военных действий. При этом Бельский был отстранен от занимаемой должности, лишен воинского звания старшего лейтенанта, переведен в рядовые и отправлен в 13-й отдельный штрафной батальон. После окончания войны Бельскому зачли его осуждение к лишению свободы сроком службы в штрафном батальоне. В дальнейшем он, скрыв судимость, поступил в Харьковский юридический институт, после окончания которого проник, как сказано в докладной записке, в органы прокуратуры Херсонской, а затем Одесской области. Но и это было еще не всё. Установлено, что Бельский, при неизвестных обстоятельствах присвоил себе награды, принадлежавшие погибшим солдатам и сержантам его разведроты. Среди них орден «Красного Знамени» и три ордена «Красной Звезды», которые он в дальнейшем носил, фотографировался с ними и выступал на торжественных собраниях, рассказывая о своих военных подвигах. В записке Зимарин поставил вопрос о лишении Бельского классного чина старшего советника юстиции и увольнении его из органов прокуратуры.

Я сообщил, что со слов В.И. Зимарина мне было известно о вскрытии факта присвоения Бельским орденов, но в полном объеме изложенной в записке информацией я не владел. В то же время эта информация являлась бесспорно основной причиной поступавших от Бельского жалоб о нарушениях законности, допущенных Зимариным. Затем А.М. Рекунков уже более спокойно спросил у меня о том, сколько мне еще требуется времени для окончания расследования. Я ответил, что срок следствия и содержания под стражей Малышева продлен до 10 сентября, но мне нужно меньше. Тогда А.М. Рекунков

сказал, что это очень много и дал мне срок в один месяц, чтобы я окончательно разобрался со всеми эпизодами. Особенно он акцентировал мое внимание на выявлении новых эпизодов, не охваченных предыдущим расследованием. Если я их не выявлю, то Малышева нужно будет немедленно освобождать из-под стражи. Вот тут-то я и сказал А.М. Рекункову о записке Малышева и о соображениях, тревоживших меня последнее время по этому поводу. Александр Михайлович немного подумал и дал указание этапировать Малышева из Одессы в Москву. Для этого мне необходимо было завтра же вынести постановление об этапировании и санкционировать его у А.Ф. Катусева, которому он даст соответствующее распоряжение. Наша беседа уже в более спокойном русле завершилась через час и в начале восьмого я покинул кабинет Генерального прокурора.

Минут через двадцать я уже возвратился к себе на работу в следственную часть, где в тревожном ожидании находились еще Г.П. Каракозов и его новый заместитель А.В. Фролов. Я довел до их сведения содержание беседы с Генеральным прокурором и данные мне указания, после чего мы разъехались по домам. Утром я заехал снова в административное здание центрального аппарата и в финансово-хозяйственном управлении заказал из брони Прокуратуры Союза ССР билет на самолет в Одессу на утро следующего дня. Затем приехал в свой служебный кабинет и вынес постановление об этапировании Малышева из Одессы в следственный изолятор № 1 ГУВД г. Москвы. Кроме того, заодно вынес и постановление о продлении срока следствия и содержания под стражей Щербаковой дополнительно еще на три месяца, так как 16 июля истекали продленные заместителем прокурора Одесской области на один месяц сроки. Завизировав эти постановления у Г.П. Каракозова, я отправился с ними к заместителю Генерального прокурора А.Ф. Катусеву для их санкционирования. По всей видимости, он уже был предупрежден А.М. Рекунковым об этом, так как я сра-

зу был принят им, и он без особых колебаний поставил на них свою подпись. Александр Филиппович расспросил меня в общих чертах об истории этого расследования и уже имеющихся результатах расследования дополнительного. Однако я заметил, что он слушал меня как-то не очень внимательно, к тому же мой доклад неоднократно перебивали телефонные звонки, на которые он отвечал. Было заметно, что этому уголовному делу он не придавал серьезного значения, как у нас говорят, не погрузился в тему – на первый взгляд, оно действительно не выделялось среди других коррупционных дел, находившихся в производстве в следственной части Прокуратуры Союза ССР. Александр Филиппович, правда, попросил меня в случае возникновения чрезвычайной ситуации сразу же докладывать ему для информирования Генерального прокурора СССР. Тогда я обратил внимание на его аппарат ВЧ связи и, вспомнив о наличии такого же у Зимарина, попросил его разрешения докладывать ему по ВЧ. Он дал на это согласие и сообщил мне свой номер этой правительственной связи. Так состоялась моя первая встреча и с заместителем Генерального прокурора ССР – новым начальником Главного следственного управления. Возвратившись на свое рабочее место, я уже вплотную познакомился с заместителем начальника следственной части А.В. Фроловым – моим новым руководителем и куратором. Конец дня я провел с ним в длительной беседе. Он как-то сразу своей легкой и непринужденной манерой поведения, открытым взглядом и доброжелательной улыбкой, умением слушать и слышать, легко завоевывал доверие и уважение собеседника. По крайней мере, мне так тогда показалось. Так случилось, что и в дальнейшем, уже после окончания следствия по делу Малышева, на протяжении целого ряда лет он был моим непосредственным руководителем, и за это время у нас сложились хорошие дружеские отношения. В тот день Александр Васильевич сразу проявил повышенный интерес к нашему расследованию, заостряя свое внимание не только на основных выво-

дах, но и на их обосновании конкретными доказательствами и порой на мелочах, на которые другой бы на его месте внимания не обращал. Несмотря на его молодой еще возраст, в нем сразу выявились способности быстрого усвоения большого объема информации и хорошие навыки следственной практики. Я оставил ему свою обширную справку по делу, которую готовил к встрече с Генеральным прокурором. Все имевшиеся у меня копии постановлений, вынесенных по нашему делу, я также передал для информации не только ему, но и надзирающему прокурору Р.М. Бицаеву, который периодически присутствовал при наших разговорах с Фроловым и больше интересовался вопросами выявленных нами нарушений законности при первоначальном расследовании. К нам он также не снижал своих требований с точки зрения обеспечения надзорных функций.

Следующим утром я снова вылетел в Одессу, на этот раз уже в комфортабельном пассажирском салоне авиалайнера.

Часть III

Последний этап

В Одессе меня с нетерпением ожидал В.И. Зимарин. Пришлось поделиться с ним некоторой информацией о встрече с Генеральным прокурором, в том числе о принятом им решении об этапировании Малышева в Москву, чтобы он к моменту окончания следствия находился рядом с нами. После чего я передал Зимарину и указание Рекункова о выявлении новых эпизодов дачи взяток Малышеву и на словах сообщил ему, что организация этой работы Рекунковым возлагалась и на него. Зимарин был польщен оказанным ему доверием и тут же сразу вспомнил, что один такой эпизод, имея в виду Щербакову, он уже мне нашел. Кроме того, Зимарин был восхищен решением

Генерального прокурора об этапировании Малышева. Он сразу понял, что следствие близится к завершению, и Малышеву будет в Москве перепредъявлено новое обвинение. Я не стал его разубеждать в этом и тут же отдал ему постановление об этапировании Малышева в Москву для направления его в следизолятор УКГБ. Сопроводительное письмо к постановлению было подписано Г.П. Каракозовым. От себя я снова добавил, что организацию быстрого и безопасного этапирования Малышева из Одессы Генеральный прокурор также возлагает на него. Зимарин принял это поручение Генерального прокурора к неукоснительному исполнению. Теперь я был уверен, что с Малышевым в ближайшие дни в следизоляторе уже ничего не случится, так как Зимарин вынужден будет теперь контролировать исполнение этого постановления по решению Генерального прокурора.

Дальше я расспросил его более подробно о Бельском. Как оказалось, информацией о присвоении Бельским чужих орденов Зимарин владел очень давно. Всё вскрылось банально просто. Еще в начале 1985 года в СССР началась активная подготовка к празднованию 40-летия Победы в Великой Отечественной войне. В связи с этим 11 марта 1985 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденом «Отечественной войны» активных участников Великой Отечественной войны 1941-1945 годов», в соответствии с которым награждению орденом «Отечественной войны» 1-й степени подлежали все участники войны, которые уже были награждены орденами СССР, все остальные участники войны подлежали награждению орденом «Отечественной войны» 2-й степени. Бельский был запечатлен на фотографиях с орденом «Красного Знамени» и тремя орденами «Красной Звезды», которые он также носил на своем форменном кителе в праздничные дни. Поэтому отдел кадров прокуратуры области и направил в городской военный комиссариат сводный запрос о награждении всех ветеранов прокуратуры области исходя

из данных требований. В ответ на это представление пришел ответ, что Бельский может быть награжден только орденом «Отечественной войны» 2-й степени, так как сведениями о награждении его ранее орденами СССР военный комиссариат не располагает. После многократных уточнений и проверок личного дела Бельского в военном комиссариате начальником отдела кадров прокуратуры области эта информация была полностью подтверждена. После этого к прокурору области был вызван Бельский, который пояснил, что орденских книжек к орденам у него действительно нет, так как они выдавались уже после окончания войны. Во время боевых действий штаб дивизии, в которой он служил, разбомбила вражеская авиация, и документы были уничтожены. У него же остались только записи о номерах приказов по дивизии, которыми он был награжден этими орденами. Он сообщил номера и даты этих приказов. Если бы это был один орден, то в это еще можно было поверить, но речь шла сразу о четырех орденах. После опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1985 г. «Об ответственности за незаконные действия по отношению к государственным наградам СССР», действия Бельского подпадали под признаки, как минимум, административного правонарушения, а если эти награды были им куплены, то и уголовного преступления. Зимарин тогда всё же закрыл на это глаза и сделал вид, что поверил Бельскому. Представление о его награждении было им отозвано, а в дальнейшем, как я теперь понимаю, он поручил расследование уголовного дела в отношении Малышева именно ему, так как был уверен, что все его указания по этому делу Бельским будут слепо выполняться. Но что же всё-таки заставило Бельского выйти из повиновения и дать показания в суде, повлиявшие в значительной степени на решение о направлении уголовного дела на дополнительное расследование? Оказалось, тоже всё просто. Как дальше следовало из рассказа Зимарина, после получения объяснения Бельского он через некоторое время всё же направил в отно-

шении него запрос в Центральный архив Министерства обороны СССР. В ответ на этот запрос в ноябре 1985 г. он получил информацию о судимости Бельского – бывшего командира разведроты, направлении его в штрафной батальон и лишения его звания и наград военным трибуналом 266 стрелковой дивизии, что также явилось одной из причин замены Бельского в должности руководителя следственной группы по делу Малышева. Для установления принадлежности имевшихся у него орденов нужны были их индивидуальные номера. Но как их было установить? Тогда, не ожидая окончания судебного процесса по делу Малышева и не предвидя каких-либо осложнений в процессе проводимого судебного следствия, В.И. Зимарин в сентябре 1986 г. организовал официальную прокурорскую проверку по факту необоснованного ношения Бельским орденов СССР. В ходе этой проверки работники прокуратуры области с составлением официального протокола изъяли находившиеся у Бельского ордена. Вот тогда Бельский и засветил свой «джокер», огласив в суде 1 октября известные нам сенсационные заявления, а затем предъявил суду находившиеся у него на хранении «явки с повинной» лиц, сообщивших о даче Малышеву взятки. Зимарину пришлось доводить начатую им проверку до конца, и он в октябре 1986 г. инициировал новые запросы о принадлежности изъятых у Бельского орденов по их номерам в Центральный архив Министерства обороны СССР и в отдел наград Президиума Верховного Совета СССР. После поступления информации из запрашиваемых инстанций о принадлежности изъятых у Бельского орденов погибшим военнослужащим его разведроты и состоялась докладная записка Зимарина В.И. на имя Генерального прокурора с предложением увольнения Бельского из органов прокуратуры и лишения его классного чина. И это уже был серьезный повод для совсем другого расследования. По рекомендации Управления кадров Прокуратуры Союза ССР Зимарин уволил Бельского из органов прокуратуры на основании п. 2 ст. 10 Положения о поощрени-

ях и дисциплинарной ответственности прокуроров и следователей органов Прокуратуры СССР за совершение порочащего поступка. После этого Бельский стал направлять многочисленные заявления и обращения в Прокуратуру Союза ССР о допущенных нарушениях законности при расследовании этого уголовного дела, которые в большинстве случаев были допущены им самим, а также о незаконности увольнения его из органов прокуратуры. Все эти подробности мне стали известны в ходе беседы с Зимариным.

Но оставим в покое Бельского. Нам открылась еще одна неприглядная страница тех многочисленных интриг, которыми сопровождалась коррупционные расследования в Одессе в тот период времени и которые впоследствии еще долгое время будут сопровождаться многочисленными сенсационными открытиями, скандалами, судебными исками и публикациями о них в советской прессе, как центральной, так и местной.

У меня же для завершения работы оставался месяц, который мне дал Генеральный прокурор, а в нашем расследовании предстояло выполнить еще очень значительный объем следственных действий.

Как я уже указывал ранее, Малышев также обвинялся в хищении денежных средств на сумму 1300 руб. из сметы расходов МВД, предусмотренных для обеспечения оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел. Только при наличии заведомо известных следствию слабых доказательств в получении Малышевым взяток и известных обстоятельствах получения этих доказательств, следствие пошло на раскрытие служебной информации, связанной с расходованием указанных денежных средств. Учитывая закрытый характер этой информации, я постараюсь лишь в общих чертах отразить ход нашего расследования в этой части и его результаты (поэтому же содержание и номера нормативных актов МВД мной здесь не приводятся). С самого начала это направление расследования было поручено В.Т. Шевчукову, к которому за-

тем по моему указанию присоединился и В.К. Потапов. В ходе дополнительного расследования нами была назначена и проведена оперативно-финансовая экспертиза, производство которой было поручено УБХСС и ФПУ МВД УССР. Экспертизой и материалами дела было установлено, что сотрудники отдела БХСС по указанию и с разрешения бывшего начальника отдела БХСС Малышева в течение 1982-1984 гг. необоснованно выдали денежные средства из сметы расходов УВД города на сумму 3764 руб. по распискам гражданам, не являвшимся доверенными лицами этих сотрудников. Из них за оказанную ими помощь в проведении оперативно-следственных мероприятий по уголовным и оперативным делам на сумму 1855 руб., водителям автотранспорта, обслуживавшим отдел БХСС, на сумму 1076 руб., гражданам за ремонт служебных помещений, ремонт связи в УВД города и другой помощи сотрудникам отдела на сумму 833 руб. Таким образом, нами был выявлен объем необоснованных выплат из сметы расходов УВД города, намного превышающий размер, установленный ранее первоначальным расследованием. Согласно действовавшему приказу МВД СССР от 1974 г., эти деньги были выплачены незаконно. В то же время указанной экспертизой установлено, что еще в 1961 г. МВД УССР был издан приказ, согласно которому из сметы расходов УВД разрешалось выплачивать денежные вознаграждения за оказание содействия в предупреждении или раскрытии преступлений гражданам, не являющимся доверенными лицами работников милиции. Этот приказ действовал до 1980 г., когда он был наконец отменен другим приказом МВД УССР, как противоречащий требованиям приказа МВД СССР 1974 г., которым такие выплаты гражданам, оказавшим содействие в раскрытии преступлений, уже не были предусмотрены. Однако с этим приказом МВД Украины 1980 г., отменявшим действие предыдущего приказа, под роспись не были ознакомлены ни сотрудники финансового отдела, ни оперативные сотрудники УВД области и города. В своей работе они продолжали руко-

водствоваться требованиями уже отмененного приказа 1961 г., что являлось грубым нарушением финансовой дисциплины и серьезным дисциплинарным проступком. Кроме отсутствия подписей об ознакомлении с этим приказом, это обстоятельство подтвердили на допросах и бывший начальник УВД города В.Н. Крылов, заместитель начальника отдела БХСС УВД города В.Р. Ткаченко, начальник ОБХСС УВД области С.А. Головкин, начальник финансового отдела УВД области Н.Е. Стромило и другие рядовые оперативные сотрудники. Следствием были подтверждены выводы экспертизы, что денежные средства из сметы расходов УВД Малышевым лично или по его указанию подчиненными ему сотрудниками ОБХСС выплачивались не только лицам, оказывавшим содействие в раскрытии преступлений, но и лицам, выполнявшим обычные работы по хозяйственному обслуживанию УВД, а именно водителям, уборщице, слесарю по ремонту дверных замков, специалисту по ремонту аппаратов связи, рабочим, осуществлявшим штукатурно-малярные работы и т. д. Однако и в этих действиях Малышева отсутствовали корыстные мотивы.

С учетом выявленных обстоятельств, а также в связи с отсутствием умысла на хищение денежных средств, мы пришли к выводу, что в действиях Малышева отсутствовал состав преступления, связанный с нецелевым использованием денежных средств из сметы расходов УВД г. Одессы. Эти действия Малышева формально носили характер грубого нарушения финансовой и служебной дисциплины, что одновременно было выявлено и в действиях других оперативных сотрудников ОБХСС и всех перечисленных выше должностных лиц УВД города и области. Основная же ответственность за организацию доведения до сведения оперативного состава происшедших существенных изменений в нормативных документах МВД УССР, что влекло за собой изменения в организации выплат денежных средств из сметы расходов, и организацию контроля за этой работой лежала на начальнике УВД области и его заместителях.

Помимо того, Малышеву было предъявлено обвинение в злоупотреблении служебным положением, связанным с использованием в своих личных и служебных целях автомашины ГАЗ-24 «Волга», принадлежавшей производственному объединению «Точмаш», и незаконной выплате заработной платы водителям объединения, обслуживавшим эту автомашину, в размере 8245 руб.

Как показали на допросах свидетели Крылов В.Н., бывший начальник УВД города, Ткаченко В.Р., Порецкий И.А., Лагутин В.В., бывшие сотрудники ОБХСС УВД, а также водители автомашины ГАЗ-24 «Волга» Савков Ф.С. и Клименко И.Т., автомашина, выделявшаяся объединением «Точмаш», направлялась в отдел БХСС УВД города, а не лично Малышеву и использовалась в служебных целях, так как на ней, кроме Малышева, ездили и другие сотрудники УВД города. Кроме того, свидетель С.Д. Подлинев, работавший ранее заместителем начальника УВД области, и В.Н. Крылов, бывший начальник УВД города, показали, что тогда и сейчас используется практика привлечения автомашин предприятий города для работы в УВД города и области, так как своего служебного транспорта никогда не хватало. И эта практика не считалась каким-либо нарушением. Допрошенный в качестве свидетеля генеральный директор производственного объединения «Точмаш» В.А. Окунь показал, что он, действительно, заключал в 1983 и 1984 гг. договоры аренды автомашины ГАЗ-24 «Волга» по просьбе Малышева сверх имевшегося у него лимита, для их использования в работе УВД города. На протяжении 1980-1984 гг. легковой автомобильный транспорт выделялся им на основании решений исполкома Малиновского районного Совета о выделении автотранспорта в УВД города для оперативной работы по борьбе с преступностью в городе. Эти показания подтвердил на допросе и бывший председатель исполкома Малиновского районного Совета П.С. Голуб, который дополнил их лишь тем, что такие решения исполком райсовета принимал по указаниям партий-

ных органов, то есть районного и городского комитетов Компартии Украины. Такие решения исполкома за 1983 и 1984 гг. нами были установлены, изъяты и приобщены к материалам дела. Кроме того, мы установили, что указанные решения исполкома районного Совета никогда прокурором района не опротестовывались как незаконные.

С учетом этого мы пришли к обоснованному выводу, что в действиях Малышева отсутствовал состав преступления, предусмотренный ст. 165 УК УССР, а именно злоупотребление служебным положением в связи с незаконным использованием автомашины и причинением государству материального ущерба в размере 8425 руб., связанного с выплатой зарплаты водителям автомашин.

Оставался еще эпизод дачи взятки Малышеву Щербаковой. Для этого мы срочно командировали на автомашине в Херсон следователя нашей следственной группы С.А. Индюнаса. За три дня командировки он установил очень значимую для нашего расследования информацию и закрепил полученные данные следственными действиями. Как показала Щербакова, она вручила взятку Малышеву в размере 500 руб. за оказание ей помощи в освобождении от уголовной ответственности по уголовному делу, возбужденному в 1982 г. в городе Херсоне по факту хищения арбузов, часть которых была реализована ею на рынке «Черемушки» в Одессе. В Херсоне Индюнас установил, что данное уголовное дело, действительно, было возбуждено следственным отделом УВД Херсонской области еще 30 октября 1981 г. Допрошенный в качестве свидетеля следователь СО УВД О.Ю. Шаров показал, что в рамках этого дела он вел расследование по факту хищения крупной партии арбузов у колхозов области и вызывал по данному делу для допросов в качестве свидетелей многих работников рынков, как в Херсоне, так и в Одессе. Осмотром материалов данного уголовного дела в областном суде была получена информация, что на допрос к следователю Шарову действительно вызывалась Щер-

бакова, а также другие работники рынка: Астахова, Либерман, Шевченко, Сичкар. В то же время, как показал Шаров в ходе дополнительного допроса, вопрос о привлечении кого-либо из них к уголовной ответственности не рассматривался, так как в ходе расследования были установлены организаторы и исполнители данного хищения – жители Херсонской области, и все они были привлечены к уголовной ответственности.

Допрошенные затем нами в Одессе Астахова, Либерман и Шевченко подтвердили, что они вместе с Щербаковой ездили на допрос к следователю в Херсон по вопросу реализации на рынке херсонских арбузов. Однако, они были допрошены в качестве свидетелей лишь один раз. Следователь им никаких претензий по поводу реализации херсонских арбузов не предъявлял и никакого повода у них для дачи кому-либо взятка за уклонение от ответственности не было. Это обстоятельство подтвердил и наш следователь С.А. Индюнас, изучивший это архивное дело в суде и составивший по этому поводу соответствующую справку, приобщенную к материалам дела. Таким образом, Щербакова дала нам ложные показания, которые носили, как и показания Зигельмана, надуманный и постановочный характер.

А тем временем подходил к концу июль – самый жаркий месяц в Одессе. На улице температура держалась днем около 30 градусов. Воздух был раскаленный и очень влажный с учетом близости моря. В служебных кабинетах было очень душно, открытые форточки не спасали, а кондиционеров тогда еще не было. Погода действовала угнетающе, к тому же запас доказательств вины Малышева таял у нас на глазах, как тает снеговик ранней и теплой весной, оседая всё ниже и ниже к земле под лучами ослепительно яркого жгучего солнца, пока не превратится в лужицу. А на такой жаре, какая стояла у нас, от него могло не остаться и мокрого места.

Видимо, для поднятия морального духа, я получил сообщение из Москвы о присвоении мне очередного классного чина –

советника юстиции. Но отметить это событие достойно мы не могли, так как серьезно опасались провокаций в отношении нас. А поводов для этого было предостаточно. В эти же дни к нам явился Бельский со своей информацией о задержании Зигельмана в Херсоне и доставкой его в прокуратуру области на служебном автомобиле прокуратуры. Затем мы допрашивали по этому поводу и сотрудника ОБХСС Ульяновченко, так и не давшего нам правдивых показаний. Тогда же был обнаружен и изъят из архива прокуратуры области путевой лист автомашины «Волга», что, безусловно, в тот же день было доложено Зимарину.

Ну а что же новые эпизоды, о выявлении которых дал мне указание Генеральный прокурор А.М. Рекунков? К ним следует отнести эпизод дачи взятки Щербаковой, а также показания Гербера и Полищука, изложенные ими в явках с повинной, выданных Бельским. Эти показания нами уже были отработаны. Оставались еще заявления Фридмана и Лернера, которые мы выявили на заключительном этапе расследования и о которых я еще не рассказал.

В.И. Зимарин, «ощущая свою ответственность» по выявлению новых эпизодов дачи взяток Малышеву, вручил мне заявление Фридмана, датированное еще 17 декабря 1986 г. Не исключая того, что данное заявление мог принести ему Бобовский из своих закровов. В этом заявлении Фридман сообщал, что, работая старшим продавцом рынка «Январский» в г. Одессе, он в конце лета 1982 г. в служебном кабинете Малышева вручил ему в качестве взятки импортные мужские наручные часы фирмы «Ориент» стоимостью 150 руб., чтобы Малышев не проявлял повышенный интерес к его работе на рынке. Однако, на допросе у нас Фридман эти показания изменил и показал, что он сам, по своей инициативе, предложил Малышеву наручные часы в качестве подарка, но Малышев отказался их взять. Тогда он, воспользовавшись тем, что Малышева кто-то вызвал из кабинета, положил эти часы на его служебном столе под какие-то папки с документами. Когда Малышев

возвратился, то он ничего ему об этом не сказал и больше о судьбе этих часов ничего не знает. Фридман не понимал, что любой офицер-оперативник никогда бы не покинул свой служебный кабинет с лежащими на столе служебными документами, оставляя при этом в кабинете постороннего человека. В процессе проверки показаний Фридмана ему были предъявлены несколько моделей наручных часов фирмы «Ориент», в том числе изъятые у Малышева во время личного обыска при задержании. Среди этих часов Фридман не опознал тех, которые он оставил на служебном столе в кабинете у Малышева.

5 февраля 1987 г. от находившегося в следственном изоляторе УВД Одесской области и осужденного за хищения Лернера поступило заявление, в котором он сообщил об известных ему фактах взятничества Малышевым. Допрошенный по существу этого заявления Лернер показал, что со слов Гершковича, содержащегося в одной камере с ним, ему известно о том, что он через Полищука в 1980 г. передал взятку Малышеву в размере 8 тыс. руб. за избежание ареста по возбужденному в отношении него уголовному делу. Кроме того, ему было известно и о том, что в апреле 1984 г. Зигельман вручил Малышеву взятку в размере 13 тыс. руб., которые он собрал с работников винных магазинов. Еще ему было известно, что Малышеву также ежемесячно давал взятки бывший работник БТУ рынка «Привоз» Ярновский. Я уже отмечал, что истинные одесситы знали всё и обо всех, но, как правило, со слов знакомых своих знакомых. И это был образ их жизни. Никаких доказательств, естественно, при этом никто из них предъявить не мог. Конечно, мы допросили по этим показаниям и Полищука, и Гершковича, и Ярновского, и Зигельмана. Никто из них эту информацию не подтвердил. При этом Зигельман более всех остальных возмущался тем, как хорошо знакомый ему человек мог так его оговорить.

В заключение мне хотелось бы привести показания еще одного одессита из этой же серии. В уголовном деле по обви-

нению Малышева имелось также заявление Кауфмана о даче взятки Малышеву от 14 ноября 1985 г. Справедливости ради следует сказать, что уголовное дело по данному эпизоду в отношении Малышева было прекращено Шашкиным Н.В. за недоказанностью. Мы всё же допросили Кауфмана об обстоятельствах написания им заявления. На допросе он показал, что при содержании его в СИЗО УКГБ по Одесской области его очень часто вызывал на беседы сотрудник УКГБ Бобовский, который интересовался информацией о получении взяток работниками ОБХСС Коротковым, Нехлюдовым, Скорищенко, Малышевым и другими. Он стал помогать ему в изобличении этих лиц в обмен на оказание ему помощи при назначении судом меры наказания, организации свиданий с женой, получении внеочередных продуктовых передач, которые ему действительно были предоставлены. Где-то в октябре-ноябре 1985 г. Бобовский перестал доверять следователю Бельскому, который расследовал дело по обвинению Малышева. Для того, чтобы изъять это дело у Бельского, Бобовский решил добавить в него эпизод получения взятки валютой. Тогда это дело, со слов Бобовского, должно было быть передано для дальнейшего расследования из прокуратуры в УКГБ. В развитие этого сценария Бобовский уговорил его дать показания о даче Малышеву взяток иностранной валютой. Он согласился и написал явку с повинной о даче Малышеву взяток сертификатами и иностранной валютой. Однако, жена, испугавшись одних только слов, связанных с иностранной валютой, отказалась подтвердить его показания на очной ставке, проведенной следователем Бельским. После этого ему пришлось отказаться от показаний о даче взятки Малышеву валютой. Кауфман, видимо, за «особые заслуги» в разоблачении других сотрудников милиции получил достаточно мягкое наказание. По статье о мошенничестве, совершенном повторно, предусматривающей наказание на срок до пяти лет лишения свободы, он был приговорен только к двум годам лишения свободы. После приговора он

был оставлен для отбытия наказания в следизоляторе УКГБ для обеспечения хозяйственного обслуживания следственно-арестованных, а по истечении этого срока наказания там же был и освобожден из-под стражи.

Я всё же направил официальные запросы на имя начальника УВД и начальника УКГБ Одесской области с просьбой направить мне всю имеющуюся оперативную информацию о противоправной деятельности Малышева, помимо имеющейся в материалах уголовного дела по его обвинению. Получив на эти запросы отрицательные ответы, мы уже в начале августа стали собираться к отъезду: сформировали наши материалы расследования по отдельным папкам и приобрели билеты на самолет в Москву. Мне предстояло выполнить всего лишь два ответственных следственных действия, которые были предусмотрены ранее нашим планом расследования – допросить в качестве свидетелей Ю.А. Бобовского и В.И. Зимарина

Ю.А. Бобовский был уже ранее допрошен, но только по обстоятельствам составления явок с повинной Лейдерманом, Гринбергом и Виденко. Сейчас же я его вызвал на допрос в качестве свидетеля по всем выявленным обстоятельствам, связанным с его участием в получении показаний о противоправной деятельности Малышева. На допросе 3 августа он, как и в предыдущий раз, держался очень высокомерно, заносчиво и самоуверенно. В его поведении и ответах сквозила неприкрытая уверенность в том, что он делал всё правильно, что Малышев является взяточником и что никакой ответственности за возвращение уголовного дела на доследование он нести не может, так как осуществлял только оперативно-разыскную деятельность, а доказательства должны собирать следователи. И в этом он был, безусловно, прав. На мои конкретные вопросы, связанные с уже документально подтвержденными доказательствами о его вызовах и беседах в УКГБ со свидетелями по нашему делу, о вызовах и беседах со следственно-арестованными, о предоставлении им свиданий и встреч между

обвиняемыми без разрешений следователей прокуратуры, осуществлявших расследования, он либо уклонялся от дачи конкретных показаний, либо давал заведомо ложные показания, не опасаясь при этом уголовной ответственности за лжесвидетельствование. Бобовский утверждал, что по конкретным уголовным делам он выполнял только техническую работу по установлению и вызову свидетелей, подготовке кабинетов и оформлению пропусков. И всё же, после предъявления ему требований о вызове им следственно-арестованных он проговорился, что проводить беседы с содержащимися в СИЗО работниками милиции Коротковым, Нехлюдовым, Горецким, Скорищенко, а также Малышевым ему давали письменные разрешения прокурор области В.И. Зимарин и его заместитель Д.В. Гудзенко.

На следующий день, 4 августа, я приехал в прокуратуру области и зашел в кабинет к В.И. Зимарину. Обменявшись дежурными приветствиями и вопросами о состоянии здоровья, я объявил ему о том, что, согласно плану расследования, мне необходимо допросить его в качестве свидетеля. Он сначала просто не поверил и ответил мне, что это неудачная шутка. Тогда я раскрыл и показал ему план расследования по делу Малышева, утвержденный заместителем Генерального прокурора СССР О.В. Сорокой, где одним из последних пунктов плана стоял допрос В.И. Зимарина. Тогда он сказал мне, что я не имею процессуального права допрашивать прокурора области без санкции на это Генерального прокурора СССР. Значит, допрашивать ответственных советских и партийных работников в Одесской области я право имел, а вот прокурора области – нет. Ни один довод не возымел на него воздействие, не говоря уже о требованиях Уголовно-процессуального кодекса, не предусматривающего специального иммунитета прокурора области или республики от дачи ими показаний в качестве свидетелей.

Когда мой взгляд случайно остановился на телефонном аппарате ВЧ связи, стоявшем на его служебном столе, я вспом-

нил разговор с заместителем Генерального прокурора СССР А.Ф. Катусевым, разрешившим мне звонить ему в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Полагая, что эту ситуацию можно было именно так и рассматривать, я достал из кармана записной блокнот, нашел там номер телефона ВЧ связи А.Ф. Катусева и позвонил ему. Связь была для меня необычная, говорить нужно было медленно, так как слова шифровались и голос сильно искажался. Александр Филиппович, к счастью, оказался на месте, в своем служебном кабинете, и ответил мне. Когда я объяснил причину своего звонка, то он попросил передать трубку Зимарину и стал разговаривать с ним. Когда же Зимарин сказал ему то же самое в отношении указания Генерального прокурора СССР, то Катусев ответил ему, что доложит о поведении Зимарина Рекункову, и пусть он считает, что такое указание он уже получил. Поэтому, от имени А.М. Рекункова, он дал ему указание не препятствовать мне выполнять запланированные следственные действия и дать необходимые следствию показания. На этом он и завершил свой разговор с Зимариным. Последний побледнел, нахмурился и сказал, что даст мне свои показания, но при условии, что его ответы на поставленные мной вопросы будут записаны мной буквально дословно, и он поочередно будет прочитывать правильность их отражения в протоколе допроса. Допрос длился чуть более четырех часов. Всё это время Зимарин ходил по кабинету, сложив руки за спину, и надиктовывал мне свои ответы, каждый раз проверяя правильность и дословность их отражения в протоколе. В некоторых случаях он тут же собственноручно вносил в протокол свои дополнения или уточнения. Конечно, и Зимарин, так же, как и Бобовский, не дал мне правдивых показаний. Так же, как и Бобовский, он был убежден в том, что Малышев получал и давал взятки, хотя последнее было трудно доказать. Он утверждал, что семь человек, которые продолжали давать показания о даче Малышеву взяток, не могли все его оговорить. Что касается отдельных процессуальных нарушений, до-

пущенных при первоначальном расследовании, то это прежде всего вина Бельского и Шашкина, а появление новых заявлений о явках с повинной, которые Бельский представил в судебном заседании, свидетельствовало, что он умышленно решил таким образом подорвать доверие суда к системе доказательств по делу и открыто выступил против проводимой прокурором области работы по очищению рядов милиции и прокуратуры от нечистоплотных сотрудников. Таким образом, все его показания носили обобщенный и демагогический характер и сводились к тому, что выяснение конкретно поставленных ему вопросов может лишь способствовать Малышеву уйти от заслуженной им уголовной ответственности. Ни в чем виновным он себя не считал и не считает, в том числе и в причинах возвращения дела на новое расследование. При этом он был искренне убежден в том, что если бы Бельский не дал таких показаний в суде и не приобщил бы к материалам дела в суде новые явки с повинной, то Малышев был бы непременно осужден судом к длительному сроку лишения свободы. В этот момент мне уже было искренне жаль Зимарина. Ведь если Бобовский, не имея юридического образования, превратил в свое ремесло конвейер по составлению явок с повинной, своеобразно понимая при этом методы оперативно-разыскной деятельности, то Зимарин был опытным юристом и руководителем надзорного ведомства в течение многих лет. Поэтому он должен был и обязан был давать прокурорскую оценку таким заявлениям и с точки зрения их правдивости, и с точки зрения их дальнейшей проверки следственным путем. Но, как мы установили, он фактически и ранее руководил следствием по многим уголовным делам, возбужденным в отношении работников прокуратуры и милиции, отстранив от этой работы своего заместителя по следствию – начальника следственного управления прокуратуры области С.С. Макарченко, который на фоне этих событий был уволен из органов прокуратуры. Заигравшись в борьбу «за чистоту рядов», В.И. Зимарин из про-

курора сам превратился в незадачливого опера, выторговывая у лиц, преступивших закон, нужные ему заявления о даче ими взяток интересующим его персонажам. И при этом он сам принял участие в создании таких нелепых и абсурдных заявлений, лишь бы их было как можно больше. И этим зарабатывался дешевый и очень сомнительный авторитет, на котором он пытался выстраивать свою дальнейшую служебную карьеру, наверх в республиканские и союзные органы прокуратуры.

После этих допросов мы обоснованно полагали, что оставаться в Одессе нам было небезопасно. В тот же день материалы бывшего расследования я сдал в спецотдел для отправки их в Москву, а все материалы нашего расследования мы разложили каждому по сумкам и чемоданам и в тот день больше не отходили друг от друга. Я заказал у А.А. Леонова на завтра автотранспорт, но мы готовы были выехать в аэропорт и на такси, если бы автомашины прокуратуры не приехали за нами в гостиницу. Но всё обошлось. Транспорт прибыл вовремя, и А.А. Леонов также приехал нас проводить в аэропорт. Уже сидя в салоне самолета, я всё еще не верил, что мы сможем благополучно взлететь, и ожидал каких-либо нештатных ситуаций, связанных с экстренной эвакуацией пассажиров из самолета с оставлением в нем багажа. Мы были готовы и к этому варианту и материалы дела готовы были вынести с собой. Но это были избыточные фобии от перенесенных за последнее время переживаний и стрессов. Наш самолет медленно стал выруливать на взлетную полосу, а затем, набрав скорость, оторвался от земли. Только тогда я вздохнул с облегчением и выглянул в иллюминатор. Под крылом самолета замелькали постройки, затем появилось побережье с переполненными людьми пляжами. А синее-синее море в лучах яркого летнего солнца мерно накатывалось своими волнами на берег этой причерноморской жемчужины. И ничто не способно было изменить это веками установленное явление природы, как и размеренный образ жизни одесситов, состояние их души и смысл их жизни.

Экзамен на зрелость

Прилетев в Москву, мы сразу направились в следственную часть на Благовещенский переулок, где выгрузили и закрыли в сейф материалы дела. Следователи нашей группы получили направления в гостиницу «Турист» в район ВДНХ и уехали, чтобы заселиться туда и немного отдохнуть. Ну а я зашел к А.В. Фролову с докладом о предварительных итогах расследования. У меня не было больше оснований содержать Малышева под стражей, о чем я ему сразу сообщил, к тому же месячный срок, данный мне Генеральным прокурором для дополнительной проверки, уже истек. В целом А.В. Фролов поддерживал меня в моих решениях, но ему нужно было время, чтобы изучить наши материалы дела и мотивировать свои доводы, основываясь только на них. Мне же он поручил пока составить обобщающую справку по итогам расследования для него и для начальника следственной части Каракозова Г.П. Последний после разговора со мной также сказал, что если материалы нашего расследования не содержат доказательств о получении Малышевым взяток, то его нужно из-под стражи освобождать. По-видимому, он хорошо запомнил мой доклад о встрече с Генеральным прокурором и его позицию по этому поводу.

Так прошли два последующих рабочих дня. Обобщающую справку об итогах расследования я составил и передал ее для изучения А.В. Фролову и Г.П. Каракозову. Последний поручил Фролову переговорить персонально с каждым членом нашей следственной группы и выслушать мнение каждого по итогам расследования. К этому времени по почте поступили материалы первоначального расследования, отправленные мной из Одессы. Одновременно я установил, что Малышев был уже этапирован из Одессы в Москву и содержался в следственном изоляторе № 1 на ул. Матросская тишина. По прошествии трех дней, в пятницу 14 августа 1987 г., я вынес наконец проект

постановления об изменении Малышеву меры пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде. Почему на подписку о невыезде с конкретного адреса? Нам было известно, что Малышев, буквально перед арестом, заключил брак с жительницей Москвы и несколько дней проживал в ее квартире совместно с ней. Мы ее уже устанавливали ранее и допрашивали в качестве свидетеля, поэтому и адрес ее был нам известен. К этому времени А.В. Фролов определился со своей позицией, изучив материалы дела, насколько это было возможным за четыре дня. Но он был уже совершенно убежден в правильности принятого мной решения и его активно поддерживал. Это постановление мы вместе с Фроловым А.В. сначала доложили Г.П. Каракозову, так как на нем необходима была и его виза. Последний как всегда с осторожностью отнесся к этому решению и еще раз взвесил все за и против, и возможные последствия, связанные с его реализацией, так как сам не изучал материалы дела и владел только информацией из моей обобщенной справки. Но всё же, выслушав доводы Фролова, поставил свою визу.

Затем мы с Фроловым поехали к заместителю Генерального прокурора А.Ф. Катусеву и доложили ему об итогах расследования и постановлении об изменении меры пресечения Малышеву. Александр Филиппович ознакомился с этими документами, но санкционировать постановление не стал. Он попросил нас с Фроловым подождать его в приемной, а сам пошел вместе с этими документами к Генеральному прокурору. Через некоторое время он возвратился и сообщил нам о том, что А.М. Рекунков одобрил наше решение об освобождении Малышева из-под стражи и дал ему указание лично выехать в следственный изолятор, ознакомить Малышева с текстом постановления и принести ему свои извинения от лица Прокуратуры Союза ССР за необоснованный арест. Это был беспрецедентный случай в следственной практике, когда заместитель Генерального прокурора лично освобождал следственно-арестованного

из-под стражи и приносил ему извинения за необоснованный арест. После этого А.Ф. Катусев поставил, наконец, свои подписи под реквизитом «санкционирую» в постановлении и его копиях и дал мне указание выехать вместе с ним в следственный изолятор, где содержался Малышев. Поставив печати на постановлениях, я возвратился к нему и уже вместе с ним мы приехали на ул. Матросская тишина.

После заполнения официального требования в спецчасти о вызове следственно-арестованного, мы прошли в следственный кабинет, а через несколько минут конвой привел в кабинет Малышева. Алесандр Филиппович, выполняя указания Генерального прокурора, объявил ему текст моего постановления и предложил ему расписаться в постановлении и его копиях. Затем он, не скажу, что с искренним желанием и большим удовольствием, выразил Малышеву от лица центрального аппарата Прокуратуры Союза ССР извинения за его необоснованный арест, длившийся два года без двух дней. Малышев расцвел в улыбке и сказал, что этого дня он ждал долгие два года и, в свою очередь, поблагодарил А.Ф. Катусева и меня за принятое нами решение. Я также объявил ему и о том, что уголовное дело производством еще не прекращено и расследование по этому делу будет продолжено. После этого конвой увел Малышева в камеру, а я, передав в спецчасть постановление о его освобождении для соблюдения формальных процедур, вместе с Катусевым возвратился в прокуратуру.

На этом можно было бы поставить жирную точку и готовить постановление о прекращении уголовного дела, но у нас в деле было еще два обвиняемых: Щербакова и Зигельман. Вот тут я стал сожалеть о том, что в свое время принял решение о соединении этих уголовных дел в одно производство. Но делать нечего, нужно было работать по делу дальше. А.В. Фролов тем временем поручил всем следователям следственной группы подготовить подробные справки по результатам расследования по каждому закрепленному за ними направлению рас-

следования, по каждому эпизоду предъявленного Малышеву обвинения. Это был большой объем работы, и они в него дружно погрузились. По мере составления справок я неоднократно их просматривал и вносил свои замечания и дополнения, так что приходилось или перепечатывать отдельные листы, или печатать приложение к отдельным разделам справок. Эта работа заняла у следователей группы все последующие августовские дни. Я же сосредоточился на обвинении Щербаковой и Зигельмана в даче ими взятка. Еще в Одессе, в июне или июле, я направил в территориальные органы прокуратуры, по местам отбытия наказания осужденных за получение взяток руководителей рынка «Черемушки» и областного управления рынками, отдельные поручения с просьбой их допроса в качестве свидетелей по эпизодам получения ими взяток от Щербаковой и Зигельмана. В августе исполненные поручения стали поступать к нам в Москву в следственную часть. Далее пришлось вынести постановление об этапировании в Москву из следизолятора УВД Одесской области Щербаковой. Срок содержания ее под стражей был продлен ранее до 10 сентября, но с учетом изменившихся обстоятельств, связанных с изменением дальнейшего места предварительного следствия и выполнением следственных действий со свидетелями, содержащимися в местах лишения свободы в разных регионах страны, пришлось этот срок продлить еще на три месяца, то есть до 16 декабря. Зигельмана же я планировал вызвать в Москву повесткой, так как он полностью выздоровел и мог самостоятельно передвигаться. Из присланных нам материалов допросов следовало, что осужденные Рекочинская, Иванько и Тертерян отказались от ранее данных ими показаний о получении взяток от Щербаковой и Зигельмана, а Насс – в части дачи им взятка Щербаковой. Подтвердили свои показания в этой части только осужденные: бывший директор рынка «Черемушки» Пайкин и бывший начальник орготдела областного управления рынками Соболев. В связи с этим пришлось вынести по-

становления об этапировании их из мест лишения свободы в Москву для проведения очных ставок с Щербаковой, которая подтверждала лишь один эпизод дачи взятки Соболеву. Но это уже здесь, в Москве, мало кого интересовало. От меня в начале сентября мои руководители всё настойчивее стали требовать постановления о прекращении уголовного дела в отношении Малышева. Их, в свою очередь, напрягали с этим вопросом Генеральный прокурор и его заместитель. В связи с этим уже 10 сентября мне пришлось вынести постановление о выделении уголовного дела в отношении Щербаковой и Зигельмана в отдельное производство, принять его к своему производству и приступить к его расследованию отдельно от уголовного дела по обвинению Малышева.

Наконец, все справки о результатах расследования по каждому эпизоду или группе эпизодов членами нашей следственной группы были составлены и просмотрены А.В. Фроловым. Считаю необходимым отметить, что все следователи нашей группы, без исключения, несмотря на разный уровень практического опыта и профессиональной подготовки, пришли к однозначному выводу о том, что доказательства вины Малышева в получении взяток были получены в результате его оговора, в связи с чем уголовное дело должно быть прекращено за отсутствием события этого преступления. Эти выводы они и отразили в своих письменных справках. Поскольку все они свою работу в целом завершили и дальнейшей необходимости в продолжении их работы в составе следственной группы Прокуратуры Союза ССР уже не было, то дальнейшую работу, в основном технического характера, со мной продолжили только С.Г. Сидоров и Б.А. Иванов. Остальные члены нашей группы разъехались по местам своей постоянной работы в органах прокуратуры и местам проживания. Я их искренне от всей души поблагодарил за честное и добросовестное отношение к служебному долгу и проявленные при этом объективность и принципиальность. Надеюсь, что работа по этому делу также в значительной мере

повысила их профессиональные навыки и оставила свой памятный след в дальнейшей служебной деятельности.

После этого я приступил к написанию постановления о прекращении уголовного дела по обвинению Малышева. Перед началом его составления долго дискутировался вопрос как с А.В. Фроловым, так и с надзирающим прокурором Р.М. Бицаевым по поводу системы изложения его описательной части. Я придерживался более краткого его изложения по групповому признаку с изложением выводов по каждой группе взяткодателей в отдельности, что влекло бы за собой лучшее восприятие и усвоение излагаемого материала. Бицаев настаивал на том, что нужно придерживаться в изложении результатов проверки всех пунктов указаний Верховного суда Молдавии, возвратившего уголовное дело на дополнительное расследование. Фролов колебался и после консультаций с Каракозовым также согласился с Бицаевым. Мне пришлось исполнять это групповое решение. В этом случае постановление приобретало вид обвинительного заключения с расплывавшимися по всей описательной части выводами. Так оно и вышло.

12 октября 1987 г. постановление о прекращении уголовного дела на 70 листах печатного текста мной было подписано. Резолютивная часть его гласила:

1. Уголовное дело по обвинению Малышева производством прекратить в части обвинения в получении взяток за отсутствием события преступления в соответствии с п. 1 ст. 5 УПК РСФСР, а в части обвинения в хищении денежных средств, злоупотреблении служебным положением – за отсутствием состава преступления в соответствии с п. 2 ст. 5 УПК РСФСР.

2. Избранную Малышеву 14.08.1987 меру пресечения – подписку о невыезде и арест на имущество, наложенный 20.08.1985 отменить, в соответствии со ст. ст. 101 ч. 2 и 175 ч. 7 УПК РСФСР.

3. О принятом решении уведомить Малышева.

Уголовное дело теперь состояло из 40 томов, всем томам были составлены описи, тома были подшиты и пронумерованы

ны. Если считать 13 томов первоначального расследования и 5 томов судебных документов (протокол судебного заседания и определение суда), то наше расследование уложилось в 22 тома. По сути, мы провели заново новое расследование по всем предъявленным Малышеву эпизодам обвинения. Последние следователи следственной группы Сидоров С.Г. и Иванов Б.А., выполнившие большой технический объем работы, вернулись в свои родные города, а я продолжал работу с Щербаковой. Вынесенное мной постановление о прекращении уголовного дела А.Ф. Фролов передал для ознакомления А.Ф. Катусеву, а мне порекомендовал пока не посылать сообщение о прекращении дела Малышеву, как будто что-то предчувствовал.

Через два или три дня после этого в первой половине дня А.В. Фролов сообщил мне о том, что вечером, в шесть часов, он и А.Ф. Катусев будут докладывать итоги расследования Генеральному прокурору А.М. Рекункову. Меня это не насторожило, так как общая позиция Генерального прокурора по этому вопросу была мне известна уже давно. В тот день у меня был запланирован допрос в следственном изоляторе прибывшего туда по этапу Пайкина по вопросам получения им взяток от Щербаковой, и я не собирался его отменять. Однако А.В. Фролов всё же попросил меня на всякий случай к шести часам приехать в приемную Генерального прокурора и подождать там итогов их совместного с А.Ф. Катусевым доклада. Я приехал, правда, опоздал минут на пять – они уже зашли в кабинет на доклад, а мне секретарь Ирина Николаевна любезно налила чашку чая и предложила подождать окончания доклада. Я не рассчитывал на скорое окончание этого доклада с учетом того, что моя предыдущая встреча с Генеральным прокурором по этому делу длилась более двух часов. Потому я поудобней расположился в кресле за журнальным столиком и спокойно попивал чай с печеньем в расчете на длительное ожидание выхода А.Ф. Катусева и А.В. Фролова. Сам я предварительно не

готовился к этому докладу, поскольку он не был запланирован заранее, не подготавливал обобщенных тезисов, но на всякий случай взял с собой ранее составленную справку о предварительных итогах расследования.

Но не прошло и 15 минут, как у секретаря раздался телефонный звонок прямого телефонного аппарата. Подняв трубку и выслушав А.В. Рекункова, она ответила ему: «Да, он здесь, хорошо». Мне же Ирина Николаевна показала рукой на дверь и сказала: «Александр Михайлович приглашает вас зайти к нему». Второй раз я входил в этот кабинет уже не с таким трепетом, как три месяца назад, но всё же все, кто когда-либо встречался с А.М. Рекунковым, всегда испытывали чувства глубокого волнения и тревоги. Эти чувства присутствовали и у меня, тем более, что к такому докладу нужно было тщательно готовиться. Войдя в кабинет, я поздоровался со всеми, а А.М. Рекунков сразу указал мне на приставной столик у его огромного письменного стола и предложил сесть. Мне пришлось устроиться в торцевой части этого стола прямо напротив А.М. Рекункова. Слева от меня располагался А.Ф. Катусев, а справа А.В. Фролов. Я еще не успел сосредоточиться, как на меня посыпался от А.М. Рекункова целый град упреков, связанных с итогами расследования. Насколько я осознал через какое-то время, его не устраивала формулировка моего постановления о прекращении дела по реабилитирующим Малышева основаниям, то есть за отсутствием события и состава преступления. Мои робкие попытки обоснования этого решения натолкнулись на еще более яростное невосприятие моих доводов, причем на повышенных тонах и даже в довольно грубой форме, что, впрочем, было ему присуще в моменты раздражения и недовольства. Тогда я глубоко вдохнул и заявил на одном выдохе, что к докладу Генеральному прокурору специально не готовился, не имею с собой тезисов такого доклада и в такой форме общения не готов продолжать эту беседу, поскольку не могу сосредоточиться и давать внятные и обоснованные отве-

ты. В этот момент и справа, и слева мне на ноги стали давить туфли Катусева А.Ф. и Фролова А.В. Но было уже поздно, что было сказано, то уже было сказано. А слово, как известно, не воробей. Я понимал, что Рекунков А.М. мог элементарно выгнать меня из кабинета и на дальнейшей моей карьере, да и вообще на работе в органах прокуратуры, мог быть поставлен крест. Я слишком много пережил, находясь в Одессе, и никак не мог ожидать, что здесь, в родном мне учреждении, меня начнут так грубо упрекать в некомпетентности. К тому же я предположил, что перед этой встречей Рекунков, по-видимому, предварительно переговорил по телефону с Зимариным и тот его скорее всего «разогрел» своими доводами, особенно в той части, что семь человек и сейчас продолжают давать показания о передаче ими взяток Малышеву. Однако, одно дело прекратить уголовное преследование обвиняемого по нереабилитирующим основаниям, то есть за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления (ч. 1 п. 2 ст. 208 УПК РСФСР) и совсем другое дело – прекратить его по реабилитирующим основаниям за отсутствием события и состава преступления. Последствия таких решений вытекали абсолютно разные, в том числе и решения о реабилитации Малышева и возмещении причиненного ему материального ущерба, которые влекли за собой вопросы репутации и ответственности должностных лиц, допустивших серьезные нарушения в исполнении своих служебных обязанностей.

А.М. Рекунков это хорошо понимал. Понимал он и то, что первоначальное расследование осуществлялось, хотя и на вторичном этапе, следственной группой Прокуратуры Союза ССР и контролировалось ответственными должностными лицами центрального аппарата, ими же изучалось и обвинительное заключение перед направлением дела в Верховный Суд СССР для определения его дальнейшей подсудности и ответственность в целом за необоснованный арест Малышева и дальней-

шее необоснованное содержание его под стражей ложилась на Прокуратуру Союза ССР и на него самого как Генерального прокурора СССР. К тому же, это дело находилось на контроле в ЦК КПСС и там ожидали от него информацию о результатах расследования. Всё это вызывало его вполне обоснованный гнев и раздражение.

Александр Михайлович после моих слов спустил на нос свои очки и стал долго и внимательно рассматривать меня своим сверлящим взглядом поверх очков. Наконец он сказал: «Хорошо, я принимаю ваши условия, но вы должны будете ответить абсолютно на все мои вопросы и неважно, готовились вы к докладу или нет. Если вы настоящий следователь и дело находилось у вас в производстве, вы должны все его детали и подробности знать назубок и на память». Выбора у меня не было. Но продолжидась наша беседа уже в более спокойном русле.

Справедливости ради хочу отметить, что А.М. Рекунков, как оказалось, в совершенстве владел тактикой и методикой расследования преступлений и вопросы, которые он мне задавал в части проверки показаний взятодателей, были основаны именно на глубоком знании следствия, что я сразу и почувствовал. К тому же перед ним на столе лежала копия определения Верховного суда Молдавской ССР по этому уголовному делу, которым были даны подробные указания для дальнейшего расследования. Но именно на выполнении этих указаний мы и сосредоточили свои основные усилия и основное время нашего расследования в Одессе. Поэтому мне было не так сложно отвечать на эти вопросы. В частности, его интересовали проверки места и времени дачи взяток, нахождение в этот момент и в это время в месте дачи взяток Малышева, истории приобретения промышленных товаров, сувениров, алкоголя и сигарет, послуживших предметами дачи взяток, наличие их в продаже на тот момент в торговых организациях, проверки источников денежных средств, служивших для дачи взяток взятодателями и много-много других подобного рода вопро-

сов, в том числе касающихся и характеристик личностей как самого Малышева, так и взятодателей.

Так, в вопросах и ответах на них прошло около двух часов. В течение этого времени я попеременно ощущал давление на своих туфлях туфли А.Ф. Катусева или А.В. Фролова. Тем не менее, к концу второго часа я почувствовал, что мнение А.М. Рекункова резко изменилось. Он стал совершенно спокойно обсуждать поднимаемые им вопросы и даже шутить, вопросы стали адресоваться не только мне, но и А.В. Фролову, и А.Ф. Катусеву. К исходу третьего часа Александр Михайлович, подводя итоги обсуждения завершившегося расследования, наконец согласился с основаниями прекращения дела и с предварительными выводами о выявленных фактах нарушения законности при проведении первоначального расследования со стороны следователей и надзирающего за ними прокурора области. Затем он объявил нам, что принимает решение через месяц провести только по итогам расследования этого уголовного дела коллегию Прокуратуры Союза ССР, на которой еще раз обсудить обоснованность его прекращения уже членами коллегии и с участием всех заинтересованных в этом лиц. Около 21 часа мы втроем вышли из кабинета А.М. Рекункова, затем прошли в кабинет к А.Ф. Катусеву, где еще с полчаса обсуждали нашу встречу и поднятые на ней вопросы, после чего вместе А.В. Фроловым наконец покинули здание Прокуратуры Союза ССР. Так мною в тот памятный вечер был сдан, наверное, самый главный в моей жизни экзамен – экзамен на зрелость и профессионализм, на возможность продолжения работы в избранной мной профессии следователя, которой я на тот момент посвятил уже 12 лет своей жизни.

Что касается дела по обвинению Зигельмана и Щербаковой, то обвинение в отношении Зигельмана пришлось прекратить за недоказанностью его участия в даче им взяток, так как осужденные взятополучатели от эпизодов с его участием на допросах отказались. По эпизоду дачи Щербаковой взятки

Малышеву я вынес постановление о прекращении уголовного преследования за отсутствием события преступления. Уголовное дело по обвинению Щербаковой по двум эпизодам дачи ею взяток бывшему директору рынка «Черемушки» Пайкину и бывшему начальнику орготдела областного управления рынками Соболеву, ранее уже осужденным за получение взяток, в том числе и по этим эпизодам, по решению А.Ф. Катусева было направлено для его завершения и направления в суд в прокуратуру Одесской области. В дальнейшем Щербакова была осуждена по ч. 2 ст. 170 УК УССР (неоднократная дача взятки) к пяти годам лишения свободы и при отбытии третьей части наказания от дальнейшего его отбытия была освобождена с применением амнистии в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Но вернемся к нашему основному делу. Через месяц, 13 ноября 1987 г., состоялось заседание расширенной коллегии Прокуратуры Союза ССР. В повестке дня заседания коллегии стоял только один вопрос «О нарушениях законности, допущенных при расследовании уголовного дела в отношении Малышева». Нужно отметить, что еще никогда ранее заседания коллегии не проводились только по одному вопросу. Всегда подбирались и выносились на рассмотрение коллегии несколько наиболее важных вопросов, связанных с надзорной деятельностью, систематизацией законодательства, утверждением руководящих указаний, обеспечением руководства деятельностью подчиненными органами прокуратуры, кадровыми и другими вопросами. Но с одним вопросом повестки дня, да еще связанным с итогами расследования конкретного уголовного дела, заседание коллегии проводилась впервые. Помимо членов коллегии, а это Генеральный прокурор СССР, все его заместители и руководители ведущих структурных подразделений центрального аппарата, на коллегию были приглашены: заместитель начальника Главного следственного управления Прокуратуры Союза ССР – начальник управления по надзору

за следствием и дознанием в органах внутренних дел Г.М. Негода, заместитель начальника управления – начальник отдела Ю.М. Баулин, первый заместитель прокурора Украинской ССР М.А. Потребенько, прокурор отдела Прокуратуры Украинской ССР (бывший начальник отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах прокуратуры Одесской области) Г.П. Шуляченко, заместитель министра внутренних дел – начальник ГУБХСС МВД СССР Н.И. Демидов, начальник отдела ГУБХСС МВД СССР А.А. Аслаханов, начальник 3-го Главного управления КГБ СССР В.С. Сергеев, начальник УКГБ по Одесской области Л.Д. Калинович. Приглашены были на коллегию и Зимарин В.И., Шашкин Н.В. и Бельский А.М., причем последний с учетом увольнения из органов прокуратуры приехал на заседание добровольно, за счет собственных средств. Приглашен был на коллегию и ответственный работник Отдела административных органов ЦК КПСС. Естественно, что участниками заседания коллегии от следственной части стали Г.П. Каракозов, А.В. Фролов и я. Причем А.В. Фролов был утвержден еще и основным докладчиком по единственному вопросу повестки дня. Я заведомо полагал, что если не буду выступать в роли содокладчика, то наверняка придется отвечать на многочисленные вопросы как членов коллегии, так и других ее участников. Для меня и для Фролова А.В. это было первое участие в работе такого представительного совещания, и подготовка к нему приводила нас обоих в состояние сильного душевного волнения, хотя со многими ее участниками мне пришлось ранее уже общаться в процессе проведения расследования. Конечно, я сосредоточился на подготовке тезисов его выступления. Мы с ним проигрывали возможные сценарии последующего обсуждения его доклада и возможные вопросы, на которые также готовили ответы и их обоснования.

И вот, назначенный день наступил. После регистрации всех участников совещания, в 11 часов утра началось заседание коллегии. После вступительного слова А.М. Рекункова с докла-

дом выступил А.В. Фролов. Мне было хорошо заметно, как он волновался, но всё же свой доклад он сделал без запинок. После этого, как мы и ожидали, посыпался град вопросов, как от членов коллегии, так и от руководителей управлений Прокуратуры Союза ССР. Одновременно с этим перекрестные вопросы были обращены и ко мне. Они пошли по тому же пути, по которому пошел месяц назад Генеральный прокурор, когда задавал мне свои вопросы. Отвечать им было уже значительно легче. Тем не менее, Фролов А.В. более часа находился на трибуне зала коллегий, пока ему не предложили возвратиться на место участника совещания, после чего он вышел из-за трибуны и сел рядом со мной. Затем началось бурное обсуждение доклада. Часть участников совещания поддержала выступившего на коллегии Зимарина, давшего те же свои объяснения, что и прежде по поводу расследования уголовного дела и виновности Малышева. Он в очередной раз всю ответственность за некачественное расследование возложил на Бельского и Шашкина. Шашкин объяснил серьезные упущения в процессе сбора и проверки доказательств вины Малышева в предъявленном ему обвинении своей некомпетентностью и отсутствием опыта в расследовании уголовных дел, в связи с чем весь объем работы по сбору доказательств он возложил на Бельского, как наиболее опытного следственного работника в прошлом. В свою очередь, в своем выступлении Бельский обрушился с упреками и обвинениями в адрес Зимарина, которому он якобы регулярно докладывал об имевших место грубых нарушениях законности при получении доказательств вины Малышева, что Зимариным постоянно игнорировалось, а деятельность Бобовского им только поощрялась. Заместитель прокурора УССР М.А. Потребенько в своем выступлении всю ответственность за выявленные нарушения законности при проведении расследования также возложил на прокурора Одесской области Зимарина В.И., который устранился от выполнения данных ему письменных указаний по этому делу

в процессе их изучения им в Одессе. В дальнейшем с учетом указаний, полученных от Г.М. Негоды, Прокуратура Украинской ССР была отстранена от контроля и надзора за расследованием данного уголовного дела. Выступивший на заседании Коллегии заместитель Генерального прокурора СССР О.В. Сорока сообщил, что в период расследования данного дела сначала следственной группой прокуратуры Одесской области, а затем следственной группой Прокуратуры Союза ССР никакой информации к нему о допущенных нарушениях законности при производстве расследования не поступало, кроме жалоб самого обвиняемого Малышева, которые для организации их проверки адресовались Г.М. Негодю и Ю.М. Баулину. По окончании расследования и поступлении материалов уголовного дела вместе с обвинительным заключением в Прокуратуру Союза ССР, им было подписано сопроводительное письмо о направлении материалов дела для определения их подсудности в Верховный Суд СССР с докладом Г.М. Негоды, который полагал, что уголовное дело расследовано качественно, а вина обвиняемого Малышева полностью доказана материалами дела. В свою очередь, Негода Г.М. заявил, что им лично материалы дела не изучались, а информация о наличии доказательств по делу им получена со слов его заместителя Ю.М. Баулина и В.И. Зимарина. Наконец, Ю.М. Баулин сообщил о том, что сам он лично также материалы дела не изучал, а поручил их изучение одному из подчиненных ему прокуроров отдела, к тому же объем материалов составлял более 10 томов, а поступили они в отдел за четыре дня до окончания срока содержания Малышева под стражей, что, естественно, сказалось на качестве его изучения. При подборе кандидата на место руководителя следственной группы у него не возникало сомнений в компетентности Шашкина, так как он к тому времени занимал должность заместителя начальника следственного управления – начальника следственной части Прокуратуры Грузии.

Со стороны было очень интересно наблюдать, как все эти должностные лица, ответственные за контроль и надзор за проведенным расследованием, пытались уйти от персональной ответственности за провал этого расследования и возложить вину за это друг на друга. Но всё же большинство участников обсуждения поддержали позицию А.В. Фролова, обозначенную им в докладе о нарушениях законности, допущенных при расследовании уголовного дела в отношении Малышева. Мне еще не один раз пришлось подниматься с места и отвечать на вопросы выступавших на заседании участников коллегии. В процессе выступления Г.П. Шуляченко, поддерживавшего государственное обвинение в Верховном суде Молдавии при рассмотрении дела по обвинению Малышева и поддержавшего ходатайство о направлении уголовного дела на дополнительное расследование, им было сделано заявление об оказываемом на него давлении со стороны Зимарина в оглашении позиции обвинения, связанной с возвратом дела на дополнительное расследование и необоснованном преследовании его в дальнейшем по работе со стороны Зимарина. Эти обстоятельства в итоге вынудили его перейти на другую работу в Киев. Это заявление также явилось поводом для его обсуждения и повторного заслушивания Зимарина. Это обстоятельство подтвердили как Потребенько М.А., так и Корневский Ю.В. – заместитель начальника управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры Союза ССР. Работа коллегии без перерыва на обед завершилась лишь к 16 часам. В заключение ее итоги подвел А.М. Рекунков, который предложил членам коллегии признать проведенное следственной частью Прокуратуры Союза ССР расследование по уголовному делу по обвинению Малышева полным, всесторонним и объективным, а принятое решение о прекращении уголовного дела абсолютно обоснованным. В то же время, как отметил А.М. Рекунков, нельзя было оставлять без внимания выявленные в ходе этого расследования

многочисленные нарушения законности, допущенные следователями предыдущей следственной группы, которым должна быть дана юридическая оценка.

Предлагаю читателям выдержку из протокола этого заседания.

Коллегия отмечает, что дело было возбуждено старшим помощником прокурора г. Одессы Бельским А.М. по указанию прокурора Одесской области Зимарина В.И., исходя лишь из полученных и недостаточно проверенных заявлений нескольких работников винных магазинов г. Одессы. Заместитель начальника следственного управления Прокуратуры Грузинской ССР Шашкин Н.В., вступив в дело в качестве руководителя следственной бригады на более поздней стадии и не имея достаточного опыта расследования этой категории дел, как и следовало ожидать, с поручением Прокуратуры СССР не справился. Следствие по делу проведено некачественно, с обвинительным уклоном. По делу допущены нарушения законности. Когда стало очевидно, что дело расследовано неудовлетворительно, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР в соответствии с заключением государственного обвинителя – начальника отдела прокуратуры Одесской области Шуляченко Г.П. возвратила его для дополнительного расследования.

По заявлению на коллегии Шуляченко Г.П., прокурор области Зимарин В.И., несмотря на отсутствие достаточных доказательств и выявленных в ходе судебного разбирательства нарушений и пробелов следствия, добивался от него поддержания обвинения в отношении Малышева и его осуждения. После возвращения уголовного дела на дополнительное расследование Зимарин В.И. настаивал на увольнении Шуляченко, в связи с чем Прокуратурой Украинской ССР он был переведен на другую работу.

Нарушениям законности и низкому качеству следствия способствовало отсутствие надлежащего прокурорского надзора со стороны Зимарина В.И., невыполнение им указаний Прокура-

тур Союза ССР и Украинской ССР. В ряде случаев такие нарушения были допущены при прямом попустительстве Зимарина и с его участием.

И далее:

В процессе дополнительного расследования, проведенного следственной частью Прокуратуры Союза ССР, установлено, что обвинение Малышева во взяточничестве основывалось на непоследовательных и противоречивых показаниях ряда лиц, уличенных в преступной деятельности. Отдельные из них получены с грубыми нарушениями законности.

Имели место случаи прямого оговора Малышева под воздействием оперативных работников. Выявлены факты оставления без всякого внимания обстоятельств, свидетельствующих о невиновности Малышева.

При таком положении следствие пришло к выводу, что оснований для обвинения Малышева во взяточничестве нет. Малышеву необоснованно было предъявлено обвинение и в злоупотреблениях служебным положением, а также хищениях денежных средств, так как его действия в этой части носили характер нарушений финансовой и служебной дисциплины.

Бельский А.М., расследуя дело по обвинению Малышева с самого начала и располагая достоверными фактами допущенных нарушений законности в процессе его расследования, которые ставили под серьезное сомнение доказанность вины последнего, в нарушение своего служебного долга своевременно не поставил об этом в известность Прокуратуру СССР. Использовал эти обстоятельства исходя из личных интересов.

Теперь привожу дословно и решение коллегии.

Коллегия решила. 1. Исходя из материалов второго проведенного расследования, считать прекращение уголовного дела в отношении Малышева обоснованным. 2. Поручить Главному следственному управлению (т. Катусев А.Ф.) возбудить уголовное дело для установления конкретных виновников допущенных нарушений законности при производстве следствия по делу

Мальшева. Расследование провести силами Прокуратуры СССР. 3. Вопрос об ответственности лиц, допустивших нарушения законности и ненадлежащее осуществление контроля по делу Мальшева, решить по завершению предстоящего расследования. 4. Поручить управлению кадров (т. Побежимов А.С.) проверить заявление Шуляченко Г.П. о незаконном давлении на него как государственного обвинителя со стороны т. Зимарина В.И. и причину его перехода на другую работу.

Так работа нашей следственной группы высшим совещательным органом Прокуратуры Союза ССР теперь уже официально была признана качественной, а принятое мной решение о прекращении уголовного дела по реабилитирующим Мальшева основаниям – обоснованным. Теперь свое свидетельство о сдаче мною экзамена на зрелость и профессионализм я получил в форме выписки из протокола заседания коллегии Прокуратуры Союза ССР.

И всё же, решение коллегии было половинчатым и неполным. Мы с А.В. Фроловым ожидали услышать более конкретные выводы по лицам, допустившим серьезные упущения в своей служебной деятельности при организации расследования этого уголовного дела, а также контроле и надзоре за ходом этого расследования. По крайней мере, оснований было более чем достаточно, если уж не уволить из органов прокуратуры, то освободить от занимаемых должностей как В.И. Зимарина, так и Н.В. Шашкина, с учетом уже состоявшегося увольнения А.М. Бельского. Принятие же отложенного решения об этой ответственности до результатов нового расследования затягивало его на неопределенное время и в дальнейшем уже теряло свою актуальность. Было совершенно очевидно, что А.М. Рекунков был заинтересован сохранить Зимарина в должности прокурора области, так как он в ряде других случаев никогда не церемонился и принимал самые жесткие кадровые решения и увольнение Г.Н. Быстрова и А.Н. Нагорнюка – яркий тому

пример. В этом же случае он принял это отсылочное решение еще и с оглядкой на дальнейшую реакцию ЦК КПСС, а она, конечно, не заставила долго себя ожидать.

И тем не менее, несмотря на такое половинчатое решение коллегии, я всё же испытал тогда чувство гордости и морального удовлетворения за честно и профессионально исполненный мной и моими товарищами по следственной группе служебный долг. Очень жаль, что мне не удалось тогда поделиться этими чувствами с Г.Н. Быстровым.

Вишенка на торте

На следующий день меня снова вызвали к А.Ф. Катусеву. Когда я зашел к нему в кабинет, то увидел находившегося там заместителя прокурора Украины М.А. Потребенько, с которым я уже имел ранее в Киеве продолжительную беседу. Михаил Алексеевич к этому времени работал уже в должности первого заместителя прокурора республики. Увидев меня, он тепло и сердечно поздоровался со мной и в присутствии А.Ф. Катусева выразил мне благодарность за организацию проведения объективного и профессионального расследования. Он откровенно сказал мне, что после встречи со мной в Киеве не рассчитывал на то, что мы сможем добиться объективности в расследовании, так как все вопросы предыдущего расследования замыкал на себе Зимарин, а я, хотя и работал в Прокуратуре Союза ССР, но был еще недостаточно опытным следователем для такого расследования. Таким опытом обладали только старшие следователи по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. Мне оставалось только развести руками.

В ходе беседы я сообщил Потребенько М.А., что нам пришлось изучить еще порядка десяти других уголовных дел в отношении бывших работников милиции, по которым уже состоялись приговоры Одесского областного суда и где в основу доказательств

были положены всё те же «голые» показания взятокдателей. И все эти показания также были получены с участием Бобовского и при поддержке его Зимариным. Заинтересовавшись этой информацией, М.А. Потебенько предложил мне дать ему список таких дел для их дополнительного изучения прокуратурой республики в порядке надзора. У меня его с собой, конечно, не было, но мы с ним условились о дате и времени и к его отъезду в Киев я такой список уголовных дел успел ему передать. А.Ф. Катусев в продолжение этой темы поделился с М.А. Потебенько своими воспоминаниями об обстоятельствах освобождения Малышева из-под стражи в следственном изоляторе. В свою очередь, я отметил, что наконец-то теперь заведующий отделом административных органов ЦК КП Украины А.С. Чумак получит удовлетворение от результатов нашего расследования, так как он тоже во время встречи со мной желал мне успехов в моей работе. М.А. Потебенько рассмеялся и сказал, что действительно Чумак будет этим удовлетворен, но он на этом не остановится и будет требовать привлечения виновных лиц к строгой ответственности, если не дисциплинарной, то уж к партийной точно. И тут Катусев сообщил мне, что уж раз у меня есть опыт общения с партийными работниками такого ранга, то по согласованию с Рекунковым мне и Фролову поручается осуществлять контакты с ответственными работниками Отдела административных органов ЦК КПСС и КПК (Комитет партийного контроля) при ЦК КПСС и давать им необходимые справки по результатам расследования этого дела. Оказывается, что именно с этой целью я и был тогда приглашен к А.Ф. Катусеву. Он же дал мне и телефоны для связи с ними. Это были ответственные сотрудники Отдела административных органов В.В. Максимов и КПК при ЦК КПСС Н.Ф. Катков. После этого началось наше с А.В. Фроловым общение с этими высокопоставленными партийными чиновниками. Сначала я один посетил административный отдел ЦК КПСС. Он располагался, как и КПК в 6-м подъезде в комплексе зданий на Старой площади в Москве. Вход в эти партийные органы осу-

ществлялся строго по партийному билету. При входе стояли два сотрудника 9-го отдела КГБ, один в звании прапорщика, второй старший лейтенант. Прапорщик проверял список на выдачу разовых пропусков и громко называл полностью мою фамилию, имя и отчество, а офицер внимательно рассматривал мой партийный билет, сверял фотокарточку в билете, после чего разрешил проход в здание и указал этаж и номер кабинета, куда мне необходимо было следовать. Всё это было парадно, торжественно, помпезно и необычно для повседневного общения, даже на уровне центрального аппарата Прокуратуры СССР.

Меня доброжелательно встретил и провел со мной достаточно продолжительную беседу заведующий сектором этого отдела Владимир Валентинович Максимов. Он был очень интеллигентным и внимательным собеседником. В тактичной и мягкой манере задавал он мне свои вопросы и коротко фиксировал в блокноте мои пояснения. Я не уполномочен был предоставлять ему копии следственных документов, в том числе постановление о прекращении уголовного дела или обобщенную справку об итогах расследования, которую я готовил для А.В. Фролова и Г.П. Каракозова. Но специально для этой встречи мной была подготовлена краткая итоговая справка, содержащая информацию о сути предъявленного Малышеву обвинения, порядке сбора и формирования доказательств по делу, участниках расследования – следователях и прокуроре. В.В. Максимов был вполне удовлетворен данной информацией и моими устными пояснениями в более подробной форме. Наша беседа завершилась к обеденному перерыву, и Максимов В.В. любезно предложил мне пообедать в буфете, как они его называли, хотя это была, на мой взгляд, полноценная столовая, располагавшаяся в цокольном этаже этого же подъезда. Я принял это приглашение и спустился на лифте на цокольный этаж. Меня тогда просто шокировали установленные там совершенно нереальные цены на продукты питания. На один рубль с копейками там можно было полноценно отобедать с первым блюдом,

очень вкусными сосисками с гарниром и стаканом компота или кофе. Вот так тогда питались чиновники от коммунистической партии.

Через несколько дней у меня состоялась вторая встреча с ответственным работником КПК при ЦК КПСС Николаем Фроловичем Катковым. Она проходила в таком же формате, и я не буду подробно останавливаться на ней. Отмечу только, что Н.Ф. Катков был также очень деликатным и доброжелательным человеком и, наверное, был настоящим коммунистом и борцом за справедливость. И я, и Фролов в последующем приходили к нему еще неоднократно, так как его интересовали не только общие вопросы нарушения законности, допущенные членами партии, но и конкретные факты таких нарушений, а также подтверждающие их доказательства. Он не выстраивал свои выводы на бездоказательных утверждениях и предположениях, и это очень импонировало, вызывало к нему доверие и уважение.

И тут вдруг в начале декабря 1987 г. популярная в те годы «Литературная газета» в рубрике «Мораль и право» опубликовала очерк не менее популярного журналиста Юрия Щекочирина под названием «Шторм после шторма». Эта публикация была основана на интервью, данных журналисту А.В. Малышевым, А.Ф. Шевченко – судьей Верховного суда Молдавской ССР, председательствовавшего на судебном процессе по делу Малышева, и Г.П. Шуляченко – являвшегося гособвинителем на этом судебном процессе, и другими участниками расследования. Целый ряд заявлений, данных в интервью Малышевым, не был подкреплён доказательствами, тем не менее, факты необоснованного его ареста и содержания под стражей в течение двух лет, фабрикация доказательств предъявленного ему обвинения на тот момент уже были установлены. Публикация этого очерка была сравнима со взрывом ядерной бомбы и наделала большой переполох не только среди работников правоохранительных органов, но и среди широкой читательской среды и

общественности огромной страны. Эта публикация вызвала волну обращений возмущенных читателей как в редакцию газеты, так и в центральные партийные и правоохранительные органы. Передо мной лежат пожелтевшие страницы 49-го выпуска этой газеты от 2 декабря 1987 г. До сих пор перечитывая содержание очерка, ощущаешь заново весь драматизм этой истории и глубину падения ее отрицательных героев. Позволю себе привести из него несколько выдержек.

Первая выдержка из интервью А.В. Малышева.

В начале сентября ко мне в камеру пришел прокурор Одесской области Зимарин. Он сказал, что сейчас мне никто не поможет, даже Политбюро (так он выразился). Но у меня, по его словам, был выход – быть послушным. Если я буду «послушным», то выйду отсюда скоро, если нет – не выйду никогда. В чем же я должен быть послушным, задал я вопрос Зимарину. Он ответил, что детали мне сообщит Бобовский. Он появился вечером и сказал, чтобы я «раскидал» взятки, которые будто бы брал, на других. Сначала назвал три фамилии: заместителя прокурора области, заместителя начальника УВД области и начальника УВД города. Стал меня убеждать, что «так надо», что поможет мне сделать эти показания правдивыми, что никто не подкопается, что организует лжесвидетелей, которые всё подтвердят. Мне обещали за это улучшенное питание, свидание с матерью, а в итоге – минимальное наказание. Через два дня он пришел снова и в список внес еще две фамилии – первого секретаря горкома партии и заведующего отделом административных органов горкома. Если следователя могло не быть неделю, а то и месяц, то Бобовский приходил почти ежедневно. Он мне говорил: «Если не пойдешь на это, мы организуем новых людей, которые явятся «с повинной», что давали тебе взятки». Так и было. Вечером Бобовский меня уговаривает, а утром приходит Бельский с новыми показаниями на меня. Как будто вдруг все одесские торговцы побежали сознаваться, что давали взятки мне – начальнику ОБХСС города.

Вторая выдержка из интервью члена Верховного суда Молдавии А.Ф. Шевченко.

Помните ли вы это дело? – спросил я судью, встретившись с ним в Кишиневе. На этом процессе я похудел на шесть килограммов. У меня такого дела еще в жизни не было и, надеюсь, никогда больше не будет. А.Ф. Шуляченко рассказал, что, когда дело Малышева в порядке отдельного поручения было передано Верховному суду Молдавской ССР (для видимости большей объективности), у него тут же закрались сомнения в правдоподобности первоначальных допросов. Чем дальше шел процесс, тем больше я убеждался в том, что присутствую на каком-то спектакле.

И наконец, третья выдержка из интервью Г.П. Шуляченко.

Именно свидетели заставили меня усомниться в той роли, которая мне предназначалась Зимариным в этой игре. Выходил один свидетель, второй, третий – и зачитывали показания по бумажке. Когда же я отбирал их шпаргалки, путались, несли околесицу. Вопрос. Кто из свидетелей вас удивил больше всех? Ответ. Зигельман. Я знал, что против Зигельмана было возбуждено уголовное дело, что он находился в бегах, что на него был объявлен всесоюзный розыск, и вдруг он на свободе, в зале, в качестве основного свидетеля. А где же его собственное уголовное дело? Я ничего не мог понять. Спросил у Зимарина. Ответ: «Это вас не касается». Чем дальше шел процесс, тем больше и больше я убеждался, что к делу кто-то очень сильный приложил свою руку. Тогда я решил вызвать в суд следователей, которые вели дела. Меня пригласил на ковер Зимарин: «Ты что делаешь?» Я ответил: делаю то, что велит мне закон. Ну а дальше – как в холодную воду. Вы решили отказаться от обвинения? Я решил поддержать ходатайство адвоката. Накануне меня вызвал Зимарин, в кабинете сидели и его заместители. «Что вы намерены делать?» – «Посылать на доследование. В создавшейся ситуации я вижу только один выход». И тут же услышал: «Что

это вы себе позволяете!» Я уже Москве доложил, что всё в порядке». Я начал объяснять, он меня грубо прервал. Больше трех часов мне пришлось выдерживать атаку своего руководства. Ночь я не спал, стоял, курил на балконе. На следующий день без пятнадцати два пришел в суд. Когда сказал: «Обвинение, предъявленное Малышеву, не соответствует фактическим обстоятельствам, установленным в судебном заседании», то поймал на себе сочувствующий взгляд члена Верховного суда Молдавии Алексея Феодосьевича Шевченко. Через час я был на работе. Вошел в кабинет прокурора области. Зимарин сидел, развалившись в кресле. Первое, что я от него услышал: «Вы больше не начальник отдела!.. Вы больше не старший советник юстиции!.. Я сделаю всё, чтобы убрать вас отсюда». Драматически сложилась судьба Г.П. Шуляченко: вскоре он был освобожден от должности, получил строгий партийный выговор с занесением в учетную карточку, был вынужден буквально скитаться в чужом городе, а приезжая на редкие свидания с семьей, опасливо, как по чужим, ходить по улицам родной Одессы.

Как видно из этого интервью, не только я один опасался за свою судьбу и судьбу своих коллег по следственной группе, особенно, на последнем этапе нашей работы, когда получаемые нами доказательства были очевидны для искушенных в этих вопросах людей и свидетельствовали о том, что расследование уже идет далеко от обвинительного его уклона в сторону уклона оправдательного. Наконец, все точки над «i» расставил Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

На новый 1988 год я взял краткосрочный отпуск на 10 дней в связи с обострением болезни моей мамы и выехал к месту ее жительства в Луганскую область. А сразу после Нового года, 8 января, состоялось заседание Комитета партийного контроля при ЦК КПСС – высшего контрольного органа Коммунистической партии Советского Союза. Меня в Москве в это время не было, и я не был участником этого заседания. Хотя в город-

ской комитет партии, где я находился, был звонок из ЦК КПСС с просьбой проработать вопрос о возможности моего срочного возвращения в Москву для участия в заседании этого Комитета. Но быстро выехать я не смог. В то же время участниками заседания КПК от Прокуратуры Союза ССР были О.В. Сорока, Г.М. Негода и А.В. Фролов. Также на заседание КПК были приглашены Зимарин В.И. и Шашкин Н.В. В связи с тем, что Бельский А.М. был беспартийный, на это заседание он не приглашался. От МВД СССР в работе Комитета принял участие заместитель министра – начальник Управления кадров Ю.Д. Журкин и начальник отдела ГУБХСС А.А. Аслаханов, а также приглашен начальник УВД Одесского облисполкома Е.Е. Старовецкий. От КГБ СССР в работе Комитета участвовал один из заместителей Председателя КГБ СССР, а также были приглашены из Одессы А.Г. Довженко и Ю.А. Бобовский. Заседание Комитета проходило под председательством члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя КПК при ЦК КПСС одного из видных деятелей Советского государства и Коммунистической партии Советского Союза М.С. Соломенцева.

Привожу выписку из сообщения газеты «Правда» от 20 января 1988 г. № 20.

В Комитете партийного контроля при ЦК КПСС. «О грубых нарушениях социалистической законности, допущенных некоторыми работниками правоохранительных органов при расследовании уголовного дела в отношении т. Малышева А.В.». «Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел результаты проверки поступившего в октябре 1987 года в Комитет заявления бывшего начальника отдела БХСС УВД Одесского горисполкома т. Малышева А.В. о необоснованном исключении его из партии, увольнении из органов внутренних дел, возбуждении против него уголовного дела по сфальсифицированным материалам о злоупотреблении служебным положением и взяточничестве, а также о бездоказательных утверждениях о покровительстве и протекционизме ему со сторо-

ны должностных лиц областных и республиканских органов. В октябре 1984 года т. Малышев был уволен из органов внутренних дел начальником УВД Одесского облисполкома т. Старовецким Е.Е. без достаточных оснований. Его предвзятая, необъективная информация о т. Малышеве была включена старшим инспектором Инспекторского управления МВД СССР т. Аслахановым А.А. в докладные записки руководству министерства.

И далее:

Уголовное дело против т. Малышева было возбуждено по указанию прокурора Одесской области т. Зимарина В.И. по непроверенным надлежащим образом заявлениям трех старших продавцов винных магазинов. По его же указанию прокурор г. Одессы т. Арнаутов В.С. санкционировал арест Малышева. Сделано это было без предварительной тщательной проверки показаний работников торговли, обстоятельств их явки с повинной и допроса самого подследственного. Малышев около двух лет содержался под стражей. По просьбе т. Зимарина для оказания помощи следствию по делу т. Малышева был выделен старший оперуполномоченный Управления КГБ Украинской ССР по Одесской области т. Бобовский Ю.А. Пользуясь попустительством со стороны т. Зимарина и бесконтрольностью начальника отдела этого управления т. Довженко А.Г., он превышал свои полномочия, грубо нарушал установленный порядок содержания подследственных и работы с ними, добивался от них ложных показаний на т. Малышева и других сотрудников милиции. Эти показания затем оформлялись следователями протоколами допросов. Заместитель начальника следственного управления Прокуратуры Грузинской ССР т. Шашкин Н.В., которому Прокуратура СССР поручила возглавить предварительное следствие по делу т. Малышева, отнесся к выполнению обязанностей недобросовестно и безответственно. Расследование дела он передоверил старшему помощнику прокурора г. Одессы т. Бельскому А.М., проводившему его поверхностно, тенденциозно, с обвинительным уклоном, допустив многочисленные нарушения законности. Некачественно расследованное уголовное

дело было подписано т. Шашкиным, утверждено т. Зимариным и направлено в суд. Рассматривавшая по поручению Верховного Суда СССР дело т. Малышева судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР с учетом заключения государственного обвинителя – начальника отдела прокуратуры Одесской области т. Шуляченко Г.П. возвратила это дело для дополнительного расследования по мотивам неполноты и необъективности следствия. Будучи несогласным с таким решением, т. Зимарин организовал гонение на т. Шуляченко, добился отстранения его от занимаемой должности. Прокуратура СССР, проведя дополнительное расследование, в августе 1987 г. освободила т. Малышева из-под стражи и прекратила уголовное дело за отсутствием события и состава преступления. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС принял к сведению заявления первого секретаря Одесского обкома Компартии Украины т. Ночевкина А.П., заместителя министра внутренних дел СССР т. Журкина Ю.Д. и заместителя Генерального прокурора СССР т. Сороки О.В. о том, что т. Малышев восстановлен в партии, а также на работе в органах внутренних дел и что уголовное дело в отношении его прекращено по реабилитирующим основаниям, а по фактам нарушений социалистической законности при производстве следствия возбуждено уголовное дело. За допущенные грубые нарушения социалистической законности по уголовному делу т. Малышева и ненадлежащее исполнение служебных обязанностей члены КПСС прокурор Одесской области т. Зимарин В.И., бывший заместитель начальника следственного управления Прокуратуры Грузинской ССР т. Шашкин Н.В. и старший оперуполномоченный Управления КГБ Украинской ССР по Одесской области т. Бобовский Ю.А. исключены из партии. За серьезные недостатки в работе, нарушения служебных обязанностей и бесконтрольность при рассмотрении вопросов, касавшихся т. Малышева, объявлены строгие выговоры с занесением в учетные карточки членам КПСС т. Старовецкому Е.Е., начальнику УВД Одесского облисполкома, т. Довженко А.Г.,

бывшему начальнику отдела УКГБ Украинской ССР по Одесской области, т. Аслаханову А.А., бывшему старшему инспектору Инспекторского управления МВД СССР, и т. Негоде Г.М., бывшему начальнику управления по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел Прокуратуры СССР.

Исключение из рядов КПСС в то время было самым строгим внесудебным наказанием для советских руководителей. Это наказание автоматически влекло за собой освобождение от занимаемых руководящих должностей. Как видно из решения КПК при ЦК КПСС, отдельные должностные лица уже до его заседания были освобождены от ранее занимаемых ими должностей и переведены на другие должности, в частности, Негода Г.М., Шашкин Н.В., Довженко А.Г. и Аслаханов А.А. Не привлечен к партийной ответственности был только Бельский А.М., поскольку являлся беспартийным. А вот прокурор Одесской области В.И. Зимарин всё еще продолжал руководить областным аппаратом и органами прокуратуры Одесской области.

Однако, как я уже отметил, факт исключения из партии руководителя любого ранга, да еще после решения КПК об исключении из рядов КПСС за допущенные грубые нарушения социалистической законности не позволял оставлять таких руководителей правоохранительных органов не только в занимаемых ими должностях, но и на службе в этих органах. Поэтому уже 12 января 1988 г. Генеральный прокурор СССР А.М. Рекунков всё же подписал приказ об увольнении В.И. Зимарина из органов прокуратуры.

Привожу выписку из этого приказа.

Приказ от 12.01.88 № 18-л «Об увольнении т. Зимарина В.И.»

Прокурор Одесской области государственный советник юстиции 3 класса Зимарин В.И. при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности бывшего начальника ОБХСС УВД г. Одессы Малышева А.В. безответственно отнесся к вы-

полнению своего служебного долга. Он не обеспечил надлежащий прокурорский надзор за расследованием этого дела, в связи с чем следствие велось необъективно, с обвинительным уклоном, допускались нарушения законности. Обвинение Малышева во взяточничестве основывалось на непоследовательных и противоречивых показаниях ряда лиц, уличенных в преступной деятельности. Оперативные возможности использовались для склонения свидетелей к даче удобных следствию показаний. Уголовное дело против Малышева Прокуратурой Союза ССР прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Он незаконно содержался под стражей около двух лет. В соответствии со ст. 10 п. 1 и ст. 12 п. 7 Положения о поощрениях и дисциплинарной ответственности прокуроров и следователей органов Прокуратуры СССР, П Р И К А З Ы В А Ю:

прокурора Одесской области государственного советника юстиции 3 класса Зимарина Виталия Ивановича освободить от занимаемой должности и уволить из органов прокуратуры за нарушение обязанностей по службе.

Аналогичным образом был освобожден от занимаемой должности и уволен из органов Комитета государственной безопасности и Ю.А. Бобовский.

Наконец, только в решении КПК при ЦК КПСС и частично в приказе Генерального прокурора СССР в этой истории с возбуждением уголовного дела в отношении Малышева и привлечением его к уголовной ответственности были расставлены точки над «і», а действиям должностных лиц была дана строгая и принципиальная партийная оценка, которая повлекла за собой строгие партийные взыскания, вплоть до исключения из рядов КПСС. Так бесславно завершилась многолетняя карьера В.И. Зимарина – прокурора, поступившегося принципами своей профессии, а его тщеславным устремлениям и мечтам о переходе в центральный аппарат Прокуратуры СССР уже не суждено было сбыться.

Реабилитация

В феврале 1988 г. А.В. Малышев обратился в Прокуратуру Союза ССР с заявлением о возмещении причиненного ему материального ущерба в связи с незаконным привлечением его к уголовной ответственности. После возвращения из новой длительной командировки мне передали это заявление для его исполнения. Процесс возмещения ущерба граждан от незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в те годы осуществлялся за счет средств союзного бюджета на основании соответствующего Положения, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. После полученных мною ответов на запросы из финансовых органов УВД Одесской области об уровне заработной платы Малышева за период его необоснованного ареста и содержания под стражей, мною было вынесено постановление о возмещении материального ущерба. Согласно этому постановлению, А.В. Малышеву подлежало к возмещению за период его содержания под стражей из расчета среднего заработка по прежнему месту службы, а также расходов, понесенных им за оказание ему юридической помощи в лице его адвокатов, 9832 руб. Это постановление, заверенное печатью Прокуратуры СССР, мной было направлено Малышеву А.В. почтой в Одессу по месту его постоянного жительства. Таким образом, материальный ущерб от незаконных действий правоохранительных органов Малышеву был возмещен. А что могло возместить ему ущерб моральный? Только сообщение о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших эти незаконные действия.

Расследование фактов нарушений законности при производстве следствия по уголовному делу по обвинению Малышева для установления конкретных лиц, совершивших эти нарушения, было поручено Главной военной прокуратуре. Уголовное дело возбудил и принял к своему производству сле-

дователь по особо важным делам при Главном военном прокуроре В.Д. Перваков. Это расследование проводилось с декабря 1987 г. по январь 1989 г., и его материалы составили более 50 томов. Теперь уже Горецкий и Скорищенко, неоднократно допрашиваемые в качестве свидетелей в рамках этого уголовного дела, поочередно отказались от своих предыдущих показаний о даче ими взятка Малышеву – как алкогольными напитками, сигаретами, так и деньгами в сумме 7 тыс. руб. Только теперь Горецкий, а затем и Скорищенко, по-видимому, осведомленные о прекращении уголовного дела по обвинению Малышева, дали наконец правдивые показания. Они сообщили, что в мае 1985 г. после личной встречи друг с другом в кабинете у Бобовского договорились, по предложению Горецкого, оговорить Малышева в даче ему взятка в виде сувениров и жевательной резинки. В августе после такой же встречи вновь договорились еще и о даче ему взятка алкогольными и табачными изделиями. А в сентябре, уже по предложению Скорищенко, после аналогичной личной встречи в кабинете у Бобовского, договорились дать ложные показания о даче Малышеву взятки деньгами в сумме 7 тыс. руб. Тем не менее, следствие пришло к выводу, что в действиях Бобовского, Зимарина, Бельского и Шашкина отсутствовал состав таких преступлений, как понуждение свидетелей к даче заведомо ложных показаний и заведомо ложному доносу, а также злоупотребление властью или служебным положением. Не могу удержаться, чтобы не процитировать выдержку из заключительной части постановления о прекращении этого уголовного дела.

Однако, несмотря на допущенные Зимариным, Шашкиным и Бельским нарушения уголовно-процессуального законодательства, в их действиях в ходе следствия не установлено умысла, направленного на заведомо незаконный арест, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности, либо соединенного с искусственным созданием дока-

зательств обвинения Малышева, а также принуждению к даче показаний путем незаконных действий и соучастия в заведомо ложном доносе и показаниях. Нарушения в служебной деятельности Довженко и Бобовского, как установлено, также не преследовали цели понуждения свидетелей к даче заведомо ложных показаний и заведомо ложному доносу.

Хочу привести и еще один «выдающийся» вывод военного следователя.

Причинение же существенного вреда государственным интересам и охраняемым законом правам и интересам Малышева, в результате необоснованного привлечения его к уголовной ответственности и длительного содержания под стражей, связано со сложностью безошибочной оценки доказательств его вины или невиновности названными лицами на основе их внутреннего убеждения, в соответствии с законом и социалистическим правосознанием, в условиях последовательного утверждения шести лиц о даче Малышеву взятка.

Вот так. Ни много, ни мало. Сами же подсказали этот сценарий дачи показаний, и сами же ошибочно заблуждались в оценке этих доказательств в связи с их сложностью. Даже в материалах нашего расследования содержалось достаточно сведений об имевших место сговорах с обвиняемыми и другими лицами в обмен на дачу интересующих Бобовского и Зимарина показаний. А ведь это новое расследование собрало еще больше доказательств, подтверждающих эти факты. Плюс откровения Горецкого и Скорищенко, признавших, что и явки с повинной, являвшиеся заведомо ложным доносом, и дальнейшие заведомо ложные показания в части дачи взятка Малышеву были ими даны под влиянием и воздействием Бобовского. Значит, следователь не поверил их показаниям, а раз так, то, прекращая уголовное дело, он поверил в правдивость их прежних показаний. А как же быть тогда с не отмененными выводами нашего следствия и не отмененным решением коллегии Прокуратуры Союза ССР? Было очень жаль, что

на этом этапе у следствия снова не хватило мужества и принципиальности усмотреть прямой умысел в действиях Зимарина и Бобовского и сформулировать наличие составов совершенных при этом преступлений, хотя ссылки на эти же статьи были сделаны. И никто, ни возвратившийся в должность Главного военного прокурора А.Ф. Катусев, ни новый Генеральный прокурор СССР А.Я. Сухарев не смогли или не захотели отменить это явно необоснованное постановление.

В то же время, первый заместитель прокурора Украинской ССР М.А. Потребенко свое обещание сдержал. Прокуратурой Украины были истребованы уголовные дела из прокуратуры Одесской области, согласно переданному мной списку, а также и другие дела, где осужденные по ним лица продолжали обжаловать вынесенные им приговоры Одесским областным судом. В результате этого изучения прокуратурой республики были внесены протесты в порядке надзора на вступившие в силу приговоры судов. Передо мной справка, составленная прокурором управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры УССР Г.М. Наливайко 15.12.1989 г. Вот ее неполный текст, исходя только из списка изученных мной ранее уголовных дел.

Прокуратурой УССР в порядке надзора по жалобам осужденных и их родственников за период с декабря 1987 по январь 1989 г. опротестованы приговоры по следующим делам.

1. Одесским областным судом 11.04.85 г. инспекторы ОБХСС Жовтневого РОВД г. Одессы Коротков В.Н. и Нехлюдов И.Е. были осуждены за хищение государственного имущества, злоупотребление служебным положением, взяточничество к 14 годам лишения свободы каждый. По протесту Прокуратуры УССР Верховным судом УССР 24.12.1987 г. приговор отменен, и дело направлено для дополнительного расследования. 24 июня 1988 г. дело органами следствия прекращено за недоказанностью обвинения.

2. Ротарь М.И., работавший старшим оперуполномоченным ОБХСС УВД Одесского облисполкома, осужден Одесским областным судом 6 мая 1985 г. за взяточничество к 10 годам лишения свободы. Верховным судом УССР 14 июня 1988 г. по протесту Прокуратуры УССР приговор отменен (Ротарь освобожден из под стражи), а дело направлено для дополнительного расследования. Следствием дело в отношении Ротаря 20 сентября 1988 г. было прекращено за недоказанностью и по отдельным эпизодам за отсутствием события преступления.

3. Ужиловский В.В., работавший начальником отделения БХСС Ленинского РОВД г. Одессы, осужден Одесским областным судом 28 февраля 1986 г. за взяточничество к 10 годам лишения свободы. Верховным судом УССР 15 июня 1989 г. по протесту Прокуратуры УССР приговор отменен, дело направлено для дополнительного расследования. Прокуратурой Одесской области 31 октября 1989 г. дело прекращено за отсутствием в действиях Ужиловского состава преступления.

4. Непомнящий Н.Л., работавший старшим инспектором ОБХСС УВД Одесского облисполкома, осужден Одесским областным судом 5 сентября 1986 г. за нарушение правил о валютных операциях, хищение государственного имущества и злоупотребление служебным положением к 6 годам лишения свободы. Верховным судом УССР по протесту Прокуратуры УССР 25 мая 1989 г. приговор по делу отменен, а дело направлено для дополнительного расследования. 29 сентября 1989 г. дело прекращено прокуратурой г. Одессы за отсутствием в его действиях состава преступления.

Помимо списка дел, которые мы изучали, а к В.Н. Короткову и И.Е. Нехлюдову ездили в колонии и допрашивали их там в качестве свидетелей по делу Малышева, в справке прокурора Г.М. Наливайко были приведены фамилии и других бывших работников милиции – инспекторов ОБХСС, уголовного розыска и следователей А.Д. Алиева, Б.А. Мамедова, А.А. Кольвастера, П.В. Короткого, А.И. Максимилюка, В.И. Якимчука, приговоры

в отношении которых были также отменены Верховным судом УССР и в дальнейшем прекращены следственными органами.

И это все те бывшие обвиняемые, с которыми работали Бобовский и следователи прокуратуры Одесской области. Это те бывшие обвиняемые, обвинительные заключения по уголовным делам которых утверждались В.И. Зимариным и его первым заместителем Д.В. Гудзенко. Это те самые уголовные дела, которыми так гордился Зимарин и ставил их в ряд своих заслуг и достижений в проводимой им «беспощадной борьбе за чистоту рядов милиции от запятнавших их сотрудников». Но не все соглашались с такими методами выявления, сбора и формирования доказательств по уголовным делам о взяточничестве в областной прокуратуре. Были и те, кто пытался протестовать и апеллировать к закону. Среди них заместитель прокурора области – начальник следственного управления С.С. Макаrenchенко, следователь по особо важным делам областной прокуратуры И.В. Кисленко, старшие следователи прокуратуры области В.А. Манушин и В.С. Тугузов. Они открыто выразили Зимарину свое несогласие неправомерными действиями Бобовского, как на конвейере поставлявшего эти самые доказательства в форме написанных следственно-арестованными лицами явок с повинной о даче взяток, содержание которых при дальнейшей их проверке не подтверждалось. И.В. Кисленко по этому поводу написал Зимарину официальный рапорт, а В.А. Манушин и В.С. Тугузов отказались продлевать срок содержания под стражей уже арестованным бывшим сотрудникам ОБХСС и требовали освобождения их из-под стражи, так как показания взяточдателей, изложенные в том числе и в явках с повинной, не находили при проверке подтверждения. Вот что сообщил об этом в своем открытом письме в газету «Знамя коммунизма» (печатный орган Одесского обкома Компартии Украины) бывший заместитель прокурора области С.С. Макаrenchенко. Привожу выдержку из публикации этого письма в газете от 21 июля 1988 г. в рубрике «Человек и закон»:

В связи с тем, что в публикации «Без вины» было упомянуто мое имя, считаю необходимым направить в редакцию это письмо, которое в какой-то мере прольет свет на события, происходившие в правоохранительных органах Одесской области за последние несколько лет. Зимарин, занимавший должность прокурора Одесской области с 1983 по 1988 гг., с помощью работников правоохранительных органов в 1984 г. начал кампанию по «разоблачению» им же придуманной «мафии» в правоохранительных органах Одесской области. В ход были пущены низкие и недостойные порядочного человека методы недоброй памяти пятидесятилетней давности – провокации, угрозы, шантаж, подтасовка фактов, сделки с преступниками, цель которых была одна – получить любые показания, пусть и заведомо ложные, но подтверждающие придуманные Зимариным и его окружением преступления, якобы совершенные работниками прокуратуры и милиции... Человек, поставленный осуществлять высший надзор за законностью в области, из-за отсутствия каких-либо моральных устоев и совести превратил Закон и данную ему власть в кистень, который употреблял для удовлетворения необоснованных личных амбиций и расправы с негодными... По сфальсифицированным материалам были возбуждены уголовные дела против следователя по особо важным делам И.В. Кисленко, старшего следователя облпрокуратуры В.А. Манушина и меня. Обвинения выдвигались стандартные – получение взяток, злоупотребление служебным положением, причем признательные показания о якобы имевших место преступлениях получались от осужденных, либо содержащихся под стражей лиц, к которым Кисленко, Манушин и я имели отношение по долгу службы.

А вот показания бывшего старшего следователя прокуратуры Одесской области В.С. Тугузова, изложенные им в заявлении в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС:

...Вскоре после этого Бобовский представил мне явку с повинной некой Храпенковой о даче ею взятки 500 руб. старшему опе-

руполномоченному отдела БХСС УВД Одесского горисполкома Ротарю. По этим обстоятельствам я возбудил уголовное дело в отношении Ротаря <...> Мы повторно проверили все обстоятельства, изложенные в явке с повинной Храпенковой и ее показаниях. При этом было установлено, что к получению денег от Храпенковой Ротарь не имел никакого отношения, а 500 руб. от нее под видом работника ОБХСС УВД города получил гражданин Глазунов.

Храпенкова после ее опознания Глазуновым признала, что на Ротаря показала ошибочно. Так как оснований для дальнейшего содержания Ротаря под стражей не было, то я поставил перед В.И. Зимариным вопрос об изменении ему меры пресечения на подписку о невыезде.

В ответ Зимарин заявил, что я хочу освободить преступника и потребовал «искать» другие факты его преступной деятельности. Зная о моей позиции по этому делу, Бобовский неоднократно поставлял мне информацию о «преступной деятельности» Ротаря. Но она также не подтверждалась, и я продолжал настаивать на освобождении Ротаря из-под стражи. В.И. Зимарин вновь заявил мне, что я пытаюсь освободить преступника и дал указание передать это дело другому следователю.

И действительно, все они разделили судьбу своих подследственных. Против них при активном участии Бобовского были возбуждены уголовные дела, а В.А. Манушин по такому делу два месяца содержался под стражей. Избежал этой участи только старший следователь прокуратуры области В.С. Тугузов, который вынужден был уволиться из органов прокуратуры, мотивировав это семейными обстоятельствами. И только Прокуратурой УССР в отношении С.С. Макарченко, а Прокуратурой СССР в отношении И.В. Кисленко и В.А. Манушина эти уголовные дела были прекращены за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления.

И всё это происходило одновременно с расследованием Главной военной прокуратурой уголовного дела по фактам нарушения законности при расследовании уголовного дела Малышева. После своей реабилитации почти все указанные выше лица обратились в Главную военную прокуратуру с заявлениями о допущенных в их отношении нарушениях законности теми же Бобовским и Зимариным, однако получили отказ в удовлетворении своих жалоб. Тогда они обратились с открытым коллективным заявлением в «Литературную газету» с просьбой провести расследование деятельности Зимарина по фактам совершения им и другими лицами нарушения законности при возбуждении против них уголовных дел, что повлекло за собой их незаконные аресты и незаконные осуждения. Это письмо за подписями Макарченко С.С., Кисленко И.В., Манушина В.А., Бондаренко А.М., Нехлюдова И.Е., Короткова В.Н., Ротаря М.И. 24 августа 1988 г. было опубликовано в «Литературной газете» под заголовком «Не исключение – система». К сожалению, публикация этого письма не привела к соответствующей реакции на это ни Прокуратуры Украинской ССР, которая, по сути, и начала процесс пересмотра этих уголовных дел и реабилитации осужденных, ни Прокуратуры СССР, вынесшей решение о прекращении уголовных дел по обвинению Кисленко и Манушина. Но ряды реабилитированных лиц пополнялись, в 1989 г. их стало еще больше. Это даже было видно из приведенной нами справки Прокуратуры УССР. Тогда они, собрав подписи уже 14 человек, 31 мая 1990 г. обратились с новым письменным заявлением на имя Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева с просьбой о пересмотре решения Главной военной прокуратуры о прекращении уголовного дела в отношении Зимарина, Бобовского и других лиц и расследовании новых фактов нарушения законности, допущенных теми же лицами, но и при привлечении их к уголовной ответственности и незаконном осуждении. Могут только предположить, что при проведении нового расследо-

вания уже сложно было бы апеллировать отсутствием умысла на создание искусственных доказательств и «сложностью в их безошибочной оценке» в рамках одного конкретного уголовного дела. В этом случае можно и нужно было установить и доказать наличие в правоохранительной среде Одесской области в период работы там В.И. Зимарина порочной системы правового нигилизма, умышленно созданной и поощряемой человеком, в силу своего должностного положения обязанного как раз беспощадно бороться с такими проявлениями в сознании борцов с преступностью, и принимать самые жесткие меры по освобождению рядов правоохранителей от таких ее борцов, которые злостно игнорировали законность. К сожалению, этого не случилось и у нового Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева, и у Прокурора Украины П.Г. Осипенко и сменившего его в 1990 г. М.А. Потребенко не хватило воли, принципиальности и последовательности в доведении до логического конца вопроса о торжестве законности в отношении реабилитированных в Одесской области бывших сотрудников правоохранительных органов, установления виновных в незаконном привлечении их к уголовной ответственности и привлечении их, в свою очередь, к установленной законом ответственности за содеянное. Но в стране назревал политический и экономический кризис. В марте 1990 г. Съезд народных депутатов отменил ст. 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в советском обществе. И массовые нарушения законности, допущенные в Одессе в прошлые годы, остались за бортом стремительного движения великого союзного государства к пропасти и своей неминуемой гибели.

В свою очередь, вынесенное Главной военной прокуратурой постановление о прекращении уголовного дела в отношении Зимарина, Шашкина, Бельского, Довженко, Бобовского и др. лиц дало им возможность для осуществления мер, связанных со своей реабилитацией и восстановлением на службе в право-

охранительных органах. Так, Ю.А. Бобовский вновь был восстановлен в ранее занимаемой должности в УКГБ Одесской области, Н.В. Шашкин также возвратился на службу в органы прокуратуры и теперь продолжил ее уже в рядовой должности прокурора отдела общего надзора прокуратуры г. Тбилиси. Делал попытки восстановления в органах прокуратуры и В.И. Зимарин, но они оказались безуспешны. На фоне прекращения этого уголовного дела поднялась волна обращений читателей «Литературной газеты» с требованиями пересмотра решения о прекращении уголовного дела Малышева А.В. Дело дошло и до обращения в Прокуратуру Союза ССР с этим же вопросом ряда депутатов Верховного Совета СССР. И вот уже в «Литературной газете» за № 31 1 августа 1990 г. в заметке «Шторм после шторма. Спустя два года» было опубликовано открытое письмо Прокуратуры СССР главному редактору газеты Ф.М. Бурлацкому.

Привожу его без сокращений.

Уважаемый Федор Михайлович!

Среди народных депутатов СССР и граждан постоянно будируется вопрос о правомерности решений по делу бывшего начальника ОБХСС УВД г. Одессы Малышева А.В. В связи с этим Прокуратурой Союза ССР по поручению Верховного Совета СССР повторно изучены материалы, связанные с привлечением его к уголовной ответственности, и решение о прекращении уголовного дела признано законным. Верховный Совет СССР считает необходимым изыскать возможность информировать общественность об этих результатах. «Литературная газета» ранее поднимала на своих страницах вопросы, связанные с делом Малышева. С учетом изложенного Прокуратура СССР обращается к Вам с просьбой продолжить эту тему, проинформировать своих читателей и готова представить необходимые материалы. В.И. Кравцев, заместитель Генерального прокурора СССР, государственный советник юстиции 1 класса. 18 апреля 1990 г.

И всё же материалы нашего расследования и наша первичная информация послужили импульсом к последовавшей за этим работой по реабилитации невинно привлеченных к уголовной ответственности прокуратурой Одесской области и, в большинстве случаев, невинно осужденных Одесским областным судом десятков бывших работников милиции, прокуратуры и других лиц. И все те прокурорские и судебские работники, которые приняли в этой работе активное участие, безусловно, заслуживают большого уважения. Ведь одни из них изучали уголовные дела и вносили в суд протесты на приговоры в порядке надзора, другие пересмотрели и отменили приговоры нижестоящего суда, третьи осуществили дополнительные расследования и без оглядки на честь мундира приняли непростые, но честные, объективные решения о невиновности этих лиц и о прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям. Ничего нет в нашей работе более темного и страшного, как осуждение к лишению свободы невинного человека. И ничего нет более светлого и достойного, как восстановление справедливости. И я горжусь тем, что принял участие в этой большой работе.

Тогда же приморский воздух Одессы стал значительно чище и прозрачней, тучи гнева и несправедливости покинули его небосклон и выглянули наконец лучи яркого солнца, в которых еще с большей силой отразилась обновленная красота этой черноморской жемчужины.

Эпилог

Капитану милиции А.В. Малышеву после восстановления в органах внутренних дел на равнозначной должности было присвоено очередное специальное звание майор милиции. В дальнейшем Малышев продолжил службу на различных руководящих должностях в одесской милиции и в 1990-х годах

заял должность заместителя начальника УВД Одесской области, на которой ему было присвоено звание генерал-майора милиции. Не сработавшись с начальником УВД, в 1998 г. он вновь был уволен со службы и только в 2006 г. после длительного судебного процесса, связанного с обжалованием приказа об увольнении и многочисленных судебных решений, был восстановлен в данной должности и дослужил до выхода на пенсию по выслуге лет. В интернете есть информация о том, что в августе 2008 г. заместитель начальника УВД Одесской области А.В. Малышев награжден Президентом Украины почетным званием «Заслуженный юрист Украины» за особые заслуги в защите государственного суверенитета, охране конституционных прав и свобод человека, мужество и самоотверженность при выполнении служебного долга.

Летом 1990 г., вернувшись в Москву из очередной командировки в Душанбе, я получил письмо от А.В. Малышева, отправленное им на мое имя в Прокуратуру Союза ССР. Вскрыв конверт, я извлек из него короткую записку, в которой Малышев сообщал мне, что недавно им было получено письмо от Зигельмана и он хотел бы, чтобы с его содержанием был ознакомлен и я. Копию этого письма он также вложил в конверт.

В качестве послесловия привожу несколько выдержек из этого письма.

Александр Викторович!

Давно хотел я встретиться с Вами и рассказать, как всё получилось, как принял я тяжелый грех на душу, но всё боялся, что не смогу объяснить и не найду нужных слов, чтобы Вы поняли мое положение и, может быть, простили бы меня. Поэтому решил Вам написать. Александр Викторович! Меня поставили в безвыходное положение и не только меня, но и мою жену, мне нужно было выбирать – или гибель всей нашей семьи или подтвердить под большим давлением всё, что мне скажут Бобовский, Зимарин и другие... Ну, как меня взяли, вы знаете. Привезли

в кабинет Зимарина, весь план в отношении Вас строил он. Он пообещал мне закрыть наше дело, если дам на Вас показания... Работал со мной в основном Бобовский. Он хотел притянуть к этому делу и вашу мать. Я прошу ее простить меня за то, что причинил ей много горя... Бобовский мне говорил, что москвичи далеко, а он и его друзья близко, и он постоянно находился возле меня на протяжении всего следствия, и я его очень боялся... Пусть меня простят все люди, которым я не по своей вине говорил неправду в отношении Вас. От себя и от жены еще раз приношу извинения Вам и Вашей матери.

*Зигельман
20 марта 1990 г.*

Я сохранил это письмо, как и другие копии документов того расследования, оставшегося на долгие годы в моей памяти. С Зигельманом мне пришлось много тогда поработать в попытках добиться от него правдивых показаний и много пережить. Я еще тогда осознавал, насколько он был запуган карательными органами, что поставил на кон даже свою жизнь. Поэтому раскаяние этого человека, его просьба о прощении дорого стоят. Вот если бы покаялись все те люди, которые довели до грехопадения таких, как Зигельман, Щербакова, Лейдерман, Гринберг, Виденко. Раскаяние и просьба о прощении всегда очищает совесть. А вот у антигероев нашей повести она как раз находилась в дефиците, а может, ее просто не было. Ведь тот же Зимарин еще долгое время после опубликования очерка о судьбе А.В. Малышева в «Литературной газете» через суд добивался удовлетворения своего иска к газете об оскорблении его чести и достоинства корреспондентом газеты Ю. Щекочиным, и в конце концов суд полностью его удовлетворил.

Еще в те годы понятие социалистического правосознания, на которое сослался в своем постановлении следователь Пермьяков, было заложено в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и продублировано в аналогичных

статьях УПК всех союзных республик. Это понятие состояло из исчерпывающего перечня задач уголовного судопроизводства. Среди этих задач, наряду с укреплением социалистической законности и правопорядка, воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции и советских законов, уважения правил социалистического общежития сформулированы и более конкретные задачи. В частности, обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Выполнение этих задач должно было формировать правосознание каждого сотрудника милиции, следователя, прокурора и судьи. Полагаю, что внутренние убеждения Зимарина, Шашкина и Бельского при расследовании ими этого дела были очень далеки от социалистического правосознания. Каждый из них руководствовался в этом деле своими собственными интересами, далекими от интересов общества и охраняемых законом прав и свобод граждан. В российском законодательстве принцип справедливости включен в главу 2 УПК РФ, озаглавленную как «Принципы уголовного судопроизводства». В частности, ч. 2 ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства» исчерпывающим образом устанавливает понятие справедливости. Привожу ее текст дословно: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». Но в то же время, сейчас общие условия предварительного расследования, сформулированные в главе 21 УПК РФ, не увязываются с принципами справедливости и установления объективной истины при производстве расследования, которые содержала ранее ст. 20 УПК РСФСР в редакции 1960 г. и 1983 г., что на, мой взгляд, является существенным пробелом в регламентации условий расследо-

вания преступлений. Принципы же истины и справедливости, заложенные в праве, воспринимаются гражданами не только через текст закона, но и через действия различных должностных лиц правоохранительных органов. А ведь не будь в судьбе Малышева честного судьи, принципиального прокурора, а затем объективного следователя, он мог на долгие годы расстаться со свободой. И только совместный кропотливый труд группы юристов по установлению истины в этом деле не дал свершиться несправедливости.

Pereat mundus et fiat justitia. Пусть рухнет мир, но восторжествует закон. Это знаменитое изречение древних римлян, заложивших краеугольные камни цивилизованного права, которым мы пользуемся до сих пор, аккумулировало в себе всё разнообразие правовых норм, выразило гуманистическую основу Закона, призванного служить только выяснению объективной истины и установлению справедливости. Нет ничего выше и дороже истины, и только с ее торжеством будет укрепляться и расцветать мир, и только с ее попранием мир покатится в бездну хаоса. Если следователи, прокуроры и судьи, пришедшие нам на смену, согласно своим убеждениям и совести, и на основании закона будут служить этим принципам, тогда в нашей стране станет значительно меньше судебных и следственных ошибок, а значит, станет меньше человеческих трагедий и сломанных судеб. От этого наш с вами мир станет только лучше, чище и прекрасней.

г. Москва, апрель-май 2020 г.

А.В. Дробинин

Пропавшая экспедиция

Северный морской путь должен стать нормально действующей транспортной магистралью.

И. Сталин

Матери, отцы, сестры, братья, невесты, жены, все близкие тех, кто сегодня зимует на Севере!

Не жалейте времени и теплых слов, чаще пишите письма. Их возьмут на борт своих крылатых машин летчики полярной авиации. В пургу и непогоду, в туман, и дождь их будут передавать из рук в руки, повезут за сотни километров через любые торосы. И обязательно доставят ваш привет полярникам.

Е. Федоровский, «Орлиный услышишь там крик...»

Семенчуковщина

Хотите воочию увидеть край света? Приезжайте в Гыду. Поселок и сегодня является самым удаленным и труднодоступным на Ямале, а сто лет назад здесь появлялись разве что отдельные герои-первопроходцы. Тогда в этом краю вообще ничего и никого не было, кроме чаек-халеев, белых медведей и редких ненецких охотников. Вокруг лишь промерзшая, студеная от ураганных ветров и морозов бескрайняя арктическая тундра, сползающая в Гыданскую губу – залив Карского моря, практически его побережье. Дальше только Северный полюс. До фактории Хальмер-седе почти четыреста километров.

До ближайшего населенного пункта Обдорска – по прямой около семисот километров тундрового бездорожья.

В 1930 году в устье реки Юрибей, при впадении ее в Гыданский залив, Главным управлением Северного морского пути была основана фактория и полярная метеорологическая станция Гыдояммо (на месте современного поселка Юрибей). Зимовка имела три точки: Черный мыс, Юрибей и Гыда, из которых лишь две первые были немного освоены, а Гыда только начала отстраиваться.

Вскоре сюда приехали зверобои Новопортовского рыбозавода, промышлявшие белуху. Они построили дома на мысе Черный. Но небольшое поселение спустя некоторое время стогрело, и рыбаки были вынуждены вернуться домой.

Через два года создали Гыдоямский сельский совет. Однако место для поселения было выбрано неудачное – катера и баржи не могли заходить в мелководный Юрибей. Это обстоятельство, а также оторванность от строящегося центра зимовки, предопределило перенос в 1935 году фактории и метеостанции на новое место – в устье реки Гыда, где началось строительство поселка.

В конце августа 1936 года к месту основания будущего поселка, где стоял единственный дом полярной станции, причалил пароход «Анастас Микоян». Он привез четыре сборных домика, четырех лошадей и корм для них. На нем же приехала новая смена зимовщиков на полярную метеостанцию во главе с начальником зимовки Грозовым и помощником начальника по политической части (помполитом) Горшковым.

Но, увы, экспедиция провалилась. Раздоры среди полярников начались уже в Тобольске, где формировался караван судов. Поэтому зимовка не задалась с самого начала. Ситуация на полярной станции быстро ухудшалась и стала настолько катастрофической, что потребовалось срочное вмешательство окружных властей и правоохранительных

органов. Именно тогда в высоких ямальских кабинетах громко прозвучало устрашающее слово «семенчуковщина».

А вам, уважаемые читатели, доводилось когда-либо слышать о семенчуковщине? Знаете, что это такое? Нет? Неудивительно. Слишком много времени прошло с тех пор, почти столет. Кануло всё в Лету, но проблемы, поднятые тогда, в середине 30-х годов прошлого века, актуальны и сегодня, потому что касаются извечных человеческих отношений и чувств, вопросов морали и нравственности. А еще – выживания в экстремальных условиях.

Это сегодня жизнь и работа в Арктике – обычные трудовые будни огромного количества людей. Там строятся промышленные гиганты, там живут и работают рабочие и чиновники, туда летают в командировку, возят туристов. В Арктику можно заглянуть в любой момент через онлайн-камеры в режиме реального времени. А в 1930-е годы Север был опасным и загадочным пространством, где человеку приходилось бороться за то, чтобы выжить, его необходимо было завоевать и освоить. Большая часть населения страны узнавала о событиях в Арктике разве что из передач по радио, из газет и киножурналов, предварявших показы художественных фильмов. Белое безмолвие Севера было еще девственным и лишь изредка его тишину нарушали исследователи-одиночки, безуспешно ищущие землю Санникова, или редкие полярные экспедиции.

К полярникам относились как к героям, их ждала всесоюзная слава и государственные награды. О них слагали песни и снимали фильмы. Помните знаменитый фильм «Семеро смелых»?

Лейся, песня, на просторе,
Не скучай, не плачь, жена.
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна.

Почет и уважение полярников были не случайными. Освоение Арктики и Северного морского пути советским правительством с самого начала рассматривалось в качестве важнейшей задачи, решение которой было необходимо для развития экономики страны и укрепления военно-стратегического положения государства на северных границах. Для этого было создано около семидесяти полярных станций, которые, наряду с ледокольным флотом и авиацией, стали одним из трех главных факторов организации регулярного арктического судоходства, осуществлять которое было призвано созданное 17 декабря 1932 года Главное управление Северного морского пути. В навигацию полярные станции передавали судам и самолетам информацию о погоде и состоянии льдов, держали с ними радиосвязь, давали пеленги для определения точного положения в море и в воздухе.

Управление Севморпути в Салехарде

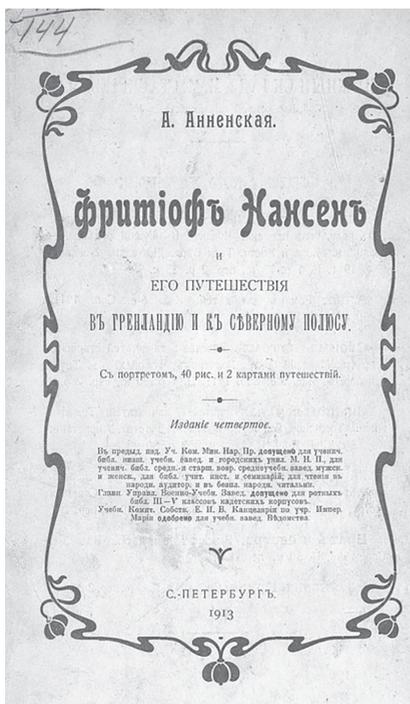
На Ямале действовали две полярные станции. Самая известная – в Марре-Сале. И менее знаменитая, о которой у нас и пойдет речь – в Гыдоямю.

Специфика работы в Арктике, безусловно, требовала от людей большой выдержки и ответственности, которые должны были присутствовать и проявляться постоянно. Полярникам приходилось сталкиваться с трудностями и в работе, и в быту. Часто не хватало продовольствия, теплой одежды, оборудования, мучила цинга. Льды не пускали суда-снабженцы, энтузиазм оставался нецененным начальством. Жили зимовщики в тесноте и холоде. Бичом для станций были пожары, безжалостно уничтожавшие всю аппаратуру и результаты наблюдений. Борьба с ними практически не было возможности из-за недостатка воды, которую топили из льда и снега.

Но, как показала жизнь, самой острой и самой недооцененной проблемой для полярников оказалась психологическая совместимость участников экспедиций. Это мы сегодня знаем, что совместимость людей, психологический климат, слаженность в действиях коллектива являются важнейшими аспектами безопасности, особенно в экстремальных ситуациях. Именно в таких ситуациях отрицательные стороны (психологическая несовместимость людей) проявляются наиболее сильно.

В начальном периоде освоения советской Арктики при подборе людей, особенно командного состава зимовок, эти факторы не то что бы не учитывали, им вообще не придавали значения. Хотя к тому времени в Советском Союзе уже вышла книга о Фритьофе Нансене, где как раз анализировалась аналогичная ситуация, ставшая одной из причин провала экспедиции Нансена. Как следствие, в середине 30-х годов, на пике освоения, Арктика понесла большие потери.

В первой половине 30-х годов на всю страну прогремела целая серия судебных процессов в отношении полярников, которые вместо правительственных наград получили, в том числе, и смертные приговоры. Это и события на зимовках на острове Диксон и в бухте Тикси, эпопея «Челюскина», едва не стоившая должности и свободы легендарному О.Ю. Шмидту.

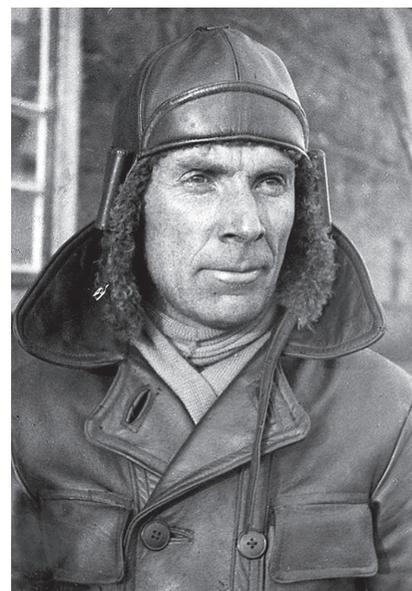
Анненская А.Н. Фритиоф Хансен и его путешествия в Гренландию и к Северному полюсу. С.-Петербург, 1913 г.

Из-за крайне тяжелой навигации 1937 года, из-за феноменальной неразберихи и головотяпства отдельных ответственных чиновников на Большой земле, из-за отсутствия полноценной ледовой авиаразведки (почти все самолеты были брошены в августе 1937 года на поиски бесследно исчезнувшей машины С.А. Леваневского) на трассе Северного морского пути зазимовал практически весь флот Главсевморпути – свыше двадцати транспортных судов и несколько ледоколов. Было произнесено страшное слово «вредительство». А речь шла о заурядной некомпетентности должностных лиц, о процветающем и поныне профессиональном невежестве, халатности

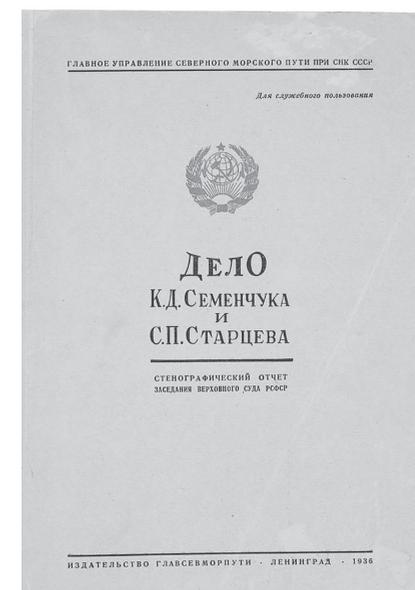
(конечно, непростительной), плюс к этому – о настоящих объективных трудностях: о надвинувшихся на трассу тяжелых льдах, слабых ледоколах и грузовых судах. А итогом стало обвинение в антисоветской деятельности.

Ну и конечно, трагедия на полярной станции на острове Врангеля в 1936 году. Именно по поводу событий на острове Врангеля впервые прозвучал термин «семенчуковщина». По имени начальника зимовки – Константина Семенчука¹.

¹ *Жирнов Е.* Дело об убийстве за полярным кругом // Коммерсантъ. Деньги. № 18 от 05.05.2012. www.kommersant.ru/doc/1927494

Константин Семенчук

Стенографический отчет

Константин Семенчук, начальник острова Врангеля, обвинялся в бесчеловечном обращении с туземным населением. Якобы из-за него люди были вынуждены голодать, несколько человек в результате умерли. Он же, согласно обвинительному заключению, организовал убийство Вульфсона, врача станции, что дало обвинению повод говорить об антисемитизме. Дело как дело, история острова уже знала подозрительные случаи смерти, если бы не одно обстоятельство – его рассматривал Верховный Суд страны.

Семь дней Верховный Суд Союза ССР рассматривал дело Семенчука и Старцева. Вся советская общественность чутко прислушивалась к рассказам о драме на далеком арктическом острове.

То, что происходило в Верховном суде РСФСР в мае 1936 года, выходило далеко за рамки представлений советских людей о советской судебной системе. Во-первых, обвинение в Верховном Суде поддерживал лично прокурор Союза ССР, что было собы-

тием крайне редким, если не сказать беспрецедентным. А во-вторых, после долгих и изнурительных допросов подсудимых и свидетелей прокурор СССР Вышинский произнес такую речь, будто бы находился в дореволюционном суде с присяжными заседателями, которых он пытался склонить на свою сторону.² В своей обвинительной речи, продолжавшейся пять часов, Вышинский развернул широкую картину бандитизма, творцом и организатором которого, по его утверждению, явился начальник острова Семенчук со своими «адъютантами»: пьяницей биологом Вакуленко и подсудимым – фактическим убийцей врача Н.Л. Вульфсона, бывшим колчаковцем Старцевым.

*Заседание Верховного Суда СССР по делу Семенчука.
Москва, май 1936 г.*

² *Вышинский А.Я.* Судебные речи. М.: Госюриздат, 1955, стр. 235-303

Процесс был явно показательным и проходил в Колонном зале Дома Союзов. Дело широко освещалось в прессе, и именно тогда появилось специальное слово «семенчуковщина», которое потом стало нередко фигурировать на страницах журнала «Советская Арктика». Примечательно, что следователь (будущий писатель Лев Шейнин) на место происшествия не выезжал, а сам судебный процесс вошел в учебники как пример построения доказательств на основе косвенных улик.

За что судили Семенчука и Старцева?

Проводивший расследование по делу знаменитый в те годы начальник следственного отдела Прокуратуры СССР и не менее известный писатель Лев Шейнин склонялся к тому, что виной всему дурные наклонности Семенчука. Он писал: «Еще труба парохода, увозившего Минеева, маячила на горизонте, а уж Семенчук, держа руку на открытой кобуре нагана, произнес свою первую декларацию: «Начальник теперь я. Имею полномочия. Вплоть до расстрела. Щадить не буду». Трудно описать все безобразия и преступления, которые творил Семенчук. Он сорвал охоту на моржей. Он не давал эскимосам катера и не разрешал выезжать в море. Зимовщикам он срывал научную работу. Мясо, оставленное Минеевым, из-за нераспорядительности Семенчука погибло. И население острова начало голодать... Семенчук был обязан снабжать эскимосов. Но он им в этом отказывал... При забитом продовольствием складе на острове начались голодные смерти. Запуганные Семенчуком, зимовщики молчали. Парторг Карбовский, жалкий и безвольный человек, только разводил руками и в ответ на всеобщие жалобы уныло заявлял: «Ну что, братцы, с ним сделаешь? Терпеть надо, терпеть...»³.

Единственным человеком в экспедиции, отваживавшимся спорить с начальником зимовки, оказался Николай Вульфсон. Как писал Шейнин, отношения Вульфсона и его жены – вто-

³ *Шейнин Лев* Записки следователя. М.: Художественная литература, 1979.

рого врача экспедиции Гиты Фельдман – с Семенчуком и его супругой не сложились с самого начала поездки на остров Врангеля.

В материалах дела говорилось, что Семенчук, испуганный множеством смертей эскимосов, отправил в Москву телеграмму, что на острове вспышка тифа. А Вульфсон объяснил ему, что при таком холоде никакого тифа быть не может, и собирался разоблачить ложь начальника зимовки. «Вульфсон был опасен Семенчуку, и тот решил его устранить», – отмечал Шейнин.

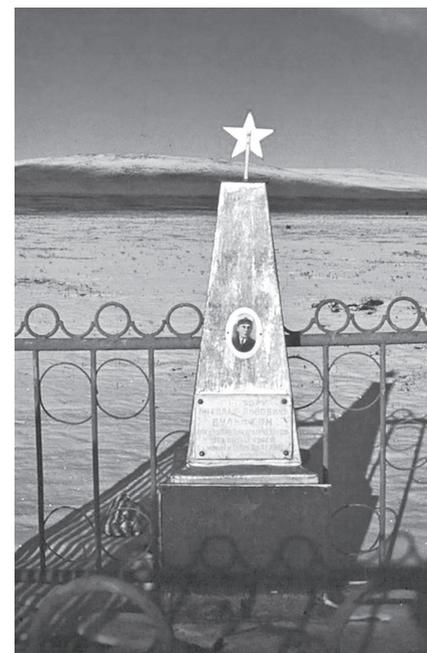
Писатель Шейнин создал стройную версию убийства врача Вульфсона, но следователь Шейнин не смог подтвердить ее вескими доказательствами. На острове, как установил начальник следственного отдела Прокуратуры СССР, нашелся житель, вполне подходящий для исполнения этого замысла: бывший колчаковец Старцев.

Обстоятельства гибели доктора Шейнин описывал так: «25 декабря Семенчук вызвал к себе Вульфсона и приказал ему выехать на нартах в противоположный конец острова, в бухту. «Я получил вызов, – сказал Семенчук, – от больных эскимосов. Немедленно выезжайте, окажите помощь. Проводником поедет Старцев». Дисциплинированный Вульфсон немедленно стал собираться в дорогу. Через несколько дней на зимовку вернулся один Старцев и заявил, что доктор «потерян» в дороге. Семенчук хотел отложить розыски врача, но зимовщики настояли на немедленном выезде. На розыски выехали почти все зимовщики, и недалеко от бухты Сомнительной был обнаружен труп Вульфсона. Нашли и последнее письмо доктора: «Всем, всем, всем. В случае моей гибели прошу винить в этом исключительно начальника зимовки Семенчука. Подробности расскажет моя жена Гита Борисовна Фельдман. Последний привет сыну Володе. Врач Николай Вульфсон». Эта трагическая записка красноречиво говорит о том, что Вульфсон догадывался, зачем его посылают в бухту. Вульфсон пони-

мал, что он страшен Семенчуку как разоблачитель всех его безобразий, всех его преступлений. Жена врача требовала сообщить в Москву об убийстве и провести полное расследование дела, но Семенчук запретил принимать у нее телеграммы и письма, а затем, как рассказывал в своей речи Вышинский, решил избавиться и от нее. Раздавленную горем женщину он пытается выбросить на мыс Блассон за 100 километров от зимовки в совершенно необитаемый пункт этого острова.

Он издает приказ: «Вывезти эту жидовку». Семенчук хотел запрянуть доктора Фельдман на мыс Блассон, обречь ее на голод и холод. Спасло вдову лишь то, что зимовщики отказались везти ее в ссылку, и Семенчук отступил. Потом на острове случилось еще два странных события. Преданный начальнику зимовки и находившийся в курсе всех его дел биолог Вакуленко неожиданно покончил с собой. А эскимос Тагью, к сыну которого якобы вызвали Николая Вульфсона, умер при странных обстоятельствах. Всё указывало на то, что Семенчук и Старцев убирают ненужных свидетелей».

Поскольку запрет Семенчука на отправку крамольных телеграмм и писем соблюдался строго, в Главсевморпути по-прежнему пребывали в неведении о происходящем на острове Врангеля. И лишь один человек – охотник Таян – смог обойти это препятствие. Он через знакомого летчика передал письмо бывшему начальнику зимовки Минееву, в кото-

*Могила доктора Н. Вульфсона
на острове Врангеля*

ром как мог описал все ужасы жизни на острове, просил приехать и прибавил: «Все эскимосы по тебе скучают. А если нет денег на дорогу, телеграфируй, мы пришлем».

Вместо Минеева на остров прилетели проверяющие, по итогам расследования которых, 2 ноября 1935 года был издан приказ Главсевморпути следующего содержания:

1. *Отметить, что во время зимовки 1934/35 года:*

а) *На важнейшей полярной станции «Остров Врангеля» основные научные и промысловые работы были сорваны.*

б) *Местное туземное население в количестве 63 человек было предоставлено самому себе, и не велось с ними даже элементарной заботы, особенно в части питания, результатом чего явились массовые заболевания населения и даже смертельные случаи как следствие недоедания (при наличии на станции продуктов на три года).*

в) *На станции царили беспорядок, порча ценнейших продуктов, недисциплинированность, антисемитизм, разложение и большая склока среди работников станции. В свете такого состояния зимовки загадочными явились гибель врача т. Вульфсона, самоубийство биолога т. Вакуленко и смерть каюра эскимоса т. Тагью.*

2. *Всё это явилось прямым результатом преступной беспечности, административного произвола и бездушного отношения к людям со стороны начальника станции Семенчука, который довел зимовку до полного хозяйственного и политического развала.*

3. *Даже после снятия Семенчука с работы и вызова его на станцию «Мыс Шмидта», он «не понял» происшедших событий на Врангеле, не подчинялся распорядам на станции «Мыс Шмидта», отказался работать и вел, по существу, паразитический образ жизни.*

27 мая 1936 года ТАСС оповестил всех о постановке последней точки в этом деле: «Президиум ВЦИК отклонил ходатайство о помиловании осужденных Верховным судом РСФСР

к высшей мере наказания – расстрелу Семенчука К.Д. и Старцева С.П. В этот же день приговор приведен в исполнение».

Не будем сейчас обсуждать законность и обоснованность явно натянутого в части убийства приговора, не об этом речь.

Вопрос в профпригодности таких, как Семенчук. Имея опыт работы лишь в Персии, он ничего не знал о Севере, о тамошних условиях и быте. Да, он умел сражаться с басмачами, но этого умения оказалось явно недостаточно для руководства научным коллективом и выживания в экстремальных условиях Крайнего Севера. Для налаживания быта и взаимоотношений с коренным населением размахивание револьвером оказалось не лучшим способом. Это только в кино герой фильма «Начальник Чукотки», вооружившись винтовкой и марксистским учением, лихо справляется со всеми трудностями, а в реальности начальник острова Врангеля привел свой кусок Чукотки⁴ к полному краху.

И таких «специалистов», как Семенчук много еще оставалось в стране – гражданская война и период военного коммунизма закончились совсем недавно.

Процесс не остался незамеченным. Он бурно обсуждался в печати. Вышедший по следам процесса свежий номер журнала «Советская Арктика»⁵ опубликовал большую редакторскую статью, в которой автор потребовал больше бдительности, осмотрительности при подборе людей, особенно командного состава наших зимовок. «Не забудем, – писал автор, – что наши зимовщики работают в особых, специфических, трудных условиях. До окончания зимовки смена работников, оказавшихся негодными, затруднена и нередко вовсе исключена. От качества подбора кадров и, в особенности, руководителей, зависит успех. Нам следует требовать не только выполнения собственного плана работы, но и ответа за работу с коренным нацио-

⁴ Остров Врангеля находится в Чукотском море, в 140 км от побережья Чукотки.

⁵ Советская Арктика. 1936, № 7.

нальным населением Крайнего Севера, ответа за хозяйственно-политический и культурный рост этих народов. Мы еще мало повернули наши организации лицом к национальному населению».

В статье приводились яркие примеры аналогичных явлений, которым журнал дал общее наименование «семенчуковщина», прозвучавшее на судебном процессе. В том числе, были упомянуты два случая, произошедших на Ямале: «Например, переводчик Чупров, работающий на фактории Яроно (Ямальского округа), бывший агент обдорских купцов, проводил заготовку пушнины в 1935 году методом спаивания националов. Одновременно он собирал у туземцев личные долги, оставшиеся за ними с дореволюционных лет. Второй пример: заведующий факторией Полуи Овсянников грубо обращался с националами, вследствие чего последние стали избегать фактории».

«Со всеми этими фактами великодержавнического отношения к туземцам, – заявлял автор статьи, – мы должны вести решительную борьбу, жестоко карая всяких потенциальных Семенчуков и Старцевых».

«В состоянии административного восторга...»

А вот теперь вернемся на Ямал, где в начальнических кабинетах вдруг громовым колоколом прозвучало имя Семенчука, буквально только что потрясшее всю страну. Поэтому и реакция на него была быстрой и жесткой. Что же произошло в Гыдоямо?

Результаты расследования событий содержатся в материалах уголовного дела, возбужденного и расследованного прокуратурой Ямало-Ненецкого округа⁶.

⁶ ГА ЯНАО, фонд 75, опись 1

Современная Гында

На этот раз, как было установлено приговором суда, носителями «семенчуковщины» стали начальник зимовки Громов и помполит Горшков.

Зимовщики, надо сказать, попали в Гыдоямо в исключительно сложную обстановку. Плотники, завезенные сюда, до ухода каравана не успели выполнить и половины строительных работ. Чтобы выйти из положения, руководители зимовки направили на стройку всех рыбаков. Но как направили? Действовали угрозами, запугиванием, голым администрированием, штрафами. Особенно отличился заведующий обработкой рыбы Клочков. Как показали свидетели, в разговорах с рабочими Клочков признавал только язык оскорблений и запугиваний.

Между тем, обстановка обязывала руководителей к совершенно иному тону. Рыбаки вербовались на сезонный лов. Но оказалось, что промыслы к их приезду не были подготовлены, сетематериалов не хватало, лодки отсутствовали. Осенью и тем более зимой, люди вынужденно бездействовали и ничего не зарабатывали. Начали голодать.

Обстановка взвинчивала нервы, порождала недовольство. А что делали Громов и Горшков? Они присоединили свой административный голос к окрикам и угрозам Клочкова. Уже в начале зимы они начали угрожать рабочим: «Выбросим в тундру, чумов там на всех хватит». На этом руководители зимовки не остановились – отменили свободную торговлю с местным населением и рыбаками и распорядились отпускать товар только по специальным запискам «начальства». То есть люди по существу остались без питания, были обречены на голодную смерть.

В приговоре сказано, что Громов и Горшков действовали, находясь «в состоянии административного восторга». Видимо, именно в таком «восторге» от своей находчивости Громов придумал штрафы, которые вошли в систему. Штрафовали за всё: за неосторожно сказанное слово, за пререкания и так далее. Понимая сомнительность своих действий, Громов сделал попытку легализовать штрафы: через общее собрание он буквально продавил (угрозами) решение о предоставлении начальнику зимовки права штрафовать виновных в правонарушениях суммами до 300 рублей.

Зимой материальные трудности усугубились вынужденным бездействием зимовщиков и полным отрывом их от мира, так как вышла из строя рация. Надо было поднять настроение рабочих, организовать среди них какие-то работы. Ничего подобного сделано не было. Трудовая дисциплина на зимовке окончательно развалилась. Помполит Горшков, увлеченный фотографированием (интересно, сохранились ли фотографии?) и методичным уничтожением запасов спирта, не замечал этого развала. А когда руководители, наконец, занялись этой стороной дела, работа от их внимания отнюдь не выиграла. Громов начал с того, что установил режим дня для зимовщиков: специальным приказом жестко определил время подъема и отхода ко сну, а также установил обязательную для всех поголовно явку на физзарядку. За неисполнение приказа опять-таки обещал штрафовать. Но ходить строем по команде

Громова зимовщики категорически отказались и заявили, что «не дадут превратить советскую зимовку в Арктике в военнокаторжное поселение времен Аракчеева».

Разгорелись яростные склоки, оскорбления, бурно расцвела клевета. Впереди всех здесь оказался помполит Горшков. Он выдумал нелепые прозвища для недовольных из «некоей западной державы», как называл Горшков полярную станцию на Юрибее, где проживали, специалисты, пытался компрометировать одних, морально давить других.

Однако «обычных» средств воздействия на недовольных оказалось мало. Тогда у Горшкова родилась «необычная» идея: выгнать группу недовольных в тундру. Жертвами были избраны заведующий отделкой на фактории Черный мыс Бакшеев и рабочие Водяных, Утюпин и двое Власовых. Бакшееву приписали попытку в контрреволюционных целях пробить голову приезжему ненцу; приписали (тоже же в контрреволюционных целях) половую распущенность и в тех же целях организацию будто бы массовых попоек.

Фактория Юрибей

Сегодня сложно сказать, имелись ли за обвинениями какие-то реальные факты или их умышленно облыжно оболгали, во всяком случае, развязанная Горшковым травля достигла своего результата. Собрание, спешно созванное Громовым на Черном мысе, единогласно приняло предложение руководителей: выгнать с зимовки недовольных. А вот на партийно-комсомольском собрании в Гыде прозвучали голоса «против». Возражавшие получили бешеный отпор со стороны начальников зимовки, причем Горшков тут же предал гласности перехваченное им письмо жены одного из возражавших, в котором она делилась интимными чувствами к третьему лицу. Зимовщик, получивший неожиданный и подлый удар, не выдержал и, в ночь и в мороз, в одиночку на лыжах отправился из Гыды на Черный мыс, чтобы учинить расправу с «соперником». Только случай спас этого человека от гибели, только случай предотвратил возможное убийство из-за ревности.

26 декабря 1936 года в стужу, холод, полярную ночь пятеро недовольных были погружены на нарты и вывезены с зимовки. Бакшеев перед отправкой подвергся издевательскому обыску. Лишь к началу февраля люди, изгнанные с зимовки, пройдя почти четыреста километров, добрались до Хальмерседе и смогли по радию оповестить о происходящем окружные власти и руководство Главсевморпути.

Изгнание оппозиционеров не улучшило атмосферу на зимовке, ситуация продолжала ухудшаться. Опять потребовались исключительные меры: Громов и Горшков реализовали последнее свое мероприятие: принудительно вывезли из Юрибея на Черный мыс очередного недовольного – Жетикова.

Вскоре, в конце февраля 1937 года, через пять месяцев после начала экспедиции, в Гыдомямо экстренно прилетели с проверкой уполномоченный представитель Ямало-Ненецкого окружкома партии и окрисполкома Сафронов и прокурор Ямало-Ненецкого округа С.Г. Сахно. Явление столь высокопоставленных чиновников на полярную станцию – случай не-

Прокурор Ямало-Ненецкого округа Семен Григорьевич Сахно в рабочем кабинете в г.Обдорске

бывалый, но и ситуация на зимовке могла, с учетом недавних событий на острове Врангеля, сдетонировать самым непредсказуемым и неприятным для окружных властей образом.

Прокурор округа сам лично возбудил уголовное дело и провел первые следственные действия прямо там же, на полярной станции. Громов, Горшков и Клочков были отстранены от должностей. В отношении них прокуратура возбудила уголовное дело по части 2 статьи 110 УК РФ⁷. Все они обвинялись в превышении власти, результатом чего явились развал работ на зимовке и вся масса допущенных безобразий.

Позже, летом 1937 года, в Салехарде состоялся суд, который признал обвиняемых виновными и назначил Громову и Горшкову по 10 лет лишения свободы. Клочков получил 5 лет лишения свободы.

⁷ Ст. 110 УК РСФСР 1926 года – превышение власти или служебных полномочий, то есть совершение действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных законом совершавшему их, при наличии признаков, предусмотренных в предыдущей статье, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев. Если же превышение власти или полномочий сопровождалось сверх того насилием, применением оружия или мучительными и оскорбляющими личное достоинство потерпевшего действиями, – ту же меру с повышением в исключительных случаях вплоть до расстрела.

Управление Главсевморпути тоже быстро и активно отреагировало на происшествие, заменив руководство зимовки, а полярная станция в Юрибее пополнившись новыми специалистами и продолжила свою работу.

После громких событий в Арктике 30-х годов прошлого века происшествий подобного масштаба и значения более не было замечено, хотя, конечно, изжить «семенчуковщину» удалось не сразу. И до сих пор проблемы психологической совместности людей, оказавшихся в экстремальной ситуации, в условиях длительной изоляции, по-прежнему актуальны, насущны и являются предметом серьезного научного исследования.

Сегодня в высоких широтах важно не просто выжить, а трансформировать Арктику, сделать арктическое пространство более комфортабельным для жизни. Арктика уже не предстает некоей граничной зоной обряда и перехода, суровый северный климат – это не испытание силы характера в борьбе с природой, а обитатели Арктики не каста особенных людей. Север из места самоопределения человека превратился в место его текущей производственной деятельности, в место самореализации и реализации творческих планов. Изменился и характер борьбы: сегодня это борьба за творческие мечты, за бизнес-проекты. Таким образом, героизм исследователей и романтика открытия новых земель заменяются героической деятельностью человека, преобразующего «белые пятна» и расширяющего пределы биосферы.

Танцы со смертью

С Большой землей затерянный в горах поселок, расположенный на сто десятом километре, связывала лишь железная дорога (поезд сюда приходил дважды в сутки) и экспедиционная радиостанция. В экстренном случае до ближайшего населенного пункта – Харпа можно было добраться на вездеходе.

Но горы, бездорожье и туманы делали этот способ малопригодным для пассажирских перевозок в силу его экстремальности. А вот для следственно-оперативной группы вездеход стал единственно возможным способом быстро попасть на место происшествия.

– Господи, я думала, помру, не доеду! Нет, назад – только на поезде! – Света Маслова, следователь Лабытнангской городской прокуратуры, охая, с трудом вылезла из пропахшего соляркой вездеходного чрева. – Как я теперь на работе покажусь, вся в синяках? А людей как буду допрашивать в таком виде?

Света была начинающим следователем. Для нее, выпускницы юрфака Омского государственного университета, это было первое дело, и относилась она к нему со всей серьезностью.

– Света, здесь полпоселка ходит в синяках, так что ты на их фоне не будешь выделяться, – «успокоил» ее Анатолий Павлович Дубасов, один из опытейших лабытнангских оперативников уголовного розыска. – Не веришь? Вон, спроси у Попкова.

Участковым старшина Попков был назначен недавно и еще не совсем уверенно чувствовал себя в этой должности. Его стихией была дорога – всю жизнь Попков проработал в ГАИ, его боялись и уважали все лабытнангские водители.

– Ну надо ж такому случиться, – досадовал Попков, – всю неделю было спокойно. Решил в первый раз за месяц на выходные съездить в Лабытнанги, и на тебе – устроили Кампучию.

Был сентябрь 1986 года. Осенняя тундра еще пламенела хохломской росписью, а здесь, в горах, уже выпал первый снег. В Полярный опергруппа приехала ранним утром. Улицы перепуганного ночными событиями поселка были пусты и окутаны сметанными слоями холодного тумана, слегка подсвеченного первыми лучами восходящего солнца. Гулко протарахтев мимо спящих домов, вездеход остановился возле опорного пункта милиции. У крыльца одиноко топтался встречавший нас главный геофизик экспедиции⁸.

⁸ Имена и фамилии некоторых участников событий изменены.

Освещаемая утренним солнцем горная долина была тиха. Только шелест листьев и шум реки на перекатах. Впереди,

Сто десятый километр – географическая граница Европы и Азии, отмеченная полосатой стелой с облезлым каменным глобусом наверху

ниже железнодорожного полотна, отгороженная от мира людей решетками снегозаградительных щитов, искрилась на перекатах быстрая Сось. Справа голубела водная гладь другой реки – Пайпудыны, огибавшей долину с севера. Здесь, на границе Европы и Азии, жили работники Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции (ПУГРЭ). Поселок населяло чуть больше тысячи человек. Аккуратный такой, компактный поселочек. Он активно строился, здесь кипела жизнь, были школа, поликлиника, детский сад, жилые двухэтажные деревянные дома, Дом культуры...

– Я же перед отъездом обошел все общежития и балки.

Предупреждал ведь, чтобы в субботу дискотеку не проводили, – страдал Попков.

– Именно в субботу? – уточнил Николай Салмонов, начальник местного уголовного розыска.

– Здесь реализация спиртного ограничена. Продают лишь по субботам, – пояснил Попков. – А в минувшую пятницу строителям должны были аванс выдать.

– Ага, судя по последствиям, пропили работяги весь аванс. Повезло магазину, – констатировал следователь Лабытнангского ГОВД Иван Байдюк, которого включили в состав опергруппы как наиболее опытного специалиста.

– Магазину да, а Попкову – нет, – глубокомысленно заметил Салмонов, поправляя криво завязанный галстук цвета молодого крокодила.

– Всё, приступаем к работе, – распорядился Байдюк. – Начнем с осмотра места происшествия. Потом Салмонов с командой займутся установлением свидетелей и очевидцев, а мы со Светланой Ивановной пообщаемся с подозреваемым. Владимир Иванович, – обратился Байдюк к эксперту-криминалисту Кондратьеву, – думаю, тебе задачу объяснять не надо, ты у нас самый опытный, сам знаешь, что делать. Ну что, Александр Васильевич, где ваш клуб? – окликнул он молча стоявшего поблизости главного геофизика ПУГРЭ. – Показывайте. И кстати, где наш убивец?

– Клуб там, – махнул рукой геофизик. Тонкие белые полосы снега и серо-голубые стены двухэтажных жилых домов хорошо оттеняли темное здание клуба, стоящее метрах в трехстах от железнодорожной станции. – А Миусков, ну то есть убийца, здесь, в опорном пункте. Охраняют его наши дружинники.

– Теперь Попков будет охранять. А вы сами-то вчера в клубе были? – поинтересовался Салмонов.

– Я дежурил в ДНД.⁹ Был у себя в кабинете в конторе ПУГРЭ. Примерно часов в десять – в начале одиннадцатого в контору прибежала завклубом Степанова, сказала, что в клубе порезали людей. Я тут же позвонил в больницу и с дружинниками пошел в клуб. Но там уже всё закончилось. Мы нашли Миускова дома у Лары Линько – он с ней живет.

– Он сопротивлялся? – спросила Маслова.

– Нет. Пьяный он был, плакал. Мы отвели его в опорный пункт. Оказали ему медицинскую помощь: у него левая рука была разрезана. Он рану изолянтной замотал. Знаете, у нас в поселке за последние год-два ситуация ухудшилась. Контингент неблагополучный. Шлют-то ведь кого попало...

⁹ ДНД – добровольная народная дружина.

Клуб – поселковый Дом культуры был большим деревянным, двухэтажным зданием с навесом над входом и цветным транспарантом на фасаде между этажами, изображавшем ряд комсомольских значков. Узкий короб теплотрассы шел от клуба в сторону расположенного напротив жилого многоквартирного дома. Слева от клуба за теплотрассой темнели два вагончика-балка. Крыльцо клуба было густо запятнано застывшей кровью. На двери висел большой замок.

Как потом выяснилось, кровавые события в клубе стали лишь развязкой, финалом истории, начавшейся задолго до этого вечера. Серьезные проблемы в относительно спокой-

Поселок Полярный. 1980-е годы

ном Полярном начались с активизацией строительства и появлением в поселке производственного участка Ямальского строительного управления (ЯСУ), головной офис которого был расположен в Лабытнангах. Приехавшие строители оказались народом разношерстным и разновозрастным, со всех концов Советского Союза. Там были вполне приличные люди и «бичи»,

семейные и одинокие, ранее судимые и ищущие лучшей доли, заброшенные судьбой в этот медвежий угол.

Основной проблемой была оторванность поселка, его фактическая изолированность. Заняться в затерянном в горах поселке было нечем, и свободное время строители стали заполнять выпивкой. Начались пьяные разборки, бытовые конфликты, закончившиеся большой кровью, событием, повергшим в шок всё местное население, немалая часть которого оказалась если не участниками, то невольными свидетелями случившегося.

Директором ДК оказалась женщина лет сорока с небольшим. Она зябко куталась в модное клетчатое пальто.

– Так и не смогла сегодня заснуть. До сих пор трясет, – жаловалась она, сдерживая нервную дрожь в пальцах и пытаясь попасть ключом в замочную скважину.

– Значит, вы тут главный организатор досуга? – поинтересовался Салмонов.

– Я директор, – уточнила она, с сомнением глядя на его луково-зеленый галстук. – Танцы вчера организовывал Слава Пушкарь. Он магнитофон принес. И записи.

– А вы разрешили?

– Да, я разрешила. Слава хороший парень, непьющий. Музыку любит.

– Неля Георгиевна, а вы знаете, что он ранее судимый? – вмешался в разговор Дубасов.

– Знаю. Он сам рассказывал. Это Пушкарь вчера остановил резню и отобрал у Миускова нож. Боже, как страшно было! И сейчас входить туда страшно. Они же там всё еще лежат...

– Что вы видели? – спросил Байдюк.

– Почти ничего. Освещение же было погашено, полумрак. Меня кто-то схватил за плечо и развернул. Гляжу – Миусков. Махнул ножом, едва не задев меня. Я вскрикнула и отскочила. Не помню, как оказалась на сцене. Меня колотило, всё было как в тумане. Что-то кричала со сцены. Потом меня вывели из клуба, и я побежала в контору ПУГРЭ за помощью.

Клубы все строятся по типовым проектам, и этот не был исключением. Небольшой узкий вестибюль, просторный зал и вытянутые справа вдоль него два смежных фойе. Первое фойе – пустое, не считая валяющейся на полу сине-голубой импортной болоньевой куртки, во втором – перевернутый большой теннисный стол, два кресла, какие-то плакаты, прислоненные к стене. Теннисная комната заканчивалась подсобкой с пожарным выходом, на стеллажах которой хранились музыкальные инструменты. И везде много крови – пятна, полосы, брызги, возле теннисного стола целые лужи застывшей крови. В подсобке, в самом углу на нижней полке стеллажа, лежало орудие преступления – густо заляпанный кровью огромный хирургический клинок.

– Ничего себе скальпель! – удивился Байдюк. – Коса натуральная.

– Это называется ампутационный нож, – пояснил подошедший Кондратьев, эксперт-криминалист. Замерив рулеткой длину клинка, он сообщил: – Тридцать сантиметров!

*Следственно-оперативная группа (слева направо):
А.П. Дубасов, И.Г. Байдюк, С.И. Маслова.
Полярный Урал, 7 сентября 1986 г.*

– Неля Георгиевна! Подойдите, пожалуйста, взгляните – это тот самый нож? – подозвала заведующую Маслова.

– Вот это да! – обомлела Степанова. – Он же меня насквозь проткнуть мог! – она вдруг опустилась на пол и заплакала.

Можно не почувствовать присутствие в помещении живых, но наличие покойника ощущается сразу. На подсознательном уровне. Это даже не шестое, а какое-то девятое чувство – ощущение смерти. Мистика это или профессиональное качество следователя, но, даже не зная заранее, я всегда чувствую, есть ли в доме покойник. Воздух в таком помещении сразу мертвеет, становится холодным и неживым – кажется, что всякая жизнь там замирает, смолкает, что она вдруг вытекла вся через мертвое тело, ставшее дверью в потусторонний мир. И пока тело умершего не захоронено, дверь остается открытой, и пронизывающий холод того мира ощущается живыми.

Пока эксперт осматривал нож, Маслова и Попков прошли в зрительный зал. Обычный зал поселкового клуба: на сцене акустические колонки, пианино. Соединенные в ряды ячейки кресел на металлических ножках, с сиденьями и спинками, обтянутыми грубым темно-синим кожзаменителем. Несколько рядов были повалены и перевернуты. Взгляд сначала зацепился за разорванную голубую футболку, валявшуюся в луже крови. Еще одна футболка, сине-красная, была брошена на кресле, рядом замер чей-то свитер. И два мертвых окоченевших тела, от которых явственно тянуло каким-то потусторонним холодом, ощущаемым даже на расстоянии.

– Это Лысов, – Попков показал на полулежа застывшее в кресле тело мужчины с обнаженным торсом. – А вон тот – Агафонов.

Второй убитый, молодой парень в синих джинсах и распахнутой красной рубашке, лежал на полу недалеко от выхода в фойе.

– А третий где?

– Бортай? В медпункте. Говорят, его пытались спасти, перенесли туда. Там и умер.

– Светлана Ивановна, – это вошел в зал Байдюк. – Ну что, давай начнем осмотр? Не будем время терять. Через несколько часов поезд придет – начальство пожалует, а докладывать пока нечего...

Иван Григорьевич не зря волновался о результате. События в Полярном вызвали переполох в Лабытнангах и Салехарде. Происшествие в Полярном стало предметом бурного обсуждения на экстренном заседании Лабытнангского горисполкома, а также на спешно собранном внеочередном заседании бюро Салехардского горкома партии. Прокурор округа взял расследование данного дела под личный контроль. Все окружные партийные и советские органы также нетерпеливо ожидали результатов следствия. Формированием следственно-оперативной группы занимался лично Поляков, прокурор города Лабытнанги, подбирая в нее самых лучших специалистов. Отправив группу ночью, на вездеходе, сам он вместе с Казанцевым, начальником Лабытнангской милиции, выехал в Полярный утром на поезде.

К вечеру картина событий прошедшей ночи стала проясняться. Росла гора протоколов и упаковок с изъятыми предметами. Допросы шли почти без перерыва. Люди приходили, уходили: мужчины и женщины, мрачные и заплаканные, настороженные и не проспавшиеся. Допрос убийцы проходил тяжело. Миусков сидел сторбившись, поддерживая правой рукой перебинтованную левую. Его явно мучило похмелье. Вся одежда его (рубашка, брюки на подтяжках) была покрыта засохшей кровью. Кучерявые волосы слиплись от крови. Сначала он неохотно отвечал на вопросы, жалуясь на головную боль и повторяя, что никого убивать не хотел и не помнит, как всё произошло.

– Я не собирался драться, – говорил он, глядя в пол. – Я хотел выяснить у Бортая, зачем он меня обозвал.

– Миусков, у вас травмы головы раньше были? – поинтересовался присутствовавший на допросе Поляков.

– Была травма в 15 лет. Я тогда жил в Нарве, меня ударили в висок обломком палки. Я нервный, поэтому болею псориазом. После выпивки бываю раздражителен.

– Какие у вас были отношения с потерпевшим Бортаем? – задал вопрос Байдюк.

– Плохие. Были конфликты и ссоры. Его кто-то избил в клубе, а он пришел ко мне разбираться. В другой раз, месяц назад, Бортай обматерил меня и обозвал козлом за то, что я помешал ему избить знакомого, разняв дерущихся.

– А вчера из-за чего с ним поссорились?

– Ну, я зашел в балок к Коле, электрику из ПУГРЭ, поздравить с днем рождения. Там было много народу. И Бортай тоже. Мне показалось, что разговор обо мне. Я поинтересовался, не обо мне ли речь. А Бортай в ответ стал обзывать меня овцой и начал всех выгонять из балка, угрожая всех перестрелять, а меня в первую очередь, – Миусков помолчал. – Дальше помню смутно, фрагментами, как в тумане. Меня расстреляют, да?

– Это не нам решать. Суду. Но должен вас предупредить, – Поляков открыл и положил перед Миусковым книжку Уголовного кодекса, – что санкция статьи 102, устанавливающей ответственность за убийство двух и более лиц, предусматривает в качестве одного из наказаний смертную казнь.

– А скольких я убил?

– А вы не помните?

– Мне сказали, что я Бортая убил и кого-то еще порезал.

– Трех. И еще троих ранил – в больнице они. Что у вас с рукой?

– В клубе, на крыльце, меня кто-то ударил чем-то острым. Не видел, кто. Мне дадут переодеться и помыться? – он вопросительно посмотрел на Маслову.

– После того, как возьмут образцы на экспертизу... Господи, о чем вы думали-то, когда творили такое! – воскликнула она.

– Ни о чем я не думал. Злость была и обида. Лиц и людей я не помню. Передо мной была лишь сплошная стена из каких-то людей, с отдельными кусками: красный костюм, борода...

– Вы женаты?

– Был, когда жил в Нарве. Потом уехал на Север, на заработки, а жена не стала ждать и подала на развод. Сейчас живу с Ларой Линько, она медсестра. Она ко мне хорошо относится, – Миусков вздохнул. – Людей жалко невинных. Не хотел их убивать, они случайно под руку попались. А Бортай – гад и сволочь!

Расследование уголовного дела нередко, вскрывая искорженные пласты человеческих взаимоотношений, наболевших, набухших гноем ненависти, пропитанных нетерпимостью и непониманием, ставит человека, как перед зеркалом, перед самим собой во всей грязи и позорности своих поступков. И если сохранилось в нем хоть что-то человеческое, то может наступить очищение и раскаяние, катарсис, а значит, для него еще не всё в этой жизни потеряно, и он не потерян для людей. А если в душе преступника, нарушившего законы человеческие, царит ад, и ад горит в сердце его, то жизнь окружающих людей он всегда будет превращать в сплошной непрекращающийся кошмар, а всякое наказание для него (кроме смерти) будет лишь отсрочкой, вынужденным перерывом, за которым следует очередная адская вспышка.

Здесь, в замкнутом пространстве маленького поселка, личный ад Миускова опрокинулся в бездну личного ада Бортая – болезненное самолюбие одного, бесконечно и безуспешно пытающегося самоутвердиться в глазах окружающих, столкнулось с авторитарностью и блатными амбициями другого. И произошел взрыв, уничтоживший как самих носителей взрывоопасного содержимого, так и окружающих их людей.

Не бывает людей одноцветных. В человеческом характере всегда намешано много всего, и далеко не всегда удается уви-

деть и узнать все грани человеческой личности. Кому-то человек открывается лишь с хорошей стороны, а у других он же вызывает стойкую неприязнь.

Борис Бортай, судя по показаниям его знакомых, был человеком жестким, прямолинейным, нетерпимым к тем, кого считал слюнтяями и захребетниками. Кое-кто отзывался о Бортае как о справедливом и честном человеке, но большинство поселковых считали его хулиганом и драчуном. Бортай не скрывал того, что был дважды судим в несовершеннолетнем возрасте, гордился этим: любил показывать наколотую на груди татуировку в виде свастики – лагерный символ жестокости, дерзости, отрицательного отношения к любой власти. И на самом деле, он не терпел возражений, мог ударить, слабых подчинял себе, гордился своей силой, даже культивировал ее. Бортай презирал Миускова, который, по его словам, «только и занят тем, что ходит по гостям без приглашения, чтобы выпить на халяву».

Но пьяницей тот не был. «Нет, – качал головой Михаил Владимирович, прораб участка ЯСУ, где работал Миусков. – Он выпивал, но не злоупотреблял. Миусков хитрый и лживый. Ленивый. Работать не любил. Всегда искал причины и поводы не работать. Как плотник он практически не работал. Всё время приносил разные справки о своих болезнях: то у него рука болит, то зубы, то голова, а то прикрывался донорством. А вообще – спортивный парень. Играл в футбол». Все отмечали вспыльчивость и обидчивость Миускова. Причем, как вспоминали его знакомые, обид он никогда и никому не прощал, был мстителен, злопамятен. Может быть, поэтому с ним никто близко не дружил? «Он жалел голубей и вступался за слабых», – рассказывала позже его мать, Серафима Тимофеевна. «Миусков любил справедливость, – утверждал один из его знакомых. – Он меня спас. На Бованенково меня убивали, и он бросился один на толпу, в мою защиту». И это тоже было в его характере: он вмешивался во все драки, разнимая драчунов.

А еще он любил ножи. Многие отмечали у Миускова страсть к ножам. «Я знала, что этим всё кончится, – горько говорила потом Лара Линько, – потому что он всегда пьяный хватался за нож». Действительно, с ножом Миусков не расставался никогда, ему нравилось демонстрировать окружающим свое умение обращаться с ним. Однажды он показал свои способности Бортая, чем поразил его: плотно прижав ладонь к столу, Миусков резкими быстрыми движениями обрисовывал кисть ножевыми ударами, постепенно наращивая скорость. Лезвие стремительно вонзалось между растопыренными пальцами, едва не задевая их. При этом направление ударов и рисунок движения ножа постоянно менялись, сплетались в затейливую вязь. Наконец, лезвие, остро сверкнув в мелькающих пальцах, взлетело и исчезло из поля зрения. Через секунду оно вдруг страшно вдавилось в шею Бортая вблизи пульсирующей яремной вены, едва не распоров тонкую кожу. Тогда Бортай лишь рассмеялся, но с тех пор близко к себе Миускова не подпускал.

Неприянь у этих двоих была взаимная и долгая. Бортай относился к Миускову свысока, презрительно, с оскорбительной для того иронией. Мнительный Миусков постоянно и напряженно вслушивался в разговоры Бортая, ожидая, не прозвучат ли оскорбления, и бурно реагировал даже на безобидные шутки. Свидетели этих стычек вспоминали, что после одной из них Миусков объявил, что за нанесенное оскорбление Бортай теперь будет для него врагом номер один. Тот очень серьезно ответил, что запомнит это.

Первая стычка Миускова с Бортаем в тот сентябрьский вечер произошла на дне рождения у Николая Машникова. В маленьком вагончике-балке, который на двоих занимали семьи Машникова и Бортая, было тесно, но весело. Кто-то пел под гитару, девушки из стройотряда «Время» танцевали на улице, фотографировались на память. Леся Бортай, хорошо знавшая о взаимоотношениях мужа с Миусковым, вдруг заметила, что

эти двое, сидящие за столом друг напротив друга, – и кто их так усадил? – стали обмениваться взаимными явно неприятными репликами. Затем вдруг оба вскочили. Бортай громко назвал Миускова овцой, тот вспылал. Но присутствующим удалось предотвратить назревавшую драку, силой растащив разъяренных мужчин. Бортая вновь усадили за стол, а Миускова попросили уйти, после чего он, злой и разобиженный, долго шатался под дождем по поселку, а затем пошел в клуб на танцы.

Танцы в этот раз, как и всегда, организовывал Слава Пушкарь, работавший плотником в ПУГРЭ. Он приносил в клуб свой магнитофон, коллекцию записей, подключал усилители, акустические колонки, настраивал светомузыкальную установку. Поскольку других развлечений в поселке не было, на дискотеки, как правило, собиралась вся местная молодежь, зачастую уже подогретая алкоголем. Танцы разрешали проводить под личную ответственность, поэтому Пушкарь старался поддерживать порядок в клубе, гася скандалы, разборки и разнимая драки, что ему удавалось далеко не всегда.

Проблемы возникли уже через полчаса после начала дискотеки. Потанцевав немного с Мариной, командиром студенческого стройотряда, Миусков вышел в фойе, где играли в теннис, и, увидев стоящего там Бортая, немедленно направился к нему. В душе Миускова вскипела слегка притушенная дождем и студенткой Мариной обида за пережитое унижение. После короткой словесной перепалки вспыхнула драка. Бортай ударил Миускова кулаком в нос, схватил его за волосы и, с силой ткнув лицом в теннисный стол, вышвырнул из фойе. Миусков вновь бросился на Бортая и, вцепившись в него, опрокинул на пол. Оседлав Бортая, Миусков попытался нанести ему удар, но тот оказался сильнее. Бортай вывернулся, сел на Миускова и стал бить его головой об пол. На крики прибежал Слава Пушкарь и попытался их разнять. С трудом оторвав Бортая от Миускова, Слава утащил его в подсобку, где хранились музыкальные инструменты. У Бортая была разбита губа. Он вырывался

и кричал: «Соберу шалман и всех на уши поставлю!» Миусков, размазывая кровь и слезы на разбитом лице, орал в ответ: «Погоди! Я тебе сделаю!»

В бешенстве выскочив из клуба, Миусков побежал домой. Отыскал большой хирургический резак, принесенный из больницы Ларой Линько, который та использовала в качестве кухонного ножа, и помчался назад в клуб.

Лара Линько возвращалась с работы домой, когда ей встретился окровавленный Миусков. Он бежал, зажав в руке нож.

– Господи, Лёша! Что с тобой?! Ты ранен? – испуганно вскрикнула она, попытавшись его остановить.

– Уйди, сука! – от удара в лицо Лара отлетела в сторону и плюнулась в грязь. Он, казалось, даже не узнал свою сожительницу, лишь мазнув по ней невидящим, белым от ярости взглядом.

– Лёша, куда ты?! Это же я! Верни-и-ись! – она отчаянно закричала, прижав к груди измазанную в грязи сумку.

В клубе играла музыка, был погашен свет, лишь цветные пятна светомузыки создавали мягкий полумрак. Николай Мурза вышел на крыльцо перекурить, но, увидев Миускова, сразу же рванул обратно.

– Леся! – перекрикивая музыку, позвал он жену Бортая. – Уводи Борьку, там Миусков! С ножом!

– Лёша, не надо, уйди, – загородив дорогу, попытался остановить Миускова Пушкарь.

– Ты, заступник, тоже хочешь получить! Я слов на ветер не бросаю! – Миусков стал тыкать ножом перед собой. – Захочу, всех порежу! – он замахнулся ножом на Пушкаря, и тот едва успел отскочить.

Бортай был там же у теннисного стола, рядом с женой, модный, стильный: джинсы, туфли югославские на белой микропоре, рубашка коричневая с короткими рукавами и погончиками.

– А, вот он ты! Я слов на ветер не бросаю! – Миусков стремительно подошел к нему. – Я козел? Я овца? – и сразу же снизу

вверх ударил Бортая ножом в грудь. И еще дважды. Фонтаном рванула кровь. С криком отскочила Леся. Не успев ничего ответить, Бортай упал, и Миусков несколько раз пнул его, лежащего, истекающего кровью.

Кто-то истерично выкрикнул: «Зарезали Бориса!» Мурза кинулся было к Бортаю, но рядом, выставив перед собой нож и отирая кровь с лица, стоял Миусков.

– Лёша, ты что наделал?! – с ужасом выдавил Мурза, не спуская глаз с ножа.

– Отойди, тебя не трону!

В фойе, едва не столкнувшись с Миусковым, вышел Валерий Агафонов, здешний сантехник.

– А ты чего здесь лазишь? – Миусков свободной рукой сгреб рубаху на груди Агафопова и, дважды ударив его в лицо кулаком с зажатым в нем ножом, отбросил в сторону. Валерий рухнул на теннисный стол, опрокинув его.

Увидев кровь на крыльце, Степанова, заведующая клубом, возмущенно сказала, обращаясь к курившему поблизости Добрышину: «Опять драка!» Ничего не подозревая, она вошла в фойе. В темноте Степанова не сразу поняла, что происходит. Кто-то вдруг схватил ее за плечо и с силой развернул. Она увидела искаженное лицо Миускова и промелькнувший у самых глаз клинок ножа. Оттолкнув онемевшую от ужаса Степанову, Миусков ткнул ножом в шею вошедшему следом за ней Добрышину.

Подвывая от страха, на подгибающихся ногах Степанова выбежала на сцену. От волнения она не могла говорить.

– Помогите! Спасите! – наконец собравшись с силами, завопила она, заглушая музыку. – Меня чуть не зарезали! Включите свет! Он с ножом!

– Господи, там бойня! – в клубе началась паника. Все кинулись в вестибюль.

Николай Русских пытался остановить убежавших, кричал:

– Ребята, куда вы бежите, парня надо успокоить!

В это время в зал, громко матерясь, ворвался Миусков. Быстро прошелся по рядам, словно кого-то выискивая. Подбежал к стоящему Лысову и молча воткнул в него нож. Затем развернулся к Тонкаеву и снова взмахнул ножом. Удар, пришедшийся в руку, которой Тонкаев успел прикрыться, был такой силы, что клинок пробил руку насквозь и задел грудь. Навстречу Миускову, отирая кровь с разбитого лица, встал Агафонов, видимо намереваясь его остановить, но тот сразу вогнал нож ему в грудь, и Агафонов осел, согнувшись, захрипел.

– Всех вас, козлов, перережу! – бешено орал Миусков, крутясь на месте. Гремела музыка, мелькали цветочные пятна, сверкал нож, и движения Миускова напоминали жуткую дикарскую пляску. Заметив, что Пушкарь собирается открыть рубильник и включить освещение, Миусков кинулся к нему.

– Стой! Отойти от рубильника! – Миусков, угрожая, направил нож на Пушкаря. Голос его срывался, его трясло. Слава испуганно отпрыгнул в сторону.

– Я сделал то, что хотел! Вы все пацаны и ничего не можете! Мне всё равно не жить! Я знаю, что делаю! – Миусков вдруг ударил себя ножом в левую ладонь, затем резанул по венам. Брызнула кровь. Он был как загнанный зверь, пена летела изо рта, он рыдал и рычал.

Где-то внутри клуба грохнули запоры – открыли запасной выход, через который побежали люди. Девушки кинулись за врачом, кто-то пошел за дружинниками в ПУГРЭ, другие – на радиостанцию, откуда можно было сообщить о случившемся в милицию.

Миусков выскочил в фойе и закружился как обезумевший, выставив перед собой нож. В дверях, не решаясь подойти к нему, столпились парни. На полу у стены предсмертно хрипел Бортай. Размазывая кровавые лужи, ползала по полу воющая Леся. Сергей Дуганов трясущимися руками оторвал кусок полы модной рубахи Бориса и зажал ему рану, пытаясь остановить кровь, бьющую тугим фонтанчиком из груди.

– Ну, подходи! Кто следующий? – Миусков метался по фойе, размахивая ножом. Кровь хлестала струей из его руки, разбрызгивалась и стекала вниз.

– Лёха, брось нож, успокойся! – Пушкарь не оставлял попыток остановить резню.

Видя, что к Миускову невозможно подойти, и намереваясь выбить нож, Ребров с Калачёвым подняли ряд из трех кресел и бросили в него. Кресла с грохотом упали. Миусков отпрыгнул в сторону. Потом вдруг вытянул руку и разжал пальцы – хищно сверкнув, нож пираньей скользнул вниз и вонзился в пол.

– Вот он я! Бейте, убивайте! – Миусков повернулся и пошел на выход, зажимая раненую руку.

Вслед за ним кинулся бригадир Прохоров:

– Я отведу его домой!

Наконец включили свет и выключили магнитофон. Прибежали врачи с носилками. Раненых унесли в медпункт. Агафонов и Лысов были мертвы, поэтому их тела оставили в зале до приезда милиции. Бортай был еще жив, но без сознания. Его тоже унесли в медпункт, в сопровождении содрогавшейся от рыданий Леси, но спасти его не удалось.

Лара Линько была дома, укладывала спать ребенка. Ночник слабо освещал скупо обставленную, но чистую однокомнатную квартиру. На кухне Лара вскрыла упаковку реланиума, проглотила несколько таблеток, запила их ледяной водой из ведра, стоявшего на столе. Через несколько минут она успокоилась, тревожные дневные события сразу отодвинулись вглубь сознания, затуманились, движения ее замедлились.

Внезапно хлопнула входная дверь, вспыхнул свет. Увидев дрожащего, мокрого от крови Миускова, Лара лишь устало вздохнула и опустила на стул.

– Забери его и останови кровь. Он людей зарезал, – Прохоров осторожно подвел Миускова к Ларе.

– Не я первый начал резать! – встрепенулся Миусков. – Меня били всей кучей! И сейчас придут убивать!

– Тише. Ребенок спит, – вяло шикнула на него Лара.

После ухода Прохорова она заперла дверь, сунула под нос едва державшемуся на ногах Миускову ватку с нашатырем.

Вскоре на лестничной площадке послышался топот ног и громкие голоса. Кто-то сказал: «Он живет на втором этаже». Потом снова топот ног и стук в дверь.

– Лара, это я, Мурза, открой!

– Уходи, Николай! Я его не отдам! Вы его убьете!

– Лара, открой. Здесь дружинники, – Мурза всхлипнул. – Лара, Лёшка людей убил!

В подъезде раздался шум, потом грохнул сотрясший квартиру удар и дверь распахнулась, вылетел выломанный замок. Ворвавшиеся геологи увидели Миускова, который стоял на пороге комнаты в луже натекшей с него крови. В руке он держал, выставив перед собой, пилу-ножовку.

– Ну, подходи, кто смелый!

– Лёха, перестань. Ну хватит уже крови, – Мурза, подняв руки, медленно приближался к нему. – Ты убил Борьку!

– Я не хотел никого убивать! – Миусков бросил ножовку. – Меня расстреляют. Дайте водки, и я сдамся.

Они сели на пол и заплакали.

– За что ты убил других? – дрожащим голосом спрашивал Мурза.

Миусков всхлипывал, ничего не отвечая. Он отхлебнул прямо из горлышка принесенной кем-то бутылки водки и вышел из квартиры, сопровождаемый Мурзой и дружинниками.

Лара, комкая в руке тюлевую занавеску, долго смотрела в окно на удаляющуюся высокую сторбленную фигуру Миускова, затем осмотрела спящего ребенка, которого не потревожили ни шум выбитой двери, ни крики мужиков, и снова достала таблетки...

Расследование событий в Полярном продолжалось целый год. Поселок раскололся надвое. Одни были на стороне Бортая, готовые растерзать убийцу. Другие, наоборот, жалели Миускова, считая, что его действия были спровоцированы Бортаем. На имя прокурора автономного округа от жителей Полярного пришли два письма. И то, и другое были подписаны десятками человек, но в одном из них содержалось ходатайство о помиловании Миускова, а в другом – требование его расстрела. Подписи в защиту Миускова собирала Лара Линько. Она любила и жалела своего непутевого сожителя. Ходила по квартирам, организациям, показывала написанный ею текст, уговаривала, плакала. Расстрела требовали родственники убитых и раненых Миусковым людей, участники и очевидцы ночных событий в клубе.

– Вот, смотри, – Поляков пододвинул Масловой тонкую стопку листов. – Прокуратура Нарвы выполнила наше отдельное поручение, допросила его мать и бывшую жену. Оказывается, у Миускова уже были в жизни похожие случаи. Впрочем, ты же читала заключение психиатрической экспертизы, там четко было сказано, что он психопат, расшатанная нервная система, легковозбудим.

– Но при этом вменяем, – напомнила Маслова. – Удивительно, что он раньше ничего не натворил с таким характером.

– Натворил. Причем, почти то же самое. Но каким-то чудом отвертелся, – заметил Поляков. – Ты почитай протоколы.

Тамошние следователи выяснили, что в 1983 году в Нарве на Миускова напали вечером неизвестные. Он отбилсЯ, пришел домой, взял нож и пошел искать нападавших. Долго искал, нашел и ударил предполагаемого обидчика ножом. Правда, впоследствии оказалось, что он ошибся, пытаясь убить совсем другого, невиновного человека. Но уголовное дело почему-то прекратили, направив материалы на рассмотрение товарищеского суда.

Бывшая жена Миускова утверждала, что у него были попытки суицида. «Один раз после нашей ссоры, – рассказывала она следователю, – Миусков хотел броситься под поезд. Резал себе руки, когда я слишком долго (по его мнению) раздумывала над его предложением замужества».

– Странная аргументация, – пожала плечами Маслова, прочитав постановление о прекращении уголовного дела. – Вот бы само архивное дело истребовать. Что-то там нечисто, в этом деле.

– Поздно. Да и незачем. Лучше подготовь дело Миускова для передачи в окружную прокуратуру. Заканчивать расследование будут они.

– Почему? – удивилась Маслова. – Владимир Александрович, я же почти всё сделала. Осталось только Бурдейного и Карапетяна допросить и обвинительное заключение составить.

– По указанию прокурора округа, – буркнул Поляков. – Дело принимает к своему производству Зильберблюм¹⁰.

– Как вы думаете, его расстреляют?

– Миускова? – Поляков помолчал. – Санкция статьи предусматривает применение смертной казни. Государственный обвинитель в любом случае будет требовать расстрела в качестве наказания. Да и суд всё равно будет рассматривать смертную казнь как вариант.

– Владимир Александрович, а как вы относитесь к смертной казни?

– Света, в общем и целом, я противник смертной казни. И, я убежден в этом, когда-нибудь ее отменят. Но в настоящее время она нужна. Нельзя сегодня без нее. К сожалению.

– Но люди ведь, зная о ней, всё равно идут на преступления, не боятся ее. Значит, она не выполняет своей функции.

¹⁰ Мирча Георгиевич Бурдейный – в 1986 году начальник Лабытнангского ОРСа геологов.

Карапетян – в 1986 году начальник Ямальского строительного управления.

Борис Яковлевич Зильберблюм – старший помощник прокурора ЯНАО с 1984 по 1989 г.

– Ты ошибаешься, у смертной казни совсем другая функция. А устрашение – это лишь побочный эффект. Она предназначена, прежде всего, для освобождения общества от социально опасных лиц, представляющих реальную угрозу обществу и жизни граждан. Иногда, Света, сохранить жизнь преступнику – значит фактически подписать смертный приговор всем его будущим жертвам. То есть государство казнит одного, для того чтобы сберечь жизни многих. Это гуманно. Не согласна?

– Не знаю. Мне жалко Миускова.

– Ты уверена, что, выйдя через 15 лет на свободу, он снова не схватится за нож и не убьет очередного обидчика?

– Не уверена.

– А если под его нож, не дай Бог, попадет кто-то из твоих близких? Ты готова выпустить убийцу на свободу? А ведь он будет убивать. Он уже выбрал для себя способ решения проблемы и не единожды его использовал.

– Всё равно сомневаюсь.

– Сомневайся. Это нормально: самоуверенность – плохая черта для следователя и прокурора. Но оставь сомнения лишь для внутреннего пользования, в суде люди должны видеть уверенного в своей правоте прокурора, с основанной на законе, четко обозначенной и мотивированной позицией. Задача прокурора – ориентировать суд на вынесение законного и справедливого приговора на основе имеющихся доказательств. Суду и без того будет сложно, а нервничающий и сомневающийся прокурор лишь окончательно всё запутает и развалит...

Суд над Миусковым состоялся 3 ноября 1987 года в поселке Полярном, в том самом клубе, где и произошли кровавые события. Выездное заседание окружного суда проходило при переполненном зале. Василий Иванович Авличев, председательствовавший в судебном заседании, судья дотошный, соvestливый, потом рассказывал, как ему тяжело далось принятие решения о применении к Миускову смертной казни. Всю

ночь перед оглашением приговора он не мог заснуть, мучился, размышлял, вновь и вновь перелистывая страницы дела, изучая показания свидетелей. И всю ночь перед ним лежали эти два переполненных эмоциями листочка-ходатайства жителей поселка...

Верховный суд РСФСР отклонил кассационную жалобу адвоката Миускова, утвердив смертный приговор. Писать ходатайство о помиловании Миусков отказался, в связи с чем акт о помиловании к нему не применялся.

Приговор был приведен в исполнение в июне 1990 года. А через шесть лет в России был введен мораторий на смертную казнь, который истек 1 января 2010 года...

Сегодня поселка Полярного не существует. Он был ликвидирован в конце 90-х годов прошлого века, а его жители были переселены в ближайшие населенные пункты – Харп, Обскую и Лабытнанги. Но поезд там останавливается по-прежнему, высаживая немногочисленных туристов. Затем, лязгая сцепками, он медленно трогается. Желтые флажки проводниц трепещут на ветру, сигнализируя неведомо кому. Вагоны плавно проплывают мимо насквозь проржавевших остовов брошенной техники и выбеленных ветрами, дождями и временем останков домов, исчезая за близким склоном горы. Грохочет, раскачиваясь по ущельям, эхо уходящего состава, и снова наступает тишина. Только шелест листьев и шум реки на перекатах.

В.И. Калинин

Гейдар Алиев – Гамбой Мамедов. Схватка

Внимательные путешественники в России подмечали с первого же взгляда то раболепство перед царем, какое пышно цвело при дворе среди людей знатных, очень высокопоставленных, колоссально богатых, которым, казалось бы, не было никакой нужды в этом раболепстве. Но дело было только в том, что множество людей при Николае именно раболепством и сделали себе карьеру. Если сам Николай любил нравиться тем, с кем говорил, то еще естественнее было тем, с кем он говорил, стараться понравиться чем-нибудь и как-нибудь ему – самодержцу, от которого зависело возвысить или унижить... Каждое слово его похвалы кому бы то ни было мгновенно подхватывалось решительно всеми и сразу, как магический ключ открывало счастливцу двери во все сердца, стоило только раскрыть для кого-нибудь свои объятия царю – и избранник фортуны терял уже счет объятиям, которые кругом для него открывались, и радостным восклицаниям, которыми его встречали всюду.

Наоборот, все сразу становились холодными к тем, кого постигла царская немилость, их не замечали, переставали их узнавать, может быть, боялись показать, что с ними знакомы, чтобы это не стало известно при дворе.

Все доносили и всё доносили: не опасаясь доносов, можно было говорить разве только с самим Николаем.

С. Сергеев-Ценский, «Севастопольская страда»

После войны в родной Азербайджан вернулся один из героев Сталинградской битвы, организатор и командир роты так называемых кочующих минометов, офицер-орденоносец

Гамбой Мамедов. Его тут же взяли на работу в КГБ, и вскоре он возглавил следственный отдел в этом ведомстве. В той же системе работал никому тогда не известный Гейдар Алиев. Так уж случилось, что в конце 1950-х Мамедов расследовал две скандальные истории, в которых был замешан Алиев. Одна была связана с изнасилованием, другая – с самоубийством.

Дела по этим фактам были прекращены, но Алиев долгие годы побаивался Мамедова и, говорят, даже заискивал перед ним. Человек исключительной честности и порядочности, Гамбой Мамедов снискал себе уважение и пользовался огромным авторитетом не только в республике, но в Прокуратуре СССР, и поэтому, когда в середине 1960-х годов решался вопрос, кому возглавить прокуратуру республики, его кандидатура никаких сомнений не вызывала.

Успешно продвигался по службе и Алиев. Сумев найти ключик к сердцу близкого Брежневу человека, тогдашнего председателя КГБ Азербайджана Цвигуна, Алиев стал его преемником на этом посту. Однако полной неожиданностью для многих, в том числе и для Гамбои Мамедова, было избрание Алиева 14 июля 1969 года первым секретарем ЦК республики. С таким головокружительным взлетом не уважаемого им человека он смириться не мог. Протест свой Мамедов выражал разговорами о никчемности Алиева, о чем тому исправно докладывали. Алиев долго терпел, пытаясь образумить прокурора республики через свое окружение, а затем задумал комбинацию по устранению опасного свидетеля.

Как бывший руководитель КГБ, он располагал обширной негласной информацией о работниках правоохранительных органов, которую до поры до времени не пускал в ход. Знал Алиев и о не очень благовидных делах начальника следственного отдела прокуратуры республики Саши Бабаева. Его взяли в активную оперативную разработку¹¹ как человека, который

¹¹ Оперативная разработка – проведение негласных, неофициальных мероприятий спецслужбами.

в паре с другим ответственным работником прокуратуры Изей Кулиевым вложил деньги в так называемые подпольные цеха и регулярно получал свою долю прибыли.

Когда оперативные материалы были реализованы и начались первые аресты цеховиков, Алиев позвонил Генеральному прокурору Роману Андреевичу Руденко и поставил его в известность о подозрениях, павших на Бабаева.

Перед этим он вызвал к себе Мамедова и заставил дать санкцию на арест его ближайшего сподвижника.

Алиев просил Руденко поручить расследование дела одному из следователей по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, заявив, что местным, республиканским – ЦК не доверяет. Для убедительности Генеральному прокурору СССР показали видеофильм, где Бабаев с друзьями из центрального аппарата – Прокуратуры СССР – в номере московской гостиницы развлекались с девочками сомнительного поведения. Запечатленных на пленке выгнали с работы, а в Азербайджан выехала следственная группа Прокуратуры СССР.

Дело Бабаева дало основание Алиеву организовать проверку работы республиканской прокуратуры в целом. Компромат искать было несложно, благо наушников везде более чем достаточно. Угодничая, подбирали любые факты, которые могли бросить тень на прокурора республики.

В Хочмасском районе в правоохранительные органы стали поступать заявления, что бригадир одного из колхозов Гейдаров содержит участки неучтенной земли. Выращенные там овощи сбывает и вырученные деньги делит с некоторыми ответственными должностными лицами района.

Была организована проверка. Комиссию возглавлял главный бухгалтер райсельхозуправления Сеидов. Изложенные в заявлениях факты полностью подтвердились, и тогда Гейдаров предложил проверяющему взятку в 300 рублей. Сеидов от денег отказался и готовил к подписанию всеми членами ко-

миссии акт проверки. Гейдаров рассказал обо всем своим покровителям в милиции. Они предложили написать заявление, что якобы председатель комиссии Сеидов вымогал у него 300 рублей. Так и сделали. Нашли деньги, переписали номера купюр, создали группу захвата и сказали: «Неси!»

В воскресный день в здании правления колхоза Сеидов завершал подготовку документов по проверке. В приемной печатала машинистка. В кабинете напротив находился главный бухгалтер колхоза Пенджалиев. Взяткодатель вошел в здание правления и минут через десять вышел. Выглядел он несколько растерянным, но тем не менее подал знак: взятка передана. В кабинет к Сеидову ворвались работники милиции:

– Руки на стол, не двигаться! Вы только что получили взятку!

– Я ничего не получал, – растерянно ответил Сеидов.

– Давайте понятых, начинаем обыск, – скомандовал руководитель группы.

– Это провокация, – попробовал защищаться Сеидов.

– Молчать! – рявкнули на него.

Тщательный обыск кабинета оказался безрезультатным. Растерялись все работники следственно-оперативной группы и ее руководитель. Бросив злой взгляд на Гейдарова, коротко бросил: «Пойдем!» – и вывел его из кабинета.

Все молчали. Минут через пять вошел улыбающийся руководитель группы захвата. За ним, робко переступая, двигался главный бухгалтер Пенджалиев, из-за спины которого выглядывал Гейдаров. Торжествующим голосом, обращаясь к Гейдарову, майор спросил:

– Так кому вы передали взятку?

– Ему! Ему! – залепетал Гейдаров, показывая на Сеидова.

– А вы что знаете об этом? – Теперь майор обратился к Пенджалиеву.

Опустив глаза, путаясь, Пенджалиев проговорил, кивая на Сеидова:

– Он передал мне деньги и попросил спрятать.

– Какие деньги? – только и смог выдохнуть Сеидов.

Его никто не слушал. Группа захвата ринулась в кабинет Пенджалиева. Из открытого сейфа торжественно извлекли пакет с деньгами.

Напрасно Сеидов требовал найти его отпечатки пальцев и взывал к разуму присутствующих. Убеждал, что он не мог передать деньги тому, кого проверял, а тем более фальсифицировать за взятку акт проверки, уже подписанный тремя членами комиссии. Группа захвата нуждалась именно в таком результате. Он был заранее заказан, и его получили.

В тот же день Сеидова арестовали. Для любого грамотного юриста эта ситуация была ясна – провокация. Но так не считали в Азербайджане в те годы, когда призыв об усилении борьбы со взяточничеством следовало подкреплять соответствующими цифрами статистической отчетности.

За любые размеры полученных взяток карали беспощадно. Многих высокопоставленных руководителей казнили, забыв о понятии милосердия. Отсутствие вины Сеидова было очевидно, но в группе захвата находился следователь прокуратуры, а прокурор района дал санкцию на арест. Машина заработала, и маховик ее крутился в одну сторону. Делали всё возможное, чтобы доказать вину руководителя комиссии.

Между тем, жалобы родни Сеидова летели во все инстанции. Дело неоднократно истребовалось прокуратурой республики, и в течение ряда месяцев его изучали несколько прокуроров. Все приходило к выводу, что Сеидов арестован и привлекается к уголовной ответственности незаконно. Но принять решение об освобождении из-под стражи и прекращении дела представлялось затруднительным, ибо под лозунгом бескомпромиссной борьбы со взяточничеством в республике можно было в лучшем случае заработать ярлык «покровителя мафии». Поэтому пришлось Сеидову отсидеть шесть месяцев. Дальше продлить срок содержания под стражей мог лишь Генеральный прокурор.

По установленному порядку пришлось проводить оперативное совещание у Гамбоя Мамедова. Мнение было единодушным – дело в суд направлять нельзя. Сеидов вернулся домой, с чем никак не могли смириться лица, провернувшие «блестящую операцию задержания с поличным».

Азербайджан – республика не из самых крупных, руководящая номенклатура хорошо знает друг друга и прекрасно ориентируется в политической конъюнктуре. Стремление Алиева расправиться с прокурором республики уловили моментально. Знали отлично и желание партийных руководителей при решении кадровых вопросов и в борьбе с конкурентами использовать негласную деятельность КГБ и МВД: так называемые оперативные установки и неофициальную информацию. Писать в них можно всё что угодно, но, так как идут они под грифом «совершенно секретно», отмыться от грязи, которую вылили там на человека, или, по крайней мере, попытаться оправдаться – невозможно. Так услужливо и подсунили Алиеву сведения о том, что якобы работники прокуратуры республики, причастные к делу Сеидова, за прекращение дела получили семьдесят тысяч рублей. Причем деньги для взятки собрали односельчане и родственники обвиняемого.

Забегая вперед, скажу, что, когда пришлось вести расследование по этому факту, я так и не смог найти ни одного сборщика этой дани. Но самое грустное было в том, что МВД и КГБ республики сообщили, что сведениями о сборе денег, а тем более, о даче их в виде взятки, они не располагают и не располагали никогда.

А тогда Алиев вызвал к себе Мамедова. Разговор был резкий и носил такой характер, что Мамедов, вернувшись к себе, тут же лично отменил постановление о прекращении дела и вновь арестовал Сеидова.

За неделю дело по его обвинению направили в Верховный суд республики, а еще через девять дней осудили к 13 годам лишения свободы. Тогда еще Мамедов не понимал, что таким

маневром, его руками, опытный партноменклатурщик построил первую ступеньку для будущей расправы с ним самим и его подчиненными.

Вступивший в законную силу приговор дал Алиеву повод к призыву о наказании тех, кто имел отношение к освобождению Сеидова из-под стражи. Все причастные к этому лица были уволены из органов прокуратуры, а некоторые исключены из партии. При этом формулировки были такими, что спустя много лет ни я, ни другие не могли понять, за что людей лишили партбилетов и вышвырнули на улицу. Я спрашивал об этом одного из пострадавших, а он, седой, рано постаревший, но несломленный человек, сказал:

– Знаете, тогда оправдываться было бесполезно. Все находилось под страхом жестокой, под любым надуманным предлогом расправы. За исключение из партии наши товарищи проголосовали единогласно. Нам они сочувствовали, шептались между собой, а аргумент приводили один – ЦК виднее. Под ЦК понимался всеильный Гейдар Алиев. Позже он захотел подкрепить свое решение признанием нами вины. От нас хотели получить покаянные письма. Я заявил его посланникам, что в этой жизни на восстановление справедливости не рассчитываю и каяться, если не виноват, никогда не буду, а на колени перед ними не встану. Я также сказал им: «Всё равно придет правда! Не ко мне, так к моим детям».

Встретились мы и с Сеидовым в колонии, где он отбывал наказание.

– Я тяжело болен и отсюда не выйду, – сказал он. – Отсидел здесь пять долгих лет. Поверьте хотя бы вы: я никогда не брал тех денег. Аллах им судья.

Спрашивается, кому был нужен этот скромный человек, главный бухгалтер районного сельхозуправления? Сначала он стал препятствием для небольшой мафиозной структуры и, не приняв правил игры, не приняв взятки, был устранен путем провокации. Затем заработала неумолимая машина существу-

ющей правоохранительной системы, для которой важны были статистические показатели, портить которые не разрешалось – ведь за них боролись снизу доверху. Кроме того, за незаконный арест можно было сурово пострадать, и поэтому у нас знали: незаконных арестов быть не может, равно как и ошибок при оценке доказательств.

Ну а если всё же встречались ошибки?

Такого не могло и не должно было быть. Факт прекращения дела против Сеидова и последующего его осуждения дополнило досье, давно собираемое на Мамедова. Стержнем же его стало дело Саши Бабаева. Можно было ставить вопрос о серьезной проверке прокуратуры республики партийной комиссией. Алиев продирижировал, и партию разыграли. Решением бюро ЦК КП Азербайджана Гамбой Мамедова освободили от занимаемой должности. Роману Андреевичу Руденко оставили пустяковую мелочь – подписать соответствующий приказ, что он и сделал. Гейдар Алиевич Алиев, как и другие его соратники по партии, любивший цитировать В.И. Ленина, напрочь игнорировал его наставления «о двойном подчинении и соцзаконности», по которому прокурор находится в подчинении по вертикали и не может быть зависим от местных органов власти.

Новым прокурором республики стал заместитель председателя КГБ Аббас Тагиевич Заманов, сосед Гамбои Алескеревича по подъезду, человек бесконечно далекий от прокурорской деятельности.

Мамедова спровадили на пенсию, но депутатской неприкосновенности не лишили. Видимо, Алиев, побаиваясь строптивного прокурора, решил тем самым подсластить пилюлю.

Но каким неблагодарным оказался бывший прокурор!

Когда его пытались трудоустроить, он отказывался от предлагаемых должностей среднего руководящего звена и всё норовил занять номенклатурную, то есть равнозначную той, с которой его сняли. Но разве можно так провести Гейдара Алиевича? Сегодня я тебя сюда, а завтра ты заявление в Москву:

мол, за что сняли на бюро, когда на номенклатурную, пусть и на другую, должность утвердили?

Такое противостояние длилось несколько лет. В конце 1978 года по заранее расписанному сценарию проходила очередная сессия Верховного Совета республики. Заседание заканчивалось, и председательствующий по традиции спросил: «У кого что есть?» И вдруг все замерли. Подняв руку и встав со своего места, к президиуму двинулся Гамбой Мамедов. Он шел, покраснев, играя желваками, в полной тишине. Это было такое отступление от ритуала, что растерялись не только депутаты, но и рабочий президиум во главе с Алиевым. Гамбой Мамедов шел посягать на основы, и об этом догадывались. Его пробовали остановить репликами, но тщетно.

Алиев лихорадочно перешептывался с составом президиума, а Мамедов между тем вышел на трибуну. Речь его была сбивчивой, но страстной. Он говорил о непорядочности первого секретаря ЦК, о том, что в республике процветают приписки, особенно в хлопковой промышленности, очковтирательство, обман государства и т. д. Многого он сказать не успел: его стащили с трибуны разгневанные депутаты (фактически работники спецслужб, обслуживающие сессию).

И тут-то началось! Подыгрывая лидеру партийной организации республики, на трибуну поднимались «честные труженики», позором клеймившие отступника. Они вспоминали о якобы разваленной Мамедовым работе прокуратуры и многом другом. Все говорили о гремевших на весь Азербайджан судебных процессах, о бескомпромиссной борьбе с этим злом под руководством Гейдара Алиева, делая вид, что не знают о повсеместно процветавших мздоимстве и воровстве.

Никто не хотел вспоминать, что совсем недавно работник исправительно-трудовой колонии в Шуше, доведенный до отчаяния отказами в переводе к новому месту службы, из-за отсутствия денег для взятки дошел до крайности. С табельным оружием он приехал в Баку и вошел в здание МВД. Поднялся в приемную ми-

нистра, оттолкнул адъютанта и ворвался в кабинет. Как в тире, стал расстреливать находившихся там людей: министра, двух его заместителей... Один из присутствующих успел спрятаться под стол. (Впоследствии его уволили за трусость. Хотя, как он мог спастись в такой ситуации министра, так никто и не понял...) Затем отчаявшийся работник колонии подошел к окну, в последний раз посмотрел на бурлившую за этими стенами жизнь и застрелился. Министр Гейдаров был другом Алиева, участником Великой Отечественной войны, Героем Советского Союза. Его уважали и неплохо о нем отзывались. Тем трагичнее была его гибель – расплата за обстановку, которая сложилась в республике. Глубоко же вникать в суть происходящего, а тем более говорить об этом, значило играть «не по правилам».

Мамедов уходил с сессии подавленным. В прошлом полковник КГБ, он шел домой под плотным наружным наблюдением. По пути ему встретился бывший коллега, который не знал, что произошло. Они поздоровались и минут пять поговорили. За этот разговор бывший сослуживец расплатился сполна.

Гневу Алиева не было предела. Новому прокурору дали команду немедленно возбудить против Гамбоя Мамедова уголовное дело. Основание? Как у нас любят говорить: был бы человек... Я не исключаю, что тогда могли пойти на его арест, причем с далеко идущей целью. Дело в том, что Мамедов болел тяжелой формой сахарного диабета, и достаточно было лишить его ненадолго инсулина, чтобы последовал летальный исход. После этого, подтасовав любые факты, уголовное дело можно прекращать в связи со смертью виновного. Ну а по части причины смерти всё было бы шито-крыто. В данном случае Гамбой Мамедов оказался хитрее и умнее своих противников. Он знал о постоянной слежке и о том, что его возможному отъезду из Баку воспрепятствуют любым способом. Мамедов сделал всё, чтобы усыпить бдительность соглядатаев. Глубокой ночью, ближе к утру, он вышел из квартиры, сел в автомашину и уехал в Ереван, а оттуда самолетом вылетел в Москву.

В здании на Старой площади, в приемной Президиума Верховного Совета СССР, добивался приема на высшем уровне опальный прокурор республики. А в Баку бурлил гневом Гейдар Алиев.

Гамбоя Мамедова в ЦК КПСС приняли и выслушали.

– Вы предъявляете претензии к первому секретарю и ваше заявление подлежит проверке, но вы верите партийной организации республики? – дружески спросили его. – Разве у вас есть основания не доверять коллективному органу ЦК – бюро?

– Нет, не доверять бюро ЦК у меня оснований нет, – растерянно ответил Мамедов.

– Вот и хорошо. Мы дали соответствующие поручения. Езжайте в Баку и доложите на бюро все известные вам факты злоупотреблений. Товарищи во всем разберутся и нам доложат.

Я думаю, что уже тогда Гамбой Мамедов стал понимать, что загнал себя в угол. Но выхода у него не было, и он поехал в Баку. На бюро решил дать второй бой, к нему тщательно подготавливался.

Председательствовал Алиев. Как только Мамедова пригласили в зал заседаний и он попытался заговорить, его грубо оборвал первый секретарь ЦК:

– Хватит демагогии, мы ее наслушались достаточно. Бюро рассмотрит вопрос о возможности твоего пребывания в партии за всё, что ты натворил в республике.

Еще один срежиссированный спектакль прошел без сучка без задоринки.

– Кто за исключение Гамбоя Мамедова из членов КПСС? – спросил Алиев.

Обвел глазами членов бюро и добавил:

– Единогласно!

Только в 1986 году после ареста министра хлопкоочистительной промышленности республики Салманова, изъятия у него сотен тысяч рублей, расследования и изобличения

в систематическом получении многомиллионных взяток по знаменитому шамхорскому и другим хлопковым делам стало ясно, насколько был прав в 1978 году Гамбой Алескеревич Мамедов.

И еще: на бюро ЦК КП Азербайджана в очередной раз было продемонстрировано лицемерие центральных партийных органов – Мамедова просто-напросто обманули.

24 января 1979 года Гейдар Алиев выступил на 43-й Бакинской городской партийной конференции. Заклеймив позором противников «очистительного» процесса в республике, он особое внимание уделил самому главному для себя – личности врага. Право, стоит остановиться на фрагментах его выступления, дабы понять, как было страшно попасть человеку под эту демагогию облеченного практически неограниченной властью руководителя.

Как вам известно, в июне 1976 года ЦК Компартии Азербайджана принял постановление «О серьезных недостатках в работе Прокуратуры Азербайджанской ССР». За серьезные недостатки в работе по организации прокурорско-следственной деятельности, осуществлению прокурорского надзора за законностью, неудовлетворительное состояние подбора и воспитания кадров в органах прокуратуры прокурор республики Г.А. Мамедов был снят с занимаемой должности...

Вместе с тем работа, проведенная по выполнению постановления ЦК..., раскрыла всю глубину и масштабы насаждавшихся в течение многих лет в прокуратуре порочных методов руководства, извращений в подборе и расстановке кадров, серьезных недостатков и ошибок в борьбе с преступностью. Выявлены конкретные факты, изобличающие Мамедова в незаконном освобождении от наказания арестованных за взяточничество, хищение государственной собственности, а также другие злоупотребления с его стороны. Сейчас можно уверенно сказать, что за двенадцатилетний период пребывания на посту прокурора республики Мамедов нанес большой вред деятельности про-

куратуры, особенно кадровой работе, воспитанию людей, борьбе с преступностью...

ЦК Компартии Азербайджана проявил высокую гуманность по отношению к Мамедову, учитывая состояние его здоровья. Однако же никаких выводов он, как коммунист, не сделал, продолжал вести себя недостойно, занимался распространением ложных, провокационных слухов, обывательских сплетен, полностью оторвался от жизни партийной организации... Таким образом, все наши меры, направленные на перевоспитание Мамедова (героя войны и высококвалифицированного специалиста. – Авт.), не дали никаких результатов, и он оказался самым ярким противником очистительного процесса, который осуществляется Центральным комитетом Компартии Азербайджана в республике начиная с 1969 года. И не случайно, что он 15 декабря 1978 года на сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР допустил клеветнический провокационный выпад, вызвавший всеобщий гнев и осуждение депутатов...

18 апреля 1979 года бюро ЦК Компартии Азербайджана, рассмотрев вопрос о партийной ответственности Г. Мамедова, исключило его из рядов КПСС за серьезные недостатки в работе, допущенные в бытность прокурором республики, недостойное поведение и клевету. (Бурные аплодисменты). Избиратели отозвали его из состава депутатов Верховного Совета Азербайджанской ССР. (Аплодисменты).

Выступившие на конференции делегаты приводили конкретные факты, изобличающие Мамедова в неблагоприятных, недостойных коммуниста, советского гражданина действиях, выражали возмущение его поведением... Действительно, товарищи, таким, как Мамедов, не место в рядах нашей ленинской партии. (Бурные аплодисменты). Мы и впредь будем с такой же решительностью и принципиальностью очищать наши ряды от подобных недостойных людей, независимо от занимаемого положения и прошлых заслуг. (Аплодисменты).

Ложь! Не было конкретных фактов злоупотреблений со стороны Мамедова. Но никого тогда не интересовала истина. Все бурно аплодировали выводам партийного руководителя, не ставя их под сомнение.

Из интервью кандидата в члены политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г.А. Алиева:

...Октябрьский (1964 года) пленум ЦК КПСС означал начало нового этапа в жизни партии и страны. Его благотворное влияние в нашей республике особенно сказалось после 1969 года, когда в Азербайджане начался процесс устранения накопившихся в 50-60-е годы недостатков в деятельности партийных, советских, хозяйственных органов, процесс борьбы с многочисленными злоупотреблениями, с антиподами коммунистической морали... были у нас и сенсационные разоблачения, и суровые наказания людей, имена которых долгие годы казались неприкосновенными и недоступными для закона...

Мне хотелось бы подчеркнуть, произнося слово «законность», то, что мы имеем в виду не столько Уголовный кодекс, сколько моральный кодекс нашего общества. И с этой точки зрения собственно нарушение, его профилактика – не только юридический вопрос.

Корреспондент:

– Позвольте, Гейдар Алиевич, мы же говорим о законности. А это, мягко говоря...

– Не ищите мягких слов. Да, это волевое решение. Как первый секретарь, я предложил, коллеги приняли...¹²

И в ЦК КПСС, и в Прокуратуре Союза ССР трезвые умы великолепно понимали, что произошло в Азербайджане, и знали, какими будут результаты расследования. Прямо одернуть «любимца» тогдашнего генсека было невозможно, и Генеральный прокурор решил только на одно: изъять дело в отношении Гамбоя Мамедова из производства прокуратуры республики. Сам Алиев Мамедова приговорил, а в те годы было не принято опровергать политические решения.

Следственная часть Прокуратуры Союза ССР под благовидным предлогом от расследования этого дела уклонилась. Стали искать следователя в одной из союзных республик. Выбор пал на Украину.

Где-то в конце апреля мне позвонил заместитель прокурора Украины Скопенко.

– Зайди к Светличному и передай, что мы вызываем тебя в Киев. Срочно бери билет и выезжай не позднее завтрашнего дня.

Об указании Скопенко я доложил Владимиру Григорьевичу. Мое сообщение вызвало у него недоумение и, мне показалось, какую-то настороженность, даже обиду. Полагаю, на то, что Скопенко не позвонил ему непосредственно.

В Киеве меня принял прокурор республики Глух.

– Мы берем вас, – сказал он. – Письмо в Совет министров с разрешением на прописку я подписал, и квартиру вам подберем в течение месяца-двух. Но пока есть одно поручение. В Азербайджане на сессии Верховного Совета бывший прокурор республики выступил против Алиева. На него возбудили уголовное дело, обвиняя Бог знает в чем. Это, конечно, чушь, и здесь нужно расставить все точки над «i». Найденов поручил нам подобрать следователя, который взял бы это дело. Мы остановились на вас. Сегодня же выезжайте в Москву, билет вам обеспечат. Там выпишут командировку и дадут задание более конкретное. За пару месяцев разберитесь и возвращайтесь. К тому времени всё будет готово к переезду.

Тогда я еще не знал, что и Глух и Скопенко считали, что следователь, которому поручат дело Мамедова, мягко говоря, «не выживет». Когда же Глуху позвонил Найденов, они со Скопенко стали подбирать кандидатуру. Здесь-то Степан Федорович и назвал меня. Ход его мыслей, думаю, был таким. Посылать нужно «важняка». Но если он провалится, то могут предъявить претензии прокуратуре республики. Если же послать кандидата в «важняки», то задание Союза, по существу, будет выполнено,

¹² Пусть справедливость верх берет // Литературная газета. 18 ноября 1981 г.

а в случае провала можно сослаться на допущенную ошибку, недооценку возможностей кандидата. Такое предложение, полагаю, понравилось Глуху.

– Если вывернется, это лучшая ему характеристика, – сказал Скопенко.

Позвонили Найденову и назвали мою кандидатуру.

– Этот подойдет, – сказал Виктор Васильевич. – Я его хорошо помню.

Солнечный и приветливый Баку. Очень доброжелательная встреча. Максимум внимания со стороны встречающих. Сразу представили прокурору Азербайджана Заманову. Невысокого роста, седой, приятной наружности человек. Бросилось в глаза белое полотенце, расстеленное на столе под руками. За период беседы два-три раза подали чай и угостили великолепными конфетами. Сразу обратил внимание, что отношение со стороны подчиненных к прокурору республики исключительно подобострастное. Договорились о полном взаимодействии, и я заверил Заманова, что никаких секретов от него иметь не буду. Это ему очень понравилось.

Изучив дело, состоявшее из семи томов, я схватился за голову от того, что увидел. В редакциях газет, из архивов прокуратуры, ЦК и других организаций забрали все анонимки и заявления, когда-либо поступавшие на Мамедова. Проверочные материалы и заключения по ним уничтожили. «Голые заявления» составили основу расследования. Попытался их систематизировать по эпизодам. Таковых получилось несколько десятков. По большинству из них вообще не было никаких оснований вести следствие. Советоваться, как поступить в этой ситуации, было не с кем, и я принял решение выделить эти эпизоды в отдельное производство и возвратить для проверки прокурору Азербайджанской ССР.

Заманов с таким решением согласился. Себе я оставил шесть эпизодов, из которых только один с горем пополам тянул на злоупотребление со стороны Мамедова.

С первых дней мои азербайджанские коллеги дали мне понять, что дело Мамедова заказное. Позиция первого лица в республике известна, высказана им публично, требуется лишь подкрепить ее процессуальным решением. Мне постоянно рассказывали, что происходит с родственниками и близкими знакомыми опального прокурора республики. Кого можно – выгнали с должностей. Если были хоть какие-то основания – посадили. Вообще, гнев Алиева обрушился на всю мамедовскую родню.

Помню, как в августе ко мне пришла женщина лет пятидесяти. Это была, если мне не изменяет память, двоюродная сестра Гамбой Алескеревича. Показывая огрубевшие от мозолей руки, она всё время плакала и причитала: «За что? За что? За что?»

Из ее бессвязного рассказа я понял, что дочь поступала в пединститут и на первом же экзамене ее умышленно срезали, даже не выслушав ответы.

Она говорила, что Гамбой никогда не бывал в ее доме, так же, как и она в его квартире. Что она не понимает, почему так мстят ей, простой крестьянке, и ее ни в чем не повинной дочери. Что я мог ей ответить? Только посочувствовать. Все жалобы, которые эти люди направляли в Москву, возвращались в Азербайджан для проверки и ответов. Несчастные люди ходили по замкнутому кругу.

В те же годы меня познакомили с бывшим бакинцем, а тогда гражданином Великобритании. В 1960-х годах его отец был директором завода по производству соков. После прихода Алиева к власти через этого человека пытались расправиться с политическим противником – председателем Президиума Верховного Совета. Он не поддался, и тогда против него возбуждали уголовное дело. Через год отца моего английского знакомого расстреляли. Сын просил добиться хотя бы его посмертной реабилитации. В Баку по моей просьбе выехал опытный адвокат.

– Не знаю, – говорил он мне потом, – был ли этот человек вором. Но то, что в деле нет никаких доказательств его вины, – это точно.

Обжалование приговора оказалось совершенно безнадежным делом. Что-что, а сводить счеты друг с другом, не брезгуя средствами, в нашей благословенной стране умели всегда.

Эти события тех далеких лет как две капли воды похожи на то, что происходит в Азербайджане сегодня. 27 марта 1997 года «Известия» опубликовали статью Валерия Выжutowича «Из России – в наручниках». Как опальный Гамбой Мамедов, так и нынешние политические противники теперь уже президента Азербайджана Гейдара Алиева ищут убежища в Москве. Как и тогда, «успешно» расследуются заказные дела, как и в те годы, оглашаются смертные приговоры политическим оппонентам, претендующим на власть, как и тогда, вершится расправа над всеми их родственниками. Восток – дело тонкое.

В июле того же 1979 года в Молдавии проходило ранее упоминавшееся Всесоюзное зональное совещание прокуроров-криминалистов, участником которого был и я. Вылетел из Баку в Кишинев. После завершения первого рабочего дня Скопенко пригласил зайти к нему в гостиницу.

Завязался оживленный разговор, и Степан Федорович, сам постоянно попадавший в сложнейшие ситуации, связанные с привлечением высокопоставленных руководителей, стал расспрашивать, как идет у меня дело. Пришлось рассказать, в какое сложное положение я попал, и поинтересовался, как решается мой вопрос с назначением и особенно с получением жилья.

– Ты давай заканчивай дело и приезжай. Тогда будем всё решать, – ответил Скопенко.

Я расстроился. Ведь квартиру мне обещали к концу июня. Вернулся в Баку в состоянии полной неопределенности в будущем.

К августу все основные следственные действия были выполнены. По делу о получении взятки Сеидовым выяснено, что

злоупотреблений со стороны Мамедова допущено не было и никто никаких взяток за освобождение Сеидова из-под стражи не получал.

Всего один эпизод ставил Мамедова в не совсем удобное положение, а именно: 5 июля 1973 года при получении взятки в сумме 60 рублей от подчиненного был задержан, а затем арестован начальник одного из ремонтных управлений Гаджиев. Вину в содеянном он не признавал и утверждал, что ему вернули долг. Сами следователи рассказывали мне, что кампания борьбы со взяточничеством развернута так, что одного показания о даче взятки было достаточно для обвинительного приговора. Так что сидеть бы Гаджиеву, и не один год, но он оказался близким родственником известного азербайджанского композитора, а тот, в свою очередь, другом Мамедова.

В июле 1973 года уже упоминавшийся ранее начальник следственного отдела Саша Бабаев дал письменное указание об изменении Гаджиеву меры пресечения, а через некоторое время дело прекратили за недоказанностью предъявленного обвинения. Заинтересованность в исходе дела со стороны Гамбоя Алескеровича была налицо, но было одно «но». Бабаев должен был подтвердить, что выполнял волю своего руководителя. Под стражей он содержался в следственном изоляторе КГБ, где мы и встретились. Бабаев был обаятельным и умным собеседником. Зная, как ждет от него Алиев любых показаний, разоблачающих Мамедова, он стоял за своего шефа горой. И в случае с Гаджиевым утверждал, что принял решение, основываясь на законе и считая, что доказательств его вины в получении взятки нет.

– Понимаешь, они тянут меня на расстрел вашими руками. Мне сказали, что сохраняют жизнь, если я дам показания на Гамбоя. Но у меня с ним ничего не было, и на оговор я не пойду.

– Только ли на Гамбоя? – спросил я.

– Не понял?

– Неужели вы никогда и никому не давали взяток?

Бабаев усмехнулся, выдержал паузу и ответил:

– Представь себе, никому.

Некоторое время помолчал и добавил:

– Жизнь такая штука... Меня, скорее всего, шлепнут. Но пройдут годы, и я хочу, чтобы друзья и враги, вспоминая меня, всегда говорили: он был мужчиной. А к тебе одна просьба. Я знаю, что ты маленький человек и от тебя ничего не зависит, но ты занимаешься вонючим делом и с большим начальством всё равно встретишься. Передай мою просьбу, пусть мое дело направят в суд любой республики, кроме Азербайджана. Меня оправдают, можешь не сомневаться. Здесь меня осудят.

Бабаева приговорили к расстрелу, и в местной печати началась кампания всеобщего одобрения столь сурового наказания. При даче заключения по ходатайству о помиловании заместитель председателя Верховного Суда СССР Смоленцев поставил вопрос о подготовке протеста, считая, что вина Бабаева по делу не доказана. Что тогда произошло и какие рычаги включил Алиев, я не знаю и только догадываюсь. Протест по делу не вносился. Говорили, что Бабаев умер также мужественно, как вел себя в жизни.

Никто не стал вносить протест и по делу Сеидова, хотя очевидно было, что он невиновен и отбывает наказание как пешка, которой пожертвовали в большой игре.

Интересным был еще один эпизод, по которому пытались обвинить в злоупотреблении Мамедова. В материалы дела его заложили лихо, не вникая в суть, а на поверку вышло, что все решения по делу принимал заместитель Мамедова Велиев. В 1970-х годах он возглавлял отдел административных органов ЦК КП Азербайджана, а после убийства министра внутренних дел республики был назначен на эту должность. Его нужно было допросить по этому эпизоду. К тому времени я немного разобрался в психологии южан, особенно сановных руководителей, и хорошо представлял, что значит вызвать на допрос генерал-майора милиции Велиева. И тут я решил схитрить.

Составил письмо-вопросник на его имя и через нарочного передал адъютанту.

Эти мои маневры совпали с «большим праздником» жителей республики – вручением в Москве Гейдару Алиевичу Алиеву первой «Золотой Звезды» Героя Социалистического Труда. Вся страна смотрела по телевизору, как стареющий генсек прикрепил дрожащими руками к груди поджарого с обаятельной улыбкой Алиева «Золотую Звезду» и орден Ленина.

Если я не ошибаюсь, было это в четверг, а в пятницу мне позвонили из ЦК Азербайджана:

– Владимир Иванович, добрый день. Глущенко (зам заведующего отделом административных органов ЦК). Как работается, как настроение? Вы уже у нас несколько месяцев, а что-то к нам не заходите.

– Не приглашаете.

– Тогда посылаю за вами машину.

Разговор о результатах расследования шел в доброжелательном тоне.

– Вы представляете, какой будет реакция Гейдара Алиевича, если он узнает, что дело нужно прекращать?

– Представляю, но по тридцати двум эпизодам расследование проводили ваши следователи, и все пришли к выводу, что они подлежат прекращению за отсутствием события преступления.

– Так-то оно так, но... Вы знаете, вам нужно обязательно встретиться с Гейдаром Алиевичем и всё ему доложить.

– Но я не имею на него выходов и не знаю, как это сделать.

– Я вам постараюсь помочь. И еще один вопрос. Вы должны допрашивать Велиева?

– Да, но я не стал этого делать и направил запрос-вопросник, это меня вполне устроит.

Глущенко замаялся:

– Понимаете, Владимир Иванович, Велиев человек очень самолюбивый и не хотел бы, чтобы документы с его подписью фигурировали в деле.

– Возможно, но закон для всех один, и для Велиева тоже.

Глущенко улыбнулся:

– Да, закон для всех один, но его исполняют люди. У нас к вам одна просьба: встретиться с Велиевым у него. Он вам всё расскажет, а вы по результатам беседы составите справку.

Раздумывал я одну-две минуты. Уголовно-процессуальным кодексом такое оформление допроса не предусмотрено, но стоило ли еще больше обострять ситуацию?

– Согласен.

– Вот и хорошо. Заранее вам благодарен. В субботу в десять утра он ждет вас у себя.

Расстались мы как старые знакомые, и на следующий день я так же тепло встретился с Велиевым. Его тоже интересовали подробности по делу. Но главное – я уловил другое: Велиев был доволен тем, что прокуратура республики не оправдала доверия Алиева и, по сути, провалила порученное задание.

– Вы знаете, вам обязательно нужно всё рассказать Гейдару Алиевичу, и подробно.

– Это я понимаю, и Глущенко обещал мне помочь.

– Всё будет в порядке. Он завтра возвращается в Баку, и мы сделаем так, что в понедельник вы будете у него, – сказал Велиев.

Мне впервые в жизни предлагали встречу с руководителем такого высокого уровня. Ведь одно дело – видеть его портреты в газетах, смотреть по телевидению, а тут встреча живьем.

В понедельник около одиннадцати позвонил Глущенко.

– Владимир Иванович, никуда не отлучайтесь, Гейдар Алиевич сегодня вас примет. Время обозначим позже.

Итак, аудиенция состоится, но при таком повороте я решил, что обходить прокурора республики Заманова нельзя, и поехал к нему.

– Аббас Тагиевич, меня приглашает для беседы Алиев, но вы прокурор республики, и без вас беседовать с первым секретарем я бы не хотел.

Заманов растерялся и залился краской.

– Как – приглашает! Я ничего об этом не знаю.

– Переговорите в ЦК, потому что времени не назвали. Вы мне и скажете, когда нам нужно ехать. Я буду у себя в кабинете, – ответил я.

Обедать не пошел – ждал телефонного звонка. Но его не было ни после обеда, ни до конца рабочего дня. Только после семи вечера позвонил Заманов, голос его дрожал от гнева:

– Так не Гейдар Алиевич вас приглашает, а вы напросились к нему сами?

– Аббас Тагиевич, но я должен или доложить первому лицу результаты расследования, или уехать, а потом преподнести ему сюрпризы.

– Я за вами заеду в 20:30, – резко бросил Заманов и положил трубку.

В ЦК ехали, не разговаривая друг с другом. Глаза Заманова горели бешенством, и, когда он поглядывал на меня, казалось, что, если бы у него в руках был пистолет, он всадил бы в меня всю обойму.

В приемной у Алиева находились три охранника. С Замановым поздоровались как со старым знакомым. Меня пристально осмотрели. Ждали недолго. Открыли дверь:

– Проходите.

Кабинет небольшой. Много книг с закладками, и лежат они так, что любой посетитель понимает – его хозяин много работает с первоисточниками. В глубине кабинета в ослепительно-белой рубашке и темно-синем костюме, на котором сверкают «Золотая Звезда» и орден Ленина, сам Гейдар Алиевич Алиев. Увидев нас, поднимается из-за стола и идет навстречу. Только позже я понял, что это правило встречи, подчеркивающее партийное товарищеское расположение.

Рукопожатиями обмениваемся в середине кабинета. И тут меня понесло в чисто восточном подхалимском стиле. Я стал говорить о потрясающих успехах республики, о ее замечатель-

ных тружениках и о мудром руководстве Гейдара Алиева. Речь я держал минут двадцать и видел, как взгляд Алиева теплел с каждой моей фразой.

«Все! Разговор у нас получится», – подумал я и оказался прав. Проговорили мы больше часа. Итог подвел хозяин:

– Я за строгое соблюдение закона. Если дело подлежит прекращению, так и поступайте. Но полностью реабилитировать этого отщепенца нельзя.

Встреча закончилась. Алиев проводил нас до двери, на выходе взял со стола две брошюры:

– Это вам на память о нашей встрече.

Только потом, просмотрев их в гостинице, я понял, что такое дипломатия по-восточному. Это были тексты выступлений Алиева на партконференции и пленуме ЦК, где он давал оценку Гамбою Мамедову. Этим «подарком» он говорил мне: «Запомни мое мнение и сделай так, чтобы твои выводы не расходились с моими».

Через несколько дней я уезжал в Москву. По дороге в аэропорт в сквере увидел огромных размеров портрет Брежнева с поднятой в приветствии рукой и надписью внизу: «Широко шагает Азербайджан». Через несколько лет вождь посетит в последний раз солнечную республику. Его повезут на осмотр континентальной установки «Шельф». Делая вид, что слушает пояснения о ее технических характеристиках, Леонид Ильич обведет глазами Каспийское море, посмотрит на Баку и произнесет вдохновенно:

– Да, товарищи! Хорошеет Одесса!

С этими словами он уйдет к машине, а окружающие увидят кулак Алиева, которым он даст понять, что никто не смеет засмеяться.

Чуть позже Алиев станет членом Политбюро и переедет в Москву. Весь Азербайджан будет говорить о перстне стоимостью свыше двухсот тысяч рублей, который он на глазах у миллионов телезрителей во время прямой трансляции надел на руку

генсека, о директоре ювелирного завода, которого заставили оплатить стоимость перстня, и о том, как он, не выдержав всего этого, умер от инфаркта. И еще расскажут анекдот, как один из руководителей государства, пригласив Алиева, поинтересуется этой историей. Услышав в ответ, что это ложь, клевета и наветы завистников, заметит; мол, можно вернуться к видеозаписи. «Нет, – ответит Алиев, – такой факт действительно был, но тот перстень фальшивый. Вот настоящий», – и протянет его товарищу по партии. Где ложь и злословие, а где истина? Кто знает!

В Москве доклад по делу Мамедова выслушал Найденев в присутствии нескольких признанных в стране корифеев следствия. Мнение было единодушным – дело подлежит прекращению за отсутствием в действиях Мамедова состава преступления. Соответствующее постановление я подготовил и по указанию Виктора Васильевича направил в Азербайджан на имя Заманова.

На следующий день меня пригласил к себе занимавший в то время должность начальника следственной части Прокуратуры СССР Алексей Владимирович Бутурлин.

– Есть указание Найденева включить вас в состав следственной группы, расследующей дело по Министерству рыбного хозяйства.

– Я это понимаю, но не решен вопрос о моем переводе в Киев. Я в подвешенном состоянии: уже не запорожец и еще не киевлянин.

Бутурлин улыбнулся, подошел к сейфу, взял оттуда какие-то бумаги и положил перед собой.

– Скажу вам откровенно: азербайджанская эпопея еще не закончилась и не тешьте себя надеждами. Нужно дождаться реакции Алиева на ваше постановление. И еще: когда вам обещали квартиру в Киеве?

– В июне-июле.

– А сейчас какой месяц?

– Октябрь.

– Ну и где же должность и жилье?

Я подавленно молчал.

– Так вот, Владимир Иванович. Я передаю вам предложение Найденова, и мы его разделяем: перейти на работу к нам. Как вы на это смотрите?

Я растерялся. Такой поворот событий был для меня несколько неожиданным.

– В общем-то не знаю. Ведь есть согласие и договоренность на Украине.

– Как я понимаю, там ведут с нами, а тем более с вами, тактическую игру. Чтобы у вас не было колебаний, возьмите документы на квартиру, которую мы вам выделяем в Москве. Если решитесь, я жду ответ завтра.

Первое, что я сделал после ухода от Бутурлина, это стал звонить в Киев, хотя решение фактически принял, ибо в руках у меня были документы на отличную квартиру в столице. Встречный вопрос был, как и прежде, дипломатическим: как мое азербайджанское дело? Дать ответ на него я при всем желании не мог.

Прошел примерно месяц. Я всё еще оставался прокурором-криминалистом прокуратуры Запорожской области. В один из дней меня вызвал к себе Лодысев. Выглядел он несколько испуганным.

– Ты знаешь, Найденов в ЦК встречался с Алиевым. Он очень тобой недоволен.

– Вот как?

Мне в очередной раз демонстрировали уроки придворной дипломатии.

– Соберем совещание и еще раз обсудим, насколько правильна оценка действий Гамбоя по эпизоду с Гаджиевым, – сказал Лодысев.

Всё те же лица, всё тот же вопрос, но только оценку ему давали прямо противоположную. Мамедов, конечно, злоупотребил служебным положением, и его действиями причинен

существенный ущерб государственным интересам, так как от уголовной ответственности незаконно освободили взяточника. Дело, конечно, нужно прекратить, но признав Мамедова виновным. Как ни грустно это признавать, но нам диктовали свою волю сильные мира сего.

Пройдут годы. Мамедов будет безуспешно обивать пороги Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, добиваясь восстановления в партии. В стране переменится климат, и новый Генеральный прокурор СССР Александр Михайлович Рекунков даст указание о возобновлении следствия по делу Гамбоя Мамедова. Доследовать там было нечего, и поэтому Рекунков скажет:

– Если мы прокуроров, пусть даже за ошибочные решения при оценке доказательств в отношении знакомых, будем признавать преступниками, у нас работать будет некому.

У меня попытаются выяснить, кто «надавил» на меня в 1979 году. Ответить я не смогу. Все играли тогда свои роли в очередном спектакле на заданную тему. Все были маленькими винтиками в политических играх и за место на солнечном Олимпе.

Дело Гамбоя Мамедова прекратят по реабилитирующим основаниям, но еще какое-то время в КПК будут сопротивляться, не желая отменять ранее принятое решение по его исключению из КПСС. Потом Гамбоя Алескеревича всё же восстановят в партии, и он во весь голос заговорит о попанной в годы застоя чести, и поддержит его республиканская и союзная печать. Но еще позже Гейдар Алиевич Алиев будет избран народным депутатом Азербайджана и тон критики в его адрес на страницах той же печати несколько сместит акценты в другую сторону. Жизнь меняется, жизнь продолжается. В 1993 году Гейдар Алиевич Алиев избран Президентом независимого Азербайджана¹³.

¹³ В 1998 году Алиев был переизбран президентом Азербайджана, а в 2003 году в связи с ухудшением состояния здоровья снял свою кандидатуру в пользу своего сына Ильхама, ставшего его преемником. В декабре 2003 года Г.А. Алиев скончался.

Полугодовая командировка в солнечную республику была не последней. В 1987 году из Алма-Аты пришлось спецрейсом срочно добираться до Баку, а затем до Сумгаита. В городе горели дома, войсковые подразделения проводили зачистки, местный горотдел был забит задержанными участниками массовых беспорядков. Трупы убитых вывозили с улиц и из жилых домов.

Но это, как говорится, «уже совсем другая история»...

Дело подполковника Зотова

Он (Николай I) похолодел тогда от испуга за то, что у него оказались также чиновники в генеральских чинах. Он был близок тогда, при всей своей впечатлительности, к обмороку от ужаса за судьбу свою, своей семьи и всей России... Он представил тогда, что все русские финансы разворовываются не исподволь, а вдруг как по взмаху какой-то волшебной палочки русскими чиновниками с одной стороны и русскими военными чинами – с другой. По полтора миллиона присваивают действительные статские, генерал-майоры, контр-адмиралы, высшие чины соответственно – большие куши, низшие – меньшие. И вот казна пуста. И где же тогда искать похищенное и кто именно будет искать, если у них круговая порука, и государству придет конец.

С. Сергеев-Ценский, «Севастопольская страда»

Престарелый сторож Благинин проснулся от треска взламываемой двери. Свет включить не успел. Перед ним стояли пятеро незнакомцев.

– Спокойно, дед. Спокойно.

Двое заломили руки за спину. Плечо пронзила острая боль от вошедшей в дряблое тело иглы. Благинин потерял созна-

ние. Утром, очнувшись, увидел, что иконы и другая церковная утварь молельного дома исчезли.

В 1979-1980 гг. серия дерзких разбоев, грабежей и краж охватила территорию Свердловской, Курганской и Челябинской областей. Объектами хорошо продуманных нападений являлись молельные дома и церкви. Это не оставляло сомнений в том, что действует хорошо организованная и опасная группа преступников, которая использовала для подавления сопротивления потерпевших специальные медицинские препараты. К розыску подключились опытные работники уголовного розыска МВД СССР. Преступления раскрыли после выхода на скупщиков краденого. Бандитов арестовали. Для расследования дела создали следственно-оперативную группу под руководством старшего следователя по особо важным делам Главного следственного управления МВД СССР подполковника Зотова.

Виктор Зотов работал в центральном аппарате не первый год, но на должность следователя его назначили лишь в конце 1980-го, и это было первое дело, расследование которого ему поручили. Его грудь украшала медаль «За 20 лет безупречной службы в органах МВД».

Зотов выехал в Челябинск и принял не только многотомное следственное производство, но и ценности, стоимость которых исчислялась десятками тысяч рублей: иконы XVII-XIX веков, серебряные дарохранильницы, сувениры из редких минералов, золотые и серебряные сплавы, статуэтки, радиоаппаратура.

Человек незаурядный, но алчный, Зотов сразу понял, где можно поживиться. Уже тогда в его поле зрения попали перекупщики и коллекционеры, скупавшие краденое. Если удастся доказать их осведомленность о скупке заведомо похищенных ценностей, место им в тюрьме, но ведь можно и не доказывать... При расследовании практически любого дела подобных возможностей, то есть принятия того или иного решения, у следователя предостаточно. Это хорошо понимал Зотов и знал, как можно использовать такие решения в своих интересах...

Москвич Никитин промышлял скупкой и перепродажей ценностей давно. В круг его интересов входила не только церковная утварь, но и дефицитная художественная литература. Не подозревая, что за ним следит милиция, Никитин, посредничая в очередной сделке, привез на квартиру к знакомому Гимпельсону двух деловых людей из солнечного Дагестана. Не успели предприимчивые комбинаторы сесть в такси с книгами, упакованными в ящики, как были задержаны оперативными работниками.

Не считая нужным брать санкцию у прокурора, Зотов произвел у Гимпельсона обыск и в тот же день вызвал подозреваемого к себе.

У следователей есть термин «проходить по уголовному делу». Тогда Гимпельсон в полной мере познал, что это значит. Позже он рассказывал на допросах: «Зотов занимал высокое положение. Он постоянно это подчеркивал и не давал мне забыть, что я нахожусь в его власти. Я понимал, что независимо от моей невиновности он мог причинить мне большие неприятности».

По сути, никаких претензий к Гимпельсону Зотов предъявить не мог, но в воображении задержанный проиграл все свои грехи, предполагая, что они уже известны всемогущему подполковнику. Гимпельсон заискивал перед следователем и готов был услужить любым способом. Зотову это желание пришлось по душе. Тем более, что он собирал «Библиотеку всемирной литературы» и многих томов этой серии у него не доставало. Зато они были у Гимпельсона, и после того, как недостающие тома перекочевали в служебный кабинет Зотова, коммерсант наконец успокоился.

Аналогичному шантажу подверг Зотов Никитина. В последующем Никитин пояснял: «Зотов стал говорить, что я спекулянт, спекулирую лекарствами, иконами, книгами и что меня давно пора арестовать за это. Он вел себя агрессивно, и я испугался, что он действительно меня арестует... От Зотова я

ушел опустошенный, усталый душевно... Он измотал меня морально. В разговоре Зотов упоминал, что у меня дома имеются иконы и он хотел бы посмотреть на них... На следующий день мы приехали ко мне домой... Зотов сразу стал интересоваться книгами, которые стояли на книжных полках... Затем стал отбирать те, которые его интересовали».

Своими посещениями Зотов удостоил Никитина несколько раз. Улов оказался в общем-то небогатым: семьдесят томов дефицитной литературы, двадцать импортных компакт-кассет и палехская шкатулка.

«Понимаешь, у моей жены день рождения, – заявил Зотов, – а хороший подарок сейчас не купишь, так что не обессудь». Естественно, Никитин был рад услужить следователю, который ему, как и Гимпельсону, мог доставить большие неприятности.

Наиболее уязвимым из скупщиков краденого оказался доктор Разуев. Масштабы связей с бандой у него были более солидными, как и количество сделок, которые он проворачивал. Но самое главное, перепродавая иконы и церковную утварь, Разуев имел наживу, а значит, был реальным кандидатом на скамью подсудимых. Зотов им занялся основательно.

«Тон его разговора с самого начала принял характер грубого давления, – рассказывал Разуев, – Зотов всё время подчеркивал свои полномочия, давал понять, что ему придется решать судьбу каждого подозреваемого... Уже тогда у меня зародилось подозрение, что Зотов поступает так умышленно и за этим что-то последует. Так, он грозил к окончанию расследования по делу пригласить корреспондентов, расписать в статье так, что после этого я никуда не смогу устроиться на работу».

Расстроенный Разуев рассказал о своей беде Никитину.

– Дурак! У меня с ним отношения отличные. Не нужно быть скупердяем, не жмись.

– Неужели это возможно? – спросил ошеломленный Разуев.

– Конечно!

– Думаешь, он возьмет?

– Кто в этом мире не берет? А Зотов – свой человек, не сомневайся.

– Но у меня совсем нет художественной литературы.

– Тогда дай деньгами, – последовал совет.

Вызовы на допросы продолжались. Зотов и Разуев, как говорят, стали играть в детскую игру «холодно-горячо». Подполковник намекал на взятку. Доктор делал вид, что догадывается, но ловко уходил от наводящих вопросов, ожидая более конкретного предложения.

При очередной встрече Зотов сменил гнев на милость.

– Положение твое серьезное, но не безнадежное. Тебе можно было бы помочь, но...

– Так помогите.

– А во сколько ты оцениваешь свою свободу?

– Сколько нужно? – растерянно спросил Разуев.

Зотов взял ручку, придвинул к себе лист бумаги и написал: «60 т.» (несколько автомобилей «Волга» по ценам того времени). Затем двинул лист бумаги Разуеву. Тот ахнул:

– Но у меня нет сейчас таких денег!

– Ничего, найдешь. Ты парень смывленный.

– Хорошо, я подумаю и взвешу свои возможности.

– Думай. Ну а пока вот тебе пробное задание. Достань хорошие американские джинсы и пару тысяч для начала найди. Давай договоримся так: ровно через неделю, в три часа, я жду тебя в сквере возле метро «Лермонтовская» (ныне «Красные ворота»).

Разуев не считал себя бедным, но шестьдесят тысяч найти так просто он не мог. Задевало и то, что взятку у него вымогал человек, занимающий такую солидную должность. Разуев решил пойти в КГБ.

Выслушали его внимательно. Предложили написать заявление, а затем разъяснили, что хотели бы взять Зотова с поличным. До деталей проработали операцию, проинструктировали Разуева и стали ждать «дня икс». На «Лермонтовскую» Разуев

приехал минут за пятнадцать до обусловленного времени. Он нервничал, но старался держать себя в руках. Постоянно оглядывался, но определить, где находятся оперативные работники, которые будут брать Зотова, не мог.

Окрик «Виктор!» застал Разуева врасплох. Он оглянулся. Метрах в двух от него стояли жигули. Из них выглядывал Зотов.

– Давай!

Зотов протянул руку и буквально вырвал сверток у Разуева.

– Ну, будь! Созвонимся.

«Жигули» на большой скорости рванули по Садовому кольцу. Им вслед смотрел опешивший Разуев. Взволнованно переговаривались по рации члены группы захвата:

– Мы идем за ним! Мы его видим! Брать или нет? Ждем команды!..

Наконец последовало решение руководителя группы:

– Брать не будем. Он придумает десяток версий или успеет избавиться от вещдоков.

В тот же день заместителю Генерального прокурора СССР Найденову доложили о провале операции по задержанию Зотова с поличным. Подполковник, словно предчувствуя неладное, проявил завидную осторожность. Решили ждать.

Непростовзять профессионала с поличным. В середине 1980-х мне доведется прочитать много лекций по расследованию взяточничества в Институте усовершенствования следственных работников в Ленинграде и в Институте повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР в Москве. Задержать с поличным при получении взятки мало, я всегда подчеркивал, что привлечение виновного становится возможным только при одном обязательном условии: нужны бесспорные доказательства того, что взяткополучатель воспользовался предметом взятки.

В 1985 году в Чимкенте ко мне зашли посоветоваться местные работники БХСС. Они рассказали, что к ним пришел заявитель, у которого помощник прокурора Дзержинского района

вымогает три тысячи рублей. Неделю они пытались реализовать операцию, подкрепив ее доказательствами, но ничего не вышло. Когда взяткодатель пришел в кабинет к нашему коллеге с портативным магнитофоном в кармане, тот ушел в дальний угол и разговаривал оттуда. При прослушивании микрокассеты из состоявшегося разговора ничего нельзя было понять.

Они договорились о передаче взятки на улице. Снова сорвалось: помощник прокурора изменил решение и назначил встречу у себя в кабинете. И вот, кажется, удача. Правда, было одно «но» – при передаче взятки «клиент» не стал, по словам взяткодателя, разговаривать с ним, а лишь жестом руки показал, что сверток с деньгами нужно положить в ящик приставного столика. Это и было сделано. Диктофон в кармане взяткодателя зафиксировал одно шипение.

– Вам остается ждать конца рабочего дня и брать подозреваемого при выходе из здания прокуратуры, – посоветовал я работникам БХСС. – Если деньги при нем или в его сейфе – вы на коне. Если же в ящике стола, придется извиниться. Тогда вы провалились, а он просто умнее всех нас.

Помощника прокурора взяли по этому сценарию. Денег при нем не было, как, впрочем, не было их и в сейфе. Они лежали там, куда положил их взяткодатель, – в столе. Было много шума, разных мнений и активного обсуждения ситуации. Помощника прокурора уволили, хотя уголовное дело пришлось прекратить. Вскоре он добился восстановления в должности, и это решение формально было правильным. По старой как мир поговорке: «Не пойман – не вор».

При активизации борьбы со взяточничеством в 1970-х и 1980-х годах у нас появилось немало горячих голов, любивших брать преступников с поличным. Зачастую они проводили операции бездарно, а иногда и с грубыми нарушениями закона.

Вспоминаю, как «сели в лужу» краснодарцы, задерживая при получении взятки прокурора-криминалиста Баранова. Один из следователей краевой прокуратуры расследовал уго-

ловное дело о групповом хищении в особо крупных размерах. Однажды к нему зашел следователь прокуратуры города и предложил сделку.

– Ты выделил и отдал в район часть своего дела, – сказал он. – Потребуй его обратно, изыми из дела один документ и отдай Баранову. Он тебе тут же отвалит две штуки (две тысячи рублей).

Выслушав предложение, следователь помчался к прокурору края Борису Ивановичу Рыбникову. Решили, не подключая к этому делу милицию, сами взять Баранова с поличным. По разработанному сценарию «заявитель» встретился с Барановым, взял у него две тысячи рублей и спрятал в сейфе.

Зная, что на этом этапе профессионал может придумать любую версию в свое оправдание, его решили брать после совершения конкретных действий в интересах взяткодателя. Для этого из районной прокуратуры истребовали дело. Пока оно шло по почте, прошла неделя.

Наконец, настал день, которого ждали. Баранов пришел за желанным документом. Его вырвали из дела и вручили ему. На выходе Баранова задержали. Всё было прекрасно, но... По нашему закону освобождению от уголовной ответственности подлежит лишь лицо, добровольно заявившее о даче взятки, но никак не тот, кто взятку получил. Специфичен этот состав преступления и тем, что его не может быть в природе без лица дающего и лица, берущего взятку; а если быть точнее, без надлежащей правовой оценки действий этих лиц. Следователь взятку получил, хранил деньги в сейфе и выполнил за взятку определенные действия. По закону он совершил тяжкое преступление, хотя ранее заявил об этом добровольно. Но нет в законе положения, освобождающего взяткополучателя от уголовной ответственности. Нет!

По ситуации необходимо было признать, что в действиях следователя нет состава преступления по отсутствию умысла, то есть субъективной стороны. Но тогда, если снова строго сле-

довать букве закона, нет состава преступления и в действиях взяточдателя. Казус? Не совсем.

Если бы Баранова взяли с поличным, когда он принес деньги, всё было бы строго по закону. Ему пришлось бы отвечать за покушение на дачу взятки. Но уж очень хотелось моим краснодарским коллегам искусственным путем получить доказательства по делу. А если снова говорить строго языком закона, занимались они элементарным провоцированием взятки. До 1961 года в Уголовном кодексе, который готовили юристы, получившие настоящее, а не формальное образование в учебных заведениях, созданных при царе-батюшке, предусматривалась уголовная ответственность и за провокацию взятки.

Необходимость в этой норме отпала, когда партия, по указанию Никиты Сергеевича Хрущева, объявила бескомпромиссную борьбу с этим чуждым социализму явлением.

Кстати, загорелись тогда и идеей расширения круга взяточников. Потому из текста статьи, предусматривающей ответственность за получение взятки, убрали слова о том, что взятополучателем признается лицо, выполнившее или намеревавшееся выполнить в пользу взяточдателя действия исключительно с использованием своего служебного положения. Теперь взяточником можно было признавать любое должностное лицо. Кстати, в редакции УК РФ 1997 года всё осталось по-старому.

Но вернемся к Зотову. Он хотел получить взятку и знал за что. Разуева пригласил к себе через несколько дней после встречи на «Лермонтовской». Поблагодарил за джинсы и спросил, как решается вопрос с деньгами. Разуев ответил, что по крайней мере половину или чуть меньше он в ближайшее время найдет.

– Я уезжаю в Челябинск и там тебя жду. Думаю, такая поездка тебя не затруднит. Что достанешь, привезешь туда. Жить я буду в гостинице. По брони МВД, там закажу номер и тебе. В общем, через десяток дней жду.

До отъезда Разуева в Челябинск туда вылетела оперативная группа. Тщательно проработали операцию, но ошибку допустили в мелочи. Разуев позвонил Зотову и спросил, где и когда они могут встретиться.

– Езжай в гостиницу, место я тебе закажу.

– Нет, спасибо, я уже устроился.

Последовала длинная пауза. Голос Зотова изменился:

– Хорошо, завтра в десять жду тебя в УВД.

Разуев не располагал кругом связей в Челябинске и поселиться в престижной гостинице, как обычный совеский гражданин, не мог. Это сразу понял Зотов. Для Разуева пришлось придумывать правдоподобную версию поселения в гостиницу.

Зотов встретил Разуева холодно и сугубо официально. Как бы невзначай спросил, кто помог с гостиницей. Разуев изложил подсказанную ему чекистами версию.

– Деньги я привез. Правда, достал только три тысячи, – виновато закончил вступление Разуев.

Зотов разыграл удивление:

– Нет, так, друг мой, нельзя. Ущерб государству нужно возмещать полностью. Только это может тебе помочь. Давай.

Разуев протянул сверток с деньгами. Зотов аккуратно развернул его, но к деньгам не притронулся и сел за пишущую машинку.

– Так, говоришь, здесь три тысячи? Прекрасно.

Слушая стук клавиш машинки, Разуев лихорадочно размышлял: что еще придумал изворотливый следователь?

– Вот так, – проговорил Зотов, вынул лист и протянул Разуеву. – Расписывайся!

Растерявшийся Разуев читал: «Протокол добровольной выдачи». Согласно этому документу, он добровольно, в порядке возмещения ущерба, причиненного государству, вносил три тысячи рублей. Зотов предложил ему подписать документ.

Разуев подошел к двери, обернулся:

– Виктор Алексеевич, вы как-то говорили, что вам нужна дубленка. Я ее привез, но сюда нести не стал. Подозрительно заходить в это здание с большим свертком.

Голос Зотова потеплел:

– Занесешь завтра.

Расставшись с Зотовым, Разуев поехал на конспиративную встречу. Там сообщил о новом маневре взяточника. Мнения о дальнейших действиях по задержанию Зотова разделились. Одни настаивали на немедленном проведении обыска в его кабинете, другие против этого возражали.

– Он не приглашал понятых, – говорили сторонники первого варианта.

– Верно, – соглашались работники прокуратуры, – но он легко уйдет от этого, объяснив, что избегал формальностей. Придется извиниться, на том и расстанемся. Да и при таком раскладе ни один уважающий себя прокурор не даст санкцию на арест.

Решили «игру» продолжать. Разуев понес Зотову дубленку. Оперативник из КГБ на подкладке внутреннего кармана фломастером написал всего одно слово: «Взятка».

Зотов назначил следующую встречу через двадцать дней.

– Торопись. Сроки следствия безграничны, и в отношении тебя нужно принимать решение, – заявил он Разуеву. – Дубленка мне понравилась, но остальные денежки ты всё же доведи.

Зотов явно терял бдительность и начинал верить Разуеву. Удивительно, что, ранее проявляя столь завидную осторожность, сейчас он осматривать дубленку не стал. Тогда же решили, что брать его с поличным с одной этой вещью – неразумно. Он мог заявить, что просто купил дубленку у Разуева.

Через три недели Разуев вновь приехал в Челябинск. Днем звонить Зотову не стал и разыскал его вечером по телефону в номере гостиницы.

– Всё привез? – спросил Зотов.

– Конечно.

Зотову не терпелось завершить задуманное, и бдительность его притупилась. Он бросил Разуеву слово, которое с нетерпением ожидала следственно-оперативная группа.

– Приезжай.

В номере Зотова была женщина. На столе находилась закуска, коньяк, шампанское. Поздоровались как старые друзья. Сверток с деньгами Разуев положил на диван.

– Выпьем за встречу? – спросил подполковник.

Разуев согласно кивнул. Зотов поднял бокал с шампанским:

– За хорошее начало и за благополучный финал!

Разуев, с трудом скрывая волнение, осушил бокал до дна. Выпили по второму.

Неожиданно резко распахнулись двери. В номер ворвались несколько человек.

– Всем оставаться на месте! – крикнул один из них. – Комитет государственной безопасности.

Зотов побледнел и вскочил. К нему подбежали двое и заломили руки за спину.

– Вы сейчас получили от этого человека взятку. – Старший группы захвата показал на Разуева.

– Это провокация, – Зотов был вне себя. – Я подполковник милиции из МВД СССР. Вы не имеете права...

Его резко перебили:

– Мы из КГБ центра. С нами следователи прокуратуры. Приглашайте понятых.

Старший обратился к Разуеву:

– Где деньги, которые Зотов вымогал у вас в виде взятки?

Разуев показал на диван.

– Он мне их подложил, – зло бросил Зотов.

– Подполковник, лучше помолчите! – одернули его. – Ситуацию вы явно недооцениваете.

Один из оперативных работников взял из платяного шкафа пиджак Зотова и поинтересовался:

– Ваш? Что в карманах?

– Мои деньги, удостоверение.

На стол следователя, составлявшего протокол обыска, рядом с развернутым газетным свертком легли еще несколько сот рублей. Следователь достал исписанные листы бумаги. Сверил номера на купюрах с записями и радостно улыбнулся.

– Что? – спросил старший.

– Это деньги из второй партии.

Подполковник тупо уставился в пол.

– Вы признаете, что получали от Разуева взятки и сегодня очередную?

– Нет. Я ни у кого взяток не брал. Еще раз повторяю: это провокация.

– Тогда будем разбираться, – сказал следователь. – Я принимаю решение о вашем задержании. Распишитесь в протоколе.

– Нигде я расписываться не буду, – последовал ответ.

– Глупо, Зотов. Вы профессионал, а ведете себя как обычный и далеко не умный уголовник. Впрочем, надеюсь, что обыск вашего служебного сейфа будет не менее урожайным.

Слова эти оказались пророческими. В сейфе нашли пачку денег – часть той суммы, которую вручил Зотову ранее Разуев. Не хватало нескольких сот, но они, за исключением трехсот рублей, уже потраченных Зотовым, были изъяты накануне в его гостиничном номере.

Сверху лежал протокол о якобы добровольной выдаче их Разуевым. Самое удивительное, он был подписан понятыми. Позже криминалисты выяснят, что эти подписи были поддельными. При обыске присутствовали следователи из группы Зотова.

– О боже! А это откуда? – воскликнула одна из сотрудниц, когда из сейфа извлекли Тетроевангелие в темно-синем бархатном переплете, отделанном драгоценными камнями и серебряной чеканкой на библейские сюжеты.

– Вы что-нибудь знаете об этой книге? – спросили ее.

– Конечно. Но ведь он вернул ее потерпевшим. Я сама видела, как в этом кабинете старик из Кургана писал расписку в ее получении.

Сюрпризы этого необычного дела продолжались.

Позже эксперты оценят Тетроевангелие в четыре тысячи рублей. Но один из свидетелей, коллекционер, приобретавший иконы через перекупщиков, скажет мне, что это дилетантское суждение. Обнаруженная церковная книга бесценна.

Я написал в Ленинскую библиотеку письмо и сообщил об изъятом нами Тетроевангелии. Мне предложили показать его специалистам библиотеки. Мы встретились. На книгу посмотрели скептически и сказали, что сегодня в среде коллекционеров гуляет много подделок.

Через несколько дней мне позвонили, сообщив, что экспертное исследование закончено, и попросили о срочной встрече. Я пришел в Ленинку. Здесь ждали меня несколько человек, но... без Тетроевангелия. Они были крайне взволнованы, заискивали и вручили заключение экспертизы, из которого я узнал, что издана эта книга в начале XVII века при патриархе Филарете (в миру – Романове, отце Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых). Граверные работы на ее обложке делали известные московские ювелиры того времени Кондратий Иванов и другие. В течение сорока одного года после выхода первой книги было изготовлено всего четырнадцать ее экземпляров. А самое главное – наш оказался первым.

– Мы очень просим передать этот раритет нам на хранение, – говорили мои собеседники.

Тетроевангелие по нашему решению стало достоянием главной библиотеки страны.

Выяснилось, что Зотов подделывал составленные до него протоколы обысков и получал обманным путем расписки у потерпевших. Он таким образом похитил проходившее по делам большое количество икон, церковной утвари и другие ценно-

сти. Все они были изъяты у него на квартире и в служебном кабинете здания МВД СССР.

...Снова пошли разговоры, что КГБ и прокуратура ведут войну против милиции. Но доказательства преступлений, которые за сравнительно короткий промежуток времени совершил старший следователь по особо важным делам Главного следственного управления МВД СССР подполковник милиции Зотов, были неоспоримы. К его делу приобщили несколько фотографий, где преступник был снят в мундире, на погонах которого сверкали три больших звезды.

Он очень мечтал стать полковником милиции и даже о большем, а получил пятнадцать лет заключения.

Кстати, сегодня в мемуарной литературе делаются ссылки на эту историю. Причем утверждается, что похищенные иконы и ценности предназначались Щелокову. Лживые и не основанные на материалах дела предположения! Зотов был обыкновенным стяжателем, воровавшим для себя.

А.В. Хмелёва

Семейная банда

Бесспорной заслугой и профессиональным успехом следователя по особо важным делам прокуратуры Воронежской области Сергея Александровича Поповкина стала результативная работа по уголовному делу № 98158035 по обвинению Т.М. Маркиной и шести ее соучастников, которые на протяжении 5 лет (1993-1998 гг.) с целью завладения жильем потерпевших и последующей его продажи совершили убийства трех лиц с применением огнестрельного оружия и покушение на убийство. Причем все три убийства на момент принятия С. Поповкиным уголовного дела к своему производству являлись нераскрытыми преступлениями прошлых лет, совершенными в различных городах России.

*Следователь по особо важным делам С.А. Поповкин (слева)
и сотрудники уголовного розыска*

14 июля 1998 г. прокуратурой Советского района г. Воронежа было возбуждено уголовное дело по факту покушения на

убийство гражданки Золотиной с целью завладения документами на принадлежащую ей квартиру. Обстоятельства, предшествующие возбуждению уголовного дела, были необычны.

Тамара Золотина, решив продать квартиру, дала об этом объявление в местную газету. Вскоре откликнулась женщина, пришла на осмотр. Этой женщиной была Маркина. После нескольких встреч женщины почти подружились, вместе обедали, и однажды Тамара предложила потенциальной покупательнице переночевать. А ночью в квартиру позвонила молодая женщина – дочь покупательницы, объяснила, что повредила автомобиль – свой «мерседес», возвращалась из сервисного центра и заехала к матери, так как вечером та сообщила ей адрес, где она останется ночевать. Утром мать и дочь решили подвезти Золотину на рынок, при этом ехали по дороге рядом с лесополосой. «Смотри, какая красота», – сказала Маркина-старшая, сидевшая на заднем сиденье, а когда Золотина оглянулась, то почувствовала, что ее ранили в шею. С трудом ей удалось практически выпасть из салона и броситься навстречу ехавшему автомобилю. Остановив машину, Золотина почти прошептала водителю: «Кажется, меня убивают...» Пораженный мужчина, увидев следы крови на одежде женщины, без лишних слов быстро довез ее до ближайшего отделения милиции.

Сотрудники милиции поначалу несколько скептически отнеслись к рассказу Золотиной, но дали направление на судебно-медицинскую экспертизу, куда потерпевшая поехала вместе с оперативным сотрудником. Каково же было его удивление, когда экспертиза показала, что в области шеи у Тамары действительно имеется слепое огнестрельное ранение. Из шеи была извлечена пуля от малокалиберного патрона (калибр 5,6 мм).

Возбудили уголовное дело по признакам покушения на убийство. Владелицу «мерседеса» быстро вычислили, по подозрению в совершении данного преступления были задержаны Маркина и ее дочь Полухина. Последние на допросах рассказа-

ли, что познакомились с потерпевшей, якобы желая приобрести квартиру и оказать услуги по оформлению сделки, вошли к ней в доверие, вместе пообедали, остались ночевать. Утром предложили подвезти Золотину и в лесном массиве у поселка Шилова совершили в автомобиле попытку ее убийства. К счастью для Тамары Золотиной, выстрел из самодельного малокалиберного пистолета ее только ранил.

В ходе следствия было установлено, что ранее судимая Маркина, выйдя из мест лишения свободы, сколотила преступную группу. Помимо дочери и зятя, к преступной группе рецидивистка подключила своих знакомых, с которыми ранее отбывала наказание, всего шесть человек. Группа специализировалась на мошенничествах, убийствах, подделке документов с целью завладения приватизированными квартирами граждан и дальнейшей их продажи. Кроме Воронежа преступления совершались и в отдаленных городах – Екатеринбурге, Иваново, Подмосковье.

Преследуя свои корыстные цели, выступая от имени владельцев жилья, преступники в отдельных случаях даже изменяли свою внешность под облик действительных хозяев квартир, решая вопросы у нотариуса и в других официальных учреждениях. Непосредственно убийства хладнокровно совершала Маркина, ранее занимавшаяся спортивной стрельбой.

Чтобы выявить все эпизоды преступной деятельности банды, назначались судебные экспертизы, проводились проверки по центральным и региональным криминалистическим учетам, в частности, по системе «Папилон» и пулегильзотеке, проводились многочисленные допросы, назначались почерковедческие экспертизы и криминалистическое исследование документов. Уголовные дела, остававшиеся нераскрытыми, следствие по которым приостанавливалось, были соединены в одно производство.

На следствии обе женщины проливали слезы, всем видом и словами изображая раскаяние и сожаление о случившемся.

«И раскаяние ее – ложь, и благородное стремление помочь своим детям – фальшь», – так говорил С.А. Поповкин о Маркиной, комментируя ход расследования журналистам. «Почти двадцать лет работаю и не встречал более циничного и безжалостного человека, чем эта «крестная мать», превратившая семью в банду мошенников и убийц».

Одной из первых их жертв стал одинокий пенсионер Лопухин. С ним Маркина познакомилась в одном из питейных заведений Екатеринбурга, куда приехала навестить своих подруг по зоне, также уже отбывших наказание. В беседе за рюмочкой он высказал желание продать свою квартиру с целью приобретения менее комфортабельного жилья и на разницу в стоимости жить дальше. Позже его труп с огнестрельным ранением в голову был обнаружен на одной из свалок города. Поскольку прошло значительное время с момента исчезновения, скелетированный труп оставался неопознанным. А один из членов банды под именем убитого осуществил продажу квартиры.

Но жертвами семейной банды становились не только одинокие пенсионеры, часто – выпивающие, не имеющие родственников, чье исчезновение не сразу привлекло бы чье-либо внимание. Жестокое преступление оборвало жизнь молодой поэтессы, окончившей факультет журналистики Воронежского государственного университета, студентки ВГИКа Елены Рощиной, проживавшей в г. Иваново. На свою беду, она затеяла многоквартирный обмен и была двумя выстрелами в голову убита «атаманшей», которая действовала по отработанной схеме – войти в доверие к продавцу квартиры, убить его, по поддельным документам продать квартиру, завладеть ценностями и деньгами жертв. Это преступление также долгое время оставалось нераскрытым.

Результаты судебно-баллистической экспертизы показали, что пуля, извлеченная из шеи Золотиной, и пули, обнаруженные на месте убийства Рощиной, выстрелены из одного оружия.

Справедливо подмечено, что поэты часто бывают беззащитны, но прозорливы. Вот что писала Лена накануне трагедии: «На цыпочках уйду я из жизни вашей. Тихо-тихо, как падает снег на траур воротника. Исчезну совсем незаметно, так, что вы не скоро ощутите мое отсутствие. А ощутив, не сразу поймете, что оно значит...»

В октябре 1999 года уголовное дело с обвинительным заключением было направлено в суд. Воронежским областным судом Маркина осуждена к 19 годам лишения свободы, ее подельники получили от 4 до 15 лет заключения. Послужит ли им это уроком на этот раз?

Банда Козбаева

У всех нас на памяти банда ГТА, совершавшая разбойные нападения и убийства водителей в Подмосковье, преимущественно на трассе М4 «Дон». В СМИ эта преступная группировка получила название по аналогии обстоятельств совершаемых ими преступлений с игровыми заданиями серии компьютерных игр «Grand theft Auto» (сокращенно GTA, по-русски ГТА). В ночное время бандиты останавливали автомобили при помощи подброшенных на дорогу устройств для прокалывания шин, а затем, подходя под предлогом помощи (либо проезжая мимо на автомобиле), расстреливали водителя и пассажиров. В состав банды входили 10-12 человек – выходцев из Средней Азии. Жертвами преступников стали 16 человек, двое были тяжело ранены. Действовала банда на протяжении нескольких лет (2012-2016 гг.). Преступления совершались, в основном, по корыстным мотивам, но выдвигались версии о совершении преступлений с применением самодельного огнестрельного оружия с целью проверки и «закалки» новых членов банды, а также с целью вызвать у населения панические настроения. В дальнейшем привлекла общественное внимание попытка

побега нескольких членов банды из суда, при этом трое подсудимых были уничтожены, двое ранены.¹⁴ Суд приговорил двоих бандитов к пожизненному заключению, других – к длительным срокам лишения свободы.

К сожалению, такие преступления не новы, и совершаются они во многих регионах страны. В свое время большой резонанс вызвало уголовное дело № 94628007 по обвинению Хасанова, Козбаева, Кисева, Копыва, Ульяновкина¹⁵ в совершении ряда бандитских нападений на водителей легковых автомашин на автодороге Курск-Саратов летом-осенью 1994 года.

...Теплый поздний летний вечер, почти пустая трасса Черноземья. Молодожены Наталья и Виктор Николаевы возвращались из свадебного путешествия, которое они провели на побережье Черного моря. Оба они трудились в редакции газеты «Московский комсомолец», там и познакомились. Первый отдых вместе, столько воспоминаний... Конечно, можно было переночевать в мотеле по дороге, но торопились домой, да и трасса в ночное время почти пуста, а дорога домой, как известно, всегда короче. Последний раз залили в бак бензин на территории Воронежской области, в Новохоперском районе (на заправке было всего два автомобиля: их жигуленок и Audi такого же цвета). Некоторое время автомобили ехали друг за другом, на развилке Николаевы повернули и выехали на сельскую дорогу. Вдруг они почувствовали хлопок, остановились. Виктор вышел из машины, почти сразу же из-за деревьев выскочили трое, у двоих в руках были обрезы. Напавшие требовали деньги, банковские карты, ценности (но какие деньги у молодых людей, возвращающихся после отдыха «дикарями» домой?). Раздосадованные негодяи выстрелили в Николая, убив его на глазах Натальи, сели в машину и вместе с перепуганной, находящейся в ужасном состоянии девушкой, въехали в лес уже другого района (чтобы запутать

¹⁴ wikipedia.org/wiki/Банда_ГТА (обращение 24.11.2020).

¹⁵ Здесь и далее фамилии и имена изменены.

следы) и, поиздевавшись, застрелили ее. Останки жертв будут обнаружены спустя значительное время, поэтому факт полового насилия в отношении Натальи подтвердить не удалось. Только один из преступников на первом допросе скажет об этом, но потом откажется от своих показаний, как данных под давлением со стороны следствия. Страшно представить, что пришлось пережить молодым людям! Как позже выяснится, машину Николаевых бандиты в темноте просто перепутали с машиной коммерсантов, за которыми следили от заправки.

Сведения о безвестном исчезновении водителей на трассе в Новохоперском районе Воронежской области или обнаружении их трупов стали регистрировать с пугающей частотой. Автомобили при этом обнаружены не были. Поскольку обстоятельства и место исчезновения водителей были аналогичны, уголовные дела, возбужденные по ст. 102 УК РСФСР (убийство), были соединены в одно производство, расследование поручено следователю по особо важным делам прокуратуры Воронежской области С.А. Поповкину.

Следователь С.А. Поповкин

Вскоре была получена оперативная информация, что в одном из сел Новохоперского района в частном домовладении, в гараже, находятся агрегаты и различные детали автомобилей разных марок. Их, стараясь не афишировать, продает один из жителей. Продуманные оперативно-разыскные мероприятия и тактические операции позволили выйти на след банды. А дальше всё, как говорится, было делом техники, хотя установлены и задержаны бандиты были не сразу: владелец гаража не спешил давать показания.

Но качественная оперативная работа, профессионально проведенные допросы, очные ставки, проверки показаний подозреваемых на месте, результаты многочисленных судебных экспертиз не оставили шанса бандитам уйти от ответственности. Были сложности с опознанием трупов, так как многие из них были в стадии сильного разложения или скелетированы. Опознавали и по часам, по остаткам одежды, группе крови. Проводилось отождествление лица по черепу. На деталях автомобилей с перебитыми номерами эксперты восстанавливали первоначальные данные. Устанавливались родственники погибших и другие обстоятельства дела.

В результате расследования установлено, что члены банды, в состав которой входил (и фактически являлся создателем и идейным вдохновителем преступной группы) сотрудник

Шипованная лента

Спущенное колесо

Новохоперского РОВД Кисев, применяя огнестрельное оружие – обрезы охотничьих ружей, совершили разбойные нападения и умышленные убийства восьми человек. Цель бандитов была корыстная – завладение автомашинами, дальнейшее их разукomплектование и продажа деталей и агрегатов, похищение денежных средств и ценностей у водителей и пассажиров. На трассе преступники с помощью шипованной ленты останавливали машины (по данным следствия их было семь), водителей и пассажиров хладнокровно расстреливали. Больше половины жертв на счету Козбаева, бывшего механика автосервиса.

Позже, уже находясь в заключении, он довольно цинично рассуждал перед журналистами: «...Я долго думал над случившимся, и мне кажется, что любого человека ведут какие-то высшие силы, то есть существует предопределенность. Я иной раз пытаюсь прокрутить пленку назад и воспринимаю случившееся как наваждение... Взять военного: побил с десяток человек или сотню – он герой. А простой человек с этой же целью – преступник... А цель-то одна – материальная! Только в последнем случае тебе платит не государство, а ты сам себе зарплату делаешь...»

Осужденный Козбаев

Как уже отмечалось, не сразу были установлены все участники преступлений. Козбаев уже находился за решеткой, а организатор нападений и фактически мозговой центр банды сотрудник милиции Кисев по-прежнему ходил на службу, был в курсе всех следственных и оперативных мероприятий, как и раньше, вовремя корректировал действия поделщиков, еще остававшихся на свободе.

Воронежским областным судом Козбаев и Хасанов приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, Кисев – к 14 годам лишения свободы, Копыв и Ульянов также к длительным срокам лишения свободы. Расстрел не был осуществлен, так как уже в это время государство взяло курс на вхождение в Совет Европы, а одним из условий этого процесса являлся отказ от смертной казни. Исключительная мера наказания была заменена пожизненным лишением свободы.

Два Сергея

Февральский вечер 1994 года, г. Воронеж. Темнеет уже в пять вечера, и прохожих на улицах не так много даже в областном центре. День для Сергея Чернова¹⁶ был тяжелый – похороны отца, а вечер оказался по-настоящему трагическим, последним в жизни молодого человека. Справив скромные поминки (время стояло непростое – середина 1990-х, для

г. Воронеж, проспект Труда, 10. Дом, около которого произошли описываемые события

¹⁶ Имена и фамилии лиц изменены.

многих отсутствие работы, регулярного заработка, дефицит продуктов стали привычными), мать Сергея с невесткой и маленьким внуком-дошкольником остались дома, а он решил проводить своего приятеля Анатолия, который явно перебрал за столом, но торопился домой. Сам Сергей практически был трезв, идти предстояло недалеко – через дворы на проспект, а там решили поймать частника. Вот на свою беду и остановились двое мужчин у дороги, тихонько разговаривая и покуривая.

Когда они с Сергеем стояли у дороги, неожиданно возле них остановился автомобиль патрульно-постовой службы – УАЗ желтого цвета, которую народ прозвал «канарейка», из него вышел милиционер, и стал в грубой форме заставлять их сесть в автомобиль, при этом применив резиновую палку. Анатолию в темноте удалось скрыться во дворах, а Сергея насильно усадили в уазик и увезли, как он полагает – в вытрезвитель.

Милицейский УАЗ «Канарейка»

Походив по улицам, посидев на лавочке у подъезда одного из домов, немного протрезвев, Анатолий решил вернуться в квартиру друга. Убедившись, что Сергея дома нет, он рассказал его жене о том, что произошло, и предложил идти вместе выручать Сергея. И без того расстроенная, уставшая женщина пошла с Анатолием искать мужа, не понимая, как его могли забрать стражи порядка, отвезти в вытрезвитель, если Сергей в этот день почти не пил и вообще отличался спокойным нравом, ни в какие переделки никогда не попадал. Обойдя вытрезвители города, убедившись, что ни в один из них Сергей

доставлен не был, они разошлись по домам. Больше Сергея никто не видел: домой он не вернулся, на работу не вышел.

Супруга Сергея, убитая горем, обратилась в милицию в связи с его безвестным исчезновением. Началась обычная в таких случаях работа: проверка медицинских учреждений, моргов, Бюро несчастных случаев... Результат везде отрицателен. Сотрудники органа дознания провели осмотр места происшествия, составили карту на без вести пропавшее лицо, провели осмотр места жительства Сергея, получив его биологические следы (были изъяты волосы с расчески и ношенная футболка); опросили Анатолия, супругу, мать пропавшего; провели поквартирный обход домов, стоящих недалеко от места, где, по словам Анатолия, сотрудники милиции забрали Сергея. Проводилась сверка с данными об обнаруженных трупах неустановленных лиц. Словом, по отработанной схеме велась проверка сообщения о безвестном исчезновении лица. Сергей характеризовался исключительно положительно: работал, был заботливым мужем и отцом, спиртным не злоупотреблял. Через 10 дней было возбуждено

Руководитель отдела криминалистики прокуратуры Воронежской области В.М. Кожин (справа) и руководитель 2-ого отдела УУР ГУВД Воронежской области М.В. Сидоров

уголовное дело по ст. 102 УК РСФСР («убийство»), расследование которого поручено следственной группе. Руководителем группы стал старший советник юстиции Владимир Михайлович Кожин, возглавлявший в то время недавно созданный отдел криминалистики прокуратуры Воронежской области. В состав следственной группы вошла и я, автор настоящего очерка, тогда замещавшая должность прокурора-криминалиста.

Разумеется, такое внимание к исчезновению Сергея Чернова, как передача материалов проверки в аппарат прокуратуры области, объяснялось, прежде всего, тем, что к его вероятному убийству (а сомнений в том, что в отношении него совершено преступление, не осталось), возможно, причастны сотрудники милиции.

Прежде всего, усилия следствия и оперативных сотрудников ГУВД области были направлены на установление экипажей патрульно-постовой службы (ППС), которые находились вечером в день исчезновения Сергея на дежурстве в районе проспекта Труда. Первыми в поле зрения следственно-оперативной группы попали экипажи Коминтерновского РОВД, то есть того района, где произошли описанные выше события. Таких набралось четыре. Проводилось опознание Анатолием членов экипажа. В ходе этого следственного действия, немного подумав, он опознал одного из патрульных, уверенно указав на него рукой. Во время опознания проводилась фотосъемка, и если бы в то время изготавливали цветные снимки, думаю, на них отразилась бы внезапная смертельная бледность сотрудника милиции, на которого указал свидетель. Оперативным путем было установлено, что именно этот экипаж патрулировал часть проспекта, где произошел конфликт. Более того, несколько ранее интересующего следствие времени этот служебный автомобиль заправлялся недалеко от места, где стояли Сергей и Анатолий, что подтверждалось изъятием в ходе выемки чеком с заправочной станции. Допросы четверых членов экипажа уазика были подробны, но сотрудники категорически отрицали конфликт

с Сергеем и Анатолием, показания их совпадали в деталях. Изучались их личности, допрашивались родные, сослуживцы. Осмотр салона автомобиля ничего не дал, как и экспертные исследования форменной верхней одежды и обуви заподозренных лиц. Каждое рабочее утро в отделе криминалистики начиналось с изучения сводок происшествий за сутки, но они ничего не добавляли нового, как и оперативная информация. Как ни горько осознавать, но все понимали, что только обнаружение тела могло сдвинуть следствие с мертвой точки.

И вот в один из мартовских дней поступило сообщение – в лесном массиве, в 14 км от города, обнаружен труп женщины со сквозным огнестрельным ранением головы (причем входное отверстие расположено в области лба). На спине – несколько следов, характерных для воздействия резиновой милицейской палки. А дальше уже обычные в таких случаях следственные действия: опознание, осмотр одежды, назначение судебных экспертиз. Результаты всех следственных действий подтвердили, что обнаружен труп Сергея Чернова.

Далее события развивались неожиданным образом. Как-то вечером, когда мы были еще на работе и занимались каждый своими делами (это только в фильмах и книгах следователь работает только по одному преступлению до победного конца), находясь в своем маленьком (чуть больше письменного стола) кабинетике, я услышала, что к руководителю отдела прошли несколько человек, необычно возбужденно разговаривающих; по голосам узнала – оперативники ГУВД. Через некоторое время попросили у меня стакан воды, а чуть позже зашел Владимир Михайлович и опытный сотрудник 2-ого отдела ГУВД области Олег Николаевич Сапунов. Попросили поговорить с молодым парнем: «Может, у тебя лучше получится». Договорились, что я буду фиксировать наш разговор на бумаге и сразу передавать сотрудникам в другой кабинет через Сапунова. В кабинет неуверенно зашел молодой человек, невысокого роста, худенький. Сразу было видно, что сильно

волнуется (его буквально трясло), заикается. Постаралась, как пишут в учебниках по криминалистике, наладить психологический контакт, и он начал рассказывать. Ситуацию, которую он описал, было трудно представить – настолько нелепой и одновременно трагичной она была. При этом она имела непосредственное отношение к гибели Сергея Чернова.

Владимир Спиринов (так звали парня) рассказал следующее. В тот роковой вечер он на своих стареньких жигулях, доставшихся от отца, решил немного подзаработать частным извозом. Довез из центра к одному из домов по проспекту Труда парня и девушку и возвращался назад. Уже стемнело. Вдруг из одного двора по проспекту Труда почти на дорогу выскочил человек в милицейской форме, остановил автомобиль и стал в грубой форме требовать, чтобы Спиринов выполнил его указания – развернуться и медленно ехать по улице. Страж порядка был сильно пьян, возбужденно кричал, матерился; Спиринов не рискнул ему возразить и подчинился. Так они доехали приблизительно до дома № 10, возле которого у кромки дороги стояли двое мужчин. Милиционер возле них вышел из автомобиля и стал требовать, чтобы те немедленно сели в автомобиль и поехали с ним. После полученного отказа он, «вконец рассвирепев», ударил одного из них несколько раз резиновой дубинкой (спецсредством ПР-73). Второму мужчине удалось скрыться во дворах. Первый же упорно не желал садиться в машину, пытался возражать, но это только распаяло человека в форме. Затем милиционер выхватил из кобуры пистолет и выстрелил ему в голову. Потрясенного водителя заставил погрузить труп в машину и вывезти в лесной массив за город, по дороге к аэропорту. В лесу Владимир, также выполняя приказы милиционера, вытащил труп, завалил ветками и снегом, и уже в мыслях готовился тоже принять смерть – не верилось, что после всего он останется в живых. Но убийца в погонах, немного протрезвев, велел отвезти его в город, и пригрозил, что в случае, если Владимир, «развяжет

язык», его ожидает та же участь: найти его по номеру машины не составит труда. Промучившись, спустя почти две недели Спирин всё-таки решил рассказать о случившемся знакомому, который служил в милиции, и таким образом оказался у нас в отделе. Рассказывал это Владимир, сильно волнуясь, сбиваясь, при этом его заикание усиливалось, но всё же он в общих чертах описал убийцу.

Разумеется, мы уже поняли, что убитый – это пропавший Сергей Чернов, мысленно прокручивали планы «вычисления» сотрудника милиции. Чтобы сократить время поиска и проверок, нужна была хоть какая-нибудь деталь, зацепка (звание, особенности внешности, голоса и др.), этого мне никак не удавалось получить от свидетеля. Нервный и впечатлительный парень ничего во внешности преступника не запомнил, да и в разговоре со мной сильно волновался, вновь переживая случившееся. И вдруг мимоходом он упомянул, что у милиционера была сумка-планшет. А ведь с такими обычно ходят участковые! Вычислили ближайшие к месту происшествия опорные пункты милиции, оперативники действительно оперативно доставили фото участковых, и Спирин на одном из них узнал преступника – им оказался старший сержант Сергей Акулов.

Милицейская сумка-планшет

Пока я оформляла результаты опознания по фото-снимкам, отпаивала Спирина чаем, негодя уже доставили в отдел. Постарались, чтобы Спирин с ним не встретился, работали в разных кабинетах.

Акулов не стал отпираться. Рассказал, что в тот вечер находился на рабочем месте – опорном пункте, привычно употребив спиртное, пошел

с проверкой «в адрес». Во дворе одного из домов услышал, как двое подростков посмеялись над ним, так как он был явно пьян. Это разозлило Акулова, он, угрожая ребятам, доставил их в опорный пункт, замешкался, когда открывал дверь кабинета. Воспользовавшись этим, подростки удрали. Это привело Акулова в ярость, и он выскочил на их поиски. А дальше произошло то, что мы уже узнали от Спирина.

Акулов вел себя несколько вызывающе, никакого раскаяния, никакого осознания вины и понимания, что ни за что лишил жизни человека, своего ровесника, осиротил ребенка – только досада, что глупо всё получилось; досада, что раскрыли, что быстро его задержали. На лице высокого широкоплечего мужчины, с явными признаками алкогольной зависимости, можно было прочесть: «Мне просто не повезло, сами не лучше».

Проводились допросы сослуживцев, родственников Акулова. Судебно-медицинской и судебно-баллистической экспертизой было установлено, что выстрел в Чернова произведен из оружия калибра 9 мм, каким может являться пистолет системы Макарова (ПМ), дистанция выстрела – 1,5-2 метра; пистолет, закрепленный за Акуловым, исправен, без нажатия на спусковой крючок выстрел произойти не мог. На чехлах из автомобиля Спирина были обнаружены микроволокна, аналогичные микроволокнам от шинели Акулова и брюк потерпевшего Чернова. На шинели Акулова – замытые следы крови от человека с той же группой крови, что и погибший (к сожалению, в то время еще не проводилась генотипоскопическая экспертиза, которая по следам биологической природы позволяет провести индивидуальную идентификацию конкретного человека). По механизму своего образования следы крови представляли собой брызги, то есть образованы не от контакта с окровавленной поверхностью. Трасологическая экспертиза установила, что след каблука обуви с места происшествия оставлен подошвой правого ботинка Акулова.

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза установила вменяемость Акулова.

Акулов родными и сослуживцами характеризовался как вспыльчивый, агрессивный человек, особенно когда находился в состоянии алкогольного опьянения. Супруга отмечала, что негативные черты у него стали сильнее проявляться в последнее время, «видно было, что катится по наклонной плоскости вниз».

Сослуживец его, также участковый, показал, что в тот декабрьский вечер видел, как Акулов над раковиной на рабочем месте долго отмывал руки и шинель от крови, объяснив, что с кем-то подрался. Был проведен осмотр места происшествия с целью обнаружения пули или гильзы, но, несмотря на применение поисковой техники, найти их не удалось: за прошедшее время заморозки неоднократно сменялись оттепелями, на дороге образовались слякоть, грязь; ручьи талого снега бурно сбегали в ливневки.

Примечательно, что по роду своей служебной деятельности Акулов был в курсе хода расследования, даже принимал участие в поисковых мероприятиях, в кармане шинели носил фотоснимок следа подошвы своего ботинка, который был обнаружен рядом с трупом...

Судом позже были вынесены частные определения в адрес руководства РОВД и ГУВД, где отмечалось регулярное пьянство на рабочих местах сотрудников милиции, недостатки в учете и хранении боеприпасов (у Акулова, кстати, недостачи патронов к штатному оружию выявлено не было), неблагоприятный климат в коллективе и др.

Во время суда Акулов под тяжестью улик полностью признал свою вину. Воронежским областным судом он был осужден к 14 годам лишения свободы. Суд учел наличие у него малолетнего ребенка и пожилых родителей.

Надо отметить, что при расследовании этого преступления В.М. Кожину удалось обеспечить результативное взаи-

модействие с оперативными сотрудниками органов внутренних дел (справедливо будет отметить, что в данной ситуации следствие не столкнулось с неправильно понятой защитой чести мундира), организовать своевременное и эффективное криминалистическое, экспертное сопровождение следствия.

А что же с показаниями Анатолия? Следствием должна быть дана оценка и им. Мне пришлось уговорить его согласиться на амбулаторную психолого-психиатрическую экспертизу, в результате которой было установлено, что в молодости Анатолий учился в летном училище, но, получив серьезную травму головы, был комиссован (об этом он не рассказывал даже родным). На фоне последствий травмы, алкоголизма, нахождения в состоянии сильного опьянения и стресса он мог воспринять случившееся и додумать его так, как стал рассказывать о нем. То есть он умышленно не лгал: просто в его сознании сложилась такая картина происшествия, можно сказать – добросовестно заблуждался, и сам верил в это. Сотрудника в милицейской форме, автомобиль он видел, ну а УАЗ и вытрезвитель дорисовало болезненное воображение.

В ходе следствия однажды ко мне пришла вдова Чернова, «просто поговорить, так как очень тяжело». А через день – супруга Акулова, тоже «просто поговорить», тоже «тяжело». Уставшие, чем-то похожие женщины, с потухшими глазами. У обеих сынишки пяти-шести лет. Не в первый уже раз подумалось, какое нелепое по сути убийство, ничем не мотивированное – ни мезтью, ни корыстью, ни ревностью. Глупая пьяная бравада, отсутствие самоконтроля и внутренних тормозов; распушенность, осознание ложной вседозволенности. И поломанная судьба – двух Сергеев, почти ровесников (могли учиться в одной школе). Сам Акулов на следствии и в суде оправдывался: «Был пьян, крышу снесло».

Позже, уже через годы, Акулов еще дважды напомнил о себе. Перед выходом из колонии он написал письмо проку-

рору области, где в нагловатом тоне сообщал, что руководитель отдела криминалистики «оставил у себя» его паспорт и водительское удостоверение, а они ему будут нужны. Пришлось идти в архив суда, знакомиться с приговором, где определялась судьба всех вещественных доказательств и вообще изъятых предметов – документы эти были решением суда возвращены супруге Акулова, о чем ему было сообщено. И второй раз, изучая материалы очередного уголовного дела, натолкнулась на знакомую фамилию и имя – Сергей Акулов. По делу проходил как свидетель. Посмотрела анкетные данные – точно он; но в графе «семейное положение» теперь значилось «разведен», в графе «место работы» – «столж в магазине...»

Поистине, «посеешь характер, пожнешь судьбу».

И такое бывает... **(о казусах в следственной работе)**

Следственная работа, конечно, имеет свои особенности, часто связана с людским горем, трагедиями, но, как и в любой другой, случаются в ней необычные события и обстоятельства, которые я бы назвала казусами¹⁷.

Начну издалека. В детстве дедушка рассказывал мне о том, как, возвратившись в Воронеж из эвакуации в 1943 году, они семьей вновь заселились в тот же дом и в ту же квартиру, где проживали до фашистской оккупации (по счастливой для семьи случайности наша квартира не пострадала, хотя в другое крыло дома попала бомба). Время было трудное, голодное, и многих выручали заготовки солений на зиму. Конечно, никто тогда не мариновал овощи в банках, а солили помидоры, огурцы, капусту в бочках и хранили их в погребах сараев, которые располагались во дворе дома. И вот стали замечать, что содержимое бочек заметно уменьшается: кто-то чужой, вероятно,

проникал в сарай и забирал соленья, хотя сарай запирался на надежный, как казалось, навесной замок. А однажды в бочке с квашеной капустой был обнаружен... паспорт соседа из другого подъезда. Как видно, воришка наклонился за капустой, и паспорт выпал из нагрудного кармана его куртки в бочку. Конечно, милицию никто не вызывал, разобрались по-соседски.

А вот случай из моей практики (но гораздо более трагический), когда на месте преступления злоумышленник также оставил свою «визитку». В Советском районе г. Воронежа в одном из многоэтажных домов соседи обнаружили, что убита семья Хриповых¹⁸: муж, жена и дочка-подросток. Утром они собирались уезжать на отдых, вышедшая соседка по лестничной площадке увидела приоткрытую дверь, хотела заглянуть внутрь квартиры и не смогла: дверь изнутри подпирали труп мужчины. Она вызвала милицию.

Как зональный прокурор-криминалист, на место происшествия выехала и я. В квартире было видно, что ее жильцы готовились к отъезду: были собраны чемоданы, на тумбочке лежали билеты на поезд, но порядок нарушен, всё перерыто. Труп Хрипова лежал в коридоре, его жены – в одной из комнат, а дочери – в другой. Смерть каждого наступила от множественных ножевых ранений. Обстановка свидетельствовала, что преступников было несколько, им открыл сам Хрипов.

Судебный медик, оперативные сотрудники, следователь районной прокуратуры, эксперт-криминалист – все рабо-

Бочка для засолки

¹⁸ Фамилии изменены.

тали по знакомому алгоритму, каждый делал свое дело. Меня и прокурора района привлек полиэтиленовый пакет, лежащий в коридоре на полу. Криминалист сказал, что в нем находятся свеча, спички и завернутый в бумагу нож – вероятно, всё это принес один из преступников, но не воспользовался. Возможно, они пришли вечером и собирались при свече осматривать квартиру, выискивая ценности. А как орудием убийства воспользовались другим ножом, который обнаружен не был. Эксперт строго-настрого запретил всем прикасаться к пакету, говоря, что им займется потом, после осмотра места происшествия, по прибытии на рабочее место. Через некоторое время мы с прокурором, надев перчатки, всё же аккуратно извлекли из пакета предметы. И одновременно замерли, как громом пораженные, и без слов понимающе посмотрели друг на друга: нож был помещен в стандартный конверт, в каком обычно в то время, да и сейчас тоже, выдавали клиентам изготовленные снимки и негативы в фотоателье. Но главное – на конверте всегда указывалась фамилия заказчика, а иногда и его адрес, и адрес фотоателье. Мысль об этом одновременно пришла нам обоим в голову. Боясь спугнуть удачу, мы аккуратно развернули стандартный конверт... Действительно, это было так! В специальных графах на конверте от руки шариковой ручкой были записаны фамилия и адрес заказчика, а также дата выполнения заказа.

Сразу же по указанному на конверте адресу выехала опергруппа, задержали подростка, фамилия которого была указана, – одноклассника погибшей девочки. Он рассказал, что с двумя знакомыми парнями решил проникнуть в квартиру Хриповых и найти ценности и деньги, чтобы купить мотоцикл. Пришли вечером, вооружившись ножами. Думая, что Хриповы уже уехали, позвонили на всякий случай в дверь, а тут им неожиданно открыл хозяин. Не ожидая ничего плохого, он не успел оказать сопротивления...

Готовясь к проникновению в квартиру, один из подростков взял нож, а чтобы тот не выпал из пакета, завернул его в первую же попавшуюся бумагу – ей оказался конверт из фотоателье. Так быстро тройное неочевидное убийство на моей памяти еще не раскрывалось: пока продолжался осмотр места происшествия, задержанные уже давали показания в прокуратуре.

Еще один не совсем обычный случай. Работая уже в следственном управлении, я, как и другие сотрудники, должна была периодически дежурить по выходным – вести прием граждан, которые обращались в управление с жалобами и обращениями. В одно из таких дежурств, во второй половине дня, на прием пришел мужчина средних лет и сказал, что желает сообщить о преступлении – убийстве незнакомого ему мужчины, и о местонахождении преступника. Кто вел такие приемы, знает, что нередко на них приходят люди с нездоровой психикой, сообщают о действиях инопланетян, шпионов, похитителей человеческих органов и т. д. Поэтому вначале я подумала именно о таком случае и настроилась на вежливую и длительную беседу. Но посетитель логично и толково рассказал, что он случайно в пивной встретился с ранее неизвестным мужчиной, пригласил его «продолжить банкет» к себе домой, где находилась его взрослая дочь. И там, захмелев, новый знакомец стал рассказывать, какой он «крутой», и о том, что, недавно освободившись, он уже убил человека, с которым что-то не поделил. Для подтверждения своих слов гость заставил хозяина квартиры и его дочь спуститься в подвал дома и продемонстрировал труп мужчины, который на самом деле лежал в подвале. Потом все вернулись в квартиру, под благовидным предлогом мужчина вышел и напрямиком направился в областное следственное управление, и сейчас очень волнуется за дочь.

Вот так история! Верить или не верить? Решила связаться с руководителем следственного отдела по тому району, где

проживал посетитель. Он быстро приехал (предварительно закономерно поинтересовавшись, нормален ли мой «осведомитель»), забрал его, и они поехали в райотдел полиции. Я просила отзвониться по результатам, и спустя некоторое время руководитель отдела позвонил и доложил, что в подвале действительно труп с черепно-мозговой травмой, а в квартире моего посетителя задержан преступник.

И такое бывает...

А.Н. Никонов

Момент истины

Задержанный по подозрению в нападениях на женщин Амиров был предъявлен для опознания. Опознание проводилось по всем правилам, в присутствии понятых, а сам подозреваемый предъявлялся среди двух других мужчин, примерно его возраста и роста, и ему было предложено занять среди них любое место.

Потерпевшая, 40-летняя Зинаида Ивановна М., войдя в кабинет, сразу же уверенно указала на Амирова как на лицо, совершившее на нее нападение с ножом. Я составил протокол опознания, в котором расписались понятые и двое мужчин-статистов, после чего, поблагодарив их, отпустил. После их ухода Амирову разрешили сесть. Вел он себя вызывающе, нагло и, закинув ногу на ногу, удобно развалившись, откинулся на спинку стула. На лице его блуждала презрительная улыбка. Всем своим видом он демонстрировал спокойствие и уверенность в себе. Потерпевшую он обозвал дурой, которая явно обозналась, указав на него как на преступника, под угрозой ножа пытавшегося ее изнасиловать. Заявил, что ни в чем не виноват, а «эта ненормальная всё врет, наговаривает на него».

Зинаида Ивановна недобро взглянула на Амирова, молча ознакомилась с протоколом опознания, подписала его и направилась к дверям кабинета. Проходя мимо Амирова, она остановилась, обернулась и посмотрела на меня, как бы спрашивая совета, а может быть – разрешения к действию. Надо сказать, женщина она была рослая, крепко сбита, а руки, на которые я обратил внимание, когда она ставила подписи в протоколе, явно держали не только авторучки.

Совершенно неожиданно Зинаида Ивановна вдруг резко развернулась и, вложив в удар всю, вероятно вековую, нена-

висть к насильнику, наотмашь правой рукой вlepила Амирову такую оплеуху по лицу, что он вместе со стулом улeтел на пол, с грохотом ударился головой о металлический сейф и закричал диким голосом: «Только не бейте, я всё расскажу!» И рассказал. Со всеми подробностями.

Вот так неожиданно наступил момент истины и необыкновенно, можно сказать, закончилось это расследование, начало которому было положено несколько месяцев назад.

5 февраля 1975 года в прокуратуру Индустриального района г. Перми обратилась Силина с заявлением об изнасиловании ее неизвестным молодым человеком, который напал на нее около трансформаторной будки за Дворцом культуры им. Гагарина в ночное время, когда она возвращалась домой с работы. Спустя месяц, в марте, поступило еще одно заявление от Буяновой, которая в том же месте и примерно в то же время суток подверглась нападению неизвестного, ограбившего ее и пытавшегося изнасиловать.

Место для нападений насильником было выбрано не случайно. В те годы нечетная сторона улицы Мира в Индустриальном районе города Перми, где рядом находились кинотеатр и Дворец культуры, представляла собой в вечернее время плохо освещенную, в значительном удалении от многоэтажных домов территорию рядом с частным сектором, куда можно было пройти через большой пустырь. Вот через этот пустырь и шли женщины, которые, отработав на заводах вторую смену, спешили в свои семьи.

Принятые меры розыска положительных результатов не дали.

Нападения, по всей видимости, продолжались, хотя официальных обращений от женщин больше не было. Но дело дошло до того, что руководители нескольких крупных предприятий потребовали на заседании бюро райкома партии привлечь к партийной ответственности прокурора района и начальника милиции, потому что на производствах женщины отказыва-

ются работать во вторую смену из-за боязни быть подвергнутыми нападению по возвращении с работы в ночное время.

В очередной раз возвращаясь домой поздно вечером через пустырь, Буянова заметила возле трансформаторной будки подозрительного человека, похожего на нападавшего. Она вернулась к Дворцу культуры, по телефону-автомату дозвонилась до дежурной части милиции, и быстро подъехавший экипаж ППС задержал гражданина Ершова.

На опознании Буянова уверенно указала на Ершова, но в ходе последовавшей беседы стала высказывать некоторые сомнения, тот ли это человек. Потерпевшая попросила предъявить ей Ершова в условиях, максимально соответствующих моменту нападения, то есть в ночное время, при той же освещенности, в небольшую снежную метель.

На следующий день следственный эксперимент (заменявший в те годы нынешнюю проверку показаний на месте) в воссозданных согласно показаниям Буяновой условиях был проведен. Буянова опознала Ершова, но для большей уверенности попросила, чтобы подозреваемый пробежал несколько метров, так как она, оборачиваясь, видела его убегающим.

Сказано – сделано. Подозреваемому была дана команда пробежаться, но он категорически отказывался: «Бегать не могу. После тяжелой травмы и сложной операции в ногу вживлен какой-то штырь, и бег вызывает сильнейшую боль». «Ах, ты бегать не можешь?!» – сотрудники милиции сгоряча чуть ли не пинками всё же заставили Ершова пробежаться, а точнее, прохромать несколько метров. Однако сомнения потерпевшей развеяны не были.

Ершов был отправлен в КПЗ, но в течение двух дней следствие установило и факт травмы, и полное алиби Ершова в дни совершения нападений на женщин.

А похотливый охотник продолжал свои ночные рейды, и вот уже Силина, 31 мая возвращаясь вечером с работы через пустырь, заметила мужчину, похожего на насильника. Она бы-

стро вернулась к Дворцу культуры и позвонила в милицию. У дежурного по отделу, как назло, только что сломалась единственная служебная машина, но по счастливой случайности в это время в отдел заглянули не работающие в тот день двое сотрудников уголовного розыска, у одного из которых имелся личный мотороллер. Лихая гонка молодых и азартных оперативников по ямам и колдобинам пустыря с предупредительными выстрелами в воздух закончилась успешным задержанием указанного потерпевшей мужчины, которым оказался Амиров.

Подозреваемый с ходу стал всё отрицать. После того, как его официально опознала Силина, уверенно заявил, что она видела его перед задержанием и это опознание ничего не стоит. Уже ночью привезли Буянову. Она тоже опознала Амирова, но тут же добавила, что не совсем уверена. Это была катастрофа. Амиров почувствовал, что с доказательствами у нас напряженка, стал наглеть на глазах. Твердил: «Ни в чем не виноват, никого не насиловал. Буду жаловаться прокурору на ваш беспредел».

Что делать? Как уличить преступника? Да и преступник ли он? Опознания потерпевших с учетом известных обстоятельств породили сомнения и у меня, и у сотрудников уголовного розыска. Нужен был совет мудрого человека. Несмотря на раннее утро, я решительно набирала домашний телефон прокурора района Грибкова и доложила Анатолию Тимофеевичу ситуацию по делу. Немного помолчав, он сказал: «А ты поинтересуйся у розыскников, нет ли у них в записке незарегистрированных аналогичных заявлений. Возьмем грех на душу, не будем за это наказывать». Ответ оперов вселил надежду да, есть одно, совсем свежее, от 9 мая. Не успели доложить.

Потерпевшую Зинаиду Ивановну М. привезли в отдел. Она была коротко допрошена об обстоятельствах нападения на нее и о приметах преступника, при этом была уверена, что опоз-

нает его, так как «общалась» с ним при печальных обстоятельствах нападения довольно долго и недавно. Опознала. Уверенно. Даже очень уверенно. И помогла нам поставить точку в этом затянувшемся расследовании крепкой оплеухой с правой руки. Не нужно обижать женщину!

В доме Амирова была изъята одежда, в которой он совершал нападения и на которую указали потерпевшие. Криминалистической экспертизой на пальто и панталонах Силиной обнаружены волокна, идентичные волокнам ткани верха пальто и шарфа Амирова.

На чердаке в доме знакомых Амирова, где он хранил награбленное, были обнаружены более 20 предметов – женские одежда и вещи: шарфы, косынки, сумочки, кошельки... Стало понятно, что преступным промыслом Амиров занимался и ранее. Однако по изъятым при обыске предметам, добытым явно преступным путем, установить кого-либо из других потерпевших не представилось возможным. Да и других заявлений от подвергшихся нападению женщин не поступало. Сам же насильник и грабитель откровенничать на этот счет не пожелал.

Приговором суда Амиров был осужден на 7 лет лишения свободы.

В.А. Рева

Попросил займы

Уголовные дела возникают по разным происшествиям и порой совершенно неожиданно и случайно. Когда при выезде на место происшествия следователем обнаружен труп с признаками насильственной смерти в виде ножевых или иных ранений, всё понятно. Преступление явное, в таком случае сразу же возбуждается уголовное дело и проводится расследование. То же бывает, когда совершена кража, все признаки которой налицо. Скандальное же дело, о котором пойдет речь, возникло из-за невинной просьбы одолжить денег.

В начале июня 1972 года рядовой милиционер линейного отдела милиции на станции Пермь-2 Вяткин после совещания обратился с просьбой к начальнику отдела подполковнику Г.А. Галкину с просьбой дать ему в долг 150 рублей. Ему не хватало денег на приобретение мотоцикла марки «Восход». Обратившийся подчиненный был на хорошем счету, и подполковник, не задумываясь, через раскрытую дверь кабинета крикнул секретарше: «Надежда Георгиевна, выдайте Вяткину из моих накоплений 150 рублей».

Тут следует сказать, что сам подполковник был образцовым членом кассы взаимопомощи, которая имела в возглавляемом им линейном отделе милиции, и имел там накоплений на сумму 280 рублей, что составляло почти полтора его месячных оклада, а его секретарша Н.Г. Шилова по совместительству являлась еще и казначеем этой кассы.

Сама касса была создана на добровольных началах в середине тридцатых годов прошлого века. Потом началась война, и все ее средства были переданы в фонд обороны страны. После окончания войны взятые денежные средства вернули тем, кто остался в живых, касса взаимопомощи возродилась и продолжила выполнять свою полезную и нужную людям функцию.

Взносы были небольшие и необременительные – всего один рубль в месяц с каждого. Все сотрудники платили аккуратно и за годы набежали немалые суммы накоплений. Членами кассы взаимопомощи являлись две трети личного состава отдела милиции, а это ни много ни мало тридцать три сотрудника.

Через пару недель подполковник Галкин, встретив в отделе Вяткина, поинтересовался у него, как он ездит на приобретенном мотоцикле. Ответ подчиненного, что тот не купил мотоцикл, его озадачил. На его вопросы Вяткин пояснил, что денег ему на покупку техники не выдали, объяснив тем, что в кассе взаимопомощи средств в настоящее время не имеется, поскольку всё выдано ее членам в виде ссуд. Бывалый подполковник задумался, и в течение нескольких дней неофициально переговорил с некоторыми членами кассы взаимопомощи. Услышанное было безрадостным, никто из них никаких ссуд не брал. Куда в таком случае делись все взносы? Этот тревожный вопрос встал перед начальником со всей очевидностью. Надо было что-то предпринимать для прояснения ситуации с общественными деньгами, среди которых были и его собственные.

Председателем кассы взаимопомощи была З.С. Шварева, которая работала инспектором в канцелярии отдела и вела дела совместно с Шиловой. Располагались они обе в одном кабинете-приемной. Обе более чем бальзаковского возраста: Шиловой шел шестьдесят первый год, а Шваревой – пятьдесят седьмой.

Под видом служебного совещания Галкин собрал в своем кабинете всех сотрудников – членов кассы взаимопомощи. Окончательно убедившись в том, что никто из присутствующих в последнее время не получал денежных средств из кассы взаимопомощи, он вызвал Шилову и Швареву. Когда обе зашли в кабинет начальника, им в резкой форме был задан вопрос: «Где деньги?». Поняв, что они разоблачены, женщины отпираться не стали, признались, что все деньги истратили на личные нужды. Начальник пришел в неистовство, вско-

чил, топал ногами и кричал, что сгноит их в тюрьме. Кто-то из присутствующих издевательски посоветовал женщинам пойти на Камский мост и утопиться в реке. Подполковника Галкина, как и других обманутых членов кассы взаимопомощи, по-человечески можно было понять. Каждый из них потерял свои кровные немалые суммы и это при том, что они работники милиции, которые по роду своей деятельности боролись с преступностью, ловили разное ворье и жулье, а тут сами оказались обворованными в родном отделе милиции. Это был удар по профессиональному самолюбию каждого из них и имиджу отдела милиции в целом. Что называется, опозорились на весь белый свет. Их досаде и возмущению не было предела. К тому же, предстояла служебная проверка в связи с совершением преступления двумя его работницами с соответствующими оргвыводами.

Линейный отдел милиции располагался в Дзержинском районе города Перми, и, соответственно, надзор осуществлялся прокуратурой этого района, где я тогда работал следователем. На следующий день прокурор района А.В. Магнутов передал мне поступившие из линейного отдела милиции материалы в отношении Шиловой и Шваревой с указанием возбудить уголовное дело и избрать в отношении обеих меру пресечения – содержание под стражей.

Впервые мне был представлен самый короткий текст акта ревизии, который я когда-либо видел за все годы работы следователем – всего на половине листа, где ревизор перечислил фамилии членов кассы взаимопомощи, с указанием внесенных каждым суммой взносов всего на общую сумму 5074 рубля, что составляло в то время стоимость легкового автомобиля отечественного производства. В конце акта ревизор указал, что денежные средства в кассе отсутствуют. К акту ревизии были приложены все членские книжки, в которых были указаны уплаченные их владельцами суммы взносов за многие годы.

Дело не представлялось сложным, и, составив план его следования, я приступил к его реализации. Допросил обеих подозреваемых, которые признавали себя виновными частично, но, по сути, не отрицали того, что все деньги присвоили и израсходовали на свои нужды, начиная примерно с 1960 года. Так, у Шиловой имелся взрослый тридцатилетний сын, который не работал, пьянствовал, и она взяла его содержание на себя, что потребовало немалых расходов, которые не могли быть покрыты ее скромной зарплатой в 80 рублей в месяц. У Шваревой сына не было, но был сожитель, который также не работал и пьянствовал, жил фактически за ее счет, и получаемой ею зарплатой в 90 рублей не хватало. На допросе Шварева высказала недовольство поведением своих бывших коллег. Ее возмутило поступившее от них предложение пойти и утопиться. «Сами не думают, что предлагают. Ведь утопись я, как бы они назад деньги получили, а так в колонии буду работать и выплачивать постепенно», – негодуя рассуждала она. Обе они не сожалели, что совершили мошенничество и обобрали своих коллег, объяснив просто, что получаемых на службе денежных средств им не хватало на жизнь. Совесть их явно не мучила.

Обе женщины были арестованы прокурором и отправлены для дальнейшего содержания в следственный изолятор.

Затем я допросил и признал потерпевшими всех участников кассы взаимопомощи. Все они пояснили о внесении каждым из них в кассу взаимопомощи денежных средств, которые они передавали как казначею Шиловой, так и председателю кассы Шваревой, которые сидели в одном кабинете напротив друг друга. Ни до, ни после в моей практике не было по одному делу такого количества потерпевших из числа милиционеров. Также я обратил внимание, что за десятки лет существования кассы, там не проводилось проверок или ревизий, царил полнейшая бесконтрольность. Даже ревизора, составившего акт ревизии, пригласили из управления Пермского отделения

Свердловской железной дороги, когда стало ясно, что деньги украдены. Да и сама касса взаимопомощи не была официально зарегистрирована в установленном порядке как юридическое лицо и не имела правоустанавливающих документов и счета в банке. Всё держалось на доверии и честном слове, чем и не преминули воспользоваться две мошенницы. Вскоре уголовное дело расследованием было завершено и направлено в районный суд. В течение трех дней суд рассматривал дело и итогом его работы стал приговор, которым за мошенничество в крупном размере и организованной группой обоим подсудимым по ч. 3 ст. 147 УК РСФСР было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 7 лет каждой, с содержанием в исправительно-трудовой колонии общего режима. Суд обязал также осужденных солидарно возместить причиненный потерпевшим материальный ущерб. О дальнейшей судьбе осужденных женщин мне ничего неизвестно, как и о том, возместили ли они причиненный бывшим коллегам ущерб.

Строгих оргвыводов в связи с этим делом не последовало, и связано это было с тем, что все руководители отдела милиции, являющиеся членами кассы взаимопомощи, уже были достаточно наказаны материально и сами оказались пострадавшими.

Вспомнилась известная поговорка: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся», к ней хочется добавить: «и от возможности стать потерпевшим». Ведь жизнь, как известно, непредсказуема и полна сюрпризов, отнюдь не всегда приятных. В полной мере это можно отнести к обстоятельствам этого уголовного дела.

Бенгальский огонь

Исторически на Руси страдали от огненной стихии, порою сгорали целые города и деревни. И в наше цивилизованное время люди продолжают гибнуть при пожарах. Причиной пожаров может быть несоблюдение правил пожарной безопасности,

неисправность электропроводки и иного оборудования, печей и каминов с дымоходами, неосторожное обращение с огнем и многое другое. Природные пожары и молнии также добавляют немало хлопот и неприятностей. Ежегодно возникают и лесные пожары. Лозунг «Берегись огня!» актуален всегда.

Отдельный разговор – об умышленных поджогах. По таким случаям, как правило, возбуждаются уголовные дела, проводится расследование, устанавливаются виновные, особенно если это связано с гибелью людей или причинением значительного ущерба. Примеров тому немало. Как правило, дела эти не простые и при их расследовании важно установить место нахождения очага пожара, время и причины возгорания, лиц, виновных в произошедшем.

Праздник Нового года для основной массы населения – это веселье у наряженной елки, накрытый стол с шампанским, круг родных и близких друзей, вера в то, что наступающий год принесет удачу и исполнение желаний. К новогоднему празднику готовятся задолго до его начала, организуют застолье, шьют маскарадные костюмы, составляют программу и покупают подарки.

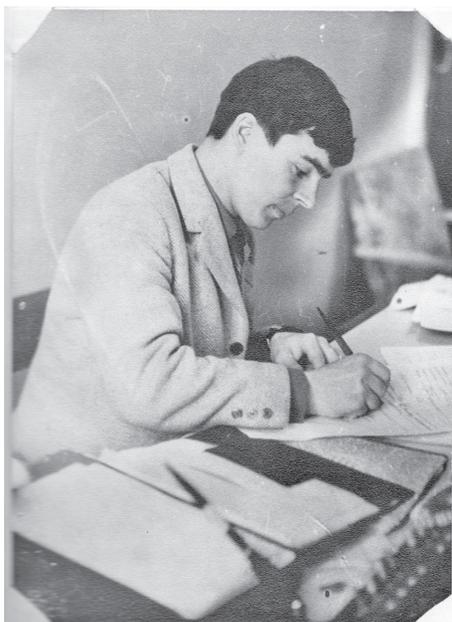
Новогодняя елка в школе – радостное событие для учеников. Дед Мороз, Снегурочка, хоровод, музыка, песни, получение подарков – такое запоминается детишкам надолго. Как и в других школах, в средней школе № 55 города Перми на 14.00 часов 30 декабря 1972 года было назначено проведение праздника Нового года.

Для ученицы 5 класса одиннадцатилетней Светы Степовой заботливая мать сшила из марлевой ткани красивый костюм снежинки. О том, что такой легковоспламеняющийся наряд следовало бы обработать огнезащитным составом, женщина как-то не подумала. За десять минут до начала праздника Степова находилась в коридоре школы и проходила мимо своей одноклассницы Люды Мамаевой, которая держала в руке зажженный бенгальский огонь. Из детской шалости, пробежав-

ший мимо второклассник Олег Галушин ударил Мамаеву по руке, и выпавший из руки девочки бенгальский огонь попал на платье Светы. Марлевый костюм вспыхнул, и объятая пламенем девочка с отчаянным и страшным криком побежала по коридору, где была поймана классным руководителем. Огонь удалось затушить, но девочка получила термические ожоги 1-й, 2-й и 3-й степени, тяжелую интоксикацию организма продуктами распада с пораженных участков, а также дистрофическое поражение парехиматозных органов. Медики оказались бессильны ее спасти – через четыре дня Света скончалась в больнице.

Девочка была единственной дочерью у матери, отца в семье не было. Для женщины произошедшее стало страшным потрясением и ударом. Большая трагедия, когда дети уходят из жизни раньше родителей...

*В.А. Рева в дежурной части
Дзержинского ОВД
г. Перми, 30 апреля 1973 г.*

Утром 5 января 1973 года секретарь прокуратуры передала мне материалы о гибели девочки с резолюцией прокурора района А.В. МагнUTOва: «Т. Реве В.А. Возбудить уголовное дело, провести расследование». В тот же день, вынеся постановление о возбуждении уголовного дела, я выехал в школу, где произошло несчастье. Там выяснилось, что во время происшествия директор школы Л.А. Красильник отсутствовал. Накануне он уехал в гости к родственникам в Удмуртию, исполнение своих обязанностей никому не передал и ни на кого

не возложил. Инструктаж по порядку проведения новогодней елки проведен не был, разрешения органов государственного пожарного надзора на проведение мероприятия никто не оформил. Я сразу же произвел выемку журнала приказов и допросил в качестве свидетелей педагогов, присутствовавших при происшествии. После окончания зимних каникул вновь побывал в школе, где допросил школьников, на глазах которых всё происходило. Истребовал должностные инструкции работников школы и правила – типовые и противопожарные, а также правила проведения подобных мероприятий. Картина произошедшего стала окончательно понятна.

Подошло время встретиться с матерью погибшей школьницы. В назначенное время ко мне в кабинет вошла женщина средних лет. Лицо ее было потемневшим от горя. На мои вопросы она пояснила, что растила дочь одна, без мужа. Вкладывала в девочку всю свою материнскую заботу и любовь. Перед праздником Нового года сама сшила ей костюм снежинки, который им обоим понравился. На мой вопрос о том, почему сшитый ею костюм не был обработан огнезащитным составом, она резко и агрессивно ответила: «А почему дочь в таком случае пропустили на елку?!» Не без основания она считала единственным виновником гибели дочери администрацию школы. Понимая моральное состояние матери, потерявшей единственного ребенка, я не стал дальше продолжать этот разговор, но поймал себя на мысли, что она, по сути, собственными руками, даже не подозревая об этом, сшила дочери белый саван...

Проведя все необходимые следственные действия, я подготовил постановление о привлечении Л.А. Красильника в качестве обвиняемого. Ему было предъявлено обвинение в том, что он, работая в должности директора средней школы № 55 города Перми и, являясь в силу п. 67 «Типовых правил пожарной безопасности для школ, школ-интернатов, детских домов, дошкольных и других учебно-воспитательных учреждений

Министерства просвещения СССР» и п. 7 «Правил пожарной безопасности при устройстве и проведении праздников новогодней елки», обязан был получить разрешение на право проведения елки в школе, установить обязательное дежурство, назначить дежурных преподавателей, классных руководителей, воспитателей, которые должны были находиться неотлучно с детьми и которых был должен проинструктировать о мерах пожарной безопасности. Им следовало разъяснить, что при проведении праздника новогодней елки воспрещается зажигать в помещении бенгальские огни, допускать на праздник детей и взрослых в костюмах из ваты и марли, не пропитанных огнезащитным составом, а также назначить дежурных, которые обязаны следить за строгим соблюдением мер предосторожности при проведении массового мероприятия. Однако вследствие преступно-халатного отношения к своим служебным обязанностям при подготовке и проведении праздника новогодней елки в декабре 1972 года, Л.А. Красильник ничего из перечисленных требований не выполнил. В результате 30 декабря 1972 года около 14 часов, на елку были допущены дети в костюмах из ваты и марли, не пропитанных огнезащитным составом, среди которых находилась ученица пятого класса Степова Светлана, 1961 года рождения, также в помещении школы было допущено сожжение бенгальского огня детьми. В результате от горящего бенгальского огня вспыхнул марлевый костюм Степовой, и ей были причинены термические ожоги более 60 % поверхности тела, 1-2-3 степени, от которых она скончалась. Своими действиями Красильник Л.А. совершил преступление, предусмотренное ст. 172 УК РСФСР (халатность). Максимальное наказание по данной статье было предусмотрено до трех лет лишения свободы.

Утром по повестке в моем кабинете появился директор школы Красильник Л.А., пожилой мужчина среднего роста. Характеризовался он положительно, пользовался уважением в педагогическом коллективе. Являлся участником Великой

Отечественной войны и на фронте в 1944 году вступил в партию. Безусловно, он был достойный человек, но это никак не снимало с него ответственности за произошедшую трагедию. Он внимательно ознакомился с постановлением о привлечении его к уголовной ответственности и на вопрос о том, признает ли себя виновным, ответил, что признает частично, поскольку, по его мнению, несчастный случай «является следствием не до конца продуманной организации проведения новогодних елок, которая предотвратила бы все возможные пути несчастного случая». Признал, что преподавателей «не проинструктировал, надеясь, что правила всем и так известны». Доля лукавства в его показаниях, конечно, присутствовала, кто же, как не он, руководитель учреждения, должен был продумать организацию проведения новогодней елки, даже проведенной без его присутствия. Вскоре дело было передано в районный суд.

Дело рассматривалось в открытом судебном заседании. На суд пришло большинство преподавателей школы, и не только те, кто проходил по делу свидетелями. На скамье подсудимых находился заслуженный руководитель, просивший о снисхождении. Напротив него располагалась признанная потерпевшей по делу мать, потерявшая единственного и любимого ребенка, требовавшая сурового наказания для подсудимого. Позиции их были диаметрально противоположны, что было вполне объяснимо.

Приговор суда оказался неожиданным для находящихся в зале – три года лишения свободы. Тут же Л.А. Красильник был взят под стражу, и конвой надел наручники на руки осужденного. Среди педагогов началась истерика и плач. Бывшего директора увели из помещения суда. Впрочем, под стражей он находился недолго. Областной суд изменил приговор, заменив ему лишение свободы на условную меру наказания. Насколько справедливо такое наказание, не берусь судить, суду виднее... Однако для меня, как для следователя, расследовавшего это уголовное дело, было понятно, что именно разгильдяйство и безответственность взрослых привели к мученической смерти ребенка.

Десятое ноября

В этот день вся милиция Страны Советов отмечала свой профессиональный праздник. Проводилось торжественное собрание в Кремлевском Дворце Съездов, на котором присутствовали первые лица государства, после чего давался праздничный концерт с участием известных артистов, трансляция по центральному телевидению велась на всю большую страну. Исключением стало только 10 ноября 1982 года, когда умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, и в стране был объявлен государственный траур.

На местах, в райотделах, тоже всегда отмечали День милиции. Объявляли приказы о награждении, местными силами организовывали концерт, после чего непременно следовал банкет – понятно, что не такой, как в Москве, но тут уж, как говорится, «и труба пониже, и дым пожиже». Но даже в этот праздничный день никто не был застрахован от совершаемых преступлений...

10 ноября 1973 года в линейном отделе милиции на станции Пермь-2 сотрудники тоже отмечали свой профессиональный праздник. После торжественной части было организовано небольшое застолье, и около десяти часов вечера народ стал расходиться. Два младших инспектора уголовного розыска вышли из отдела и направились к остановке общественного транспорта. По дороге им навстречу шли несколько молодых мужчин. По какой-то причине, которую никто так и не смог потом объяснить, сначала началась словесная перепалка между одним из инспекторов и молодым парнем, после чего тот неожиданно достал нож и ударил им инспектора в левое бедро. К несчастью, рана оказалась смертельной, поскольку задела основную кровяную артерию.

Парень убежал, а инспектор истек кровью – подъехавшая через двадцать минут скорая помощь зафиксировала смерть молодого, цветущего мужчины. Так трагически, ни за что, погиб сержант Мелихов.

Менее чем через час мы уже были на месте происшествия: огромная лужа крови на месте гибели милиционера и, как приложение к ней, большое количество высоких милицейских чинов, не имеющих к следствию никакого отношения, но отвлекающих и мешающих. Осмотр мало что дал для розыска преступника, поскольку всё, что можно было затоптать до нашего прибытия, было затоптано. Попутно мы выяснили, что примерно в то время, когда произошло преступление, с центрального железнодорожного вокзала города отправлялся целый эшелон с призывниками в Приморье, на станции вместе с провожающими на тот момент находилось не менее двух тысяч человек.

По одной из версий, преступление могло быть совершено кем-либо из призывников или провожающих. Быстро установить личность каждого из них и опросить – задача сложная, требующая значительного времени и большого количества работников милиции и следствия. Эшелон с призывниками к тому времени уже отмерял километры пути, удаляясь от нашего города. Малочисленная оперативная группа успела сесть в эшелон для опроса будущих защитников Отечества, но полномочия оперативников были ограничены пределами Пермского отделения железной дороги, и через несколько часов, на следующей станции, они вынуждены были покинуть поезд. Понятно, что они не успели сделать за это время практически ничего, что позволило бы пролить свет на произошедшее. Кроме того, в эшелоне ехали, в основном, изрядно выпившие молодые парни, некоторые с трудом могли вспомнить свои имя и фамилию. Достаточных сил для отработки и проверки целого эшелона у нас просто не было.

Что же касается местных бродяг и прочей странствующей и праздно шатающейся публики, имеющей обыкновение отираться около вокзала, то за них взялись по-настоящему. Облавы следовали одна за другой, и весь этот отловленный люд проверялся на причастность к совершению преступления самым серьезным образом.

Однако, время шло, но, несмотря на большую проделанную работу, преступление оставалось нераскрытым. Следствие по делу было приостановлено ввиду неустановления лица, совершившего преступление, но розыск тем не менее продолжался. Лишь через пять лет после убийства, преступник, наконец, был обнаружен. Им действительно оказался один из призывников, который в том поезде благополучно отбыл к месту несения срочной военной службы, отслужил и вернулся обратно в Пермь. Фамилия его имелась в списках призывников, которые продолжали отрабатываться на причастность к смерти инспектора. Он был осужден на 10 лет лишения свободы.

За годы работы следователем я пришел к выводу, что за редким исключением можно раскрыть любое преступление, но для этого, помимо высокой профессиональной подготовки ведущих следствие и осуществляющих розыск, требуется порой привлечение больших сил и ресурсов и, конечно, терпение и время. Последнее – особенно.

Ровно через семь лет после описанных выше событий, 10 ноября 1980 года, я находился у себя на работе, в кабинете криминалистики областной прокуратуры, когда поступило сообщение об обнаружении трупа шестилетней девочки Лены Вязиковой на станции Менделеево Карагайского района, что в более чем сотне километров от областного центра на запад. Поскольку преступление было не раскрыто, то есть носило неочевидный характер, я созвонился с начальником управления уголовного розыска Я.А. Вагиным. Он, как и положено ему по службе, уже был в курсе происшедшего. Мы с ним договорились о том, что в район совершенного убийства вместе со мной прямо сейчас выедет работник областного управления – подполковник Владимир Польшгалов, имевший многолетний успешный опыт по раскрытию убийств. Мы с ним были прекрасно знакомы по совместной работе и вскоре на обычной электричке, посчитав это самым быстрым способом добраться

до места расследования (за два часа), отправились на станцию Менделеево. Там мы нашли местного участкового – мужчину лет сорока пяти, одетого в форменный полушубок без погон и валенки. Было заметно, что он уже отметил свой профессиональный праздник, но на ногах держался крепко. Выдавал его только свежий запах водки и несколько заторможенная речь. Впрочем, он при нас старался особо не говорить и не дышать перегаром. Меня и Польшгалова задело такое его состояние – надо делом заниматься, а не водку пить, но времени на выяснение отношений у нас не было. Про себя мы решили, что потом разберемся, и попросили провести нас к месту происшествия – почти километр от станции, в лесопосадки вдоль железной дороги.

В лесу уже лежал небольшой снег, сильно похолодало, вдобавок начал усиливаться пронизывающий северный ветер. Труп ребенка до нашего приезда уже был отправлен в районный центр – село Карагай, в морг для вскрытия. Участковый нам рассказал, что мать девочки, одинокая женщина,

В.А. Рева проводит видеосъемку на месте убийства, начало 1980-х гг.

отпустила дочь погостить на праздники к подруге, проживающей в железнодорожной казарме на западной окраине станционного поселка (казарма эта представляла собой деревянный барак с общим коридором и отдельными комнатами). Трудно понять, чем руководствовалась мать погибшего ребенка, отправляя его к чужим людям... Оттуда девочка и была уведена преступником, почти на километр от казармы, о чем свидетельствовали имевшиеся рядом следы девочки и убийцы на свежавыпавшем снегу.

Девочка была обнаружена полностью раздетой, с затянутой петлей из шарфа на шее и с повреждениями в области промежности. Это дало основание предполагать, что в отношении нее было совершено также и насилие. Одежда лежала рядом. От трупа девочки шли следы обратно. Убийца, судя по следам, вновь вернулся в казарму. Нам стало ясно: убийца какое-то время находился в казарме, поэтому с ее обитателями нам предстояло серьезно поработать.

Когда мы вернулись из леса, наступили сумерки. Польшгалов и я выехали прямо из кабинетов, одетые не по-походному, сильно замерзли, пройдя два километра в легких туфлях по снегу и на ветру. Окоченевшие, мы начали понимать участкового, который до нас уже полдня провел на месте происшествия, и наши претензии к нему исчезли сами собой. Пришлось попросить его помочь нам приобрести пару бутылок водки в единственном местном магазине – не для того, чтобы отметить День милиции, а чтобы согреться и не заболеть. Бывалый участковый всё правильно понял и вскоре вернулся из магазина со спрятанным в карманах полушубка дефицитом. Поблагодарив его, мы тут же сели в подъехавшую машину и отправились в морг (до которого было более десяти километров), где после нашего прибытия судебно-медицинский эксперт приступил к вскрытию тела девочки. Через час он выдал результаты вскрытия: девочка скончалась от механической асфиксии – удушения петлей из шарфа, кроме того, имеются поверхностные

повреждения половых органов, но признаки изнасилования отсутствуют. Перед самым окончанием исследования в морг зашли прокурор Карагайского района Махмуд Усманович Латыпов и районный следователь Анна Алексеевна Богомолова. Мы поприветствовали друг друга, и тут Латыпов, неожиданно вызываяще и недовольно, спросил, по какому праву мы занимаемся делом, которое находится у него в производстве. Я сдержался, чтобы резко не ответить и не поставить его в неловкое положение в присутствии судебно-медицинского эксперта и подчиненного следователя, и задал встречный вопрос – раскрыто ли дело. Он ответил, что нет.

Я объяснил ему, что мы прибыли сюда для оказания практической помощи в расследовании преступления, которое они сами раскрыть пока не могут. Кроме того, как прокурор-криминалист, согласно уголовно-процессуальному кодексу я обладаю функциями надзирающего за следствием прокурора вышестоящей областной прокуратуры, с правом производства всех следственных действий, поэтому прошу предоставить мне для ознакомления все имеющиеся материалы следствия. Латыпов сослался на то, что они целый день со следователем только этим делом и занимаются. Я ответил, что вот и отлично, посмотрим, что сделано за день, в каком направлении ведется следствие. Латыпов по-видимому понял, что переборщил. Подобное поведение мы между собой называли «воинствующий провинциализм» или «местечковый провинциализм». Происходил этот провинциализм, как правило, от непонимания сложившейся ситуации и из-за излишних амбиций и завышенной самооценки своих возможностей специалистами на местах. Каждый должен знать, что он может и что не может. Тон его сменился. Выяснив, что мы никуда не собираемся уезжать, пока не раскроем дело, он под предлогом заботы о нас, отдыха и позднего времени попытался уклониться от передачи материалов, но я был непреклонен: мы приехали сюда не отдыхать, а работать.

Забрав материалы дела, мы прибыли в гостиницу, по дороге успели купить в магазине райцентра буханку черного хлеба, весь наш ужин на двоих – за неимением ничего другого съедобного в торговой точке. Гостиница была новая и только недавно открылась, и здесь нас ждал очередной сюрприз – температурный. Холодина в номере была необыкновенная, даже стены казались ледяными, единственное, что вода не замерзала. Потребовав по три одеяла и закутавшись в них, выпив для согрева водки с кипятком и закусив тем, что послал Бог в местный магазин, мы приступили к изучению полученных материалов.

Материалы состояли из полутора десятков листов, в основном, с краткими объяснениями. Отдельные объяснения были настолько короткие, что стало понятно – всё надо выяснять сначала. Ни одного документа, составленного прокурором, я не обнаружил. Какой-либо общей картины дела после прочитанного составить не удалось. К двум часам ночи, покончив с материалами, мы решили следующий день начать с допроса находящихся в казарме: оттуда была уведена девочка, туда же и вернулся убийца.

Задача представлялась нам не сложной, поскольку в то время там находилось всего восемнадцать лиц мужского и женского пола, в основном, в состоянии беспробудного многодневного праздничного запоя. Среди них и нужно было отыскать убийцу. Составив список находящихся в казарме, с утра следующего дня мы начали допросы этих лиц. Выяснилось, что добрая половина обитателей барака в то время, когда девочка исчезла, приняв вовнутрь очередную дозу алкогольной дури, спали беспробудным сном и по этой причине ничего не могли пояснить.

В течение четырех часов я допрашивал двадцатилетнюю девушку, которая ранее уже была опрошена, но никаких объяснений, кроме того, что была пьяна и ничего не помнит, тогда так и не дала. На этот раз она была хоть и с явного похмелья,

но тем не менее, какие-то проблески памяти у нее появились. Она вспомнила, что в казарме, кроме постоянно проживающих там, объявился какой-то приبلудившийся детдомовец из Тулы, лет шестнадцати. Он уходил из помещения с потерпевшей девочкой, после чего девочку она больше не видела. Также она рассказала, что в бараке была больная кошка и этому парню предложили ее «ликвидировать». Парень, недолго думая, взял кошку за задние лапы и при всех разmozжил ей голову, ударив об угол дома. Кошка успела его поцарапать, у парня пошла кровь из кисти правой руки, и когда он открывал дверь, то пораненной рукой испачкал ее, оставив кровавое пятно.

Вместе со следователем Богомоловой мы изъяли первую улику – образец крови подозреваемого, фамилии и имени которого мы пока еще не знали. Во время допроса несколько других свидетелей вспомнили имя этого парня – Гена, описали его приметы. Это уже было кое-что. Запросили тульских коллег. Вскоре пришел ответ: такой несовершеннолетний беглец имеется, нам сообщили его анкетные данные и прислали фото. В казарме его, разумеется, уже не было.

Поскольку все данные подозреваемого у нас имелись, и даже была установлена группа крови, он был объявлен во всесоюзный розыск. Подобный розыск – серьезное мероприятие, и спустя месяц беглец был задержан в средней полосе России на одной из железнодорожных станций. Доставленный спецконвоем, он ничего и не думал отрицать. Мотив убийства объяснил просто: девочка ему не понравилась, и он решил ее убить, для этого увел ее из казармы, раздел и задушил, а чтобы поиздеваться, повредил ее промежность. Выведенный на место преступления, он повторил свои показания. Суд определил ему максимально возможную для несовершеннолетнего меру наказания, приговорив к десяти годам лишения свободы.

Совершенно разные преступления, но произошли они в один и тот же праздничный ноябрьский день...

Шизофрения

В конце дня 8 апреля 1976 года рейсовый самолет «Аэрофлота», в котором я летел из Ташкента, благополучно приземлился в пермском аэропорту Большое Савино: закончилась моя командировка в Узбекскую ССР продолжительностью в триста одиннадцать дней. Там, в составе следственной группы, возглавляемой начальником следственной части Прокуратуры Союза ССР Г.П. Каракозовым и известным следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре Союза ССР Ю.А. Зверевым, я принимал участие в расследовании уголовных дел о получении взяток и злоупотреблениях партийно-советских и судебных работников этой азиатской республики.

В день вылета, рано утром, я был разбужен в гостинице «Россия» землетрясением: кровать, на которой я спал, двигалась то в одну, то в другую сторону, само здание гостиницы трясло. К счастью, всё обошлось и осталось позади, в том числе и колорит солнечного Востока с прекрасной цветущей столицей республики, но это, как говорится, другая история, и о ней я напишу позже и отдельно.

До отъезда в командировку я состоял в должности районного следователя, а по возвращении из нее узнал, что за это время был назначен на должность старшего следователя прокуратуры области. Это было неожиданно и вместе с тем приятно, как-никак, и прибавка к зарплате в пятнадцать рублей к имеющимся ста пятидесяти, и продвижение по службе.

В качестве приложения к новой должности мне сразу же было поручено нераскрытое уголовное дело об убийстве 7 апреля 1976 года девятиклассницы Вали Щербининой в частном жилом доме, находящемся в Кировском районе города Перми.

Труп ее был обнаружен в сенях дома, со связанными за спиной веревкой руками. Смерть наступила от пятнадцати ножевых ранений в сердце, одно из них было сквозным. Тело девоч-

ки нашла мать, пришедшая вечером с работы. Из дома были похищены деньги – четыре рубля и библиотечная книга «Соседи». Убитая школьница характеризовалась исключительно положительно: скромница, отличница, умница. Жили без отца. Недоброжелателей, врагов не имели. Предстояло понять, кому могла помешать девочка-подросток и за что с ней так жестоко расправились.

По нераскрытым тяжким преступлениям обычно формируется следственно-оперативная группа, состоящая из следователя, имеющего уголовное дело в производстве, и работников уголовного розыска. Раскрытие подобных преступлений требует большого и напряженного коллективного труда.

Из управления уголовного розыска УВД для оказания мне помощи в раскрытии данного преступления были направлены оперуполномоченные капитан Виктор Кряжевских и старший лейтенант Иван Доцяк. С первым я уже был знаком по совместной работе над предыдущими делами, с Доцяком же познакомился в ходе работы по этому делу.

В доме Щербининых на месте происшествия был обнаружен пепел от папиросы. Получается, что преступник проник в дом и там курил. Во дворе дома жила небольшая собака, но она не лаяла. Возможно, потому, что она знала курившего. Но семья жила замкнуто, гости их не посещали. Между тем, к заместителю начальника РОВД Николаю Беспалову обратился один из бывших милиционеров медвытрезвителя, который рассказал о давнем странном разговоре, произошедшем между ним и сержантом Геннадием Горбуновым, командиром отделения того же медвытрезвителя.

По его словам, они как-то вечером вместе выпивали. Разговор неожиданно зашел об убийствах. Свое мнение высказал и Горбунов: «Если уж убивать, так ножом, и для верности – в сердце, ударить десять-двадцать раз».

По тому, как серьезно он это сказал, собеседник понял, что сказано им это не шутя, неспроста и обдуманно. Узнав именно

о таком способе убийства девочки, он подумал, уж не Горбунова ли рук это дело.

Мы навели справки о Горбунове. Оказалось, что он уже три месяца как уволился с работы и неизвестно где обитает, и что две недели назад, 26 марта 1976 года, в отношении него было возбуждено уголовное дело за совершение угона автомобиля «Москвич-408» и была избрана мера пресечения – подписка о невыезде. В угнанном автомобиле не было аккумулятора, и для того, чтобы его заполучить, Горбунов вскрыл соседний гараж, снял аккумулятор с другой машины и поставил его на угнанный «Москвич». После этого гараж закрыл на принесенный с собой замок, поэтому угон автомобиля был обнаружен не сразу. Проживал он у своей тети в частном доме, в нескольких кварталах от места убийства.

Я попросил оперативников найти Горбунова и доставить на допрос. Это оказалось непросто – он успел скрыться. Его объявили в розыск и 15 апреля задержали – за совершенный им ночной поджог квартиры, в которой проживала его знакомая Коротова; с ней у него были близкие отношения, пока она не ушла к другому.

На первом допросе двадцатипятилетний Горбунов, ладно скроенный, выше среднего роста мужчина, напроць отрицал какую-либо причастность к совершению убийства незнакомой ему девочки. Рассчитывать на то, что он просто так будет признаваться, не приходилось: он прошел курсы подготовки младшего состава органов внутренних дел и обладал определенными специальными знаниями. Нужны были доказательства.

Мы изъяли у него всю одежду, которую он носил. На его брюках эксперты обнаружили человеческую кровь, происхождение которой он не смог объяснить. Эксперты-криминалисты нашли на одежде убитой девочки множественные волокна одежды, принадлежащей Горбунову. На самой одежде Горбунова также имелись волокна ткани пальто, платья и перчаток потерпевшей.

Это было прямым доказательством того, что одежда подозреваемого и жертвы соприкасалась. Горбунов, понимая, что улики против него серьезные, начал давать показания: он действительно был на месте убийства, но якобы в роли стороннего наблюдателя, при котором убили девочку. Назвал клички трех убийц, которые якобы и совершили на его глазах это преступление.

Было установлено, что две из этих кличек выдуманы, таких лиц не существует, а третья принадлежит реальному уголовнику, уже год как отбывающему срок в колонии соседней Свердловской области, и в бегах не значащемуся. Между тем, показания Горбунова о фактических обстоятельствах совершения убийства, при котором он якобы только присутствовал, полностью соответствовали установленной по делу – протоколом осмотра, заключениями экспертиз, показаниями свидетелей – картине произошедшего. Знать детали убийства мог только человек, непосредственно совершивший это злодеяние.

Поскольку трое названных им лиц не могли иметь никаких отношения к данному делу, мы продолжили интенсивные допросы подозреваемого, составляя многостраничные протоколы допросов. Наконец, до него дошло, что деваться-то ему некуда. Тогда он заявляет: это убийство он совершил из-за Коротовой, в которую он влюблен, и готов всё рассказать, но только в ее присутствии. Это его условие. Получается всё как во французских детективных романах: *cherchez la femme* – ищите женщину.

Семнадцатилетняя Коротова, девушка хоть и не очень большого ума в силу своего юного возраста, но зато обладательница соблазнительных форм, во время допроса рассказала нам, что она действительно какое-то время встречалась и даже была в близких отношениях с Горбуновым, когда тот работал в милиции, но затем ушла от него к другому парню. Горбунов ее преследовал и однажды даже, поймав ее в подъезде дома и ударив металлическим болтом, разбил ей в кровь голову. Тогда на ее крики выбежали из квартир жильцы. Но и после этого

он продолжал ее преследовать и угрожал убить. Она дала свое согласие присутствовать на допросе. Единственное, что требовалось от нее при этом следственном действии, – сидеть и слушать, не раскрывать рта и не вступать в диалог.

Горбунов показывает дом, где он убил Валью Щербинину

Допрос, который затянулся на много часов, был монологом одного «актера» – подозреваемого Горбунова. В первой его части он предъявил все свои претензии к возлюбленной, которая, по его словам, испытывала его терпение и унижала его, изменяя с другими парнями. Довела его до такого состояния, что он решил ее убить. Далее приведу его собственные слова:

...Но мне трудно это было сделать, я сам плохо понимал, я ненавидел ее за обман, за то, что она оказалась такой бездушной, но продолжал любить ее. Это больше всего меня и мучило. Я чувствовал, что не смогу ничего сделать с ней, даже ударить ее у меня не хватило бы духа. Тогда-то я нашел, как мне показалось, выход. Я читал, что человек, когда убивает другого, первый раз всегда мучается, а потом звереет, и это для него становится привычным. Я решил ожесточить себя, убив кого-либо, считал, что после этого, наконец, ненависть победит любовь и я смогу, наконец, отомстить Коротовой за тот обман и насмешки.

Для этой цели я и изготовил нож, которым потом была убита девочка. У меня не было никакого опыта для такого дела, но я понимал одно: на улице мне будет трудно это сделать, для меня не так просто подойти и ударить человека ножом. Я решил, что лучше всего подкараулить кого-нибудь у него дома, во дворе или ограде. Это оказалось тоже непростым делом, надо было узнать, в каком именно доме никого не окажется. Я выбрал дома на окраине поселка, несколько раз бродил там, пока не встретил старика и от него не узнал, что в соседнем доме никого из хозяев нет. Несколько раз мне хотелось отступить, бросить это дело, но в голове тогда засела только одна мысль: я должен стать жестоким, чтобы отомстить Коротовой, – а выход видел только в одном – ожесточить себя, убив человека. Вот так я и оказался в том доме, где совершил преступление, то, что жертвой оказалась именно эта девочка, это просто роковая случайность, на ее месте мог оказаться кто-нибудь другой.

Далее Горбунов подробно, в деталях и достаточно долго описывал, как он совершил убийство Щербининой (допрос его фиксировался на магнитофонную ленту). Слушая его откровения, Коротова сжалась и оцепенела. Она была не только ошарашена услышанным, но и до смерти напугана, до нее наконец-то дошло, кто был возле нее, и, не арестуй мы его, она должна была бы неминуемо стать следующей его жертвой. Мотивы совершения им убийства девочки, не повинной ни в чем ни перед ним, ни перед кем-либо еще, с трудом укладывались в голове.

На следующий день мы выехали на следственный эксперимент – проверку показаний подозреваемого на месте преступления. Горбунов указал место совершения преступления, пояснил, что в поисках жертвы, еще до совершения убийства, познакомился с другой девушкой в том же микрорайоне, зашел к ней в дом (дом он указал при выезде на место) под предлогом поиска жилья. Они посидели и мило поболтали, послушали музыку, он даже продемонстрировал имеющийся у него револьвер системы Нагана. Рассказал, что его разыскивает ми-

лиция. Та девушка ему чем-то даже понравилась, и он «передумал ее убивать». Так жертвой оказалась другая.

Девушка, о которой рассказал Горбунов, некая Боркова, была нами без особого труда найдена и допрошена в качестве свидетеля. Она подтвердила свою встречу с Горбуновым и дополнила, что видела его снова на улице – после того, как стало известно об убийстве школьницы. Шутливо помахала ему рукой и бросила: «Привет, бандит...» – как будто продолжала с ним какую-то веселую детскую игру в прятки. Ей и в голову не пришла мысль, что надо бы сообщить в милицию о странном визите незнакомца, заявившего, что он находится в розыске и имеет при себе боевое оружие, и не скрывавшего своего имени. Зачем себя утруждать?

Последние три месяца Горбунов нигде не работал, и всё это время, образно говоря, сидел на шее у своей тети и ее мужа Германа Ивановича, которые тоже были допрошены по делу. Последний пояснил: «Я как-то однажды поинтересовался, почему он нигде не работает и собирается ли устраиваться на работу. Гена ответил что-то невразумительное, а допытываться я не стал, неудобно...» Безусловно, жить по принципу «моя хата с краю» гораздо удобнее. Такое безразличие окружающих, нежелание обременять себя чем-либо и помогают во многом всякому преступному сброду вершить свои темные дела. К сожалению, с этим в повседневной работе по раскрытию и расследованию тяжких преступлений приходилось сталкиваться довольно часто. И это нередко способствует совершению тяжких преступлений. Может быть, из-за равнодушия, душевной лени людей, проходящих по делу как свидетели, пятнадцатилетняя Валя была обречена на случайную, нелепую гибель...

Между тем нам предстояло найти орудие убийства – нож. Прошла еще неделя допросов и какого-то непонятного и бессмысленного запирательства обвиняемого по этому поводу: не помню, выбросил или потерял. По сути, выдача или невыдача ножа уже ничего не могли изменить в этом деле. Но на очеред-

ном допросе прозошел перелом, и Горбунов «вспомнил» – нож он спрятал на чердаке дома тети, где проживал, и выразил готовность отдать его нам.

Вновь выехали на место его жительства. Прошли во двор дома, где на чердаке должен быть спрятан нож, и видим – туда нужно подниматься по приставной деревянной лестнице. Я поднялся первым, за мной Горбунов, затем Доцяк и двое понятых преклонного возраста.

Оперативник Кряжевских и проводник с огромной кавказской овчаркой остались внизу. Горбунов уверенно прошел в левый угол чердака и стал шарить рукой под бревном перекрытия в насыпанном там шлаке. «Нащупал, – раздался его голос. – Доставать?» И, не дожидаясь ответа, достал нож с длинным и остро заточенным с двух сторон клинком. Держа нож за рукоятку, Горбунов повернулся и подошел почти вплотную ко мне. Лезвие ножа – в нескольких сантиметрах от моего лица. Внутренне я похолодел и проклял дурацкое положение, в котором оказался по собственной неосмотрительности: обвиняемому ничего не стоило, вместо того, чтобы отдать нож, ударить им, а чердак был слишком тесен, чтобы увернуться. Краем глаза я заметил, что Доцяк еще не осознал серьезности ситуации, в которую мы попали, – он даже не расстегнул пальто, под которым у него находилась кобура с оружием.

– Нож сюда, – скомандовал я Горбунову, тот покорно передал его мне. Потом уже, сидя в машине, когда нож, упакованный и опечатанный, лежал на дне моего портфеля, я вновь пережил произошедшее. Конечно, Горбунов не смог бы сбежать, натасканная овчарка догнала бы его и обезвредила, но разве можно было так опрометчиво ставить под угрозу жизнь понятых, Ивана, да и свою тоже? Ведь всё можно было бы сделать иначе и без всякого риска. Да, мы могли сделать всё иначе. А у погибшей Вали Щербининой такой возможности не было...

Нож сразу направили на экспертизы. Эксперты-биологи обнаружили на нем кровь, которая могла принадлежать потерпев-

шей девочке. Судебно-медицинский эксперт пришел к заключению, что ножевые ранения потерпевшей нанесены именно таким ножом. Эксперт-криминалист установил, что данный нож изготовлен самодельным способом по типу кинжалов и является холодным оружием колюще-режущего действия.

В школьной библиотеке был изъят формуляр девочки, из которого следовало, что незадолго до своей гибели она получила книгу «Соседи» и не вернула ее. На допросе Горбунов пояснил, что эту книгу он унес с собой после совершения убийства, прочел ее и сжег, с тем, чтобы не оставлять улику. Он сумел правильно пересказать содержание книги, повествующей о работе милиции. Поэтому с целью проверки его показаний мы решили провести опознание этой книги. Для этого я обратился к директору Пермской областной библиотеки с просьбой выдать экземпляр такой же книги на время проведения следственного действия. Велико было удивление убийцы, когда он среди одинаковых по формату книг сразу же опознал похищенную им книгу «Соседи». В присутствии понятых он взял ее в руки и спросил: «Как вам удалось найти эту книгу, ведь я же ее сжег?»

Провели и опознание Горбуновым собаки, которая находилась во дворе дома потерпевшей и дала возможность убийце

Горбунов опознает соседа убитой им девушки

попасть в дом. Среди трех почти одинаковых собак убийца безошибочно указал на ту, которая беспрепятственно пропустила его на место убийства.

Также в процессе расследования были установлены факты спаивания Горбуновым знакомого ему несовершеннолетнего Мулева и изъят револьвер системы Нагана. Эксперты-баллисты признали наган исправным и пригодным для стрельбы.

Судебно-психиатрической экспертизой обвиняемый был признан вменяемым во время совершения инкриминируемых ему преступлений. Всего Горбунову было предъявлено обвинение по двенадцати статьям Уголовного кодекса (убийство, покушение на убийство, угроза убийством, изготовление и ношение холодного оружия, ношение огнестрельного оружия, кража, разбой, угон автомобиля, уничтожение личного и государственного имущества путем поджога, вовлечение несовершеннолетнего в пьянство). В конце июля 1976 года дело было направлено для рассмотрения в Пермский областной суд. Однако суд усомнился во вменяемости подсудимого и назначил повторную судебно-психиатрическую экспертизу, поручив ее производство экспертам-психиатрам Института судебной психиатрии имени В.П. Сербского в Москве.

Через три месяца дело было возвращено в суд вместе с заключением экспертов, которые пришли к выводу, что Горбунов был невменяем во время совершения всех преступлений, поскольку страдает психическим заболеванием – шизофренией и нуждается в прохождении лечения в больнице специального типа для лиц, совершивших опасные преступления.

При первой же возможности я в суде ознакомился с заключением московских психиатров. Их аргументация не показалась мне убедительной – там, например, имелась ссылка на то, что когда-то подсудимый во сне видел оскаленную волчью морду. Во время следствия, многочасовых допросов Горбунова и выездов с ним по местам совершения преступлений у меня сложилось впечатление, что я имею дело с вполне нормаль-

ным лицом, которое понимало и осознавало, что творит. Но я уже не имел к делу никакого отношения, дело находилось в производстве суда, и мое частное мнение, как лица, не являющегося специалистом в области психиатрии, конечно же, не могло иметь и не имело значения. Суд признал доказанным совершение всех вменяемых Горбунову преступлений и вынес постановление о применении к нему принудительных мер медицинского характера. Горбунов был направлен на излечение в специальную психиатрическую больницу закрытого типа, расположенную в городе Ташкенте, откуда я только что вернулся из командировки...

Прошло почти шесть лет. Я уже работал прокурором-криминалистом областной прокуратуры и занимался в том числе расследованием нераскрытых убийств. 25 марта 1982 года в том же Кировском районе было совершено убийство продавщицы в магазине «Подарки». Преступление было совершено в обеденное время, когда одна из двух работавших там продавщиц вышла пообедать, а вторая продавщица, потерпевшая, осталась, чтобы закрыть магазин на навесной наружный замок. Когда первая продавщица вернулась после обеда к магазину, то обнаружила входную дверь закрытой на чужой замок, вскрыв который, обнаружили труп ее напарницы с множественными ножевыми ранениями на теле.

Получалось, что преступник пришел на дело со своим замком, которым и закрыл входную дверь после совершения убийства и ограбления (была похищена выручка).

Почерк совершенного преступления показался мне знакомым, мне сразу вспомнился Горбунов, который при угоне автомобиля закрыл гараж на принесенный с собой навесной замок. В течение половины дня я наводил справки о своем бывшем подследственном и с удивлением узнал, что он уже давно на свободе и благополучно проживает в поселке Северный Коммунар Сивинского района в квартире у своей матери. Этот населенный пункт находится в ста восьмидесяти кило-

метрах от областного центра. Оказалось, что Горбунов отбыл пару лет в спецбольнице в Ташкенте, а затем его направили для продолжения курса лечения в Пермскую областную психиатрическую больницу. Продержав всего с полгода (нужно было освобождать койко-место), его выпустили на свободу, поставив на психиатрический учет по месту жительства, где по большому счету он никого не интересовал и никому не был нужен. Через своих коллег из областного управления уголовного розыска я попросил срочно дать задание местным оперативникам проверить, где находился Горбунов в день совершения убийства продавщицы, и, если он отсутствовал, задержать его до нашего прибытия. Через несколько часов, к концу рабочего дня, пришел ответ, что 25 марта Горбунов с подругой в поселке отсутствовали ввиду их выезда оттуда. Оба они задержаны и находятся в Сивинском РОВД в ожидании нашего приезда. Не теряя времени, в ночь мы выехали туда. Несмотря на полночь, местные работники уголовного розыска ожидали нас.

Во время своего пребывания в Пермской психиатрической больнице Горбунов познакомился с находящейся там же на излечении девушкой-воровкой, и домой к матери заявился с новоявленной сожительницей. Оба они нигде не работали, употребляли спиртные напитки и сидели на шее у матери. При задержании у Горбунова и его пассии обнаружены были самодельные ножи. Нож, который был обнаружен в кармане одежды Горбунова, – большого размера, изготовлен по типу кинжала, клинок лезвия с двухсторонней заточкой. По своей форме и размеру он очень напоминал нож, которым была убита Валя Щербинина. У его подружки нож такой же формы, но меньшего размера.

Начался допрос. Первой я решил допросить мать Горбунова, которую оперативники тоже доставили в РОВД. Она подтвердила, что 25 марта рано утром сын с подругой куда-то уехали и вернулись только поздно вечером. Жаловалась на них, что бездельничают и бражничают, нигде не работают, она их содержит –

кормит и поит. Таким образом, мать подтвердила, что в день убийства продавщицы они оба отсутствовали в поселке.

Принялись за Горбунова. Он мало чем изменился внешне, только лицо стало несколько отекившим, как у алкоголика. Внутренне я был возмущен явной несправедливостью: убийца на свободе, вновь разгуливает с ножом и пьянствует, а тело убитой им девочки, которая могла бы стать кому-то хорошей женой и доброй матерью, но уже не станет никогда по вине этого подонка, пускай и признанного невменяемым, покоится в могиле на кладбище. Впрочем, несправедливости и несуразности в нашей жизни предостаточно. Взяв изъятый у него нож и, показав его ему, я спросил: «Ты что, опять за старое взялся, мало тебе загубленной жизни девочки?» Он начал говорить, что нож изготовлен им для целей самозащиты, от кого – непонятно. На требование объяснений, где он находился в обеденное время 25 марта, он рассказал, что вместе с подружкой ездил в этот день в город Нытву к ее знакомым, и назвал их фамилии и адреса. (Райцентр Нытва находится на расстоянии семидесяти километров от областного центра, в часе езды на машине – не так уж и далеко от места убийства.) Вечером того же дня они на автобусе вернулись домой. В конце допроса он спросил: «А что, разве с Коротовой что-то случилось?» На его вопрос я не был обязан и не считал нужным отвечать.

Его подружка, девушка невысокого роста, несколько напуганная неожиданным задержанием и ночным допросом, подтвердила, что она и Горбунов ездили в тот день в Нытву, к ее знакомым, и к вечеру вернулись обратно. На вопрос, от кого она собирается защищаться ножом, она ответить не смогла.

Время – пятый час ночи, уже начинал занимать рассвет. Мы связались с дежурным по Нытвенскому РОВД и попросили через пару часов обеспечить нам доставку в отдел милиции для допроса лиц, названных Горбуновым и его подружкой. Необходимо было тщательно проверить алиби этой парочки.

Горбунову надели наручники, вместе с подружкой загрузили его в машину и помчались за сто километров, в Нытву. К нашему приезду расторопные местные коллеги уже доставили всех интересующих нас лиц в РОВД. Были допрошены четверо свидетелей – двое парней и две девушки. Они подтвердили, что Горбунов с подружкой действительно были у них. До полудня мы полностью закончили проверку алиби подозреваемого и установили, что в то время, когда совершалось убийство, Горбунов и его подружка находились еще в Нытве, так что к убийству продавщицы они были непричастны, и мы ихпустили. Глядя на них, освобожденных и выходящих из РОВД, я поймал себя на мысли, что расслабляться не стоит, неизвестно, сколько еще ножей ими будет изготовлено и какое применение этим ножам будет найдено. Но по расследуемому делу они точно не наши «клиенты». Изъятые у них ножи затем были переданы в Сивинский РОВД – для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности за изготовление и ношение холодного оружия без соответствующего разрешения. Я хорошо сознавал, что из-за имеющихся медицинских справок о наличии у них психического заболевания реального наказания они не получат, отделаются в худшем для них случае несколькими месяцами нахождения в стационаре той же областной психиатрической больницы, где их будут бесплатно кормить и поить, а потом отпустят на все четыре стороны, пока они вновь чего-нибудь не совершат. Больше с убийцей Горбуновым жизнь нас не сводила.

Охватывает чувство досады от сознания, что ты бессилен и не можешь ничего изменить в сложившемся порядке. И по прошествии какого-то времени приходит понимание: поступать по закону и поступать по совести (человеческой справедливости) – это далеко не одно и то же...

А убийство продавщицы позже было нами раскрыто: его совершил двадцатичетырехлетний парень, которому нужны были деньги на выпивку.

«Забытый» утюг

1 декабря 1980 года мне позвонил начальник отдела по особо важным делам управления уголовного розыска Пермской области полковник А.М. Петров, и сообщил, что в Горнозаводском районе выставили карточку на нераскрытое убийство гражданина Решанова. Убийство это считалось раскрытым, был арестован убийца – некий Ермаков, но его освободили, следствие по делу приостановили, добавив к концу года еще одно нераскрытое тяжкое преступление. Петров просил меня посмотреть это дело и проверить обоснованность принятия по нему такого решения. Не меньше Петрова заинтересованный в том, чтобы в области не оставалось нераскрытых убийств, я заверил его, что истребую и проверю это уголовное дело. Через пару дней дело лежало на моем столе в кабинете криминалистики прокуратуры области и самым внимательным образом мною изучалось.

Преступление это произошло 14 сентября 1980 года на лестничной площадке третьего этажа второго подъезда дома № 30 по улице Гипроцемента города Горнозаводск, где располагалось общежитие для малосемейных. Потерпевший проживал там с женой в отдельной комнате. Супруга погибшего, молодая женщина, пояснила, что в третьем часу дня в общий коридор секции, где находилась их комната, забрел пьяный парень и, упав на пол, заснул. Через полтора часа пришел муж и вытащил его из коридора на лестничную площадку. Она услышала какой-то разговор между мужем и молодым человеком. Затем расстроенный муж вернулся в комнату и снова выбежал на лестницу. Через пару минут она услышала, как муж закричал «не своим голосом», и выбежала к нему. Увидела на лестничной площадке лежащего на спине мужа, из шеи у него шла кровь. Над ним стоял парень, которого до этого вывели из коридора, и держал в руке нож.

Она закричала, парень убежал. Потерпевшая подробно описала приметы убийцы, и тот через несколько часов по приме-

там был задержан работниками милиции на одной из улиц города. Одежда его была в крови, складной нож в кармане. Задержанный, а им оказался двадцатилетний электрик Ермаков, был арестован. Казалось бы, вот он, убийца, вот кровь на нем, при нем орудие убийства – нож. Однако всё было не так просто, как казалось на первый взгляд. На допросах Ермаков категорически отрицал свою причастность к убийству, заявляя, что находился в это время в пьяной компании в соседнем подъезде того же дома. Одежда его была направлена на судебно-биологическую экспертизу, которая дала заключение, что кровь на одежде подозреваемого – его собственная и не могла принадлежать потерпевшему, у которого была другая группа крови. Районный следователь прокуратуры посчитал недостаточными собранные против Ермакова доказательства, несмотря на опознание его женой убитого, и освободил его из-под стражи, а расследование дела приостановил. Более того, умудрился отдать Ермакову изъятую одежду, которую тот немедленно сжег. Как говорится, спрятал концы в воду. Нож, к счастью, убийце не успели вернуть. Смерть потерпевшего наступила от ножевого ранения в шею с повреждением крупных вен и наружной сонной артерии, сопровождавшимся массивным наружным кровотечением. Помимо этого, на теле потерпевшего были обнаружены два проникающих ножевых ранения в области грудной клетки и плеча – слева.

При изучении дела я обратил внимание на неполное расследование всех его обстоятельств, а проще говоря, пробелы, которые необходимо было восполнить. Так, на голове обвиняемого Ермакова имелась кровоточащая рана, происхождение которой не заинтересовало следствие, не были допрошены все члены компании, в которой якобы находился обвиняемый в то время, когда было совершено убийство.

Из показаний вдовы было непонятно, с какой целью ее муж перед своей гибелью вернулся в комнату с лестничной площадки и зачем пошел туда снова, после чего и был убит.

Тем не менее из материалов дела складывалось впечатление, что убийцей всё-таки является Ермаков, но эту версию нужно было еще раз проверить и подкрепить соответствующими доказательствами.

Поскольку главным свидетелем убийства являлась жена погибшего, которая прямо указала на Ермакова как на убийцу мужа, я решил начать с нее. Поручил оперативникам предварительно навести справки о ее образе жизни и поведении после всего произошедшего. Через несколько дней мне доложили: узнав, что убийца мужа на свободе, вдова всерьез стала опасаться за свою жизнь – в одном частном разговоре с подругой она высказала сожаление, что не всё рассказала на допросе. Поэтому на встрече с вдовой мы построили наш разговор в доброжелательном и участливом ключе, попросив ее еще раз рассказать обо всех известных ей обстоятельствах убийства, ничего не утаивая. При этом разъяснили ей, что мы не меньше, чем она, заинтересованы в том, чтобы преступник, убивший ее любимого человека, понес заслуженное наказание, а не разгуливал на свободе. До сознания женщины мы достучались – она нас поняла и откровенно поведала, что на первом допросе не рассказала об обстоятельстве, которое, по ее мнению, могло бросить тень на мужа. Она пояснила: когда муж вывел Ермакова на лестничную площадку, между ними началась драка, и Ермаков достал нож. Тогда муж забежал в комнату и схватил утюг, с которым выскочил обратно на лестницу и которым ударил парня по голове. У того потекла кровь, но это его не остановило, и она увидела, как убийца нанес удар ножом в шею мужа. Муж упал, она закричала, Ермаков убежал. Выпавший из рук мужа утюг она подобрала и унесла в комнату, но так как на нем была кровь, то купила себе новый утюг, а тот хотела выбросить, но руки до этого не дошли. Женщина пояснила, что убийцей был именно Ермаков и, узнав о его освобождении, она стала опасаться расправы – своего физического устранения как единственного свидетеля преступления.

Сразу же была произведена выемка утюга, на нем действительно имелось пятно бурого цвета, похожее на кровь. Картина произошедшего прояснялась – теперь стало понятно происхождение раны на голове Ермакова, да и кровь на утюге могла быть только его. Назначили две экспертизы: одна – судебно-медицинская – пришла к выводу, что рана на голове обвиняемого могла быть причинена боковой гранью изъятых утюга, вторая – судебно-биологическая – установила, что на утюге имеется кровь человека, совпадающая с группой крови Ермакова. Тем самым мы получили одновременно еще два убедительных доказательства причастности Ермакова к совершению преступления, которые, кроме всего прочего, также полностью подтверждали правдивость показаний вдовы.

Далее мы перешли к компании из соседнего подъезда, в которой Ермаков распивал спиртные напитки в тот роковой день. Вместе с нашим фигурантом там были две девушки и четыре парня, водочная река берегов не знала, в магазин бегали не раз. Почему-то половина участников не были даже допрошены следствием. Всех передопросили заново, правда, одна из девушек, Фролова, успела получить срок за кражу и уже отбывала наказание в колонии (колония эта была расположена прямо в областном центре, поэтому необходимости в ее этапировании не возникло). Свидетели из этой веселой компании пояснили, что в начале третьего часа дня Ермаков, сильно пьяный, уходил куда-то от них, а вернулся в начале пятого с разбитой головой и в крови. Фролова ему умыла лицо – от подтеков крови. Получается, что Ермаков отсутствовал как раз именно в то время, когда совершал убийство. На место убийства он забрел случайно, перепутав подъезды в доме. Цепь доказательств можно было считать замкнувшейся.

Находящийся на свободе Ермаков был вызван повесткой на допрос в прокуратуру области, для того, чтобы исправить это явное недоразумение. Ровно в установленное время он пришел к нам на допрос. Молодой, крепкий физически парень

держался уверенно. Я обратил внимание на то, что он не взял с собой никакой сумки с вещами, хотя бы на всякий случай, что только подчеркивало его излишнюю самонадеянность. На вопрос о происхождении раны на его голове он пояснил, что ударился головой в присутствии Фроловой о спинку кровати. О том, что Фролова нами допрошена и дала другие показания, он не знал. Вернулись к теме совершения убийства. Без обиняков, даже с некоторой долей самоуверенной наглости, не отвечая на вопрос, совершал он его или нет, он заявил, что у нас против него нет достаточных доказательств, и мы не можем ему ничего предъявить. Видно было, что у него имелась чья-то сильная установка на такое поведение, и ни тени раскаяния, ни сожаления о совершенном и о загубленной чужой жизни нет. Пытаться достучаться до его совести было бесполезно, похоже, что она у него либо отсутствовала начисто, либо он обладал совестью первобытного человека, что, впрочем, одно и то же. Задав ему несколько формальных вопросов и оформив протокол, объявили ему, что он арестован (постановление об избрании ему меры пресечения – содержания под стражей – было заблаговременно подготовлено). Он не возмутился и не заявлял о своей невиновности, а просто сказал, что ничего мы не докажем. Вызванный заранее конвой забрал его для доставки в тюрьму. Нам оставалось только, как говорится, подчистить дело перед направлением в суд и провести необходимые очные ставки.

При ознакомлении с актом судебно-медицинского вскрытия трупа Решанова мы обратили внимание на то, что при одном из проникающих ножевых ранений в полости груди, судя по описанию, задеты хрящевые ткани, на них вполне могли оказаться индивидуальные особенности лезвия ножа – в виде трасс.

Нож подозреваемого был в нашем распоряжении, отчего бы было не провести физико-техническую экспертизу на предмет идентификации орудия преступления? Для этого нужно было извлечь из земли погребенное тело и взять у потерпев-

шего образцы хрящевого материала. Ввиду занятости другими делами, я попросил съездить в Горнозаводск и провести эксгумацию трупа вновь назначенного прокурора-криминалиста Александра Дмитриевича Сырвачева, моего коллегу и в прошлом опытного следователя. Сама по себе эксгумация – процедура крайне неприятная: кладбище, могила, извлеченный гроб, потревоженный прах, дурной запах. Но и следственная работа бывает иногда занятием неблагодарным и неприятным. Тут уж ничего не поделаешь. Сырвачев съездил и провел эксгумацию, взял необходимые образцы. Направили их вместе с ножом на экспертизу. Четко отразившихся следов лезвия ножа, пригодных и достаточных для идентификации орудия убийства, эксперты не обнаружили и написали об этом в акте экспертизы. Такое тоже иногда происходит. Лишних доказательств по уголовным делам, особенно данной категории, не бывает.

Был и еще один вопрос, точного ответа на который сначала не имелось: почему на одежде задержанного не оказалось крови потерпевшего? По всем обстоятельствам, хоть в небольшом количестве, но она могла попасть туда. Обратившись к акту экспертизы, выяснили, что эксперт исследовала обильные пятна крови на одежде подозреваемого выборочно – пять образцов, а, по нашему мнению, таких образцов нужно было выбрать для исследования гораздо больше, тогда и результаты могли быть иными. Сделать мы уже ничего не могли – одежда была уничтожена. Кроме того, хотя у потерпевшего и были повреждены важнейшие кровеносные артерии шеи, при этом кровь должна была фонтанировать и, соответственно, сильно разбрызгиваться во все стороны, но, как выяснилось, на нем была надета куртка с воротником-стойкой, который и прикрыл рану, тем самым сильно ограничив разбрызгивание и фонтанирование крови.

Ермаков по-прежнему всё отрицал, хотя не мог не понимать, что вина его доказана материалами дела, с которыми он,

как обвиняемый, ознакомился вместе с адвокатом. На что он надеялся, было непонятно. Дело было направлено в суд, где обвиняемый также продолжал всё отрицать. Несмотря на это, суд счел доказательства его вины достаточными и приговорил его за совершение умышленного убийства на почве ссоры к семи годам лишения свободы. Приговор осужденный безуспешно пытался обжаловать.

Между тем, желая понять, почему Ермаков при явной доказанности его вины продолжал всё бессмысленно отрицать, я обратился с просьбой помочь получить ответ на этот вопрос к коллегам из уголовного розыска. Прошло несколько месяцев, пока приговор вступил в силу и осужденный прибыл в исправительно-трудовую колонию. По прибытии туда, по негласному обычаю колонии, более опытные старшие «товарищи» из заключенных дотошно расспросили его о деле. Он, не скрывая от них ничего, рассказал, как попал за решетку и как было дело, понятно, ничего не отрицая, – это же не на следствии. Когда те выяснили обстоятельства совершенного им убийства, вынесли ему свой вердикт – он самый настоящий дурак, получивший семь лет из-за собственной глупости. Разъяснили ему, что нужно было сразу признавать совершение убийства, но объяснять его как совершенное при превышении пределов необходимой обороны, тогда бы он мог отделаться тремя годами. В пользу этого достаточно было только сослаться на утюг в руке потерпевшего и рану на своей голове. Поинтересовались у него, почему он так не поступил на следствии. Тот объяснил, что после его задержания в дежурной части к нему подошла родственница, которая там работала, и велела ему всё отрицать и ни в чем не признаваться. Сказала ему, что какое-то время придется посидеть в камере, но в конце концов его всё равно отпустят, если он будет продолжать всё отрицать. Он так и сделал. Его выпустили, но вмешалась областная прокуратура, которая провела свое расследование, где он также продолжал всё отрицать.

Оперативники, сообщившие мне об этом, назвали даже имя родственницы Ермакова. Обдумав полученную от них информацию, я пришел к выводу, что в вердикте заключенных была доля истины. Шансы переквалифицировать совершенное преступление на менее тяжкое у Ермакова, несомненно, имелись, но он избрал другой путь, послушав совета лица, незнакомого с материалами следствия и, по-видимому, некомпетентного в этих вопросах. Информация была неофициальная, поэтому никаких действий мы предпринимать не стали, жизнь и так наказала кого нужно, и всё расставила на свои места, подтвердив простую истину, что жить надо своим умом и не совершать преступлений.

А за «козла» ответишь!

В камеру предварительного заключения Нытвенского РОВД ввели задержанного за хулиганство Козлова. Прибывший – крепкий молодой мужчина с простыми и правильными чертами лица – недавно освободился из мест не столь отдаленных, где отбывал очередной срок за хулиганство. Дождавшись, когда конвойный со скрежетом закроет за ним железную дверь, он сразу обратился к обитателям камеры с жестким предупреждением: «Фамилия моя Козлов, но называть меня «козлом» не советую, один меня так уже назвал и сейчас задушенный лежит в лесу. Понятно?»

Сказано это было им строго и внушительно. Напуганные таким вступлением, притихшие сидельцы сразу поняли: этот мужик решительный, слов на ветер бросать не будет. И лишних вопросов задавать ему никто не рискнул.

На следующее утро мне позвонил начальник отдела по особо важным делам управления уголовного розыска УВД области полковник А.М. Петров. Аскольд Маркович был весьма опытным оперативником и вдумчивым аналитиком, раскрывшим

десятки тягчайших и запутанных преступлений. «Василий Александрович! В Нытве мои ребята задержали некоего Козлова, обычного хулигана, но он, похоже, еще кого-то там убил. Однако никакого нераскрытого убийства у нас не зарегистрировано, да и трупа нет. Не могли бы вы пообщаться с задержанным и допросить его? Команду доставить его в областной центр я уже дал. Сегодня к вечеру он будет у нас».

К концу того же дня вместе с Петровым мы уже находились в следственном кабинете изолятора временного содержания. Конвойный ввел задержанного. Козлов оказался общительным молодым мужчиной.

Задача наша была совсем не простой: не показывая своей неосведомленности и не давая ему понять, что нам вообще ничего не известно об убийстве, делать вид, что нам всё известно. Поэтому после дежурных вопросов, связанных с его автобиографическими данными, прямо в лоб спросили его: «Ты зачем человека убил?» Ответ его поразил нас какой-то искренней наивностью: «Да как же, он меня «козлом» назвал, а я ведь в зоне сидел и знаю, что там так называть нельзя, это нехорошо и неправильно. Поэтому я его и задушил ремнем в лесу, пускай не оскорбляет». Мы попросили его рассказать об этом подробнее. С его слов получалось, что он распивал спиртное в лесу в компании с малознакомым Витьком, и тот, узнав его фамилию, оскорбил его, назвав «козлом». Стерпеть такое ему не позволяло лагерное воспитание, и он его убил, накинув ремень на шею и задушив. В содеянном он совершенно не раскаивался, считал, что поступил правильно, по понятиям: «За базар и за «козла» надо отвечать».

Говорить ему, что убивать человека нехорошо и неправильно, что он не в лагере находился, а на свободе, не имело смысла. Судя по всему, он не видел особой разницы в нахождении в зоне и на свободе. Поэтому, записав его показания на магнитофон, мы спросили его, сможет ли он всё, о чем рассказал, показать на месте преступления в порядке проверки его показа-

ний. Не задумываясь ни на секунду, он ответил: «Да, конечно, готов хоть сейчас».

Выход на место убийства с Козловым

На следующее утро наш УАЗ-452, в котором находилась передвижная криминалистическая лаборатория, отмерив добрую сотню километров, доставил нас в лесной массив, где кончалась дорога, и целых три километра нам пришлось идти по лесам и полям пешком. Места красивые, но достаточно глухие и отдаленные. Наконец, мы вышли на край очередного, пятого по счету перелеска, где Козлов пояснил, что это именно и есть то место – здесь он порешил своего обидчика. Мы осмотрелись, и в нескольких метрах, в кустах, обнаружили труп мужчины средних лет, по виду бомжа, с туго затянутой на шее ременной петлей.

Подозреваемый был явно озадачен таким оборотом, по его удивленному лицу читалось, что он полагал, что труп уже нами найден и не должен находиться здесь, а как минимум лежать в покойнице. Впрочем, это его не особо смутило, и он стал объяснять и показывать нам, как и что тут произошло. После осмотра места происшествия тело было отправлено по назначению – в морг.

По роду своей деятельности мы достаточно хорошо знали лагерные порядки. Это совсем другой мир, где свои понятия и обычаи: они не имели порой ничего общего с нормами поведения и морали на воле. Там, действительно, за необоснованное (да и за обоснованное тоже) оскорбление презируемым именем «козел» могли запросто лишиться жизни. Фраза «А за «козла» ответишь» в тех местах была наполнена совсем другим, смертельно опасным для жизни, смыслом и значением. Лагерные привычки и установки, которые, наверное, было бы правильнее назвать «лагерным синдромом», следовало после отсидки за сидельцами на свободу. Они зачастую и на воле продолжали ощущать свою принадлежность к лагерному сообществу и продолжали жить по его понятиям, а не по законам цивилизованного общества. Институты же реабилитации не работали.

Убийство, совершенное Козловым, было раскрыто, и дело было передано для дальнейшего расследования в территориальную прокуратуру. Отправив дело, я вскоре забыл о нем, занятый другими преступлениями. По сути, наша работа по раскрытию и расследованию убийств напоминала больше работу на конвейере: сколько бы мы ни раскрывали убийств, меньше их не становилось, и поэтому гонка за убийцами продолжалась бесконечно. Число отловленных душегубов за год в области исчислялось многими сотнями. Отрадно было только то, что посаженные за решетку, они уже больше никого не могли лишиться жизни на свободе. Бездна наказанности же порождала продолжение убийственной деятельности. Именно ее мы и старались не допустить, и поэтому процент повторных убийств был незначительный. Мы делали всё от нас зависящее для того, чтобы убийцы недолго разгуливали на свободе.

Однако с лагерным понятием «А за «козла» ответишь» мне вскоре вновь пришлось встретиться, и тоже на свободе. Наступил новый, 1981-й, год. Народ встречал и отмечал новогодний праздник несколько дней. Нам же было не до праздников. 2 января вместе с оперативной группой работников уголовного

розыска областного УВД мы уже находились в городе Чусовой, расположенном в полутора сотнях километров от областного центра, на берегу одноименной и живописной реки. Город известен своим металлургическим комбинатом, выпускающим сталь для изготовления рессор, и тем, что, по легенде, один из работников комбината решил свести счеты с жизнью необычным способом – бросившись с мостового крана в ковш с расплавленным металлом. На территории района находились и печально известная колония № 36, где содержались политзаключенные, и гордость отечественного спорта – олимпийская горнолыжная база и трасса, был даже собственный олимпийский чемпион в этом виде спорта.

Сейчас же в городе произошло убийство технического секретаря Чусовского горкома партии Жулановой Светланы – молодой женщины. В ночь на 1 января она с двумя подругами после полуночи, как и многие другие жители, вышла из квартиры прогуляться на улицу. Недалеко от дома они встретили незнакомых парня с девушкой, шедших им навстречу. Парень, проходя, плечом задел Светлану, толкнув. Жуланова возмущенно вскрикнула: «Чего, козел, дороги мало?!» Это были ее последние слова. Парень моментально выхватил нож и ударил ее им прямо в сердце. Смерть наступила мгновенно. Преступник и девушка, бывшая с ним, тут же убежали. Бригаде скорой помощи оставалось только констатировать смерть женщины, а прибывшим одновременно с ними работникам милиции – убийство.

Начался розыск убийцы, занявший двадцать дней. Пришлось опросить сотни граждан, проживающих в микрорайоне, где было совершено преступление, провести множество розыскных мероприятий. Результатом стало задержание преступника, которого так долго искали. Им оказался ранее судимый за разбой и недавно вышедший на свободу двадцатилетний Александр Никонов. Еще раньше мы вычислили его сожительницу – несовершеннолетнюю Светлану Яковлеву, которая была вместе с ним, когда они убежали с места преступления. Та, сама на-

смерть напуганная увиденным, а еще больше тем, что ей приходится по-прежнему проживать под одной крышей с убийцей, не запиралась и подробно рассказала обо всем произошедшем.

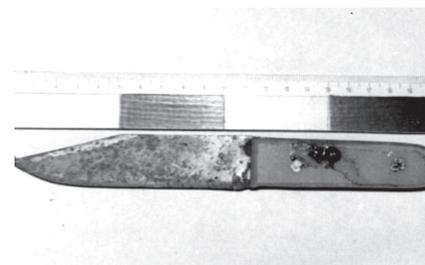
Никонов, понимая, что при таком раскладе отрицать что-либо смысла не имеет, признался в совершении убийства Жулановой, которую не знал и никогда раньше не видел. Объяснил просто: сильно разозлился на потерпевшую за то, что она назвала его «козлом». Посетовал, ведь говорил же сожительнице, чтобы она о произошедшем молчала, да что толку, она только плакала, слушая его, на нее он и не надеялся. «Да и вообще, на баб нечего надеяться». Тут он как в воду смотрел.

Но нам необходимо было найти важное доказательство – орудие преступления, нож. При обыске квартиры, где проживал подозреваемый, мы ножа не обнаружили. На наши вопросы о местонахождении ножа, Никонов ответил, что выбросил его, убегая с места преступления, а место может показать. Его показания нуждались в проверке.

Зимы на Урале снежные, и высота снежного покрова уже была более одного метра, поэтому к выходу на место преступления и поиску ножа мы готовились тщательно. Подготовили необходимую технику: металлоискатель, магнитные подъемники, а самое главное – нам выделили полтора десятка крепких мужчин с большими лопатами для уборки снега. На месте подозреваемый четко и свободно, не упуская даже мелких деталей, и главное, правильно, рассказал об обстоятельствах произошедшего убийства. Всё шло нормально, пока он не указал, куда выбросил нож: за час в указанном им месте весь находящийся там снег был просеян до голой земли – пусто. Молчал и зуммер металлоискателя. Ничего не захватили и магнитные подъемники. Подопечный твердил, что именно здесь его выбросил, но по его глазам было видно, что он что-то не договаривает, хитрит.

Это же уловил находящийся рядом со мной оперуполномоченный убойного отдела М.Г. Поскребышев, обладавший хоро-

шими интуицией и реакцией, столь необходимыми для оперативника. Михаил Геннадьевич наклонился к моему уху и тихо прошептал: «Дайте мне с ним переговорить наедине». Я молча кивнул ему в знак согласия. Он и подозреваемый отошли на несколько метров в сторону и о чем-то шептались между собой и, как мне показалось, препирались. Длилось это пару минут. Понятые и конвой были в недоумении, но я рукой подал им знак оставаться на своих местах. Вернувшись, Никонов заявил, что желает уточнить свои показания, он де вспомнил, где точно находится нож, и попросил проследовать к соседнему пятиэтажному жилому дому, из подвала которого валил пар. Подойдя к месту, где стена дома и прилегающая к ней отмостка образовывали щель, он засунул туда руку и вытащил тот самый искомый нож.

*Нож, которым была убита
Светлана Жуланова*

По возвращении в РОВД был оформлен протокол следственного эксперимента, понятые и участники его подписали. Затем я попросил привести Никонова. Он ознакомился с протоколом и без каких-либо замечаний и лишних слов подписал его. Машинально я обратил внимание, что действия его несколько заторможены, но не придал этому значения. Сразу предъявил ему обвинение в убийстве, он его полностью признал и дал показания. Подписав все необходимые бумаги, я отправил его обратно в камеру.

Моя миссия была выполнена, и, собрав наработанные документы, я передал их тут же молодому следователю местной прокуратуры Александру Зырянову.

Ему предстояло завершить расследование раскрытого убийства и направить дело в суд, который в дальнейшем определил убийце наказание в виде пятнадцати лет лишения свободы.

Между тем, желая узнать, что так положительно повлияло на поведение Никонова при выходе на место преступления, я выбрал момент, когда мы были одни, и спросил об этом у Поскребышева. Тот мне объяснил:

– Знаете, как и вы, я понял, что он финтит и хочет поторговаться, поэтому отвел его в сторону и предложил отдать нож, объяснив, что рано или поздно мы его найдем сами. Тот в ответ: «А что я за это буду иметь?» Я ему: «Стакан водки и пирожок». Тот: «Не верю, обманете». Я ему: «Пермская уголовка никогда не обманывает». Только после этих слов он согласился. Поэтому пока вы составляли документы, я ему прямо в камере поставил полный граненый двухсотграммовый стакан водки и пирожок. Он его залпом выпил, закусил пирожком и задумчиво, криво усмехнувшись, произнес: «Надо же, за стакан водки и пирожок себя продал». А тут и вы его вызвали, подписывать документы.

После этого объяснения мне стало ясно, отчего Никонов был несколько заторможенный, когда подписывал документы: он просто поймал алкогольный кайф и был по-своему доволен заключенной сделкой. Каждая из сторон получила то, что хотела. Как говорили древние греки – договор должен соблюдаться.

Конечно, нож мы бы всё равно нашли, но сколько тонн снега и какую площадь пришлось бы обработать! О количестве затраченного времени и говорить не приходится. Командировка бы затянулась не на один день. А тут – две минуты переговоров находчивого оперативника с подозреваемым. Время в нашем деле порой дороже золота.

Как известно, произошедшее, как и вся матушка-история, не знают сослагательного наклонения, поэтому предугадать, как бы развернулись описанные трагические события, не произнеси потерпевшие ставшего для них смертельным оскорбительного слова «козел», сказать сложно. Можно только предположить, что на два убийства в области могло бы быть меньше. Но что произошло, то произошло. Нам свыше не дано было что-либо изменить, а жаль...

М.В. Лебедев

Два следователя

Крест или памятник на обочине дороги, старый, обветренный, местами тронутый ржавчиной, с почти выцветшей от летней жары и зимних морозов фотографией. Сколько раз, проезжая мимо таких, каждый из нас мысленно задавал себе вопрос: что же могло здесь произойти, кем был человек, чья жизнь оборвалась на этом самом месте, мимо которого, не останавливаясь, вереницей едут машины? Дорога бежит вперед, и мы, сказав про себя: «Наверное, ДТП», забываем об увиденном. Предположение об аварии оказывается верным в 99 из 100 случаев. Но бывает, что подобный памятник таит за собой целую детективную историю – как одинокий крест у лесополосы на повороте к селу Макашевка Воронежской области с трассы Воронеж-Саратов. История, с ним связанная, растянулась почти на два десятилетия и для ее расследования потребовались усилия двух поколений сотрудников следствия.

Шел 1997 год, время расцвета мелкого предпринимательства, или «челночничества», как тогда это называли, особенно в небольших городах. Со всех сторон в Москву стекались люди с большими клетчатými сумками, чтобы набить их дефицитным товаром: импортными шоколадками, жевательными резинками, лентами пакетиков с растворимым кофе, одеждой и многим другим. Всё это можно было выгодно реализовать на рынке в своем городе. Этим и занимался 41-летний житель города Балашова Саратовской области Михаил Уланов¹⁹. Ездил в Москву, покупал товары широкого потребления, в Балашове продавал их на Дмитриевском рынке – в центре местной торговли, а затем снова ехал в Москву. В трудных условиях Михаилу надо было содержать семью – жену и двух маленьких дочек. Иногда удавалось

¹⁹ Все имена и фамилии изменены.

поехать за товаром вместе со знакомым Александром Титовым, тоже предпринимателем, торговавшим на рынке рядом с Михаилом. Титов по рыночным понятиям считался практически богачом – у него была своя автомашина «Газель» с тентованным бортом и водитель Евгений Раков, он же по совместительству продавец. Раков и Титов были друзьями детства, обоим на тот момент было по 25 лет.

Распродав на майских праздничных ярмарках весь товар и подкопив денег – двадцать миллионов рублей, для того времени сумма солидная – Михаил договорился с Титовым вместе поехать в Москву на его «Газели» за товаром. Дату выезда назначили на 14 часов 13 мая. За рулем должен был ехать Раков, Титов и Уланов – в качестве пассажиров.

Михаил Уланов отличался педантичностью, собирался в такие поездки с особой тщательностью, всегда брал с собой калькулятор, чтобы перепроверять московских продавцов, и блокнот для учета своих покупок. Есть в придорожных кафе он не любил, поэтому всегда брал с собой из дома еду на дорогу в Москву и обратно. В назначенный день к двум часам дня Михаил пришел к дому своего коллеги, чтобы отправиться в поездку и никогда больше не вернуться.

Спустя два дня Раков и Титов вернулись в Балашов одни. «Из г. Москвы мой муж не вернулся. Титов и Раков привезли мне его вещи, а именно сумку с продуктами питания. Титов и Раков сообщили мне, что Михаил уехал за товаром на другую базу на автомобиле такси и не вернулся», – рассказала в последующем на допросе в качестве потерпевшей Татьяна Уланова – жена Михаила. История жизненная и вполне могла произойти, но женщина в нее не поверила, на что были веские причины. Кроме продуктов, которые оказались нетронутыми, она обнаружила в сумке мужа калькулятор и блокнот, те самые, без которых Михаил никуда бы не поехал. Всё это говорило об одном – Михаил до Москвы не доехал. В тот же день, 15 мая 1997 года, женщина обратилась с заявлением в местный отдел милиции.

Оперативники тоже не поверили объяснениям друзей-предпринимателей, и 24 июня 1997 года по факту безвестного исчезновения М. Уланова было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Расследование было поручено опытному и грамотному следователю – Юрию Щадину.

Роль следователя Ю. Щадина в этом деле весьма велика, поэтому о его личности следует сказать чуть подробнее. Сын фронтовика, Героя Советского Союза. Его фамилия была многим известна в Балашове. За спиной у самого Юрия была служба в армии, работа на заводе, оконченный с отличием юридический институт, работа в следствии прокуратуры, где на его счету было не одно раскрытое громкое преступление, а затем повышение в должности до прокурора одного из районов области. По семейным обстоятельствам Юрию пришлось вернуться в родной Балашов, на должность старшего следователя. Коллеги уважали Щадина, зная его чрезвычайную принципиальность и въедливость в вопросах службы. Некоторым это не нравилось, а иногда приводило к конфликтам, в том числе с руководством.

Изучив собранный материал, следователь Щадин сразу заподозрил, что Титов и Раков врут. Показания они, конечно, давали схожие: приехали в Москву, пошли за товаром, Михаил Уланов узнал, что на каком-то отдаленном складе можно дешево купить шоколад, и уехал на такси. Сами они простояли почти целый день, ожидая, когда он вернется, но он так и не вернулся. Ждать больше не стали и поехали назад, в Балашов. Объяснить вразумительно, почему осталась нетронутой заготовленная Улановым в дорогу еда и почему он не взял с собой калькулятор и блокнот, они не могли. Осмотр машины с использованием люминола (широко применяемого для обработки операционных химических средств, люминесцирующего при взаимодействии с кровью) тоже не дал никаких результатов. Проверить слова подозреваемых, проведя исследование на полиграфе или запросив данные операторов мобильной связи, было невозможно –

таких устройств просто еще не существовало. Следовательно мог полагаться только на свой ум, логику и внимательность.

Юрий Щадин был настоящим следователем. Уверенный в своих подозрениях, он понимал, что ему нужно на чем-то поймать Титова и Ракова. В ходе допросов он поочередно попросил молодых людей нарисовать схему места, где они ждали пропавшего Уланова в Москве. Местность оба изобразили точно: и пересечение улиц, и дом, и перекресток, и даже светофор, не совпадало только одно – место, где якобы всё это время была припаркована их машина, в которой они ждали Михаила. Вот и появилась зацепка – не запомнить место, где ты просидел в машине почти целый день, при том, что из развлечений максимум – газета, невозможно. Существенные противоречия, сбивчивость и неспособность объяснить факты – этого было достаточно Ю. Щадину, чтобы утвердиться в своих подозрениях. Однако, для ареста подозреваемых этого оказалось мало. Титова и Ракова отпустили.

Возможно, не испугайся тогда не обладавший достаточным опытом исполняющий обязанности прокурора отсутствия прямых доказательств, дело удалось бы раскрыть по горячим следам, даже несмотря на то, что сами Титов и Раков не были непосредственно повинны в смерти Михаила Уланова. Вместо этого подозреваемые получили время, чтобы согласовать все нестыковки, придумать более правдоподобные версии о еде, калькуляторе, ожидании Уланова и многом другом. Следствие по делу было приостановлено. Внимание следователя переключилось на другие текущие дела, которых было немало. Дело о неизвестном исчезновении Михаила Уланова отправилось в архив.

Отдав работе в прокуратуре 25 лет, следователь Юрий Щадин вышел на пенсию и стал заниматься частной юридической практикой. Нехватки в клиентах не было – за годы работы следователем он стал широко известен в городе как умный и грамотный специалист. Одно только не давало ему покоя – нераскрытые уголовные дела, к которым отставные сотрудники следствия и уголовного розыска часто продолжают мысленно возвращаться.

Между тем, времена менялись. Был создан Следственный комитет, и приостановленные уголовные дела были переданы из прокуратуры в новый орган. Спустя 17 лет после исчезновения Михаила Уланова дело снова оказалось на столе – на этот раз у следователя-криминалиста следственного отдела по городу Балашов М.В. Лебедева, недавно назначенного на эту должность. Изучив уголовное дело, следователь-криминалист понял, что его можно считать перспективным в плане раскрытия. О своих мыслях он доложил руководителю отдела, который, внимательно выслушав, через пару дней вызвал его в свой кабинет. В тот день руководитель отдела познакомил его с Юрием Щадиным, которого сам уважал и у которого не стеснялся спросить совета. Увидев в следователе-криминалисте родственную душу – человека, способного завершить расследование и докопаться до истины по делу, старый следователь помог составить план раскрытия преступления. Несколько месяцев ушло у Лебедева и Щадина, чтобы всё проанализировать, провести совещания с сотрудниками уголовного розыска, которые тоже отнеслись к возможности раскрыть такое дело с большим энтузиазмом. По поручению следователя-криминалиста оперативники выяснили, что Раков так и живет в Балашове, а Титов после истории с неизвестным исчезновением Уланова уехал в Саратов. Жизнь обоих не сложилась: Раков перебивался случайными заработками, Титов пережил страшную аварию, в которой погибла его жена и сильно пострадал он сам, и работал водителем маршрутного такси.

Юрий Щадин настоял, что именно Евгений Раков морально слабее своего бывшего друга. Следователь даже был уверен, что тот готов был рассказать что-то тогда, 17 лет назад, но не решился. Возобновление уголовного дела было запланировано как настоящая специальная операция: Ракова вызвали под легендированным предлогом в полицию, оперативные сотрудники начали свою беседу издалека, а затем перешли к теме исчезновения Уланова. Раков от всего отказывался, говорил, что ничего не знает и уже всё рассказал. Так он говорил до того момента, пока

в кабинет не зашел Щадин. Отпираться дальше Раков не стал. Он рассказал, что в тот день, 13 мая 1997 года, он, Титов и Уланов примерно в 14 часов действительно выехали в Москву. С ними поехали двое приятелей Титова – братья Юрий и Владимир Атапины. Титов обещал завезти их в с. Макашевка, расположенное примерно в 20 км от трассы, где они планировали подзаработать, нанимаясь к местным жителям для вскопки огородов, посадки картофеля или других работ. Для этого при себе у них даже были лопаты. Братья сели в кузов машины.

Из допроса подозреваемого Юрия Атапина: «В то время мы с братом в больших количествах употребляли спиртные напитки. По данной причине мы взяли с собой в дорогу 2 бутылки самогона, который мы распивали по дороге... По пути, проехав какое-то расстояние, мы остановились. Мы увидели, что мы повернули с трассы Саратов-Воронеж в сторону с. Макашевка. Титов сказал, что ему нужно справить нужду, после чего мы поедem дальше в с. Макашевка... Мой брат вышел из кузова машины. В это время Михаил Уланов начал возмущаться, что мы остановились, а затем еще поедem в с. Макашевка и поэтому потеряем много времени. Возможно, Уланов сказал что-то обидное в наш с братом адрес... Я в тот момент находился в состоянии алкогольного опьянения, меня это разозлило. Я взял обрез, который находился в машине, так как Титов взял его с собой, вероятно, с целью самообороны. Я вышел из машины и, практически не целясь, выстрелил в Михаила Уланова». Всего преступник сделал в Уланова два выстрела, разрядив оба ствола обреза. «Оказать медицинскую помощь Уланову никто не пытался, так как мы почему-то понимали, что выстрелы были смертельными».

Этот обрез, как было установлено в ходе следствия, был изготовлен Титовым и Раковым из ружья, по случаю приобретенного в одной из деревень у местного старика примерно за год до описываемых событий. Титов боялся нападений и брал обрез с собой, а чтобы его не нашли сотрудники милиции, хранил в кузове автомашины, накрыв старым матрацем. Юрий Атапин хорошо знал, где лежит обрез, так как часто выпивал вместе с Титовым.

Тело Михаила решили унести в лесополосу. Тутгодились лопаты братьев Атапиных. «Копали, насколько я помню, все, только Титов либо не копал, либо копал очень мало. Почему мы все решили скрыть тело Уланова и ничего не сообщать в полицию, я не знаю. Я помню, что копать было очень тяжело, так как земля была твердой и было много корней», – рассказывал Юрий Атапин следователю-криминалисту М.В. Лебедеву. Уланова захоронили. Деньги, которые находились при нем, Атапины, Раков и Титов решили разделить. «Те деньги, которые взяли мы с братом, были немного опачканы кровью», – Юрий Атапин.

Эту лесополосу в ходе следствия по делу пришлось практически перекопать. Следователем-криминалистом М.В. Лебедевым был даже привлечен экскаватор. Тело обнаружить не удалось. Этому может быть несколько причин. Возможно, прошло слишком много времени, а злоумышленники закопали тело всего на глубину около 50 см, поэтому звери могли растащить его. Возможно, на месте захоронения выросли деревья, так как лесополосу двигали во время ремонта дороги. Да и сами Атапины, Титов и Раков не могли точно показать место захоронения, указывая на участок лесополосы длиной около 100 метров.

Оперативники, помогавшие следователю-криминалисту Лебедеву, рассказали, что Титов и Атапины без единого вопроса поехали с ними, стоило лишь напомнить фамилию Уланова, словно все эти годы ждали этого. Владимир Атапин жил в Балашове, его брат сразу после совершенного уехал в Московскую область. Оттуда по поручению Лебедева его доставили в Балашов оперативники. Юрию пришлось рассказать жене перед отъездом о совершенном 17 лет назад убийстве. Для ничего не подозревавшей женщины это был шок. Никакого богатства деньги Михаила Уланова братьям не принесли.

Все участники событий, произошедших 13 мая 1997 года, дали подробные показания, ни от чего не отказывались, понимая, что другого выхода у них просто нет. Спустя почти 20 лет они, переставшие общаться друг с другом, снова встретились, только уже

в кабинете следователя на очных ставках. Показания были проверены судебными экспертизами, допросами свидетелей. Оснований в них сомневаться не было.

Теперь М.В. Лебедеву оставалось выполнить еще одну важную миссию – сообщить родственникам Михаила Уланова об обстоятельствах его смерти и месте захоронения. Когда Татьяну Уланову вызвали в следственный отдел по городу Балашов, она подумала, что это очередной вызов, каких за 17 лет было немало, и она в очередной раз сообщит, что никакими новыми сведениями о судьбе мужа не располагает. В этот раз всё было иначе. М.В. Лебедев рассказал женщине и одной из ее дочерей, пришедшей с ней, всё, что удалось выяснить следствию, а затем отвез их на место, где умер Михаил. Через какое-то время на том месте родственники поставили крест с фотографией и датами рождения и смерти, который виден с дороги. Много же лет потребовалось, чтобы установить судьбу пропавшего человека...

В деле оставалась только одна неразрешенная проблема – преступление было совершено на территории другой области. Пришлось направить уголовное дело в Следственный комитет России для определения подследственности. Отдавать свое дело, да еще такое, не хотелось. Слишком много эмоций было в него вложено. Однако, учитывая огромный объем проделанной работы, а также то, что все фигуранты на тот момент находились в г. Балашове, Первым заместителем Председателя СК РФ дело было оставлено в производстве следственного отдела по г. Балашов.

По делу было принято законное решение, а родственники погибшего, обратившись в суд, взыскали значительную моральную компенсацию. Следователь-криминалист М.В. Лебедев получил за раскрытие этого дела благодарность руководства, но, что важнее, приобрел нового наставника в лице ветерана следствия, который еще многому его научил.

В.М. Самороковский

Последний поцелуй

*Любовь людская так прекрасна,
Но порою и... опасна!*

Мне хочется рассказать об одном имевшем место в действительности уголовном деле, которое хотя и не являлось сложным, но для меня как для эксперта-криминалиста было памятным: впервые мне было предоставлено на исследование такое необычное вещественное доказательство.

Событие, принявшее криминальный характер, произошло довольно давно, но, будучи причастным к его расследованию, попытаюсь хотя бы в основных чертах его воспроизвести.

Скажу сразу, что главными действующими лицами этой истории были три человека – некий И.В. Щукин, его жена И.В. Щукина и его любовница Е.Г. Орлова²⁰.

Долгое время отношения между этой троицей были тихими и спокойными (женщины не были знакомы, а жена даже не догадывалась о сопернице), но в один из дней произошло то, что должно было когда-нибудь произойти, и всё взорвалось!

Главным виновником этого нашумевшего в городе уголовного дела был Иван Васильевич Щукин – мужчина 45 лет, работающий заместителем директора технико-механического завода, член КПСС, характеризующийся со всех сторон положительно. И надо же было указанному гражданину завести шашни на стороне с молодой, симпатичной женщиной, которая страстно влюбилась в него.

А тут ему предстояла внезапная долговременная командировка, о которой он даже не сумел предупредить свою возлюбленную. Жене же, уезжая, сказал, что вернется дней через

²⁰ Фамилии действующих лиц изменены.

десять. Но проходит неделя-другая, а от мужа ни слуху ни духу, хоть в розыск подавай. А еще в большем недоумении его тайная подруга – что случилось с любимым? Где он? Почему не приходит?

Жена, не выдержав ожидания, решила пойти в управление завода и узнать о причине задержки мужа. Подруга же его еще раньше жены приходила в управление по этому же поводу, но, ничего не узнав, тут же написала своему возлюбленному короткое письмо-записку с выражением нежности, верности и любви. А для подтверждения своих чувств оставила на записке след напомаженных губ, поцеловав листок.

Отдав письмо секретарю (та была подругой тоскующей влюбленной женщины), попросила непременно вручить его лично в руки Ивану Васильевичу. Секретарь, бросив письмо на разложенные на столе служебные бумаги, пообещала исполнить просьбу, как только начальник вернется из командировки. Тут же она занялась другими делами, благополучно забыв о письме.

И надо же было случиться такому совпадению – в этот же день к секретарю пришла и жена Щукина, чтобы узнать, не звонил ли Иван Васильевич и когда ожидать его приезда. Ничего толком не узнав, уже уходя, она вдруг увидела на столе лежащий поверх бумаг конверт, адресованный ее мужу. Ничего не говоря, она быстро и незаметно сунула письмо в карман пальто и вышла.

Придя домой, Щукина быстро вскрыла конверт, пробежала глазами написанное и залилась слезами – там были признания в верности и горячей любви любовницы ее мужа. Трудно передать словами чувства обманутой женщины – злость и обида на человека, с которым прожила около двадцати лет...

Прошло еще два дня, и Щукин, ничего не подозревая, вернулся из командировки. Жена встретила его непривычно холодно, уклонилась от поцелуя. «Что случилось, дорогая? Уж не заболела ли ты?» – «Заболела, – резко ответила жена. – На, читай», –

и она протянула ему письмо с оттиском поцелуя. Щукин попытался вначале свести всё к шутке, потом – оправдаться, объясниться... Всё было напрасно, жена заявила, что они расстаются и она подает на развод. Щукин попробовал предложить мировую: наполнил два бокала вином, залпом выпил свой, предложил жене второй наполненный бокал, попытался ее обнять. Но разгневанная женщина оттолкнула руку с бокалом, а заметив на столе кухонный нож, быстро схватила его и пырнула им благоверного в пах.

Щукин стал медленно опускаться на пол кухни, цепляясь за стул. Женщина, испугавшись, позвонила по номеру 02 и прерывающимся от волнения голосом сообщила, что она, кажется, убила мужа. «Срочно приезжайте! Вместе со скорой», – и указала адрес. Через несколько минут и милиция, и врачи уже были на месте. Мужа отвезли в больницу, а жену пригласили на следующий день в милицию для дачи показаний. Было возбуждено уголовное дело по факту причинения телесных повреждений гражданину И.В. Щукину, которое было передано следователю милиции Якубову.

На первом же допросе И.В. Щукина всё подробно рассказала, передала следователю злосчастное письмо. На другой день для дачи показаний была вызвана любовница Щукина – Екатерина Орлова. Не моргнув глазом, молодая женщина сказала, что никакого Щукина она не знает, никакого письма ему не писала и не понимает, в связи с чем ее вызвали на допрос в милицию. Видя ее упорство, следователь предложил Орловой чистый лист бумаги, ручку и попросил переписать текст из газеты, а на другом листе – оставить след губ, которые были густо накрашены помадой. С улыбкой на лице она принялась за дело. Таким образом получив образцы почерка и следы губ женщины, следователь объявил ей о том, что будет назначена криминалистическая экспертиза по этим объектам. «Ни один мускул не дрогнул на ее лице», – говорил потом следователь. Орлова сразу же помчалась к своей подруге-секретарю, устро-

ила ей разнос, требуя объяснить, как ее письмо попало в милицию. Всё выяснив, она решила идти к следователю. Вторая встреча была тяжелой и стыдной. Перед уходом она сказала следователю: «Я, пожалуй, уеду туда, где бы мне ничто не напоминало о моей причастности к случившемуся». Такова предыстория.

...В один из моих рабочих дней к нам в лабораторию (а я работал экспертом-криминалистом в лаборатории судебных экспертиз Минюста) пришел следователь Якубов и принес постановление о назначении экспертизы с необходимыми материалами и, как обычно, с просьбой провести экспертизу побыстрее. «Очень интересное и щекотливое дело», – сказал он, обещая рассказать подробности позже.

Производство экспертизы было поручено мне, как специалисту, занимающемуся исследованием как почерковедческих объектов (почерк, подписи, цифровые записи и др.), так и различного рода следов, попавших в орбиту расследуемого уголовного дела.

Развернув бумаги, я увидел конверт, а в нем рукописное письмо, начинающееся словами: «Дорогой и ненаглядный!..» – а ниже отпечаток губ, оставленный накрашенными губами ярко-красного цвета.

В моей практике, да и в практике других экспертов-трасологов лаборатории, такое было впервые. На других листах с пометкой «Образец» имелся также рукописный текст и такой же отпечаток губ – это были сравнительные материалы для исследования.

С большим интересом я принялся изучать представленные следы губ на письме (вещественном доказательстве) и на листке-образце, вооружившись лупой и микроскопом. Хотелось получить категорический вывод, положительный или отрицательный.

Я сфотографировал отпечатки губ в одном масштабе, несколько увеличив их размер для удобства сравнения. На просма-

триваемых фото были видны мелкие морщинки. Они совпали по расположению, форме, размерам на обоих отпечатках; совпали и общие признаки губ, отобразившиеся в следах. Это подтвердилось и результатом совмещения изготовленных диапозитивов исследуемого отпечатка и отпечатка-образца, оставленного Орловой. В результате сравнительного исследования был сделан вывод, что отпечаток губ на письме и отпечаток-образец оставлены одним и тем же человеком.

Сравнительное исследование показало, что почерк лица, выполнившего рукописный текст письма, и почерк выполненного Орловой текста совпали по общим признакам – степени выработанности, наклону и размерам букв, скорости написания и др. Совпали и частные признаки – особенности отдельных письменных знаков. Результаты экспертизы были отражены в заключении эксперта и специально изготовленной фототаблице. На этом закончилось мое участие в расследовании.

Мне было любопытно проверить, возможно ли по отпечаткам (следам) губ провести идентификацию человека. Озадачивала мысль, насколько губы человека (их поверхность) имеют устойчивые признаки, которые со временем, конечно, изменяются. Проведенная мной криминалистическая экспертиза показала, что идентификация человека по следам губ вполне возможна.

Следователь Якубов свое обещание подробно мне рассказать о результатах расследования выполнил. Ну а что наши герои? Щукин поправился, на суде просил о снисхождении к жене (позже они развелись). Наказание Щукиной было минимальным из возможного, а Орлова с горькими воспоминаниями уехала в другой город. Можно сказать, что каждый остался у разбитого корыта.

Наши авторы

Калиниченко Владимир Иванович

Родился в 1947 г.

В 1971 г. окончил Харьковский юридический институт.

Работал в должности следователя прокуратуры района, прокурора следственного отдела, прокурора-криминалиста прокуратуры Запорожской области. С 1980 г. – следователь, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР.

Уволился в связи с ликвидацией Прокуратуры СССР в 1992 г. с должности первого заместителя начальника отдела оперативного реагирования Управления по расследованию дел особой важности.

Государственный советник юстиции 3-го класса.

Награжден орденом «Знак Почета», медалями «Ветеран прокуратуры», «300 лет первой следственной канцелярии России», «За содействие», а также знаком отличия «Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации».

Скончался в 2022 г.

Кондратов Анатолий Иванович

Родился 16 июня 1949 г. в городе Красный Луч Ворошиловградской области на Украине (ныне Луганская Народная Республика). Окончил Саратовский юридический институт.

В 1977-1984 г. работал старшим следователем и следователем по особо важным делам прокуратуры г. Красный Луч Ворошиловградской области.

В апреле 1982 г. – участник Всесоюзной конференции лучших следователей органов прокуратуры в г. Москве.

В 1984-1992 гг. – старший следователь следственной части, следователь по особо важным делам, старший следователь по особо важным делам Управления по расследованию дел особой важности Прокуратуры Союза ССР.

В 1992-1993 гг. – заместитель начальника отдела оперативно-го реагирования Следственного управления Генеральной прокуратуры РФ.

В 1993-1996 гг. проходил службу в органах внутренних дел в должностях заместителя начальника отдела и начальника отдела специальных операций Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД РФ.

Государственный советник юстиции 3 класса, полковник милиции в отставке.

С 2012 по 2021 г. заместитель председателя Совета региональной общественной организации «Союз ветеранов следствия».

Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации. Награжден медалями СК РФ «За верность служебному долгу», «За заслуги», «За содействие», «За чистоту помыслов и благородство дел», медалями МВД РФ «За заслуги в борьбе с организованной преступностью и терроризмом», «200 лет МВД России».

Дробинин Андрей Владимирович

Родился 21 июня 1961 г. в городе Лабытнанги Тюменской области.

С 1984 г. проходил службу Лабытнангском ГОВД сначала в должности милиционера ППС, затем дознавателем, следователем.

В 1989 г. успешно окончил Свердловский юридический институт им. Р.А. Руденко. По окончании института перешел из органов внутренних дел в органы прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа, где служил до 2008 г. следователем, помощником прокурора, старшим помощником прокурора Ямало-Ненецкого автономного округа.

С 2009 г. по настоящее время – начальник отдела правового и кадрового обеспечения департамента транспорта и дорожного хозяйства Ямало-Ненецкого автономного округа.

Старший советник юстиции. Заслуженный юрист Ямало-Ненецкого автономного округа.

Председатель Общественного Совета следственного управления Следственного комитета России по ЯНАО, заместитель председателя Совета ветеранов прокуратуры Ямала. Член Союза ветеранов следствия. Член Ассоциации юристов России.

Член Союза журналистов Ямала и России, член Союза литераторов Ямала.

Лебедев Максим Васильевич

Родился в 1985 г. в Саратове.

В 2007 г. окончил с отличием Институт прокуратуры Саратовской государственной академии права.

В 2009 г. назначен на должность следователя следственного отдела по г. Энгельс СУ при Прокуратуре России по Саратовской области, затем работал в должности старшего следователя, следователя по особо важным делам следственного отдела по Кировскому району г. Саратова СУ СК России по Саратовской области.

В 2011 г. назначен на должность следователя-криминалиста следственного отдела по г. Балашов. Дальнейшую карьеру продолжил в службе криминалистики СУ СК России по Саратовской области.

С 2022 г. – старший следователь-криминалист отдела криминалистики СУ СК России по Саратовской области, подполковник юстиции.

В свободное от работы время увлекается музыкой. Неоднократно представлял следственное управление по Саратовской области на всероссийских конкурсах, проводимых Следственным комитетом РФ, является их призером. В 2022 г. вместе с сотрудницей управления стал призером Всероссийского фестиваля народного творчества воинов ВС России, других силовых структур, ветеранов войны и военной службы, членов их семей «Катюша-2022».

Никонов Анатолий Александрович

Родился в 1953 г.

В 1974 г. окончил Свердловский юридический институт и по распределению был направлен в Пермскую областную прокуратуру, где работал на должностях следователя районной прокуратуры, старшего следователя и следователя по особо важным делам прокуратуры области, прокурора криминалиста, заместителя начальника следственной части.

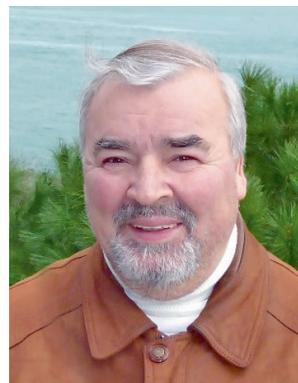
С 1992 г. – начальник службы безопасности коммерческого банка.

С 1995 г. – учредитель и генеральный директор частной охранной организации.

Советник юстиции.

Председатель Совета Пермской краевой общественной организации ветеранов следствия.

Рева Василий Александрович

Родился 14 января 1948 г. в Перми.

В 1973 г. окончил юридический факультет Пермского государственного университета.

С 1969 по 1974 г. работал в должностях следователя прокуратур Оханского, Ильинского районов Пермской области, прокуратуры Дзержинского района г. Перми.

С 1975 по 1976 г. работал в составе следственной группы Прокуратуры Союза ССР в Узбекской ССР.

С 1976 по 1985 г. – старший следователь, прокурор-криминалист, начальник следственной части прокуратуры Пермской области.

С 1985 по 1987 г. – старший следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР.

С 1987 по 1989 г. – старший следователь прокуратуры города Одинцово Московской области.

В 1989 г. – руководитель следственной группы прокуратуры Союза ССР в Армянской ССР.

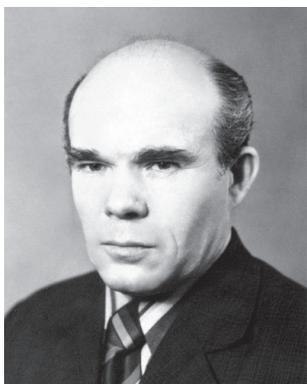
В 1990 г. – старший следователь прокуратуры Московской области.

В 1991 г. – следователь по особо важным делам Прокуратуры Союза ССР.

С 1992 по 1995 г. – начальник отдела Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Старший советник юстиции, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации.

Самороковский Василий Михайлович

Родился 28 июля 1928 г.

Длительное время работал экспертом-криминалистом в отделе почерковедческих экспертиз Воронежской научно-исследовательской лаборатории судебных экспертиз, преподавал криминалистику на юридическом факультете Воронежского государственного университета.

Доцент, кандидат юридических наук.

Ветеран Великой Отечественной войны, имеет ранение.

Пишет стихи и рассказы. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе, проживает в г. Воронеже.

Хмелёва Алла Владимировна

Родилась в 1957 г. в Калининграде.

Окончила юридический факультет Воронежского государственного университета, заочную аспирантуру Всесоюзного НИИ судебных экспертиз.

С 1979 по 1994 г. работала научным сотрудником, руководителем отдела в Воронежском региональном центре судебных экспертиз.

С 1994 по 2007 г. – прокурор-криминалист, старший прокурор-криминалист прокуратуры Воронежской области.

С 2007 по 2014 г. – заместитель руководителя отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета России по Воронежской области.

С 2014 г. – старший преподаватель, заведующая кафедрой криминалистики, директор НИИ криминалистики Московской академии Следственного комитета России.

С 2018 г. – заместитель руководителя управления научно-исследовательской деятельности (НИИ криминалистики) Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, руководитель отдела исследования проблем методик расследования преступлений.

Кандидат юридических наук, полковник юстиции, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации.

Награждена медалями «За безупречную службу» III, II и I степени, «За отличие», «За заслуги» и др.

Оглавление

Предисловие.....	5
<i>А.И. Кондратов</i>	
Жемчужина у моря. Документальная повесть.....	7
Предисловие.....	7
Часть I. Следственная часть.....	11
Новое дело.....	15
Первые знакомства.....	24
«Ах, Одесса, жемчужина у моря».....	35
Компаньоны.....	38
Мина под приговор.....	48
Часть II. Новые впечатления.....	58
Новые обстоятельства.....	67
Зигельман.....	91
Сослуживцы.....	103
Вызов на ковер.....	112
Часть III. Последний этап.....	120
Экзамен на зрелость.....	138
Вишенка на торте.....	157
Реабилитация.....	169
Эпилог.....	180
<i>А.В. Дробинин</i>	
Пропащая экспедиция.....	185
Танцы со смертью.....	204
<i>В.И. Калиниченко</i>	
Гейдар Алиев – Гамбой Мамедов. Схватка.....	227
Дело полковника Зотова.....	254

<i>А.В. Хмельёва</i>	
Семейная банда.....	269
Банда Козбаева.....	273
Два Сергея.....	278
И такое бывает (о казусах в следственной работе).....	288
<i>А.Н. Никонов</i>	
Момент истины.....	293
<i>В.А. Рева</i>	
Попросил займы.....	298
Бенгальский огонь.....	302
Десятое ноября.....	308
Шизофрения.....	316
«Забытый» уют.....	330
А за «козла» ответишь.....	337
<i>М.В. Лебедев</i>	
Два следователя.....	345
<i>В.М. Самороковский</i>	
Последний поцелуй.....	353

Литературно-художественное издание

**Следственный комитет Российской Федерации
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации**

Союз ветеранов следствия

СЛЕДСТВИЕ СКВОЗЬ ГОДЫ...

(воспоминания ветеранов следствия)

Выпуск 3

Подписано в печать: 07.07.2023.
Формат 64х90/16. Гарнитура «PT Serif».
Бумага офсетная. Печ. л. 23.
Тираж 1100 экз.
Издательский Дом «Славянка»